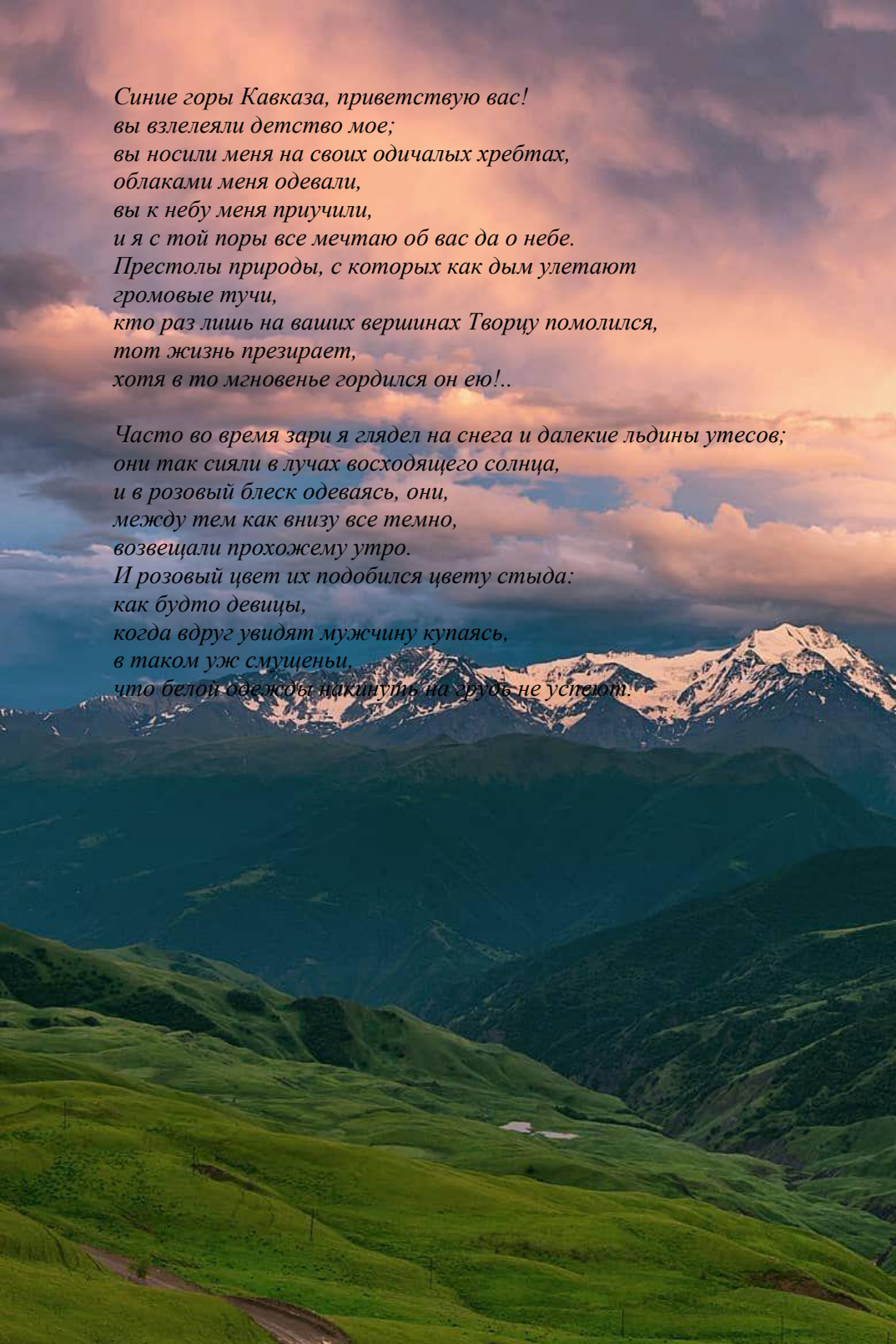
«КТО ТОЛПЕ МОИ РАССКАЖЕТ ДУМЫ?..»

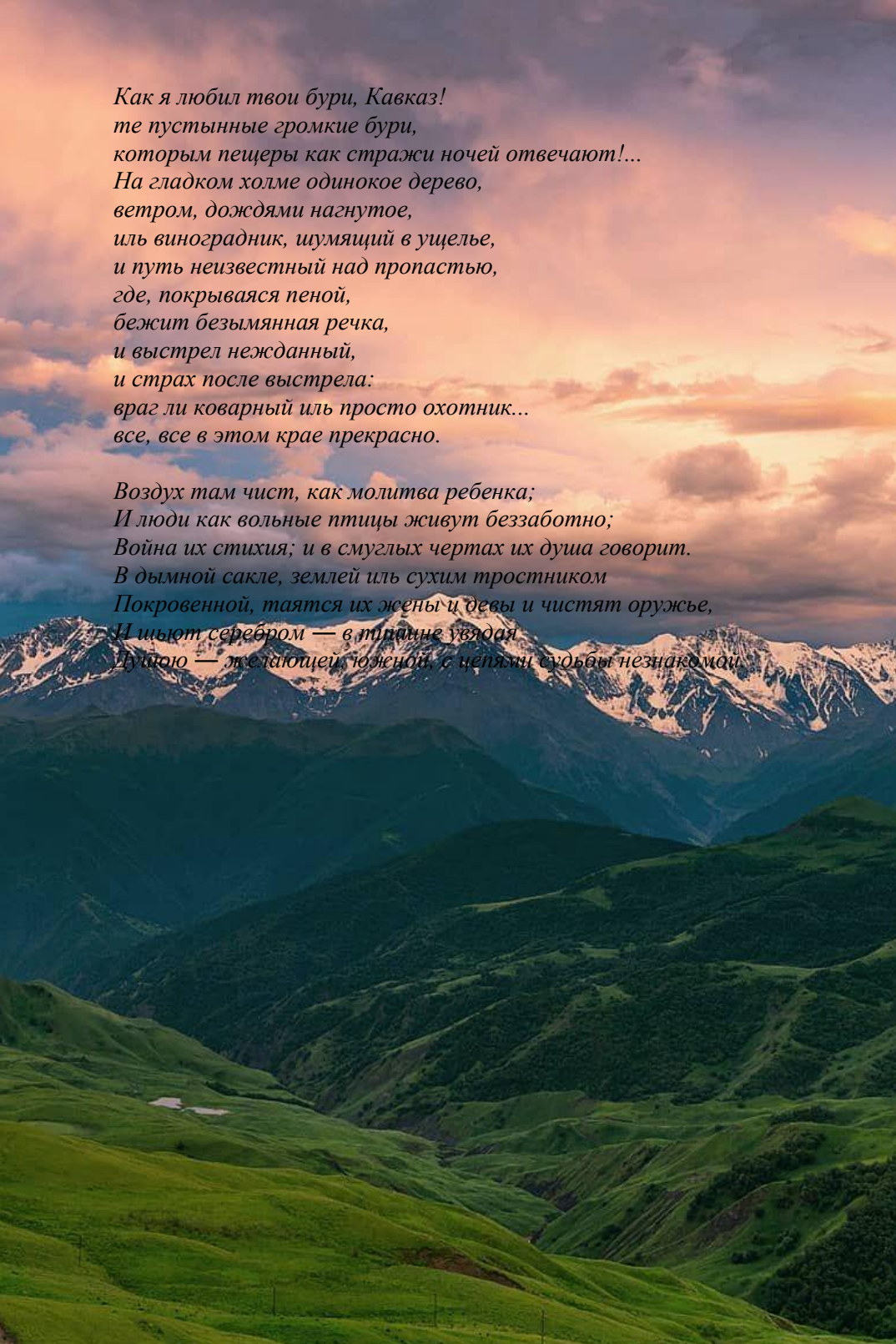
Том 1

ЛЕРМОНТОВ. В НЕПРЕОДОЛИМОМ СТАТУСЕ



Синие горы Кавказа, приветствую вас!
вы взлелеяли детство мое;
вы носили меня на своих одичалых хребтах,
облаками меня одевали,
вы к небу меня приучили,
и я с той поры все мечтаю об вас да о небе.
Престолы природы, с которых как дым улетают
громовые тучи,
кто раз лишь на ваших вершинах Творцу помолился,
тот жизнь презирает,
хотя в то мгновенье гордился он ею!..

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов;
они так сияли в лучах восходящего солнца,
и в розовый блеск одеваясь, они,
между тем как внизу все темно,
возвещали прохожему утро.
И розовый цвет их подобился цвету стыда:
как будто девицы,
когда вдруг увидят мужчину купаясь,
в таком уж смущеньи,
что белой одежды накинуть на грудь не успеют.



Как я любил твои бури, Кавказ!
те пустынные громкие бури,
которым пещеры как стражи ночей отвечают!...
На гладком холме одинокое дерево,
ветром, дождями нагнутое,
иль виноградник, шумящий в ущелье,
и путь неизвестный над пропастью,
где, покрываясь пеной,
бежит безымянная речка,
и выстрел нежданный,
и страх после выстрела:
враг ли коварный иль просто охотник...
все, все в этом крае прекрасно.

Воздух там чист, как молитва ребенка;
И люди как вольные птицы живут беззаботно;
Война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит.
В дымной сакле, землей иль сухим тростником
Покровенной, таятся их жены и девы и чистят оружье,
И шьют серебром — в тканье увядая
Душою — желающей, южной, с цепями судьбы незнакомой.

Светлой памяти
Максима Ивановича Зуева
посвящаю

Безумец я! вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли!

Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать,
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на поэта!
Я обманулся, вижу сам;
Пускай как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя? —
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Все то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить **вновь?**

М. Лермонтов

КТО ТОЛПЕ МОИ РАССКАЖЕТ ДУМЫ?..

ЛЕРМОНТОВ. В НЕПРЕОДОЛИМОМ СТАТУСЕ

Том 1

Автор и составитель М.А. Вахидова

Историко-биографическое
и литературоведческое исследование

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рус)5
К87

автор-составитель М.А. Вахидова

К87 **«Кто толпе мои расскажет думы?..» том 1. Лермонтов. В непреодолимом статусе.** – М.: Издательство «Перо», 2021. – 388 с. — МБ — [Электронное издание].

ISBN 978-5-00189-379-0 (Общ.)
ISBN 978-5-00189-380-6 (Т.1)

Автор и составитель М.А. Вахидова
Историко-биографическое и литературоведческое исследование

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рус)5

ISBN 978-5-00189-379-0 (Общ.)
ISBN 978-5-00189-380-6 (Т.1)

© Вахидова М.А., 2021

К ЧИТАТЕЛЮ

Книга (трехтомник) уникальна по своему содержанию. На ее страницах впервые за всю историю российской науки (а в советской науке это было невозможно вообще) развернуты настоящие научные дискуссии. В 1981 году вышла в свет единственная энциклопедия в литературе — Лермонтовская энциклопедия, вобравшая в себя все известные на то время сведения о жизни и творчестве поэта. Это означало, что о М. Лермонтове ничего нового сказать уже нельзя, при том, что ничего сказано и не было официальной наукой. Прошло десять лет, и советская власть рухнула вместе со своим социалистическим реализмом, пронизавшим все поры советского общества, господствовавшим и в литературе как генеральное направление, отклонение от которого каралось тюрьмами, ссылками, психушками и выдворением из страны. Понятно, что в такое время при тотальной цензуре нельзя было создавать объективную науку.

Однако официальное пушкиноведение, лермонтоведение, толстоведение и т.д., не спешили каяться и избавляться от глянцевых страниц, отшлифованных ими под зорким всевидящим оком советских цензоров. Так Пушкин должен был остаться «Солнцем русской поэзии», другом декабристов, врагом самодержавия, мечтающим о падении рабства и т.д. Такие писатели, как Лермонтов и Толстой, должны были иметь безупречную биографию: быть законного происхождения, богоборцами, врагами царской России, защитниками обездоленных, а Толстой еще и «Зеркалом русской революции»! Ученым позволялось только найти всему этому подтверждение в их творчестве. — Не углубляясь в тексты, в души, не заглядывая им в глаза...

К сожалению, с падением соцреализма наука оказалась не готова достать из тайников припрятанные до лучших времен отклоненные монографии, «зарезанные» диссертации, не сгоревшие рукописи…

Напротив, оставшиеся в живых столпы столпов рьяно охраняют и свои и своих предшественников, учителей, труды от всего нового, объективного, используя старые методы навешивания ярлыков. И — «мистификаторы» не самый обидный среди них. — Антисоветчина каралась законом.

В данном трехтомнике вы станете свидетелями нелицеприятной, порой доходящей до откровенного хамства, дискуссии, которую нужно было когда-то начать. И хорошо, что это произошло. Будем благодарны обеим сторонам уже за то, что в битву они вступили не за земные сиюминутные радости, а за Дух, Слово и Судьбу русского гения, за которые стоит выйти к барьеру. К сожалению, не обошлось без жертвы.

Утешимся тем, что на дуэли, какой бы она не была, гибнут лучшие: Пушкин. Лермонтов. Максим Иванович Зуев.

Светлой памяти которого и посвящен этот труд.

Марьям Вахидова

М. ЛЕРМОНТОВ–ТАЙМИЕВ
или
ТАЙНА РОЖДЕНИЯ ПОЭТА

«Он мстит миру за то, что сам не от мира сего; мстит людям за то, что сам «не совсем человек» ... Звери слышат человеческий запах. Так люди слышат в Лермонтове запах иной породы».

Д. Мережковский.

… За жизнь, за мир, за вечность вам
Я тайны этой не продам!..

М. Лермонтов.
«Исповедь».

«…Он исповедался в своих стихах,
… оставь любопытство толпе и будь заодно с гением!»

А. Пушкин — П. Вяземскому.
О Дж. Байроне.

«Лермонтов и я — не литераторы», — сказал однажды великий писатель Л.Н. Толстой, отдавая себе отчет в том, что он говорит. Однако для непосвященных в тайные мысли писателя фраза нуждается в расшифровке. Если в отношении их автора слова звучат ложной скромностью, то в отношении Лермонтова они просто оскорбительны.

Вряд ли Толстой хотел оскорбить поэта, творчество которого он не просто обожал, но находил в нем много родственного по духу. Не хотел ли великий писатель таким образом дать нам понять, что с Лермонтовым они не столько собратья по перу, сколько братья по несчастью? И искать надо тайну их происхождения в их творчестве, которое большей частью исповедальное!

В данной работе прислушаемся и к Толстому, который, приехав в Чечню, оказался не только в Староюртовском укреплении (или Горячеводском, где у Хастатовых была своя усадьба), но и имел возможность ночи напролет беседовать с Акимом Акимовичем Хастатовым, о чем свидетельствует запись писателя в дневнике: «*3-го дня был у меня Хастатов… Я болтал с ним до поздней ночи о Москве…*».

В этой фразе смущать может только: «*о Москве*». Почему?

Почти до 1838 года А.А. Хастатов находится на Кавказе, где родился, вырос и воюет, будучи офицером Семеновского полка. С 1832 года, почти три года находясь в отставке, живет в Шелкозаводском, в Чечне, в родовой усадьбе, а в 1835 году возвращается в свой полк адъютантом П.И. Петрова, мужа своей сестры Анны. В 1838 и 1839 годах Аким Акимович бывает в Царском Селе и Петербурге у своих родственников Столыпиных, а с Толстым, который сам, едва приехав из Ясной Поляны в Москву, попал на Кавказ, вдруг до поздней ночи говорит о Москве?

А может, о знаменитом к этому времени Лермонтове надо было говорить с автором «Детства», который годом раньше (1852) писал в дневнике, что третий день читает Лермонтова?..

Похоже, и здесь цензура, мягко говоря, пошалила.

В русской литературе нет второго такого поэта или писателя, к наследию которого отнеслись бы столь небрежно, столь безалаберно, как это произошло с Лермонтовым. Не сохранены или уничтожены почти все даты, связанные не только с его биографией и творчеством, но намеренно запутаны даты жизни и смерти его бабушки Е.А. Арсеньевой, примерно обозначены даты, связанные с матерью и с Юрием Петровичем, предметом больших споров сделали дату рождения самого Лермонтова. И это несмотря на то, что любая искаженная цифра в биографии одного из них, приводит к цепной реакции в датах многочисленных домочадцев Столыпиных, Арсеньевых, и Лермонтовых.

Тем не менее, лермонтоведов это никогда не смущало, и они продолжали путаться сами и запутывать других, как будто никому даже сейчас не под силу произвести простые арифметические действия. В отличие от Пушкина и Толстого с их богатым наследием, (личные письма, дневники, воспоминания…) Лермонтов дошел до нас, в основном, в своем творчестве. Несколько сохранившихся писем, больше похожих на записки, противоречивые воспоминания заинтересованных современниц, прозревших постфактум; будто списанные с произведений поэта воспоминания большей части его современников и более подробно представленные в официальных документах последние часы жизни поэта, не вносящие никакой определенности и в этот трагический час поэта.

«*Один единственный человек в русской литературе, до конца не смирившийся», «Каин русской литературы*», — писал о нем Д.С. Мережковский в 1908 году в очерке «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества». Лермонтов и сегодня остается «безусловно, одной из самых

многомерных, сложных, противоречивых фигур в русской литературе», — пишут о нем и в XXI веке.

М.Е. Салтыков-Щедрин, ознакомившись с записками Сушковой, писал, что «*…материалы эти изображают нам Лермонтова-офицера, члена петербургских, московских и кавказских салонов, до которого никому из читателей собственно нет дела. Но о том,* ***какой внутренний процесс,*** (здесь и далее выделено М.В.) *при столь обыденной и даже пошловатой обстановке, произвел Лермонтова-художника — материалы даже не упоминают…*

Не было ли тут какой-нибудь ***китайской стены,*** *которая* ***отделяла поэта*** *от мыслящей среды и держала его в плену между людьми маломысленными, которые были сподручнее потому, что над ними можно было удобно упражнять остроумие? …На все эти вопросы книга, изданная г. Семевским, не дает никакого ответа.*

Поэтому главным материалом для биографии Лермонтова и теперь остаются исключительно его произведения. (Ср. слова Л. Толстого выше. — М.В.*) Это понял немецкий переводчик Лермонтова, Боденштедт:* «*...Недостатки Лермонтова были недостатками всего светского молодого поколения в России; но* ***достоинств его не было ни у кого.*** *Вернейшее изображение его личности все-таки останется нам в его произведениях, где он высказывается вполне таким, каким был...»****.***

«*…Именно поэзия и была искренним отголоском лермонтовских настроений… Поэзия Л. неразрывно связана с его личностью, она в полном смысле поэтическая автобиография…»* — читаем мы и в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

Так давайте вместе и попытаемся прочитать эту поэтическую автобиографию…

О жизни поэта написано немало такими исследователями, как Лонгинов, Вырыпаев, Висковатов, Андроников, Иванова… Лермонтовская энциклопедия (ЛЭ), единственная в своем роде, вобрала в себя вроде бы все, что напоминает нам о поэте и его эпохе, но и она не расставляет не только всех, но вообще точек в его судьбе.

Каждый из вышеназванных исследователей противоречит не только друг другу, но самим себе, внутри одного исследования, когда пытаются объяснить нам семейную трагедию Лермонтовых. Читая их труды, все время задаешься вопросами, на которые никто из них не дает ответа, даже те исследователи, которые собирали сведения о поэте, общаясь непосредственно с его ближайшим окружением: с быв-

шими пансионерами, однокашниками по Юнкерской школе, с родственниками, со старожилами в Тарханах…

В отличие от советских исследователей, Лонгинов, Вырыпаев и Висковатов имели возможность, проверив тут же записи в церковных книгах, восстановить любую интересующую их дату, касающуюся жизни поэта и его близких.

Даты рождения и смерти Е. Арсеньевой, самого поэта, дату венчания его родителей не найти в церковных книгах, чтобы расставить хотя бы в этом вопросе точки, нужно было очень постараться! Но не меньшее недоумение вызывает и другой вопрос: почему никто из семейства Лермонтовых не участвует в споре Арсеньевой с Юрием Петровичем за маленького Михаила? Арсеньевы вообще не вмешиваются...

Все лермонтоведы сходятся на том, что Елизавета Алексеевна с Марией два года не хотела возвращаться в Тарханы. Но, как будто сговорились, никто не уточняет, где была Мария с 15 до 17 лет, пока не вернулась в Тарханы? И могла ли она быть помолвлена с Юрием Петровичем в 1811 году, если вернулась в Тарханы «*в начале 1812 года*»? (Т. Толстая. Гл. 1. Возвращение в Тарханы.) Если бы она эти два года провела в Москве или Петербурге, это не осталось бы незамеченным и всплыло бы в любом источнике (в письмах, дневниках, воспоминаниях…) многочисленной родни Столыпиных и Арсеньевых!

К последним вряд ли Елизавета Алексеевна могла эти два года вообще показываться, поскольку их сын и брат — ее муж, отравился по ее вине, их снохи.

Не понятно, почему Арсеньева, отсудившая даже наследство Марии по отцу, не доехав до Тархан, куда она возвращалась после двухлетнего отсутствия, привозит дочь домой уже помолвленной с сыном своей знакомой Анны Лермонтовой, с которым Мария впервые встретилась здесь же, в доме Арсеньевых, и затем играет богатую свадьбу дочери с обнищавшим Юрием Петровичем?

Не логично для Арсеньевой, которая никогда — ни до, ни после этого — не была в проигрыше. При всей своей ушлости Арсеньева не могла, грубо говоря, прошляпить свое состояние, согласившись выдать единственную свою наследницу за бедного Юрия, если бы это не было продиктовано в первую очередь ее интересами.

Поэт, якобы в память о Михаиле Васильевиче, получил свое имя. Традиция Лермонтовых, длившаяся десятилетиями, оборвалась на Юрии Петровиче так легко и, если верить Т. Толстой, за погашение тещей какого-то его ничтожного карточного долга?..

В этой статье попытаемся ответить на все эти и другие вопросы.

И начнем с самой главной для нас даты — с 1810 года, когда Арсеньева вместе с дочерью покинула Тарханы.

Поскольку Кавказ и судьба поэта — понятия неразделимые, давайте посмотрим, что в это время происходило на Кавказе. Уже год как нет в живых генерал-майора Акима Васильевича Хастатова, умершего в возрасте 53 лет, оставив свою 34-летнюю супругу вдовой. Могла ли Елизавета Алексеевна, овдовевшая в следующем, 1810 году, в свои 36 лет, не поехать к сестре, с которой ее объединяло такое горе? Будучи абсолютно свободной, имея море времени на путешествия, могла ли Арсеньева сидеть в праздных столицах и таскаться с 15-летней дочерью по балам, когда в далеком Шелкозаводске на Тереке с тремя маленькими детьми на руках ее сестра, как никто другой и как никогда именно сейчас, была близка ей по духу! Не могла.

И об этом следующая информация.

В ЛЭ в справке о Марии Акимовне Шан-Гирей (урожд. Хастатовой) узнаем, что оказывается, она «***была дружна с М.М.*** *Лермонтовой, которой принадлежат девять записей в альбоме Марии Акимовны, и, возможно,* ***с ней воспитывалась***».

Но! «Девять записей» в 1814 году — конечно, явное преувеличение: летом этого года 19-летняя Мария Лермонтова выезжает, как принято считать, из Тархан в Москву, где должен, якобы, родиться ее сын, а из Питера, (а не из Москвы!) 15-летнюю Марию Хастатову «*досрочно*» забирают из института и увозят на Кавказ.

Посмотрим, когда они могли «***воспитываться***» вместе, если между сестрами четыре года разницы, а это в их возрасте очень существенно. В 1810 году, когда Марии Арсеньевой шел 15-й год, Хастатовой не было и 11-ти. Это еще более разительно даже чисто визуально. Если в той же энциклопедии о Марии Лермонтовой сказано, что она «***воспитывалась дома***», т. е. в Тарханах, а Мария Хастатова «*воспитание получила в дворянском институте в Петербурге*», то методом исключения вычислим годы, когда сестры могли оказаться одновременно в одном месте?

В ЛЭ о Марии Хастатовой есть запись: «*в 1814 досрочно взята родными из института*». (С. 618) Если досрочно, значит, она успела отучиться какое-то время! В каком именно дворянском институте и какое время Мария воспитывалась не уточняется, но можно допустить, что, как дочь покойного генерал-майора русской армии, очень состоятельного, но не имевшего отношения к российскому дворянству (разве что по линии жены), Марию могли принять только в Патриотический

институт (учрежденный Женским патриотическим обществом в 1813 году!) и, выходит, только на 14-м году жизни. Тогда понятно, почему мать досрочно забирает свою дочь из этого нового института. Как и во всех петербургских институтах для девочек, здесь царил жесточайший режим.

Воспитанная в Чечне в абсолютной свободе, даже без светских условностей, ограничивавших свободу ее столичных сверстниц дворянским этикетом, что тоже примиряет постепенно с жесткой дисциплиной, Мария не смогла бы выдержать никакой диктат над своей личностью. Известна еще одна дата: в 1816 году Мария Акимовна уже замужем и до 1825 года жила «*в семье своей матери, в Шелкозаводске и Горячеводске*». (ЛЭ, с. 618)

Получается, что сестры могли воспитываться вместе только в 1810-1811 годах, когда Арсеньева могла привезти свою дочь на Кавказ к своей сестре Екатерине!!! Тогда понятно, почему альбом завела девочка Мария Хастатова, подражая взрослым, а записи в нем делает девушка Мария Арсеньева, у которой он и остался до конца ее жизни. Это «*в настоящее время установлено, что альбом принадлежал не матери поэта, а М.А. Шан-Гирей*», — уточняет очередная сноска, (ЛЭ, с. 242) ставшая неотъемлемой частью биографии поэта.

Получается, что сын М.А. Шан-Гирей видел этот альбом только один раз и то, спустя целую жизнь! А сама М.А. Шан-Гирей, которая на четыре года переживет поэта, еще в 17-м году (в год смерти матери Михаила) не вернула себе то, что принадлежало ей. Или в 1841 году. Что помешало ей вернуть свою собственность?

Не потому ли она больше не интересовалась своим альбомом, что еще ребенком подарила его своей двоюродной сестре?

«*М.Ю. шел третий год, когда умерла его мать. Он смутно, но помнил ее. Альбом и дневники матери он всегда носил с собой. Дневники матери Лермонтова разыскать я не мог»*, — пишет Висковатов. И тут же отсылает нас к сноске: «*из рассказов А.П. Шан-Гирея: альбом (!) этот мне случилось видеть в 1880 году уже сильно потертым. Приобрести мне его не удалось, но он описан г. Рыбкиным в «историческом вестнике» за 1881 год*. (т. V1, стр. 374)».

«*Альбом матери он всегда возил с собою и еще 11-летним мальчиком на Кавказе вносил в него свои рисунки.* ***Неразлучен*** *(!!! – М.В.) с ним был* ***и дневник*** *матери*», — вторят все биографы поэта.

Но кто видел этот дневник последним и почему бабушка не побоялась отдать его внуку еще в том возрасте, когда реакция на него мальчика могла оказаться непредсказуемой?!

Не хотела ли Арсеньева раз и навсегда порвать узы, связывавшие его с Юрием Петровичем, но уже руками внука, который должен был знать, что этот дяденька чужой ему человек? К записям в дневнике матери мы еще вернемся, а пока запомним, что, прочитав этот дневник, Лермонтов, был «*ошеломлен*» и даже снова перестал ходить, слег!.. Какая информация о матери могла так основательно расстроить психику ребенка? И, в связи с этим, не намеренно ли был уничтожен дневник Марии Михайловны, которая последние два-три года перед смертью, живя в полном одиночестве, могла быть предельно откровенна со своим единственным молчаливым другом? И не сам ли Михаил Лермонтов, почувствовав дыхание смерти, перед последней дуэлью уничтожил этот дневник, дабы оградить память матери от пересудов в обществе? Чуть ниже попытаемся ответить и на эти вопросы. Тем более что интерес к его семье был особый, если верить бывшему юнкеру А.Ф. Тирану: «…*Замечательно, что* ***никто не слышал от него ничего*** *про его отца и мать. Стороной мы знали, что отец его был пьяница, спившийся с кругу, и игрок, а история матери — целый роман*…» («Из записок», с. 149).

«*…Однажды, возвратившись домой, — пишет Т. Толстая, — он сказал, что озяб и никак не может согреться. Его уложили в постель, поили лекарствами, отварами... Потом он стал бредить... Оказывается,* ***он знал все.*** *Знал, как умерла его мать, как отец воевал с бабушкой. Мальчик быстро говорил и напевал, радуясь, что вспомнил ту песню, которую он так давно желал вспомнить…*»

Мало ли ссорятся родители? Почему такая тяжелая реакция у мальчика? С кем встретился Михаил во время прогулки? Кто и что мог ему поведать о его матери, чтобы вызвать такую болезненную реакцию? Или он уединился где-нибудь за пределами дома и впервые засел за дневники матери?

«*…В появившийся сыпи узнали корь. Мальчика спасли от смерти, но он опять перестал ходить. Долго оставался мальчик в самом жалком положении... Но... он выучился думать. Воображение стало для него новой игрушкой». Начиналась весна... Мальчика выносили на улицу в сидейке… К осени мальчик начал вставать... Он только что сменил молочные зубы на постоянные*». (Т. Толстая)

Обратим внимание на последнюю деталь. — У кого есть дети, тот мог сам наблюдать, когда заканчивается процесс смены молочных зубов на постоянные. У моей младшей дочери в 9 лет и 10 месяцев еще менялись зубы. У старшей все зубы поменялись тоже к 10 годам.

Не раньше! И кто сказал, что корь дает такие осложнения?

«*Теперь, когда он свободно читал по-французски, Миша принялся читать альбом своей матери, — пишет Т. Толстая, — Стихи ему нравились. Мальчик стал разбираться, кто и кому их посвящал. Над этим можно было задуматься, потому что многие стихи были без подписи и посвящения*». **—** Почему? Разве она собиралась кого-то посвящать в свои личные записи? И кто первым и на каком основании признал ее стихи посвященными Юрию Петровичу?

«*Миша расспрашивал бабушку, но не на все вопросы она могла ответить. Потом мальчик принялся читать дневник своей матери; многие страницы дневника были написаны по-французски.* ***Это чтение ошеломило*** *его*», — заканчивает Т. Толстая, не считая нужным объяснить хотя бы это недетское и очень сильное чувство! Что и почему могло «***ошеломить***» мальчика?.. Но! Если идти по нашей версии, то лучшего слова не подобрать! Запомним это.

«*Миша все-таки задал несколько вопросов бабушке, но она, подивившись тому, чем заняты его мысли, не сумела ответить… Поговорить с отцом? Но на некоторых страницах Мария Михайловна ясно адресовала упреки… Юрию Петровичу, (он) мог отобрать у сына заветную тетрадь, чтобы навсегда похоронить семейные тайны*», — продолжает ровно повествование писательница, не считая нужным хоть как-то прокомментировать эту бурю чувств, которую ребенок сейчас переживает. Ведь чуть раньше, в бреду, Миша все уже озвучил о семейных скандалах. Значит, для него это уже не новость и тем более не тайна. Ошеломить его это уже не могло. Какие такие страшные «***семейные тайны***» узнал Миша?

Не решившись посвятить и Юрия Петровича в тайны матери, «*мальчик читал дневник в одиночестве, с болью вникая в смысл фраз…*», — подытоживает Толстая. Не этим ли детским потрясением объясняется, почему «исстрадавшийся» по отцу взрослый юноша так и не напишет портрет Юрия Петровича?

Был ли он родным ему человеком?

Как бы художественно не обыгрывала Т. Толстая факты из биографии Лермонтова, факты остаются фактами, поскольку они путешествуют по всем исследованиям других биографов и воспоминаниям современников и родственников поэта. Рассмотрим один из них.

Побывав, после долгих уговоров бабушки, на могиле своей матери, Михаил, вернувшись домой, попросил разрешения посмотреть ее альбом... В этот день он, якобы, нарисовал на листочке голубой бумаги то, что запомнил на могиле матери. Шестилетний ребенок вряд ли так среагировал, поскольку матери он лишился в бессознательном возрас-

те. А если ему в 1817 году шел шестой год, а не третий? Тогда понятно, почему он помнит ее и даже не забыл ее песню!

«Бабушка заплакала, — продолжает автор, — и написала число: ***«19 декабря 1820 г.»***. (Мальчику 11 лет! – М.В.) *Приклеили его на последнюю страницу в альбом, в нем было около ста страниц. В альбоме был приклеен небольшой круглый кусок* ***березовой коры****. Арсеньева долго его рассматривала, но так и не поняла, зачем он здесь*».

Собиралась ли Мария бежать из дома? С сыном. Тогда это означало бы прощание с родиной, как с березовым краем. Какое другое серьезное объяснение этому может быть? А Мария была серьезной девушкой и женщиной. Но для непосвященных в желание автора дневника это действительно непонятно. В дневнике были стихотворения, которые приведем ниже, и запись по-французски: «*Вы пишите потому, что хотите писать. Для вас это забава, развлечение. Но я, крепко любящая вас, пишу только для того, чтобы сказать вам о своей любви. Я люблю вас. Эти слова стоят поэмы, когда сердце диктует их...»* (Т. Толстая). Вряд ли эти слова написаны в адрес Юрия Петровича, т. к. они даже не успели полюбить друг друга: едва поженились, он к ней остыл! А знали друг друга до помолвки всего две недели! И еще: «*Верно то, что я тебя люблю, и люблю крепко*» ... Было ли это обращение к Юрию Петровичу? В этом случае теща отдала бы этот дневник своему зятю, но она-то знает, (как никто другой!) кто был единственной любовью ее дочери, и что она не смирилась, вступив в брак с Юрием Петровичем. Зачем надо было ей отдавать личный дневник дочери человеку, оставшемуся для нее чужим?

Небольшая деталь: Висковатов утверждает, что «*альбом и дневники матери он* (Михаил — М.В.) *всегда носил с собой*». Только почему-то, в отличие от Т. Толстой, во множественном числе говорится о дневнике, а не об альбоме.

Если Михаилу «*шел третий год, когда умерла его мать*», можно ли верить, что малыш понимал, что он не спускает с рук? Да и вряд ли могла бабушка отдать несмышленышу, не умеющему читать, самое дорогое, что осталось у нее на память о дочери? На 24 февраля ему только два года и пять месяцев от роду. Другое дело, когда в октябре 1817 года мальчику исполнилось шесть лет!

Вернемся на Кавказ, и в частности, в Чечню. Здесь ничего не изменилось: «вечная война» (определение генерала Михаила Орлова) породила только новые имена с той и другой стороны. В начале 1810 года управляющий Грузией генерал Тормасов в письме есаулу Черному

предлагает сделать попытку подкупить чеченских старшин и духовенство, пообещав им соответственно 250 и 150 руб., собрав эти деньги с чеченских селений.

Из всех чеченцев, которыми интересовалась царская администрация, нас интересует один человек, судьба которого роковым образом переплелась с судьбой великого русского поэта, которого не кто-нибудь, а именно Д. Мережковский, всю жизнь занимавшийся поисками высшей истины, назвал Каином русской литературы! Сама же русская литература, надо полагать, есть несчастный Авель, ставший жертвой Каина, по библейскому сюжету. Данное исследование есть, можно сказать, подтверждение этого емкого и очень точного определения мыслителя, каковым был Мережковский.

Итак. Летом Бейбулат Таймиев с отрядом «*в 600 человек совершает очередной набег*[1] *на русскую линию*», в котором будет ранен. Сохранились официальные свидетельства, что целый год с января по декабрь 1810 года Бейбулат Таймиев с незначительными партиями нападает на русские гарнизоны. Что могло произойти в жизни 30-летнего Бейбулата, чтобы он уже в начале следующего, 1811 года, согласился перейти на сторону своих врагов? (К этому времени в его послужном списке самые громкие дела: 1802 год у села Порабочевского (Парабоч, имение Хастатова, сохранившееся до наших дней с 1760 года) взят в плен полковник И.П. Дельпоццо, которого выкупят у него только спустя два года (а ныне, в 1810 году, он генерал-майор и комендант Владикавказа); после кровавого сражения в 1805 году у входа в Ханкальское ущелье и карательной экспедиции генерала Глазенапа в Большую Чечню в 1806 году, повлекших за собой в течение следующего года объединение всех чеченских и дагестанских сил, против которых был брошен генерал Булгаков с 10-тысячным карательным отрядом (12 февраля-18 марта), Бейбулат Таймиев перешел на сторону русских и поступил на службу в царскую армию в чине подпоручика с годовым жалованием в 250 рублей. Однако уже в январе 1808 года он возвращается в горы и совершает оттуда дерзкие набеги на казачьи кардоны в течение следующих двух лет.) И вдруг все для него меняется. Он становится мирным без всякого видимого на то основания, поскольку таких кровопролитных карательных экспедиций за это время не предпринималось, после которых чеченцы обычно брали передышку, идя

[1] Лексика, закрепившаяся в официальных источниках со времен российской империи. В условиях войны чеченцы, вытесняемые русскими войсками в горы, пытались вернуть свои захваченные земли, совершая на равнине партизанские рейды в тыл врага. — М.В.

на мнимые уступки. Что заставило на этот раз Бейбулата прийти во вражеский стан?

В январе 1811 года генерал-майор Дельпоццо в рапорте Тормасову выражал удовлетворение сложившейся благоприятной обстановкой в области экономических взаимосвязей чеченцев и ингушей с кордонной линией. По этому поводу 19 января 1811 года указанный генерал писал главнокомандующему на Кавказе о «*кабардинцах, осетинцах, кумыках и мирных чеченцах, которые гораздо более имеют желания привозить свои продукты в наши границы и продавать оные по сходным ценам сами... Да и нам выгоднее покупать, — продолжал владикавказский комендант, — мед, воск, лошадей, рогатого скота, баранов, звериных шкур, глиняной посуды, скотских кож, сала говяжьего и бараньего, леса бревнами и дровами, сукна собственного их рукоделия, шерсти бараньей и деревянных разных изделий» из первых рук, а не из рук перекупщиков*». (Л. Колосов. Славный Бейбулат.)

Меновые дворы были открыты на кардонной линии незадолго до перехода Бейбулата на сторону русских. Бейбулат, как известно, был сыном колесного мастера, для которого наступили благоприятные времена. «*...От чеченцев и горцев вообще приходит множество мастеровых людей, которые проживают в наших границах, в городах и селениях по целому лету и да-же круглый год, как то серебряки, слесаря, кузнецы, сидельники и прочие... Что касается народных масс, то они сами, по своей воле, устанавливали добрые, взаимовыгодные отношения...*», — пишет Л. Колосов в своей книге.

Мог ли отец Бейбулата — колесных дел мастер — не думать о рынке сбыта для своей продукции, поскольку в Чечне нет и не могло быть в условиях войны той покупательной способности и того спроса, какие были по другую сторону Кардонной линии? И мог ли он не знать армянина Хастатова, через территорию которого он непременно должен был бы возить свой товар? Могли ли русские не знать о торговых связях Хастатова с чеченцами? Могли ли они не воспользоваться генералом Хастатовым, чтобы попытаться через него усмирить мятежного сына мастера колесных дел, если даже (уже после смерти генерала) обратились с подобной просьбой к такому негодяю, как есаул Черный? Ни один русский или кто другой не мог быть хозяином на территории армянина Хастатова, власть которого не ограничивалась только приграничным имением в Порабочевском.

Петербургский чиновник Н.Ф. Туровский (учившийся с Лермонтовым в одно время в пансионе) писал в своем «Дневнике поездки по России в 1841 году»: «*Армяне господствуют в Пятигорске; вся внут-*

ренняя торговля в их руках: армянин и в лавках, и в гостинице, и в мастерских. Но главное их занятие — серебряные изделия с чернью, както: обделка седел, палок, трубок, колец, наперстков и пр.; все это чрезвычайно дорого… Жизненные припасы дешевы до крайности; их поставляют колонисты и мирные черкесы из соседних аулов…».

Это свидетельство не только не исключает того, что отец Бейбулата и Хастатов могли быть кунаками, но прямо указывает на то, что для этого сложились самые благоприятные условия!

«*…Еще в 1793 году, в период своего первого пребывания на Кавказе, Гудович выдвинул идею создания меновых дворов. Позже эта идея была поддержана князем Цициановым. Однако меновые дворы появились на Северном Кавказе только в 1810 году, причем царские чиновники рассматривали их как «учреждения* ***политические***». — Пишет Л. Колосов. Именно в 1810 году и появляется, по нашей версии, по ту сторону Кардонной линии 15-летняя Мария Лермонтова.

Несмотря на то, что Мария Михайловна была в два раза моложе Бейбулата, они в этих семьях относились к одному поколению — поколению детей! Хастатов был на 19 лет старше своей жены Екатерины, которая в свою очередь была старше Бейбулата только на три года. Но на Кавказе, где почти норма иметь очень молодую супругу, отношение к молодой хозяйке столь же почтительное, как и к хозяину дома, что сполна могла ощутить на себе Екатерина Хастатова, ставшая после смерти мужа единовластной хозяйкой всего его огромного состояния, которое она отсудила у его братьев и многочисленной родни.

Но на Кавказе существует еще один неписанный закон: после смерти одного из кунаков, другой берет на себя дружескую опеку и заботу над его семьей, а значит, Таймиевы могли поддерживать отношения с Хастатовой-Столыпиной, оставшейся с малолетними детьми на руках. Только исключительные обстоятельства могли им помешать в этом.

В соответствии с предписанием Тормасова Мусину-Пушкину от февраля 1811 года предлагалось учредить меновые торги в шести пунктах, в том числе для «*мирных*» чеченцев в Науре, а «*для горных, независимых, — в Лашурине (В Нижнем Науре?) на основе карантина. Причем были отменены пошлины...*». (Л. Колосов).

В рапортах военные стараются смягчить важность происходящего в Чечне, хотят представить вылазки партизан «*шалостями» «удальцов*», будто замирили всю Чечню, и усмиряют единицы.

7 марта 1811 года в «*секретном письме Тормасова к Чернову (Черному – вар.) подчеркивалась «желательность склонить его (Бейбулата) в нашу пользу», обещая «вернуть чин и жалование» в случае, ес-*

ли он «вновь обратится к обязанности своей, сделается покорным, в чем даст присягу». Генерал просил уговорить Таймиева приехать к нему в Тифлис». (Л. Колосов).

Тормасов обещает вернуть Бейбулату то, чего он был лишен после его возвращения в горы еще при главнокомандующем Гудовиче в 1908 году. А это значит, что в то время переговоры с Бейбулатом могли вести в первую очередь через Хастатова и на его территории. В противном случае, это могло быть им расценено как граничащее с личным оскорблением грубое игнорирование его как хозяина данной территории!

«*Тормасов писал, что «уверил Бейбулата Таймиева... что если он оставит все шалости и обратится к обязанности своей, то все ему будет возвращено, а между тем, — добавлял Тормасов, — удержу его здесь у себя. Вам же поручаю через благонадежного человека, которого вы употребите к окончанию Чеченского дела, уведомить прочих чеченских старшин, что Бейбулат получит все то, что желает, потому что искренне расположил себя на услугу Государю Императору, и что я назначил ему здесь пристойное содержание*».

Из этих лаконичных фраз напрашивается вывод: «*за поездкой Бейбулата следила почти вся Чечня*», – считает Л. Колосов.

Свой вывод мы сделаем чуть ниже.

30 мая 1811 года в письме к Мусину-Пушкину Тормасов признавался, что полковник Эристов представил ему в Тифлисе Бейбулата Таймиева. Это уже во второй раз Б. Таймиев оказывается в главной резиденции русских властей на Кавказе.

31 мая 1811 года Бейбулат возвращается на русскую службу. Однако, спустя некоторое время, говорят источники, захватив майора Швецова, уходит в горы. Если летом 1811 года Бейбулат вел переговоры с аварским ханом Алиханом о совместном выступлении против колонизаторов, значит, в Грузии в этот раз он не мог находиться около трех месяцев, как это утверждают некоторые историки.

Бейбулат оказался не таким амбициозным и тщеславным, каким его представлял себе Тормасов, который хотел, подкупив авторитетного лидера национально-освободительного движения, представить его в глазах его со-ратников обыкновенным карьеристом, эгоистом и безыдейным выскочкой, продавшимся за чины и «*пристойное содержание*».

Дальновидный политик и хороший психолог Бейбулат раскрыл хитромудрый план Тормасова и, не раздумывая, вернулся в горы. Но захватить в плен майора Швецова Бейбулат мог для того, чтобы ему не

пришлось оправдываться в том, что он не изменил священной для чеченцев борьбе. На коварство поработителей Бейбулат не мог отвечать «*верностью присяге*», поскольку присяга в данном случае была лишь предлогом связать человека чести по рукам и ногам. Но историки не могли знать и того, до чего доискался известный советский лермонтовед Ираклий Андроников, который имел сведения о том, что мать Марии, узнав о том, что она ждет ребенка, срочно увезла дочь с Кавказа. (Из признаний Ибрагиму Алироеву, ныне академику АЕН РФ, доктору филологических и исторических наук, во время приезда его в составе группы советских писателей в Чечню)

Не потому ли одной из причин спешного возвращения Бейбулата в горы был не менее спешный отъезд Марии в Россию?

Кроме того, в августе потерпели поражение объединенные силы чеченцев и дагестанцев в сражении с русскими войсками. Что еще раз говорит в пользу того, что Бейбулат не мог на этот раз находиться в Грузии три месяца, и даже два! Выходит, что все это время Бейбулат находится на Кавказской линии. На территории Хастатовых, читай — рядом с Марией! И действительно мог после отъезда Марии, захватив Швецова, вернуться в горы!

Не менее интересный вопрос: почему Арсеньева, пропутешествовав два года, и, возвращаясь в Тарханы в начале 1812 года, не доехав до дому, по сути — в дороге — выдала дочь замуж за сына своей подруги, не смотря на их нищету?! Т. Толстая утверждает, что в Васильевском Мария «*впервые увидела всю семью Лермантовых: пять девочек и Юрия Петровича, которые вместе с матерью*» гостили у них… Неделю гостят дочь с матерью у своих родственников, а уже через неделю Мария «***должна была***» дать ответ Юрию как своему жениху.

Почему «*должна была*»? Кто ее так торопил, если все боялись ее маму, не исключая и Арсеньевых? И почему все решается тогда, когда молодые оба в гостях и видят друг друга впервые? Почему вдруг все Лермонтовы, а не просто мать с сыном гостят у Арсеньевых? Понимали важность момента для своей семьи? Хотели склонить Арсеньеву к большей щедрости, демонстрируя бесприданниц? А значит ли все это, что мать Юрия Петровича знала, куда и зачем ее пригласили?

Ведь Анна не могла не понимать, что, отправляясь со всеми домочадцами к Арсеньевым, она обязана будет по этикету просить хозяев нанести ей ответный визит. Могла ли позволить себе такую расточительность помещица, едва сводившая концы с концами в своем хозяйстве? В свою очередь Арсеньевы, у которых бывшая сноха отсудила

для дочери часть ее наследства, не могли не остерегаться ее крутого нрава, сводя молодых в своем доме без ее ведома. Но что должно было произойти в Тарханах такое, от чего Юрий Петрович ***«вскоре»*** охладел к Марии? Не ждал ли его в доме Арсеньевой сюрприз с 6-месячным малышом? Больной, неподвижный, Михаил мог выглядеть совсем крохой еще долгие годы. Приводит же он всех в изумление свой сообразительностью и не по годам твердостью характера! Не отсюда ли эта путаница во всех датах, когда речь идет о Лермонтове?

Даже стихи его условно обозначены и нет практически ни одной бесспорной даты. И так он в слишком нежном возрасте пишет серьезные вещи! Герцен ведь считал, что Лермонтов умер тридцати лет. Это, на наш взгляд, самая точная дата! Тем более что самому Герцену в 1841 году было всего 29 лет!

У Вырыпаева читаем никак им не комментируемое: «*В церковных книгах отмечен даже 6-ти месячный Миша…*». Что помешало Вырыпаеву выписать из церковных книг (!) год рождения младенца? В этом контексте недвусмысленно звучит признание поэта: *«Хотя я судьбой на заре моих дней, /О, южные горы, отторгнут от вас…*». («Кавказ»). Заметьте: «***на заре… дней***», т. е. — с рождения! «***Отторгнут»,*** — значит, увезен насильственно! Не откровения ли матери в ее дневнике, ошеломившие его, побудили его написать, обращаясь к Кавказу в своих поэмах, вновь и вновь повторяя, как заклинание: «*На Севере, в стране тебе чужой,— /Я сердцем твой, всегда и всюду твой…*». Или: «*…Твоим горам я путник не чужой: /Как сына ты его (стих) благослови /… Они меня в младенчестве носили… /Моей души не понял мир. Ему /Души не надо… /И в ней-то* (в душе — М.В.) *недоступные уму /Живут воспоминанья о далекой /Святой земле… ни свет, ни шум земной /Их не убьет… я твой! Я всюду твой!..» («Аул Бастунджи»); «…От юных лет к тебе мечты мои /Прикованы судьбою неизбежной, /На севере, в стране тебе чужой, — /Я сердцем твой, всегда и всюду твой… /И ныне здесь, в полуночном краю /Все о тебе мечтаю и пою»* (Посвящения к поэме «Демон»); и вновь: «*Приветствую тебя, Кавказ седой /Твоим горам я путник не чужой: /Они меня в младенчестве носили… /Как я любил, Кавказ мой величавый, /Твоих сынов воинственные нравы…*» («Измаил-Бей»)

Не после откровений ли матери, он написал одну из ранних своих поэм о Бей-Булате «Хаджи-Абрек» и был «взбешен», когда ее напечатали? Не в историческом контексте интересует его Бейбулат, а погибающим за свою …не невесту, а жену, которую он однажды выкрал у старого отца, но сделал ее счастливой и богатой! В уста своей героини

Лермонтов вкладывает слова, оправдывающие поступок Бейбулата. Несмотря на то, что отец безутешен, дочь счастлива и убеждена, что: «*Отечества для сердца нет!.. /Счастье только там, /где любят нас, где верят нам!*» (Ср. стих. «Прощанье»: «*Поверь, отчизна там, где любят нас…»* и слова Зары в «Измаил-Бее»: *«По мне отчизна только там, /Где любят нас, где верят нам!..*»)

О Юрии Петровиче весьма скудные сведения, плавно перетекающие из одного источника в другой, и никак не вяжущиеся с тем образом отца, который предстает перед нами в стихах поэта. Судите сами. Родился в 1787 г., «*окончил Первый кадетский корпус в Петербурге, в 1804 в чине прапорщика выпущен в Кексгольмский пех. полк, позднее служил в том же корпусе воспитателем; в 1811 по болезни вышел в отставку в чине капитана*». (ЛЭ, с. 242) Служака, а не воин! Офицер, но и только.

Но о ком идет речь в стих. «Ужасная судьба отца и сына…»?

«*Жить розно и в разлуке умереть*» отец и сын могли, пока бабушка опекала внука. Но Михаил вырос, и Юрий Петрович чуть ли не каждый год приезжает к нему в Москву. Кстати, повторюсь, что ме-шало столь любящему сыну нарисовать или сделать набросок хоть одного портрета отца, которого даже мужчины признавали очень красивым человеком? Что за «*жребий чуждого изгнанника на родине…*» имел Юрий Петрович и что за «*подвиг*» свой он «*свершил*», если, спившись, умер от чахотки?

Когда лермонтоведы пытаются привязать эти слова к значению «*завершил свой жизненный путь*», хочется напомнить им, что речь идет не просто о поэте, а о гениальном поэте, которому не нужно подыскивать слова или гоняться за рифмой, чтобы выразить то, что он хочет сказать. (Чуть ниже мы узнаем, о каком подвиге идет речь, но из др. стих.). Только очень отчаянные исследователи могли позволить себе увидеть в следующих строках Арсеньеву: «*Дай Бог, чтобы, как твой, спокоен был конец /Того, кто был всех мук твоих причиной!*» Кому адресовать тогда следующие строки: «*...я ль виновен в том, /Что люди угасить в душе моей хотели Огонь божественный…*»? (Ср. в «Эпитафии»: «*…ты в людях только зло изведал…*»)

Не кто-то один, а люди, чьи желанья оказались «*тщетны*», поскольку: «*Мы не нашли вражды один в другом, /Хоть оба стали жертвою страданья!*» Какую взаимную вражду отца и сына могла разжечь Арсеньева? Разве что заставить страдать обоих, но и этим страданиям можно было положить конец во время их ежегодных встреч в Москве, если речь идет о Юрии Петровиче!

Но как нужно было прочесть следующее и продолжать настаивать на своем: «*…Ты светом осужден. Но что такое свет? /Толпа людей*». Когда и с каким светом враждовал Юрий Петрович, любимец светских барышень, красавец с утонченными манерами, гуляка и мот, если верить тем же исследователям?

Кстати, в электронных версиях этих строк сегодня мы можем прочесть и такую пунктуацию: «Ты светом осужден? Но что такое свет?». Получается, что отец поэта мог бы ему сказать, что он осужден не бабушкой его даже, а всем обществом! Что за личность такая — Юрий Петрович, чтобы позиционировать себя так в глазах сына? Но, сын ответит и на этот вопрос, только в поэме «Джюлио», а здесь пока отмахнулся: пусть, мол, на себя посмотрят!..

Читая дальше, мы узнаем, что оказывается, тот, кому действительно посвящено стихотворение, не кто иной, как «*Дух ада или рая»! Забывший о земле, «как был забыт землей*»! «Ау! Юрий Петрович! Где Вы?» — можно искать сколь угодно в этих словах того, к кому изначально не обращался поэт, откликнувшись на смерть своего отца! Мечтавший услышать, что он любим своим отцом, и не от кого-нибудь, а от него лично, сын хочет хотя бы сейчас получить ответ на свой вопрос: «*Ужель теперь совсем меня не любишь ты?*»

«***Теперь***», когда отец в мире, где нет тайн, и может знать, что уста, обращенные к нему, шепчут: «*По крайней мере, я люблю*»!

Как тут не вспомнить стихотворение «Ребенку» (1840), в котором исследователи так же не сойдутся, о ком речь: к мальчику это обращение поэта или к девочке? Сын генерала Граббе (П.А. Ефремов) или дочь В.А. Лопухиной-Бахметевой (П.А. Висковатый) адресат? (ЛЭ, с. 464). Ни тот, и ни та. Просто ребенку!

«*Ужель теперь совсем меня не любишь ты?..*» — вопрос, на который сын-поэт не мог получить ответ. Но отец ответил. Спустя девять лет, если верить означенной дате, что в данном случае непринципиально.

Лермонтов, который давно уже живет с мыслью о близкой смерти, увидев чужого младенца, представил себя на его месте и то, что мог бы сказать ему его родной отец в эту минуту.

Еще в 1832 г. в стих. «Нет, я не Байрон, я другой…» поэт чувствовал, что раньше начав, он раньше и кончит, но в душе его: «*как в океане, /Надежд разбитых груз лежит*», и, задаваясь вопросом: «*…Кто /Толпе мои расскажет думы?*», отвечает категорично и однозначно: «*Или **поэт,** или никто!*». Др. вариант: «*Я — или Бог — или никто!»* — в котором исследователи запутались. Сместив акценты, они изначаль-

но неверно читают эту фразу. Не как ответ на вопрос, поставленный выше, а как самостоятельную фразу, продиктованную непомерной гордыней! Не потому ли Лермонтов дал сразу два варианта, разъясняющих смысл, вложенный им в слово: «Я»?)

Так вот «изведать» свои «тайны», потрясающие нашу душу, Лермонтов доверяет поэту в себе! «*Или* ***никто!***» означает, что даже не он сам как человек! Что совпадает с третьим вариантом: «*Иль* ***гений мой,*** *или* ***никто!***». Что без обиняков указует на то, что документального подтверждения можно не искать, — только в поэзии, и только в творческих вещах! Эта его уверенность, что тайна его матери известна только ему и с ним умрет, дает нам основание подозревать поэта в том, что именно он мог уничтожить ее дневник, и сделать это он мог перед последней дуэлью, когда шел навстречу верной гибели!

(Если, конечно, архивы сознательно не утаивают этот дневник, объявив о его исчезновении)

Оставим, известное всем сходство Михаила с матерью. Говоря о своей не угасшей любви к его матери, теперь уже отец спрашивает сына: «*А ты, ты любишь ли меня?*». «***По крайней мере, я люблю!***» — слышится в этом вопросе ответ самого отца-сына, с глубокой нежностью склонившегося к этому младенцу. Вот они и объяснились.

Но что это за намеки, ***«понятные»*** Белинскому и проигнорированные лермонтоведами? Лаская ребенка, который может только внимать в силу своего возраста, но не может отвечать, отец спешит дать ему свое тепло, свою нежность, свою любовь, но все это украдкой от всех и от той, образ которой в его груди сохранили «верные мечты». (Родители младенца живут на приличном расстоянии, что только в мечтах могут быть вместе!) Отец понимает, что она тоже любит его, и что их младенцу она в молитве шепчет и его имя, но он готов сохранить ее тайну, лишь бы они с младенцем были счастливы и покойны: «*тебя она /Ни за кого еще молиться не учила? /Бледнея, может быть, она произносила /Название, теперь забытое тобой… /Не вспоминай его… Что имя? — звук пустой!..*».

Его имя не просто «табу» в ее обществе, оно трудно запоминается, на чужом языке оно — скорее «***название***», которое младенец все равно не повторил бы, будь он постарше.

«*Дай Бог, чтоб для тебя оно осталось тайной*», — поэт будто хочет уберечь младенца от той боли, которую испытал сам в детстве, прочитав дневник матери. Он был ***«потрясен», «ошеломлен»*** этим чтением настолько, что снова ***«слег в постель с горячкой и отказали ноги»,*** — пишут исследователи. И потому так понятны слова поэта,

обращенные к этому милому ребенку, не ведающему, какие страсти кипят в сердце несчастного отца: *«Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно /Узнаешь ты его — ребяческие дни /Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!»*.

Сам ребенок (Миша) вырастет, и поэт напишет о нем, назвав его именем «Сашка»: «*Он не имел ни брата, ни сестры, /И тайных мук его никто не ведал*». Даже бабушка Арсеньева. Она не спускала глаз с любимого внука, она жила им, дышала им, исполняла все его капризы, спускала все шалости, а он напишет о себе: «***Я сын страданья…***»!

О том, какие чувства в себе подавляла мать ребенка, какие «*глухие рыдания обманутой любви*» (В. Белинский) она глушила в себе, и какие «*стоны исходящего кровью сердца*» (Он же) рвутся наружу в этом стихотворении, мы узнаем, послушав Ее (Марии Михайловны) поэтический ответ на все наши безмолвные вопросы. Вот она одна из записей в дневнике матери поэта:

О, злодей, злодей, чужая сторона…
Разлучила с другом милым ты меня,
Разлучила с сердцем радость и покой,
Помрачила ясный взор моих очей
Как туманы в осень солнышко мрачат.
Но с любовью ты не можешь разлучать,
Она в сердце глубоко лежит моем,
С ней расстанусь разве только лишь тогда,
Как опустят в мать сыру землю меня.
Для того ль, мой друг, смыкались[2] *мы с тобой,*
Для того ль и сердцу радость дал вкусить,
Чтобы бедное изныло от тоски…

(Т. Толстая. Глава 6 и 9)

Все так и случилось: опустили Марию Михайловну в сырую землю, и рассталась она навсегда со своей любовью в 21 год, 11 месяцев и 7 дней, будучи замужем за красивым молодым офицером, которого она якобы любила, но с которым, как видим, не захотела жить! Ничего еще не связывало Марию Михайловну с Юрием Петровичем так сильно, чтобы эти стихи, как принято считать, она посвятила ему. Злодей — не Наполеон, а «***чужая сторона***», в которой находится ее любимый. Не может русская девушка называть русские земли, «*чужой сто-*

[2] В оригинале: «свыкались». См. у Щёголева. — М.В.

роной», тем более — «*злодеем*»! Наполеон — в России! Другое дело — Чечня, разлучившая ее с любимым человеком, «***свыкаясь***» с которым, она «***вкусила***» радость! Не вкушала, а вкусила. Это была очень кратковременная радость, но тоска продолжалась до самой смерти.

Почему стихотворение не закончено? Или кто его оборвал, сократил?.. Как сокращен донельзя этот стих:

В разлуке сердце унывает,
Надежда ж бедному твердит,
На время рок вас разлучает,
Навеки дружба съединит.

Если это вполне законченный самостоятельный стих, то давайте его так и рассмотрим. Лермонтоведы относят и эти слова в адрес Юрия Петровича, вступившего в 1812 г. в тульское дворянское ополчение. Однако война — это не рок, это бедствие, трагедия, но никак не рок. Когда между двоими стоит непреодолимая преграда — национальная принадлежность или вероисповедание — это можно назвать роком. «*Навеки дружба съединит*», — говорит ей надежда. Любовь, которая невозможна, не может не оставить их друзьями, а для дружбы нет ни границ ни препонов. (См. «Ребенку», где отец и мать младенца разлучены роком, но очень трепетно относятся друг к другу.)

«…***Тайных мук его никто не ведал…***» — пишет поэт в «Сашке» о страданиях мальчика, но эти тайные муки будут с ним всю его недолгую жизнь. «*… Он жадному сомненью сердце предал…*», — все тот же Сашка. Не после того ли, как поэт, будучи еще ребенком, узнал тайну своей матери?

Вся короткая жизнь Лермонтова задвинута в лермонтоведении в сплошные сноски! Вторую такую судьбу в русской литературе трудно сыскать. Вернее — ее просто нет. Одна из таких сносок, которая должна была бы пролить свет на события, опять дана в сплошных противоречиях и сомнениях: «*Помолвка, **вероятно,** произошла **в конце 1811 или начале** 1812 г., свадьба Марии Михайловны и Юрия Петровича Лермонтовых состоялась, **видимо, в начале** 1814 г.* (Бродский).

Помолвка раньше 1812 года состояться не могла. Это однозначно.

Но почему свадьба была отложена почти на два года? Так торопиться с помолвкой и отложить свадьбу на целых два года!?..

Почему «***вероятно», «видимо***», когда можно было просто по горячим следам восстановить записи в церковной книге? Михаил родился, по нашим данным, еще в 1811 году (потому он и не Петр!) 6-месячным (чему есть соответствующая запись в церковной книге! См. вы-

ше.), а больного младенца не показывали посторонним, пока Мария Михайловна не вышла замуж! Не могла же счастливая невеста целых два-три года после помолвки пить уксус, чтобы умереть самой, или убить своего малыша, если он от любимого человека, за которого она вышла-таки замуж! Другое дело, если ее разлучили с любимым человеком, от которого она уже носила под сердцем младенца. Тут и уксус, и слезы, и дневники, и грустные песни… и скандалы с матерью и с мужем, и ранняя смерть ее, и завещание Арсеньевой, и завещание Юрия Петровича — все на месте!)

Висковатов все же обронил очень точное слово, говоря о том, что «*родня Арсеньевой, кажется, не очень сочувственно отнеслась* ***к проектированному*** (выделено — М.В.) *браку и недоброжелательно глядела на бедного капитана, принадлежавшего не к родовитому их кругу. Венчание происходило в Тарханах, с обычною торжественностью, при большом съезде гостей. — Вся дворня была одета в новые платья*». Если бы эта свадьба была нежелательна для бабушки поэта, как считает Т. Толстая, то она так не хлопотала бы у Висковатова! Даже дворню вырядила!

Это было нужно ей: скрыть позор дочери и дать внуку фамилию. Вот почему это был «***проектированный***» брак.

Но по П. Висковатому, даже в 1834 году, в свои 20 лет (читай — 23) Михаил «*не имел точных сведений о роде своем и обращался к родственнику за гербовой печатью, чтобы вырезать герб на своей*».

Прошло три года со дня смерти Юрия Петровича, но ни ему при жизни, ни Арсеньевым, при всех своих заслугах перед отечеством, не удалось добиться юридического признания юноши дворянином! (Для ср.: Братья Розены смогли не только дать лучшее в России образование своим воспитанникам из чеченцев Константину Айбулату и Боте Шамурзаеву, но и устроить их карьеру. Последнего, офицера русской армии, приблизил к себе вел. кн. Константин Павлович, который дружил и с генералом А. Чеченским, воспитанником генерала Н.Н. Раевского, давшем ему все привилегии дворянина. Все они были детьми вывезены из Чечни, это известные факты)

Лермонтову, к сожаленью, повезло меньше: славное имя его родного отца работало против него, а Юрий Петрович сам нуждался в покровительстве богатой и влиятельной тещи.

В марте 1812 года, перед отъездом Ртищева с Кавказской линии в Тифлис, снова собрался в Моздоке съезд чеченских старшин. «*Мы пока не знаем источников, подтверждающих присутствие на съезде Бейбулата Таймиева. Однако это можно допустить,* — пишет Л.

Колосов, и добавляет, — *съезд был мирным, Ртищев гордился им, как достижением*».

Какой смысл был бы проводить такой съезд без главного предводителя чеченцев? Если Ртищев гордился этим съездом, то только потому, что Бейбулат был на съезде и согласился с решением съезда, потому что хотел, наверное, быть свободным на российской стороне, чтобы решить, очевидно, возникшие личные проблемы...

Но Арсеньева уже увезла свою дочь далеко в глубь России!

Лермонтова Мария, по словам П.А. Висковатого, родившись «*ребенком слабым и болезненным, и взрослою все еще глядела хрупким, нервным созданием...*». По состоянию здоровья вышел в отставку в чине капитана и Юрий Петрович. Как могли эти два не отличающиеся здоровьем человека родить сына с «*железным телосложением*…» и с «*очень сильными руками»* при том, что он с рождения не подавал никаких надежд на просто нормальное физическое развитие?

В мае молодые поехали одни в Кропотово. Через неделю (с лишним) вернулись. И дочь передала матери, волю мужа заниматься хозяйством в Тарханах. Разговор между супругами похож на шантаж: или он становится хозяином в имении или уезжает в столицу.

«*Утром Арсеньева передала хозяйство в руки зятя и уехала в Пензу*», — констатируют исследователи.

Крутая помещица и так скоро согласилась? Чего боялась Арсеньева? Разоблачения? Уехала в Пензу искать защиты у Сперанского?..

Если верить Вырыпаеву: «*В середине лета 1814 года …во время прогулки М.М., почувствовала сильный толчок под сердцем…*» Странно не то, что Мария ждет ребенка, а то, что имея такой опыт, когда она как старшая сестра (из 11 детей!) могла не раз наблюдать за своей мамой, слышать о ее ощущениях во время всех последующих ее беременностей, сама имеет опыт материнства и не распознала в дочке самого главного, хотя и ожидаемого! И это та Арсеньева, которая принимала очень своевременно самые решительные меры в отношении крепостных девок, которых якобы (обратите внимание!) попортил Михаил еще до отъезда своего в Благородный пансион! Такой несведущей Арсеньеву хотят видеть лермонтоведы.

У Т. Толстой Арсеньевой, что ее дочь беременна, намекает ее младший брат, заметив симптомы на бале, куда привезла ее сестра! А это уже в столице, а не в Тарханах на прогулке!

…По свидетельству Висковатова, «*до самой смерти Марии Юрий Петрович был полным хозяином Тархан, «вошел в дом», по выражению старожилов*». Но почему Мария Михайловна (у Т. Толстой) про-

должала пить уксус и прожигать себе гортань, если молодые добивались от Арсеньевой всего, чего хотели? Почему в семье не было ни счастья, ни покоя? Юрий получил все, что хотел, Мария любит своего мужа, есть сын, теща идет на все немыслимые уступки, а счастья нет? «***Скоро даже***, (как скоро? — М.В.), кажется*, произошел разрыв или, по крайней мере,* ***сильные недоразумения***», — пишет Висковатов. Недоразумения могут возникнуть между супругами не по поводу ведения хозяйства или устройства быта, которым занимается их многочисленная прислуга, а из-за личных взаимоотношений: Мария либо должна была оказаться беременной, либо у нее уже должен был быть сын. Другого быть не может, и это подтверждается тем, что оскорбленный муж с самого начала и до конца своей жизни занимал позицию такого тихого, обиженного, но шантажиста. «*Что было причиною их,* (т. е. недоразумений — М.В.) *при существующих данных определить невозможно*», — пишет Висковатов. Юрий Петрович «***охладел***» к жене, — подчеркивают и другие исследователи, не задаваясь вопросом: а было ли у него время ее полюбить?.. Юлия, если даже она была, лишь подчеркнула разрыв между супругами, но не стала причиной раздора!

Юрия Петровича запомнили «*красавцем, блондином, веселым собеседником, привлекательным в обществе; нравился женщинам*». (ср.: «*Ты светом осужден? Но что такое свет? …*») Крепостной люд: «*добрым, даже очень добрым барином*». Вряд ли престарелые бывшие крепостные привирали, спустя столько лет.

В «Русском художественном листке» за 1 марта 1862 года, № 7 нам напоминают, что Лермонтов родился 3 октября 1814 года. Это официальная версия! Но в связи с чем вспомнили в печати дату рождения поэта, спустя 21 год после его смерти? Г. Розанов в 1873 году в «Русской старине» поместил точную справку из архива московской консистории, в коей говорится, что Лермонтов родился 2-го октября. Тридцать два года прошло со дня смерти человека, а страсти не утихают, и все публично!

В ноябре 1881 года в «Русской мысли» вообще просто напечатали метрическое свидетельство Лермонтова. Спустя 40 лет после смерти и 67 лет со дня рождения поэта!

У кого еще из русских поэтов были такие проблемы, чтобы заявленным датам не верили? Подвергали бы сомнениям! Перепроверяли! Не из-за одного же дня (2 или 3-го?) весь сыр-бор! Не слова ли Герцена и подобные ему свидетели, заставили всех подсуетиться?

«*Мальчик был похож на мать: те же выпуклые губы и громадные тяжелые глаза*», — подчеркивает сходство Т. Толстая. Но если «***вы-***

пуклые губы» это нормально, то «***громадные***», к тому же «***тяжелые глаза***» разглядеть у новорожденного, надо было очень постараться. Не поспешила ли писательница объяснить тяжелый взгляд будущего поэта его сходством с вымученным взглядом тяжелобольной матери? Ведь никто не говорит, что взгляд Лермонтова был взглядом тяжелобольного человека, или болезненным взглядом. В.П. Бурнашев, литератор и мемуарист, не был в близких отношениях с Лермонтовым, но имел возможность с ним сталкиваться, когда тот навещал своих гвардейских однокашников.

Вот каким ему запомнился поэт: **«красивые, *живые, черные, как смоль, глаза,*** *принадлежавшие, однако, лицу* ***бледному, несколько скуластому****, как у татар…взгляд его мне показался каким-то* ***тяжелым, сосредоточенным****…*». В воспоминаниях Я.И. Костенецкого, бывшего студента Московского университета, Лермонтов: «*…брюнет, с лицом* ***оливкового[3] цвета*** *и большими черными глазами, как бы исподлобья смотревшими…*». «*В наружности Лермонтова было что-то* ***зловещее и трагическое****; какой-то сумрачной и недоброй силой,* ***задумчивой презрительностью и страстью*** *веяло от его* ***смуглого лица****, от его больших и* ***неподвижно-темных*** *глаз*», — таким запомнит его И.С. Тургенев.

У Л. Толстого мы найдем объяснение тому, почему Лермонтова воспринимали таким злобным существом: «*В русском простом народе* (Не «нашем»! — М.В.) *есть убеждение, что черный (брюнет) не может быть хорош собой, и даже черный есть почти синоним дурной: «как цыган»*. (Из Дневника. 22 ноября. 1853)

Вырыпаев подчеркивает, что «*мать подолгу рассматривала лицо ребенка, его глаза. Все старалась найти сходство с отцом. Так ей хотелось. А ей на каждом шагу говорили, что Миша похож на нее, и только на нее…*». Почему все биографы сошлись на том, что она искала в нем черты Юрия Петровича?

От Даши Куртиной, — пишет Толстая, — Арсеньева узнала, что Мария Михайловна «*пила иногда рюмочками уксус и говорила, вздыхая, что от этого скорей можно умереть*».

Сразу возникает ряд вопросов: зачем молодой матери, которой якобы не так давно муж признался в любви и даже стихами, желать ускорить свою смерть? Как давно она пьет уксус, да еще такими дозами? Зная, что она далеко зашла с этим уксусом, но, желая выжить, почему она ни матери, ни доктору не призналась, отчего у нее горлом

[3] Ср.: «Люблю я цвет их желтых лиц /Подобный цвету ноговиц». (Лермонтов о чеченцах в стих. «Валерик») Это и есть оливковый цвет. — М.В.

идет кровь? И не последствие ли уксуса сказалось на здоровье ребенка, который родился болезненным и очень поздно встал на ноги?

«*Арсеньева, — продолжает Толстая, — стала проверять, и оказалось, что это действительно так. Она пошла допрашивать дочь. Мария Михайловна горько улыбнулась и сказала, что так жить, как она живет, не стоит, а выхода из своего положения она не видит*».

Вот тут бы матери и побежать, а не пойти навстречу дочери, если она уходит из жизни из-за Юрия Петровича! Мать ведь любит свою дочь и вон сколько жертв она уже принесла! Но Юрий тут ни при чем! И они оба знают, что с настоящим отцом Миши Мария быть не может никогда! И мать решила бежать с дочкой подальше от Тарханов, подальше от этих убийственных мыслей! В надежде, что, поменяв обстановку, дочь отвлечется от своих дум. Арсеньева долго ее уговаривала. Если это был разговор о Юрии Петровиче, то Арсеньева бросила бы к ногам зятя и свою жизнь, только бы спасти дочь! Но «*Мария Михайловна улыбалась блуждающей улыбкой и молчала*». Потому что мать бесполезно было просить о Бейбулате. Арсеньева не могла не взять в расчет общественное мнение!

Похоже, Мария Михайловна по-своему решила избавить мать от ошибки, которую та совершила, выдав ее замуж за Лермонтова, который шантажом вымогал деньги для своей столичной жизни. Ее смерть могла стать избавлением от такого мота, который очень скоро промотал бы состояние ее сына!..

«*Не убедив дочь отказаться от мысли о смерти, — пишет Толстая, — Арсеньева решила переехать на зиму в Пензу…*». Вот о чем были все долгие просьбы матери, а не о зяте, потому что меньше всего эти мысли были связаны с ним! Юрий Петрович был в Москве, когда Мария Михайловна окончательно слегла. «*...Доктора из Пензы определили: у Марии Михайловны чахотка или сухотка, болезнь опасная, и жизнь ее на волоске. Постоянный кашель ее губит, и надо избегать простуды: вставать нельзя ни на минуту*», — пишет Толстая, не задаваясь вопросами: почему мать не говорит врачам истинную причину болезни дочери? Почему молчит про уксус?.. Не он ли вызвал сухотку, поскольку она все время прожигает себе гортань и пищевод? Отсюда и сухой кашель, заканчивающийся кровотечением. Ответы на эти вопросы повлекли бы за собой новые вопросы. А это то, чего все время избегала Арсеньева. С каждым днем Мария Михайловна становилось все хуже и хуже... *«В ноябре она почувствовала себя так плохо, что ей не хотелось вставать. Она поняла, что умирает, и ее начала мучить мысль: как же без нее будут жить в Тарханах? Не будет ли*

мать обижать Юрия Петровича…

— Умоляю вас, маменька, дайте обещание: ежели меня не станет, вы полюбите Юрия Петровича как родного сына. (Мать сказала, что она всегда относилась к нему хорошо. Дочь перебила) ... — Поклянитесь, маменька! Помните: он меня любит...». — такими представляет себе Толстая последние минуты Марии Михайловны.

Нет, чтобы задаться вопросом: почему Мария не говорит матери, что она его любила, или что они друг друга любили? «***Он меня любит***», — значит ли это, что Мария призналась матери перед смертью, что она так и не смогла полюбить своего мужа, как не смогла забыть отца своего сына? Если Мария Михайловна так уверена была в том, что он ее любит, значит, это она не хотела с ним жить! «*Я чувствую, что умираю. А Мишу не покиньте своей заботой — ведь он вам внук родной!*», — будто бы сказала дочь своей матери.

Можно не принимать отца ребенка, но что ребенок ее кровиночка, этого отрицать не может даже такая непреклонная бабушка, как Арсеньева, и потому она не лукавит, когда говорит, что любит своего внука. «*Наконец она вытребовала обещание: Арсеньева поклялась, что в случае смерти Марии Михайловны она положит все силы на воспитание ребенка*», — пишет Т. Толстая. И опять возникают вопросы: Почему Мария не просит мать отдать мальчика отцу, а требует от нее клятвы, что она оставит мальчика у себя?.. Почему бы не попросить мать помочь отцу ребенка его воспитать?

О чем был их последний разговор с мужем, начавшийся еще до ужина и затянувшийся чуть ли не до трех часов ночи? Больная горлом женщина, если верить Толстой, несколько часов подряд орет на мужа, а муж — на нее!.. Что могло придавать ей силы, если это действительно было так? Не отстаивала ли Мария Михайловна своего Мишу, которого завещала матери, но который был бы для Юрия Петровича курочкой, несущей золотые яйца?.. Какой другой разговор имел бы такую важность, чтобы нельзя было дать жене отдохнуть и продолжить разговор утром?..

Понимал ли Юрий Петрович, что упустит свой шанс, если не договорится в эту же ночь, т. к. супруга его совсем плоха?.. Почему мать впервые не вмешивается, хотя понимает, что разговор, так сильно затянувшийся, губителен для ее дочери?.. Чего она боится? А может, она понимает, что это последний разговор супругов, и что решают они судьбу ее внука? Если так, то она получила уже, что хотела, а у дочери шансов на жизнь все равно нет?.. И она будет ждать до конца, не вмешиваясь в их ссору, в отличие от тех дней, когда лично у нее остава-

лись вопросы и к дочери, и к зятю!

«— Проклинаю! — хрипела она, задыхаясь. — Ты ее убил! От чахотки ли она умерла или от другого — все ты виноват! Ступай с глаз моих вон! Злодей! Змея!» — обрушилась, по Т. Толстой, Арсеньева на зятя, не оправдавшего ее ожиданий, поскольку она точно знает, что умерла ее дочь... не от…, а из-за «***другого***».

«Она скончалась на другой день по приезде мужа», — сошлись коротко и другие исследователи, — а через каких-то девять дней он уехал к себе в Кроптовку, оставив «***своего сына***» в обмен на вексель в 25 000 рублей и обещания тещи отдать ему через год и Тарханы. И всякий раз, когда он возвращался к теще, обсуждалась только цена вопроса. Судя по тому, как отчаянно защищалась теща от зятя, прибегая к помощи могущественного Сперанского и Чембарского уездного суда, не Юрий Петрович, а Арсеньева была загнана в угол.

Видеть большой барский дом в Тарханах, свидетеля ее вины перед мужем и дочерью, Елизавета Алексеевна не могла и на его месте поставила церковь во имя Марии Египетской. На ее душе были слишком тяжелые грехи, которые она могла замолить только в святом месте.

Мартышкин труд пытаться вступать в полемику с художественной вещью, хотя и написанной на документальной основе, но именно толстовская биография Лермонтова, изложенная для детей живым экспрессивным языком, может более других отложиться в памяти школьников, что недопустимо, поскольку правды в ней на грош.

Висковатов, никак не комментируя, излагает: «*Июня 5-го Сперанский пишет брату Арсеньевой, Аркадию Алексеевичу Столыпину:*

«Елизавету Алексеевну ожидает крест нового рода: Лермонтов требует к себе сына и едва согласился оставить еще на два года. Странный и, говорят, худой человек; таков, по крайней мере, должен быть всяк, кто Елизавете Алексеевне, ***воплощенной кротости и терпению,*** *решится делать оскорбление*».

Для серьезного государственного мужа рассуждение более, чем странное — называть желание отца иметь при себе сына «***оскорблением»*** бабушки.

21 августа в Чембаре, в уездном суде в присутствии свидетелей Арсеньева закрепила по всем правилам закона свои обязательства перед Юрием Петровичем Лермонтовым. Арсеньева согласилась свои деньги представить, как занятые у зятя. Юрий Петрович у Вырыпаева не такой агрессивный, жадный, наоборот, даже уступчивый... То же и у Висковатова. Но и у них Арсеньева ведет себя так, как будто это она зависит от зятя, а не зять от нее!.. Она будто боится огласки их семей-

ной тайны! Когда в первое же лето Юрий Петрович предпринял первую после смерти жены попытку шантажа, обещая приехать за сыном, Арсеньева «*пишет в Пензу за советом* (Сперанского! — М.В.) *и затем едет в Чембар*», и «*в суде на имя малолетнего внука отписывает 8 дворовых семей*». По сути, она лишила внука наследства, которое ему полагалось, как единственному наследнику по линии матери — Арсеньевых! Это объявление она послала Юрию Петровичу.

Арсеньева давно поняла, что Юрию Петровичу нужны деньги, а не ее внук! И зять оставил ей сына еще на два года. Так было в мае, а в начале июня он приехал в Тарханы навестить Михаила. Арсеньева вновь завела разговор о судьбе внука, заверяя зятя, что «*Если он останется у нее до его совершеннолетия, то все, что я имею, я отдам ему*». Юрий Петрович предложил это «*засвидетельствовать*».

На другой день, говорят, Арсеньева выехала к сестре и вновь при ближайшем участии Сперанского, составили необходимое завещание. «*А через три дня она вместе с братом Афанасием и зятем Григорием Даниловичем в Пензенской гражданской палате засвидетельствовала это завещание», прописывая каж*дую деталь возможного развития действий: опекунство над мальчиком, в случае смерти Арсеньевой, она передавала своему брату Афанасию; в случае же его смерти до совершеннолетия Михаила опекунство переходило к зятю ее Столыпину; если же Юрий Петрович или его родственники посмели бы востребовать мальчика вопреки воле бабушки, то он лишался всего наследства в пользу рода Столыпиных!

Так защитить по закону и внука и свое состояние, можно было только, если к Юрию Петровичу, как к отцу, Михаил не имел никакого отношения. Получается, что Лермонтовым, Миша не достался бы ни при каких условиях! Хотя их тоже немало, и все женщины, и тоже имеют на Мишу права, даже больше, чем Столыпины, а тем более — совсем чужой человек — зять Столыпиных! Получается, что до совершеннолетия Михаил должен быть в родной семье, а, будучи совершеннолетним, т. е. вступившим уже в право наследования, если захочет, может поддерживать с Лермонтовыми отношения без ущерба материального для наследства Арсеньевых и Столыпиных, т. к. Юрий даже не постарался создать семью с Марией, он не «*вошел в семью*», а попользовался семьей, чего ему Арсеньева и не могла простить!

Ни Сперанский, ни Висковатов, исследующий судьбу поэта, не задаются вопросами, которые в этой ситуации напрашиваются сами собой: почему отец не должен требовать своего сына у тещи, какой бы хорошей бабушкой она не была? Почему Сперанский не убеждает ба-

бушку, что у отца есть больше прав на сына, чем у нее? Выходит, Сперанского посвятили в семейную тайну, в противном случае, как губернатор, он не имел права поддерживать бабушку поэта в ее незаконных притязаниях на внука!

Татьяна Толстая подробно выписывает, как изменила трагедия Арсеньеву, которая якобы «*... поседела в ночь, когда потеряла дочку, ее волосы перестали виться; она стала плохо видеть, стала надевать очки; лицо пожелтело и покрылось морщинами. 44-летняя могучая, полная сил женщина согнулась, как 90-летняя старуха… Она принимала гостей, лежа в постели... Золовки Арсеньевы, Дарья, Марья и Варвара, переселились в Тарханы...*». Толстая опять спешит объяснить, почему окружение Арсеньевой могло поверить, что она гораздо старше своих 44-х лет. Если бы Елизавета Алексеевна приехала в Тарханы со взрослой дочерью, все ее новые знакомые в округе могли бы поверить всему на слово. Но перед нами женщина, которая минимум 17 лет, с момента своего замужества, живет в этом имении, обросла здесь всеми связями, завела подруг, подружилась в том числе и с Анной — матерью Юрия еще задолго до того, как с ней породниться. И вдруг в один день, как бы плохо она не выглядела, все ее окружение должно было впасть в коллективное заблуждение или коллективно поглупеть.

Арсеньевой было за что казнить себя, что далеко не красит человека. Это по ее вине ушли из жизни ее муж и дочь. И жить с таким грузом не каждому под силу. Но никого не удивляет, что, эта одинокая и «немощная» бабушка еще отчаяннее и не безрезультатно добивается, чтобы внук остался с ней до конца ее дней! Потеряв физические силы, Арсеньева решила прибегнуть к помощи… своих золовок?! Это они — Арсеньевы — должны были теперь охранять от Юрия Петровича Арсеньева Михаила и воевать, если нужно за своего внучатного племянника, т. к. к ним он еще имеет отношение! Исследователи и биографы Лермонтова, как сговорились, никто не вспоминает сестер и мать Юрия Петровича, которые могли бы ухаживать и за Арсеньевой в такой момент и за своим родным племянником и внуком. Не менее странно ведет себя и Юрий. Приехав через месяц после похорон жены к своей теще, он говорит не о том, чтобы забрать сына, а напоминает теще «*о ее желании передать ему имение*». (Т. Толстая) Но такую тещу на мякине не проведешь, она дала ему понять, что тот ее не правильно понял: речь шла будто «*только о наследстве Миши, о крестьянах без земли*». (Т. Толстая) Пришедшего в изумление зятя Арсеньева одарила всеми вещами из комнаты, в которой жили супруги. И, что интересно, его это не оскорбляет, он вывозит в Кропотово

всю мебель, оставив теще «***дневник и альбомы жены»***! (Т. Т.)

«Любящий» муж даже не полюбопытствовал, а что там, в этом дневнике? Он ведет себя в этой ситуации так, как будто знает, что все тайные мысли его жены были не о нем, а значит, и не зачем интересоваться тем, что ему не принадлежит. Уходя, он, якобы, чертыхался, что на этот раз продешевил, но в следующий раз силой отымет сына, т. е. саму «золотую курочку».

В год смерти дочери, Арсеньева потеряет и отца. О смерти Алексея Емельяновича, скончавшегося по дороге в Горячеводск, она узнала, вернувшись из Киева. И эту же зиму 1817 года Арсеньева решила провести в Пензе. Михаилу, надо полагать, всего «три года». Но на портрете, который бабушка заказала местному художнику-самоучке, (См.: В младенческом платье и с мелком в пальцах правой руки...) мальчик, по ее словам, «***выглядит отроком***».

«*Художник придал детскому лицу недетское выражение*», — пишет Толстая. Арсеньева якобы говорит художнику: «*... На несколько лет ты вперед заглянул*». Но художник, на наш взгляд, был объективен, он нарисовал то, что видел. Перед ним действительно сидел, если не отрок, то уж точно не малыш, а шестилетний мальчик.

«*Мальчик сильно страдал от золотухи, которая временами покрывала его темными струпьями так что рубашка прилипала к телу. ... Ему шел четвертый год, а он еще ползал по полу и не ходил самостоятельно*», — пишет Толстая. То, что Михаил поздно стал ходить, подтверждают и другие биографы поэта. Но, кто сказал, что такое бывает от золотухи? Скорее, это последствия уксуса, который пила Мария Михайловна, чтобы избавиться от малыша, которого она в 1811 году уже носила под сердцем, а после замужества сводила уксусом счеты со своей жизнью, как это сделал ее отец, только приняв сразу смертельную дозу яда!

Висковатов считает, что Лермонтов «*не мог ходить, не мог приподнять ложки. Целые три года оставался в самом жалком положении*», в результате полученного осложнения после кори. (Здесь уместно было бы вспомнить поэму «Сашка», чтобы не растворить поэта в своем герое настолько, что позволило бы подменить одного другим. Зачастую с Лермонтовым это и происходит. Даже воспоминания его современников, как правило, написанные спустя несколько десятилетий со дня смерти поэта, строятся больше на художественных образах, созданных поэтом, чем на объективных фактах его биографии, имевших место быть. Речь не идет о стихах, которые, как правило, носят исповедальный характер. Но Печорин и Сашка не есть слепок со своего ав-

тора, они могут быть носителями его отдельных мыслей, его мировоззрения, миропонимания, но факты из биографии его героев есть художественный вымысел автора) «*Золотушный ребенок, страдал «худосочием»*», — уточняет Висковатов. Кто сказал, что золотуха как-то связана с физическим развитием, тем более с весом ребенка?

Не сходятся лермонтоведы и в том, сколько раз Арсеньева возила внука на Кавказ. И в каком возрасте он впервые там оказался? Сам поэт в ст. «Кавказ» пишет, как упомянуто об этом выше, так: «*Хотя я судьбой на заре моих дней, /О южные горы, отторгнут от вас…*». Речь, как видим, идет, в этом случае, о днях, а не о годах и насильственном разлучении его с Кавказом. Но, когда он потерял «*в младенческих летах*» мать, он был далеко от Кавказа, который остался в его памяти как «*памятный глас*». И действительно мать поэта умирает в Тарханах (в Пензе! — уточним пока, не развивая мысль), и мальчик находится в это время рядом ней. Пока не будем касаться песни матери и «*памятного гласа*» в душе мальчика. Об этом чуть позже. Дальше идет конкретная дата: «*Пять лет пронеслось, все тоскую по вас ...»* (ущелиям гор — М.В.). Эта цифра позволила лермонтоведам отнести стихотворение к 1830 году. Когда поэту 16 лет. (Или уже 19?)

Но если Лермонтов, пусть даже трижды побывав на Кавказе, живет и грезит только этой величественной страной гор и ее людьми, в чьих «*смуглых чертах ...душа говорит*», где жены и девы «*…с цепями судьбы не знакомы*», то здесь нужно искать более тесные связи меж ними.

В самом нежном поэтическом возрасте Лермонтов обрушивается на русского читателя с кавказскими стихами и поэмами: «Кавказский пленник», (1828), «Черкешенка», (1829), «Кавказ», (1830), «Каллы» (1830-1831), «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..», (1832), «Измаил-Бей» (1832, по принятой датировке), «Аул Бастунджи» (1833-1834), «Хаджи-Абрек» (1833-1834), «Беглец» (точной даты нет. Предполагают, что после Кавказа в 1837 г.)

Оставим пока все, написанное им о Кавказе в более зрелые годы: «Кавказец», «Демон», «Мцыри» («Бэри», в рукописи), «Герой нашего времени» («Бэла») …

Учась в Благородном пансионе, а затем в Юнкерской школе, имея только детские впечатления и воспоминания о далеком Кавказе, Лермонтов, пробуя перо, пишет не о том, что вокруг него, а о том, о чем он не может не думать. Не потому ли он прятал написанное даже от самых близких друзей, уничтожал написанное, и был «***взбешен***», когда без его ведома, украдкой, был напечатан его «Хаджи-Абрек»?

Погружаясь в кавказские сюжеты и образы, он создавал вокруг

себя свой мир, от которого был «***отторгнут***» «***на заре своих дней***». Не потому ли он раздражался, когда кто-то пытался проникнуть в этот мир? Не потому ли он сторонился своих однокашников, чтобы не удовлетворять их любопытство по поводу его пребывания в пансионе, а затем в университете на одном отделении с разночинцами?

Что касается его творчества о Кавказе, то тот же Ф. Боденштедт, приехавший в 1840 году в Москву в качестве учителя немецкого языка в дом князя М.Н. Голицына, искренне восхищаясь поэтом, писал:

«*Пусть назовут мне хоть одно из множества толстых географических, исторических и других сочинений о Кавказе, из которого можно бы живее и вернее познакомиться с характеристическою природою этих гор и их жителей, нежели из какой-нибудь кавказской поэмы Лермонтова…*». Критики, — по мнению немца, находили, что Лермонтов «*слишком своевольно и настойчиво плывет против течения и ведет себя* ***как враждебно настроенный иностранец*** *(Выделено – М.В.) в своем отечестве, которому он всем обязан*».

Виктор Петрович Бурнашев, литератор, приводит слова Николая Юрьева, родственника и однокашника поэта по Школе: «*… Стихи эти («Смерть поэта»), говорят, читал даже великий князь Михаил Павлович и только сказал, смеясь: «Эх, как же он расходился! Кто подумает, что он сам не принадлежит к высшим дворянским родам?*».

А если действительно не принадлежит?

Н.И. Лорер в «Записках декабриста» признается, что Лермонтов показался ему «*холодным, желчным, раздражительным и ненавистником человеческого рода вообще…*». (Ср. со словами Мережковского в эпиграфе) В присутствии поэта декабрист чувствовал себя неловко. Это не единственный человек, которого напрягало общество Лермонтова, без всяких на то усилий со стороны последнего…

Е. Ростопчина, кузина Е. Сушковой, в письме к Александру Дюма 27 авг. /10 сент. 1858 г. писала о Лермонтове, что он был «*…с пылким умом и неограниченным честолюбием...*» Неограниченным честолюбием может выглядеть в глазах нечеченцев такое качество характера чеченца, как Яхь! Яхь нельзя приобрести, с ним нужно родиться. К Яхь можно апеллировать, чтобы человек, вспомнив о нем в себе, не терял достоинства ни при каких обстоятельствах. Яхь, наконец, есть внутренняя, нравственная движущая сила в каждом чеченце.

Это генетически заложенный дар природы, обнаруживающий в человеке породу! Евдокия Петровна, чувствуя, как и Д. Мережковский, эту особую породу в Лермонтове, не совсем понимает его. «*…До сей поры помню странное впечатление, произведенное на меня этим бед-*

ным ребенком, загримированным в старика…», — пишет она А. Дюма, не доверяя собственным глазам. Лермонтов давно уже был не мальчик, а юноша, которого они со своей кузиной и подругами не спешили воспринимать всерьез. (См. ниже ст. «Отрывок»: *«Лицо мое вам не могло /Сказать, что мне 15 лет»*.)

Но здесь кроется еще один секрет. Может быть, в силу особых исторических условий, в которых приходилось выживать детям чеченцев, а значит, рано взрослеть и мы-слить по-взрослому, они и сейчас отличаются этим от своих русских сверстников. И в этом плане Растопчина была более наблюдательна, чем ее сестра, но не любознательна настолько, чтобы доискаться до причины этого «***странного впечатления***».

Вернемся к Бейбулату. Лето 1818 года у него прошло в кровавых сражениях за свою отчизну. (См.: «*…он любил отчизну!*» в ст. «Великий муж! Здесь нет награды…», которое также исследователи никак не могут привязать к какой-то одной исторической личности.)

20 мая 1818 года Ермолов отправит в столицу рапорт, в котором напишет, что покорение края надо начинать с чеченцев, которые «*являются сильнейшим народом и опаснейшим, сверх того вспомошествуемым соседями*» (А. Айдамиров. С. 34). А это значит, что все лето и до поздней осени Бейбулат втянут в кровавую мясорубку. 25 мая началось движение русского отряда под начальством Швецова к Ханкальскому ущелью. В тот же день (это все не дожидаясь ответа императора на свой рапорт) А.П. Ермолов прибывает на Сунжу, напротив выхода в Ханкальское ущелье и с ближайших чеченских селений берет аманатов (заложников). 10 июня он закладывает крепость Грозную, что обещало всем совсем иной характер войны с этого момента: русские пришли сюда надолго, если не навсегда, должны были понять горцы. Чеченцы ответили восстанием уже в августе. На помощь им пришли из Дагестана аварцы и лезгины. В окрестностях Старого Юрта состоялось жестокое сражение с отрядом Вельяминова. Это задержало строительство крепости, но не остановило его: в октябре крепость Грозная была построена, и Греков незамедлил пригласить в крепость на переговоры 39-летнего Бейбулата, который должен был оценить мощь врага и его намерение здесь поселиться надолго.

Бейбулат с 1802 года, поднявший выпавшее из рук первого имама Чечни Шейха Мансура знамя освободительной борьбы своего народа, не был впечатлен увиденным настолько, чтобы сложить оружие. И Греков не мог этого не понять. Перед ним стоял непримиримый враг.

Не потому ли в следующем 1819 году к крепости Грозной добавили еще крепость Внезапную, укрепление Преградный стан на реке Сунже и укрепление Горячеводск, а саму передовую линию перенесли на Сунжу и Кумыкскую равнину за центр Кавказской линии? Огнем, топором, мечом и картечью прокладывал Ермолов себе дорогу по Чечне весь 1819 год и вступил в 1820-й, но ни на шаг не приблизился ни к миру, ни к победе. Наступила весна 1820 г.

С 6 по 15 марта Греков, продолжая рубить лес, прокладывал Ханкальскую просеку, уничтожил аул Герменчук взял аул Топли. В марте же кровавый ген.-майор П. Сысоев, уничтоживший 15 сентября прошлого года героически защищавшийся Дади-Юрт, заложил у р. Исти-Су укрепление Неотступный стан, а на р. Сунже — Злобный окоп. 3 мая заложен редут Урус-Мартановский на реке Сунже, при впадении в нее реки Мартан.

Оказывая с небольшими силами отчаянное сопротивление врагу, углубляющемуся с просеками в глубь Чечни, Бейбулат к 1821 году поднимет общее восстание в Чечне. Что интересно: после отъезда Марии с Кавказа в 1811 г. Бейбулат ни разу не переходил на сторону русских, тем более на службу в царскую армию, не считая известного приглашения его в 1829 г. на обед к Паскевичу в Грузию, описанное А. Пушкиным.

Это не был переход на русскую сторону, это была встреча двух враждующих сторон: Паскевич демонстрировал свою громкую победу, психологически воздействуя на непримиримого Бейбулата, а Бейбулат демонстрировал личное мужество, прибыв в ставку победившего турок главнокомандующего с «*двумя старшинами черкесских селений*»!

«**В** детстве звуки песни, петой ему матерью, всегда доводили Лермонтова до слез. Позднее он никак не мог вспомнить слов ее, но утверждал, что, если б услыхал эту песнь, она произвела бы на него прежнее действие». Что и произошло в 1820 году на Кавказе. На границе с Чечней, «*гуляя с Христиной Осиповной, Миша услышал песню, которую напомнила ему о матери... Ночью у Миши открылся жар, и он стал бредить...*», — пишет Толстая. (Ср. как одинаково сильно мальчик реагирует и на песню матери и на ее дневник!)

Что же так впечатлило мальчика? Если бы это была русская песня, стал бы он так реагировать? Ну поплакал бы, вспомнив мать. А тут — жар! Бредит!.. не может мальчик пяти лет так переживать, услышав мелодию песни, даже если ее пела мать! А если ли песня матери была

на чеченскую мелодию? Почему именно Чечня вернула ему эту песню?

После Чечни мальчик хорошо окреп и следующий год практически не болел. Арсеньева с внуком по дороге к родственникам, жившим возле Чембара, заехала к генералу Аркадию Федоровичу Мосолову. Михаил был поражен его библиотекой, а тот удивился, что мальчик не умеет читать. «*Неграмотный, значит… А сколько тебе лет?*», — якобы спросил он. Почему это удивило Мосолова? Разве перед генералом не малыш шести лет? Уметь складывать слоги и читать большие книги — разная вещь. Не детская же библиотека была у Мосолова! Его удивило, что мальчик не готов читать книги из его библиотеки! А значит, опытным глазом Мосолов оценил, кто перед ним стоит! девятилетний мальчик, не умеющий читать, вызывает удивление, как у Мосолова, а шестилетнему ребенку он намекнул бы, что ему еще рано быть читателем таких серьезных книг. Арсеньева якобы заступилась: «*Ему — шесть, и я считаю, что его еще рано учить. Он у меня еще болеет. Но Мосолов считал, что ребенка уже пора учить. Всю дорогу Миша молчал, обиженный на бабушку*», — пишет Т. Толстая.

Интересно, что следующий факт биографии Михаила лермонтоведы тоже «объяснили», как им кажется, убедительно.

«*Возвратившись в Тарханы, — пишет Толстая, — Миша сказал, что тоже хочет крестить (Какое недетское желание! – М.В.) у крестьян, и с тех пор, с 6-летнего возраста, Лермантов* ***несколько раз*** *был записан* ***как взрослый*** *в церковной книге*».

Если до шести лет еще можно было слабого больного ребенка выдавать за малыша, то с девятилетним ребенком это становилось труднее, т. к. он укрепил здоровье на Кавказе, да и организм брал свое! Не потому ли и в церкви не удивились возрасту мальчика, и записали со слов бабушки «***как взрослого***». Похоже ограничения в возрасте существовали для крестных. Но что значит «***как взрослого***»? Не могли же в церкви идти на подлог, записав его совершеннолетним! Почему не называют конкретную цифру из церковной книги, а дают общо: ***«как взрослый»***. Вырыпаев подтверждает факт крестин в 1821 году аж трех младенцев, крестным отцом которых был Миша Лермонтов… Не много ли крестников на одного маленького, больного, временами не ходячего ребенка? Или?..

Вырыпаев свидетельствует, что «*два года (1822 и 1823) Елизавета Алексеевна жила в Тарханах безвыездно*». «*С 1825 года верстах в семи от Тархан образовалась новая деревня, хозяином которой стал Михаил Юрьевич Лермантов...*», — читаем у Т. Толстой. Мог ли в 10-11 лет

ребенок официально взять на себя управление (даже под опекой) имением или живыми душами, — это еще вопрос. Но в 13-14 лет это был бы самый правильный подарок своему внуку от бабушки, которая успела бы научить его вести хозяйство, пока жива.

Висковатов считает, что, когда Арсеньева со всей своей домашней челядью и братьями приехала в 1825 году на Кавказ, она остановилась в имении своего отца «Столыпиновке — недалеко от Пятигорска, ближе к Владикавказу»[4], которое унаследовал ее брат Николай, приехавший вместе с ними. В начале лета именно здесь съехались они с Екатериною Хастатовой, прибывшей к ним специально из своего имения, которое и ныне сохранилось на территории Чечни в селении Парабочи. Если Арсеньева собиралась непременно ехать и в имение своей сестры, зачем ей понадобилось вызывать Екатерину к себе? Чтобы разведать обстановку на границе с Чечней? Не тогда ли мальчик нарисовал свой рисунок с бабушкой? Или она хотела знать, не столкнется ли она с Бейбулатом, который может отнять у нее своего сына.

Знал ли уже в эту поездку Лермонтов о своем происхождении, можно судить по его детскому рисунку: на середине листа мальчик рисует широкую реку, которая сужается ближе к правой стороне листа. На месте сужения реки нарисован деревянный плот. По одну сторону реки, вдоль всего берега нарисованы горы, за которыми сплошной белой дымкой стелется, надо полагать туман, скрывающий снежные вершины более высоких гор. По другую сторону — в левом углу высокое дерево, похожее на тополь, ниже — две березки. На этой символической русской стороне в центре нарисован довольно приличный холмик, на вершине которого стоит столбик, раскрашенный зеброй, с указателем: надо полагать, обозначающий границу. С холмика спускается назад бабушка, опираясь на клюку. На ней голубая юбка и красная кофточка с длинными рукавами. А на той стороне, на самом краю плота, стоит мальчик и смотрит на бабушку, которая возвращается, проводив его до этой самой границы. Мальчик, наоборот, в красных штанишках и голубой рубашке. В горах, выше фигурки мальчика, виднеются серые башни и фигурки людей — чеченцев, в красных рубахах.

---

[4] Между Пятигорском и Владикавказом находится Нальчик. Правильнее было бы написать: недалеко от Нальчика, но российские исследователи предпочитают эти странные приближения. Как например: «близ Кизляра», чтобы не сказать, что Парабоч находится близ села Шелковское. Сегодня Пятигорск относится к Ставропольскому краю, Нальчик — к Кабардино-Балкарии, Владикавказ — Осетия, Кизляр в Дагестане, а Шелковское и Парабоч – это Чечня. – М.В.

Чтобы не сомневался никто, что это люди, художник красным цветом объединил себя, бабушку и еле различимые фигурки в горах. О чем этот рисунок? Не о том ли, что он узнал из дневника матери? «*Хотя я судьбой* (не по своей воле! – М.В. и далее в скобках) *на заре моих дней,* (т. е. с рождения!) /*О южные горы, отторгнут от вас!..*» (не этой ли самой бабушкой?) — я сам к вам вернулся! — говорит маленький художник. Если кто-то захочет прочесть этот рисунок по-другому, он должен будет очень сильно постараться развить свое воображение. Сам поэт, обращаясь к тем горам, к которым он ушел от бабушки, дав ей понять, что она может возвращаться домой, поскольку он тоже теперь дома, говорит с благодарностью: «*Вы взлелеяли детство мое, вы носили меня на своих одичалых хребтах; облаками меня одевали; вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе...*».

Как это перекликается с признанием Л. Толстого, вернувшегося из Чечни: «… ***Все, что я увидел тогда, навсегда останется моим убеждением***»! **—** Не воспоминанием. **—** Убеждением!

Несмотря на то, что Арсеньева еще в 1817 году замаливала грехи в Киеве, она не чувствовала себя свободной от груза этих грехов, и, уезжая в 1818 году на Кавказ, поручила брату Афанасию «*срыть старый помещичий дом и на его месте построить церковь в память о Марии Михайловне*», а рядом с ней поставить «*новый дом с меньшим количеством комнат*». (Т. Толстая) Наказав, *«всю обстановку из дома либо продать, либо обменять, а что не берут — сжечь»,* — так пишут и биографы поэта.

Но речь идет не просто о какой-то обстановке, а чуть ли не из 30-ти комнат в старом доме! Арсеньева хотела вернуться с Кавказа в новый дом к новой обстановке, уничтожив саму память о своих грехах перед мужем и дочерью. И эта женщина, которую все считают скрягой, безжалостно уничтожает огромное добро! Не потому, что она винила себя в том, что не доглядела, не была внимательна к мужу и дочери, а потому, что это именно она довела их до самоубийства!

В свое время замужество ее сестры Екатерины, связавшей свою судьбу с армянином, вызвало и в семье, и в обществе переполох. Но Аким Васильевич Хастатов оказался не только прекрасным мужем, но и очень богатым, с которым Екатерина не знала никаких бед. Имение Шелкозаводск было пожаловано Петром I предку Акима Васильевича и по наследству числилось за ним и его братьями, пока вдова не отсудила себе все виноградники, винный завод, землю, оставив братьев Хастатовых ни с чем. Как похожи в этом сестры! Арсеньева судилась с родителями своего мужа за наследство Маши!.. Как получит для

внука и часть его наследства после смерти Юрия Петровича, который умер, так и не дождавшись смерти своей «***престарелой***» тещи!

Через несколько дней после приезда в Столыпиновку, мальчика повезли в Горячеводск, к серным водам. Город еще только строился, и приезжие жили в своих дорожных экипажах и кибитках. Здесь у подножия горы, разобрав свой дом в Шелкозаводске (не путать двухэтажный дом в Парабоч!), хотела строиться и Екатерина Алексеевна. Она хлопотала себе здесь участок. Но пока несколько раз приезжала сюда навещать сестру. Михаил здесь не только вылечился, но стал «*самостоятельно ходить*». Екатерина увезла их всех к себе. Ее дети уже подросли. «*Имение было расположено на границе русской с горскими племенами*», (Ср. детский рис. Л.) поэтому приятели в шутку называли Хастатову — «*авангардной помещицей*».

«*Шелкозаводск находился близ Георгиевска, в Терской области. Отсюда были видны снежные горы... белоснежный Казбек. Хастатовы возили своих гостей на Терек...* (Здесь и увидел эту границу и горы Лермонтов. — М.В.) *Вокруг жили кумыки, чеченцы и другие горцы. Среди них было немало кустарей и торговцев. Бабушка накупила разных вещей, сукна, ковров, а Мишеньке сделала кавказский костюм: черкеску с газырями и с маленьким кинжалом, мерлушковую шапку и мягкие сапоги*». (Т. Толстая)

В этом костюме, думаю, он и почувствовал себя дома! Не эти чувства в своем внуке хотела проверить Арсеньева, понимая, насколько чужда мальчику атмосфера, в которой он растет? Возникает еще один, вполне закономерный, вопрос: чем в это время так занят Бейбулат Таймиев, что не интересуется ни Хастатовыми, ни своим сыном? Рано или поздно Арсеньева, всегда поддерживавшая родство, должна была бы привезти его с собой к сестре.

Попытаемся ответить на этот и другие вопросы. Как то: почему Арсеньева со всей своей многочисленной свитой не сразу поехала к сестре, а со своими братьями Александром и Николаем сначала уехала в Столыпиновку, вызвала туда Екатерину и только после этого приехала к ней? Наверное, сестра придала ей надежду, что Бейбулату сейчас не до нее.

Согласно «Хронологии истории Чечено-Ингушетии», составленной Абузаром Айдамировым, 1825 год в Чечне был одним из самых тяжелых и кровавых: 13 сентября 1824 года начальником Кавказской линии на правах губернатора был назначен генерал-лейтенант Лисаневич. А это значит, что новый начальник будет очень усерден в своем

рвении перед императором, демонстрируя подвиги на линии фронта, где бы и как бы она не проходила. Уже через неполных четыре месяца, с января 1825 года, генерал Греков стал разорять аулы Гойты, Урус-Мартан и Гехи и пошел с карательной экспедицией в Карабулакию.

В марте 1825 года он стал прорубать просеки Брагуны – Амир-Аджи-Юрт, Брагуны – Аксай и Аксай – Герзель. Надо полагать при активном сопротивлении чеченцев, которые понимали, чем грозит им очередная просека, ведущая в их селения.

24 мая 1825 года в селении Майртуп срочно собирается Общечеченский съезд. В конце мая начале июня в Назрани арестовывают сподвижника Бейбулата Таймиева Джамбулата Цечоева, которого по приказу генерала Ермолова зверски убивают. Бейбулат уже через несколько дней, в июне, ответит на провокацию Ермолова всеобщим восстанием в Чечне. Пока в том же июне генерал Вельяминов усмиряет Кабарду, уже 15 июня генерал Греков из Грозного прибывает на помощь осажденному Герзелю, куда спешно подходит из Георгиевска (а это, как мы помним, близ Шелкозаводска, а значит, все эти перемещения войск происходят на глазах Арсеньевой и ее сестры, которая могла убедить ее в полной безопасности при такой-то охране!) и сам генерал-лейтенант Лисаневич, начальник Кавказской линии. 22 июня по призыву Бейбулата и муллы Магомеда на помощь восставшим в Ичкерию прибывают отряды дагестанских вольных обществ. 7 июля отряд генерала Грекова прибывает в Герзель-Аул. В ночь с 7 на 8 июля Бейбулат штурмом овладевает укреплением Амир-Аджи-Юрт. 8 июля генерал Греков отходит в крепость Грозную. Уже на 4-й день, 12 июля, Бейбулат осаждает крепость Герзель-Аул. 15 июля генералы Лисаневич и Греков с отрядом в 3360 человек с орудиями прибывают на помощь осажденной крепости (Герзель-Аул). 16 июля, т. е. на следующий день, Греков и Лисаневич вызывают в крепость, якобы на переговоры, 318 чеченцев и кумыков, участников восстания и расправляются над ними. В результате стычки житель селения Майртуп мулла Оччар-Хаджи убил генерала Грекова и смертельно ранил генерала Лисаневича, который через неделю скончался. За их гибель ответили своими жизнями 200 чеченских и кумыкских старшин, убитых русскими.

25 июля в том же с. Майртуп срочно собирается Второй общечеченский съезд, на котором происходит раскол между руководителями восстания. Бейбулат был непримирим. За смерть его боевых соратников должны были ответить его враги. 29 августа он совершает почти самоубийственный акт: он пытается взять форпост самого Ермолова — крепость Грозную. Русские тоже ответили на прошедшие кровавые

события, как умели: 7 октября 1825 года они заложили новое укрепление — Таш-Кечу, упразднив через три дня (10 октября) укрепление Герзель-Аул, напоминавшее им о бесславном конце их генералов.

«*Только осенью, — пишет Т. Толстая, запутавшись в очередной раз в двух совершенно разных датах, -— Арсеньева с неохотой решила покинуть Кавказ: брат Николай получил предписание ехать в Питер.* (Это накануне декабрьских событий в 1825 году! – М.В.) Павел Иванович Петров, ставший за это время официальным женихом Анеты, провожал Арсеньеву вместе со всеми... (Т. е. командир Моздокского полка составлял своего рода охрану Арсеньевой и ее внуку. – М.В.) За это лето Миша уже крепко стоял на ногах, выходил гулять по улицам. Новый дом в Тарханах был уже готов… Сперанский получил новое назначение: сибирским генерал-губернатором и должен был уехать ...». (А это 1819 год! – М.В.)

25 ноября 1825 г. не удалась попытка Бейбулата взять в плен у станицы Калиновской ген. Ермолова. Новый — 1826 — год Ермолов начинает карательной экспедицией в Большую Чечню…

Эпоха Бейбулата продолжалась. Освободительная борьба чеченцев под руководством Бейбулата Таймиева длилась непрерывно с 1818 по 1826 годы! История не оставила свидетельств о его личной жизни, а это значит, что он так и не женился и не имел других детей, кроме Михаила! Остались же сведения о сестре Бейбулата Жансари, которая стала второй женой Кунта-Хаджи.

В декабре 1825 года, воспользовавшись приездом Юрия Петровича в Тарханы, Арсеньева «*попросила (его) собрать все документы и передать сыну на тот случай, если он будет поступать в какое-либо учебное заведение...»* (Вырыпаев) Но, то ли зять не спешил выполнить просьбу тещи, то ли просьба ее была невыполнима, во всяком случае Арсеньева вновь вынуждена была напомнить зятю о бумагах, только уже через своего внука. Михаил сам написал Юрию Петровичу письмо, чтобы тот привез ему документы для поступления. Это действительно оказалось более действенным, и тот приехал с бумагами, но… «***их оказалось недостаточно***», говорят биографы. Из этой фразы мы можем понять, что зять все же собирал документы по просьбе тещи, но не в его силах было сделать главный документ. Какого документа не доставало, мы узнаем чуть позже. После того, как он получил письмо от самого Михаила, Юрий Петрович приезжает в Тарханы с тем, что у него к этому времени уже было. Разумеется, этого было недостаточно, но и тянуть далее было нельзя: мальчику уже 11 лет, (14! — по

нашим данным) а в пансион брали детей с 9 до 14 лет.

Биографы избегают говорить, что главный документ, который нужно было представить в учебные заведения, носившие сословный характер, был документ «***о происхождении***». Арсеньева усиленно занялась домашним обучением внука, готовя его для поступления в Московский благородный пансион. Не говоря уже о том, что Михаил читает и перечитывает таких серьезных авторов как Вальтер Скотт, Байрон, Ламартин, он удивляет своих учителей «***твердой рукой***», и «***скорописной закругленностью букв»***, что мало характерно, на их взгляд для 12-летнего ребенка. А для 15-летнего? — позволим себе спросить.

В конце лета 1827 г. Е.А. Арсеньева с внуком переехали в Москву. Ему шел 17-й год, но как легко оказалось выдать болезненного юношу невысокого роста за 14-летнего отрока! Ждать дальше недостающий документ было невозможно, домашнее образование затянулось, но оно было настолько серьезным и основательным, что юноша был взят сразу в старшее отделение (четвертый курс). Сложнее оказалось зачислить его казеннокоштным студентом. Хотя лермонтоведы в один голос твердят довольно наивное объяснение насчет большой любви бабушки к внуку, которая не пожелала расстаться с внуком на время учебы и добилась, чтобы ночевать внук приходил домой. На самом деле Лермонтов мог быть зачислен только своекоштным студентом.

Что и произошло. Спустя год, 21 декабря 1828 года, Лермонтов был аттестован как второй ученик и переведен в 5 класс; на акте 29 марта 1830 г. он был уже отмечен как первый ученик. Чтобы обратить на себя внимание, Лермонтову нужно было быть лучшим из лучших! И он старался таковым стать, поскольку успешно закончившие пансион переводились без экзаменов в университет для продолжения обучения. Но 16 апреля 1830 г. после преобразования пансиона в гимназию, Лермонтову пришлось покинуть его, не окончив 6 курса.

Первому пансионеру даже не дали окончить учебу: гимназия была исключительно для дворян!

Для справки: Московский универ. благородный пансион (1779-1830) был основан одновременно с Моск. ун-том как универ. гимназия, имевшая дворянское и разночинское отделения. В кон. 70-нач. 80-х гг. XVIII в. классы для воспитанников-дворян, были выведены из универ. здания в особое строение, что и положило начало Пансиону... (в котором и не мог жить Л. в силу своего происхождения! – М.В.) В последний период своего существования (1818-30) П. имел права Царскосельского лицея (с той разницей, что лицей входил в систему военно-уч. завед.); оба заведения носили сословный характер и тем отличались от бессосл. гимназий и унтов. В П. принимались мальчики от 9 до 14 лет; обучение длилось

6 лет по инд. программам. Окончание давало право на те же чины Табели о рангах, что и диплом Моск. ун-та, а также право на производство в офицеры. Лучшие воспитанники могли без экзаменов зачисляться в ун-т. (ЛЭ, 289)

В период учебы в Пансионе Лермонтовым написаны: «Кавказский пленник», «Корсар», набросок либретто оперы «Цыганы»; закончена 2-я ред. «Демона», «Олег», «Преступник», «Два брата», «Исповедь», «Джюлио»; около 60 стихотворений.

Но никем не был замечен? Или поэту нужно было погибнуть, чтобы все прозрели? В 1829 году Лермонтов пишет стих. «Покаяние»: Первое обращение к теме ***«незаконной»*** любви. (см. позднее: «Договор», «Сашка»), считают исследователи. Только ли об этом?

Судите сами. К попу приходит Дева (См. Дева и в «Азраиле») «*исповедать грех сердечный*», но не ради прощения и спасения души, как это принято в христианстве. Так ее исповедь воспринимает и поп: «*…грех простит великий Бог!..*», если это сердечное покаянье… Дева категорична: «*Нет, не в той я здесь надежде…*», она приняла для себя решение и спешит лишь «*исповедать*» свою жизнь. «*Чтоб не умертвить с собою /Все, что в жизни я люблю!*» — говорит она. О чем речь?

Ответим на этот вопрос, дослушав исповедь. Дева как никогда сильна духом. Она не нуждается в утешении. Это не поп, а Дева говорит попу: «*...тверже будь… скрепися, /Знай, что есть удар судьбы; /Но над мною не молися…*». Она корит себя за то, что «*Пылкой страсти вожделенью*» не противостояла, за что (как христианка) предала себя «*геенскому мученью*». Далее мы узнаем, что это была не просто страсть, это была все-таки любовь, если бы не… «*Вскоре бедствие узнала /И ничтожество свое; /Я любовью торговала; /И не ведала ее*», — говорит Дева, не пытаясь найти для себя слов оправдания. Речь здесь не о продажной женщине. Здесь совсем другой торг! Она думала о себе, о своей любви, но появился плод этой любви, о котором она не задумывалась, поскольку была юна и искала утешения! А теперь не только она должна родить во грехе, но и ребенок ее должен жить с этим клеймом! Вот о чем идет речь выше в словах: «*чтоб не умертвить с собою...*». Вспомним здесь драму Лермонтова «Странный человек», первоначальный вариант которого закончен ***17 июля 1831 года. (!)***

Признание матери сыну в своем грехе и его реакция на услышанное, есть органичное художественное целое с «Покаянием». Если в стихотворении мы можем слышать только муки матери, то в драме мы свидетели мук и матери, и сына: «***Природа вооружается против меня; я ношу в себе семя зла; я создан, чтобы разрушать естественный порядок…***». Дева тоже не может носить в себе свои душевные

муки, она пришла на исповедь просто выговориться. Она уже решила уйти из жизни, а это значит взять на душу еще один грех, более тяжкий! Она сознательно себя наказывает за свою ошибку, свой грех, и все, что ей нужно, — чтобы ее просто выслушали! Поп может лишь развести руками: «*Если таешь ты в страданье,* (См. Л.: «*...в слезах угасла мать моя...*»; «Ребенку»: «*Страдания ее до срока изменили...*» Это все один и тот же тип женщины!) /*Если дух твой изнемог, /Но не молишь в покаянье: /Не простит великий Бог!..*».

Дева сама себя не простила, ей стыдно перед Богом! Так войти в психологию согрешившей, но порядочной женщины, проникнуться ее грехом-стыдом, надо было дорасти хотя бы до ранней юношеской поры, поры осознанной влюбленности и стыдливости и поэту здесь 16-17 лет, но никак не 14-15-ть, когда чувства агрессивнее, демонстративнее выражаются теми, кто уже не ребенок, но еще не юноша. Скорее всего, автор все еще находился под впечатлением от прочитанного в дневнике своей матери, но эмоциональный детский взрыв сменился здесь юношеской терпимостью к страданиям той, которая ушла из жизни, будучи немногим старше его, по возрасту.

К 1828 году Лермонтов относит начало своей поэтической деятельности. 1828 годом датированы стихотворения «Осень», «Заблуждение Купидона», «Цевница»; поэмы «Кавказский пленник», «Корсар». Но только в начале 1837 года Россия вдруг прозреет и услышит девять лет пробивавшегося к ней поэта, по силе таланта стоявшего рядом с первым поэтом века!

Гений из разночинцев был вне поля зрения не только высшего света, но и литературного олимпа, разглядевшего гений Пушкина еще на лицейской скамье!

Летом 1829 года состоялась историческая для Пушкина встреча со «***Славным Бей-булатом***», «***грозой Кавказа***». От кого был наслышан Пушкин о Бейбулате, если он говорит о нем, как о достаточно известной личности не только на Кавказе?! Вряд ли в короткой встрече поэта, заехавшего по дороге в Арзрум к знаменитому Ермолову, мог состояться серьезный разговор о Кавказе и его героях, если, прощаясь с гостем, хозяин не стал скрывать от него, что не помнит его полного имени. Значит, Пушкин получал сведения из российских газет, которые не могли не писать о громких подвигах Бейбулата, о его пере-ходах на русскую сторону и возвращениях в горы.

Пушкин тоже в качестве гостя, хоть и незваного, на обеде у Паскевича, а значит, у него есть время разглядеть, кто перед ним сидит: «…*Бей-булат, мужчина лет 35-ти,* (??? — М.В.) малорослый и ши-

рокоплечий. Он по-русски не говорит или притворяется, что не говорит...». В 1829 г. Бейбулату 50 лет! А Пушкин видит в нем почти своего ровесника: каких-то пять лет разницы! Если Бейбулат, стареющий в вечной войне, выглядел так молодо — на 15 лет моложе своих лет! — то, надо ли удивляться, что его сын Михаил на 17-м году жизни поступил в Пансион, как 14-летний?

Как пишет Висковатов: «*Легко можно представить себе неловкого еще не то юношу, не то мальчика, который, несмотря на раннюю зрелость, все же находился в переходном возрасте. Наружный вид его соответствовал этому состоянию. Он был невысокого роста, довольно плечист,* (Ср. с Бейбулатом — М.В.) *с не устоявшимися еще чертами матового, скорее смуглого лица…*».

П.И. Магденко, екатеринославский помещик, в «Воспоминаниях о Лермонтове» подчеркивает: «*Он был среднего роста, с некрасивыми, но невольно поражавшими каждого, симпатичными чертами, с широким лицом, широкоплечий, с широкими скулами, вообще с широкою костью всего остова, немного сутуловат — словом, то, что называется «сбитый человек*».

Фридрих Боденштедт: «*Характер Лермонтова был самого крепкого закала, и чем грознее падали на него удары судьбы, тем более становился он* ***твердым.*** (Из всех Арсеньевых и Лермонтовых мы не найдем ни одного человека, о ком можно было бы сказать такие слова! – М.В.) *Он был слишком слаб, чтобы одолеть ее;* (судьбу – М.В.) *но и* ***слишком горд, чтобы позволить одолеть себя... гордая, непринужденная осанка, средний рост и необычайная гибкость движений:*** *нагнулся с такой ловкостью, как будто он был вовсе без костей, хотя, судя по плечам и груди, у него должны были быть довольно широкие кости. ... мог быть кроток и нежен, как ребенок, вообще в его характере преобладало задумчивое, часто грустное настроение… Серьезная мысль была главною чертою его благородного лица… Хотя он еще не достиг тридцатилетнего возраста,* (на пути к этому возрасту? – М.В.) *но уже казался уставшим от жизни; он был среднего роста и ничем особенно не выделялся, если не считать высокого лба и больших,* ***печально сверкающих глаз***».

Н.И. Лорер в своих записках подчеркивает: «*…Особенным неженкой он не был, а пошлости, к которой он был необыкновенно чуток, в людях не терпел... Над всеми нами он командир был. …никогда не бывал*, (В доме Озерских в Пятигорске – М.В.) *так как там принимали неразборчиво, а поэт не любил, чтобы его смешивали с (русскими армейскими — фр.), как он окрестил кавказское воинство. … почти ни-*

когда не танцевал. Я никогда его танцующим не видал…».

«Из Дневника» Ю.Ф. Самарина узнаем, что он часто видел Лермонтова в Москве. «***Это в высшей степени аристократическая натура, неуловимая и не поддающаяся никакому внешнему влиянию…*** — Писал он в письме к И.С. Гагарину, — ***взор его тяжел, и его трудно переносить.*** Первые мгновенья присутствие этого человека было мне неприятно; я чувствовал, что он ***наделен большой проницательной силой*** и читает в моем уме…».

Стих. «Настанет день — и миром осужденный…», поскольку нет точной даты, исследователи по заключительным строкам, близким к концовке стих. Д.В. Веневитинова «Завещание» (опубл. 1829), нашли их подражательными и датировали просто: «*после 1829 года*».

Если один поэт другого может навести на мысль, которая гложет его, но не находит выхода, это не значит, что один другому тупо подражает. Попытаемся конкретизировать дату написания стихотворения и определить, о чем пишет Лермонтов?

Поэт верит, что обязательно «*настанет день*», когда мир его осудит, и он, «*чужой в родном краю, /На месте казни — гордый, хоть презренный…*», кончит свою жизнь. Он знает, что виновен пред людьми, не пред нею, к которой обращается, и «*твердо*» ждет «*тот час*». Если адресат стиха не изменится душою, то поэт уверен: «*Смерть не разрознит*» их, потому что «*Иная есть страна, где предрассудки /Любви не охладят*». Когда же «*весть кровавая примчится /О гибели моей /И как победе станут веселиться /Толпы других людей*», — поэт умоляет ее хотя бы «*единою слезою*» почтить его холодный прах, не только потому, что он ее любил, но главное: он только ей «*открыл /Таинственную душу и мученья, /Которых жертвой был*». Насколько страшную тайну поведал поэт ей одной, мы можем судить по заключительным строкам стихотворения, в котором один тяжелый, полный отчаяния выдох-проклятье, готовый вырваться из его груди и уст, если…

Но если, если над моим позором
Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным укором
И речью клеветы
Обиженную тень, — не жди пощады;
Как червь, к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг отрады
Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю беспечность,
Не зная воскресить,

И будет жизнь тебе долга, как вечность,
А все не будешь жить.

Если он даже кому-то открылся, он не обрел душевный покой, как это должно было бы случиться. Напротив, он окончательно потерял покой, и потому может быть беспощадным к той, за которую не поручится, что она не посмеется над ним. Еще хуже, если она не сумеет сохранить его тайну, которую он называет своим личным позором.

Представим себе, что это стихотворение — его отклик на «***весть кровавую***» о гибели Бейбулата 14 июля 1831 года, которую толпы людей в России восприняли как победу над Чечней. И вот в эту минуту Лермонтов понимает, что может настать тот день, когда и его, как сына Бейбулата, мир осудит, он станет чужим для всех и презренным. Но что ему суд этих людей, главное, чтобы та, которой он доверился, рассказав о тайне своего происхождения, «*речью клеветы*» не оскорбила «*обиженную тень*». Смерть Бейбулата дала ему толчок проиграть всю ситуацию с тайной своего рождения, но даже тогда он понимает, что НИКТО не должен знать об этом!

«*Один среди людского шума.../ Возрос под сенью чуждой я»* пишет он в начале 1830 года. Но как все меняется, когда речь заходит о Кавказе. В том же 1830 г. 8 июля он напишет автобиографическую заметку: «Горы Кавказские для меня священны…», перекликающуюся со стих. «Кавказ». Здесь (когда он говорит о Кавказе) мы не найдем ничего чуждого Лермонтову и никого чужого для его души. Даже песня матери, которую он помнил, еще больше привязала его к Кавказу: «*За это люблю я вершины тех скал, /Люблю я Кавказ*»!

Начиная с 1829 г. Лермонтов — полупансионер пишет своего «Демона», не зная еще, что она претерпит восемь редакций и отнимет у него десять лет жизни! Но, приступая к ней, он хотел в очередной раз воспеть свою единственную и самую большую любовь своей жизни — Кавказ. До окончательной редакции было еще два года, когда он продолжал обращаться к объекту своей любви. В 1837 г. он мог увидеть его во всем его величии и повторить: «***Тебе, Кавказ****, суровый царь земли, /Я посвящаю* ***снова*** *стих небрежный…/От юных лет* ***к тебе*** *мечты мои /****Прикованы*** *судьбою неизбежной, /На севере, в стране тебе чужой, — /Я сердцем* ***твой, всегда и всюду твой****… /С тех пор прошло тяжелых много лет, /И вновь меня меж скал своих ты встретил… /И ныне здесь, в полуночном краю /****Все о тебе*** *мечтаю и пою*». И это не просто слова, он действительно пел о Кавказе.

По указу Сената 29 марта 1830 года Бл. Пансионы при Московском и Петербургском университетах будут преобразованы в гимназии. Но

Лермонтову в них место не нашлось. «*Я не крушуся о былом...» — пишет он стансы в это время: Оно меня не усладило. /Мне нечего запомнить в нем, /Чего б тоской не отравило…*».

Стих. «Отрывок» исследователи и составители двухтомника поэта (М., «Правда», 1988 г.) обошли своими комментариями. Да и как можно комментировать то, что идет вразрез с официальной биографией поэта: *На жизнь надеяться страшась,* (А вдруг кто разоблачит? — здесь и далее ремарки в скобках – М.В.) /*Живу, как камень меж камней, /Излить страдания скупясь: /**Пускай сгниют** в груди моей.* (См.: …Или поэт, или никто!) /*Хранится пламень неземной /**Со дней младенчества*** во мне. /*Но велено ему **судьбой,*** (Не бабушкой, а судьбой! Роком!) /*Как жил, погибнуть в тишине…. /Для тайных дум я пренебрег /И путь любви и славы путь,* (Так и отравил свою жизнь этими думами!.. Ни к кому особо не привязывался, никого не любил и с презрением относился к лит. творчеству!) … /*Беднейший средь существ земных, /Останусь я в кругу людей, /Навек лишась достоинств их /И добродетели своей!* (Не суждено ему было обрести достоинство дворянина, и все, что у него есть, это добродетель) … /*Две жизни в нас до гроба есть, /Есть грозный дух: он чужд уму; … /Он точит жизнь, как скорпион. /Ему поверил я – и что ж!.. /Всмотритесь в очи, в бледный цвет; /Лицо мое вам не могло /Сказать, что мне 15 лет.* (Здесь нет знака вопроса. Автор утверждает, что ему не 15 лет! Откуда, мол, вы это взяли, если по моему лицу видно, что я старше! По нашим данным поэту 18 лет! См.: в церковных книгах записан «***как взрослый»*** …)

«*КАВКАЗУ, раннее стих. Лермонтова (1830), явившееся поэтич. откликом на события, происходившие на Кавказе*», — пишут исследователи. (ЛЭ) Если Лермонтов мог следить за политическими и военными событиями в эти годы в свои 16 (19) лет, то другие поэты тем более знали об этих событиях! Чем же ответили они? И почему стих. и поэмы Лермонтова не привлекли к нему внимание русских писателей и поэтов уже тогда?..

Обращаясь к Кавказу, поэт в ужасе от того, что несет ему Россия:

…Ужель пещеры и скалы…
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
.....
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее. –

Какой русский поэт за последние две войны XXI века произнес та-

кие проникновенные строки, обращаясь с сыновней любовью к уничтожаемой стране гор? Почему юному Лермонтову в далекой северной стране при всех прелестях высшего света было дело до пылающего в огне Кавказа? Только ли потому, что как поэт видел в этом свой долг, или, что хуже — отдавал долг романтизму?..

Летом-осенью 1830 года Лермонтов пишет пьесу «Испанцы», в центре которой «*романтический герой, наделенный мятежной энергией сопротивления*», «*нашли отражение демократические симпатии Л., сближающие это произведение с наброском сюжета о «молодом человеке... **не дворянского происхождения***». (Обратим на это внимание. Но пьеса «Испанцы» интересна в параллели со стих. «Родрик» Пушкина, поэтому пока ее оставим).

21 августа 1830 г. Михаил Лермантов пишет Прошение, (Висковатов приводит его полностью) в котором просит Правление университета: «*...желаю продолжать учение мое **в императорском университете**, почему Правление оного покорнейше прошу, включив меня в число своекоштных студентов **нравственно-политического** отделения, **допустить к слушанию** профессорских лекций*».

Но Правление не сочло возможным удовлетворить просьбу своего лучшего студента. Напротив, нас опять отослали к сноске, которая тут же опровергла само существование такого Прошения:

«*Барон Бюлер на основании справки, сделанной тогдашним ректором университета С.М. Соловьевым, сообщил редакции «Рус. старины» (1876 г., т. XV, стр. 221), что в универ. архиве нет ничего, кроме прошения Л. об увольнении из университета, **для перемещения** в Петербургский. Действительно, в бумагах 1832 г. за № 48 нет ничего, кроме упомянутой просьбы и затем чернового свидетельства об увольнении*». Анри Труайя констатирует, не комментируя:

«*Императорским указом был закрыт Благородный пансион, и Л. подал прошение о зачислении его в Московский университет на **нравственно-политическое отделение.** Но **после экзамена** 1 сентября 1830 г. **сразу (!) перешел** на словесное отделение*».

Посмотрим, что из себя представлял Московский университет во времена Лермонтова.

> «Московский университет. Здесь с сентября 1830 по июнь 1832 (на политическом, затем на словесном отделении) учился Л. … перевелся с политич. отделения на словесное, насчитывавшее 160 студентов; среди них преобладали разночинцы». (ЛЭ, с. 289)

Вот она главная причина, почему Лермонтов после успешного по-

ступления на политическое отделение вновь вынужден был, причем «***сразу***», перейти к разночинцам на словесное отделение! Главный документ так и не был представлен! А на политическое отделение разночинцы не принимались вообще.

В университетские годы он написал несколько поэм и драматических произведений: «Последний сын вольности», «Азраил», «Ангел смерти», «Измаил-Бей» (Оставим пока принятую датировку), «Испанцы», «Странный человек», которые связаны между собой красной нитью, ведущей к разгадке единственной тайны, так угнетавшей поэта.

Объяснение биографами поэта, почему Лермонтов оставил Московский университет, не выдерживает никакой критики: «*Лермонтов, **обнаружив начитанность сверх программы** и одновременно незнание лекционного материала, вступил в пререкания с экзаменаторами; после объяснения с администрацией возле его фамилии в списке студентов появилась помета* («***посоветовано уйти***»)». (ЛЭ, с. 289)

Конечно, биографы сочли возможным приписать это и к «Маловской истории», которая яйца выеденного не стоила, но соцреализму позволяла долгие годы выдавать эту «***революционную***» выходку студентов за предтечу революционного брожения в России, приведшей к 1917 году. У какого педагога-словесника поднялась бы рука на сверх начитанного студента, к тому же литературно одаренного?!

Но… «*Л. был вынужден написать 1 июня 1832 г. прошение: «По домашним обстоятельствам более продолжать учения в здешнем университете не могу, и потому правление Императорского Московского Университета покорнейше прошу, уволив меня из оного, снабдить надлежащим свидетельством **для перевода** в императорский Санкт-Петербургский университет». 6 июня 1832 г выдано свидетельство **об увольнении,** а в ноябре в Петербурге Л. поступил в Школу юнкеров*». (Висковатый, там же).

Почему Лермонтову не оформили перевод в Петербург? Да все по той же причине: в императорский Петербургский университет принимали детей только из дворянских семей!

Григорий Васильевич Арсеньев, брат Михаила Васильевича «*после смерти Юрия Петровича подписал прошение о внесении Лермонтова в дворянскую родословную книгу Тульской губ. (1832) …*». (ЛЭ, с. 38) Если при жизни Юрию Петровичу не удалось получить для «сына» этот документ, на что мог рассчитывать такой дальний родственник, как Г.В. Арсеньев? Смущает и то, что в этой фразе нет намека, что это повторное прошение (Первое ведь подал Ю.П. или не подавал вовсе?), во всяком случае, и в 1832 году Лермонтов не был внесен в список

дворян. (См. ниже.)

«Исповедь» датируется 1830-1831 годами. Л.Н. Назарова («ЛЭ, с. 201) связывает замысел поэмы с записью поэта, относящейся к лету 1831 года. «*Написать записки молодого монаха 17-ти лет. С детства он в монастыре; кроме священных книг не читал. Страстная душа томится. Идеалы...*». Но в «исповеди» не ребенок в монастыре, а преступник перед казнью за лишение чести той, которую любит!

Мы помним, что произошло у нас летом 1831 года. 14 июля, читаем у Абузара Айдамирова, «*по заговору царских властей аксайским князем Салат-Гиреем Эльдаровым убит больной Бейбулат Таймиев*», который, по нашей версии, был связан с матерью поэта.

Итак. «Исповедь». В монастырской тюрьме сидит молодой испанец и ждет казни. «*Зачем, за что, /Не знал и знать не мог никто*». Но его обвинили в преступлении, а он не стал оправдываться, потому что знает хорошо, что не божий суд его настиг. «***Всё люди, люди, мой отец...***» — говорит он старцу, пришедшему его исповедать, — потому что «*неправой казнью*» можно пролить его кровь, но «*Согреть им вновь не суждено /Сердца, увядшие давно…*».

Закон, по которому испанец себя оправдывает — утвержден его сердцем: «*один /Он сердца полный властелин; /И тайну страшную мою /Я неизменно сохраню...»*. Опять тайна и опять «*страшная*», которую не откроет никому! Если все знают, за что его судят и казнят, значит, это не тайна. Сам испанец не замкнулся в себе, а пылко отстаивает даже перед смертью свое право на любовь.

Казалось бы, в чем тайна? Не в имени ли девушки? Ее положении в обществе или его месте в ее обществе: *«…под одеждой власяной /Я человек, как и другой!»*. Испанец уверен, что сам старец, увидев ее, «*Решился б также согрешить, /Отвергнув всё, закон и честь, /Ты был бы счастлив перенесть… /Мое страданье, мой позор!..*». (Ср.: «Покаяние») Опять — Он, Она и — Грех, Позор! И он, как и Дева в «Покаянии», не молится о спасении:

Пусть вечно мучусь; не беда!
Ведь с ней не встречусь никогда!
Разлуки первый, грозный час
Стал веком, вечностью для нас!..
Что без нее земля и рай? —

Она, как видим, у него единственная! Испанец обращает внимание

старца на бледнеющий цветок между камней, выросший от редкого солнечного луча, попавшего однажды на мрачное окно тюрьмы. Сравнивая себя и свою судьбу с участью этого одинокого и обреченного цветка, узник говорит: «*Но вовсе он не расцветет, /И где родился — там умрет*». «*Знай, может быть, ее уж нет…*, — говорит он старцу, призывая его позвать «*окровавленных палачей*», поскольку для него: «***Она не тут — и все ничто!.***.» Клянясь перед Творцом, что не виновен ни в чем, он готов принять за нее смерть, но она должна знать, просит он старца:

Что с тайной гибельной моей
Я не расстался для людей...
Кого любил? Отец святой,
Вот что умрет во мне, со мной;
За жизнь, за мир, за вечность вам
Я тайны этой не продам!

Почему это все еще тайна, когда все предельно вроде бы ясно меж героями? Это что он должен скрывать, что готов умереть за эту тайну? «***..И он погиб — и погребен***». Не убит, не умер, а погиб. Как воин! Бейбулат тоже пал от рук врага — погиб. (Погибает и Измаил-Бей, которого русский обвинял в трагедии своей невесты, «обольщенной», якобы, Измаилом, хотя «***ведал он, что быть не мог ее супругом, /Что разделял их наш закон***». Но буря чувств, вызванная в груди чеченца известием о смерти девушки, выдает и его тайные чувства:

Лишь знает он да Бог единый,
Что под спокойною личиной
*Тогда происходи*ло в нем.
Стеснив дыханье, вверх лицом
…Лежал он на земле сырой,
Как та земля, и мрачный, и немой!)

В ночь гибели испанца к ее обители ветер принес «*могильный звон*»:

В ее лице никто б не мог
Открыть печали и тревог…
В глазах был рай, а в сердце ад! —

Она прислушивалась к шуму ветра, «*Как будто должен был принесть /Он речь любви иль смерти весть!..».* Ждала от него весточку или о нем? Она его тоже любит, но почему тогда и, главное, кто обвинил его в столь страшном преступлении? Мать девушки? (См. «Аз-

раил»: Дева по воле матери должна выйти замуж за другого!)

Когда в шуме ветра она услышала «*унылый звон*», то, издав «*слабый крик*», она утихла.

Дважды из груди одной
Не вылетает звук такой!..
Любовь и жизнь он взял с собой. —

конец поэмы. Его казнили, и без него она не захотела жить. Они любили друг друга, как видим, но кто он, этот третий, кому удалось встать между ними? Не в «Азраиле» ли кроется ответ на этот вопрос? Об этом чуть позже.

«Каллы», одна из «ранних кавк. романтич. поэм Лермонтова, примыкающая по содержанию к «Аулу Бастунджи» и «Хаджи Абреку» … часть текста утрачена. Никаких данных для точной датировки «Каллы» не имеется. Принятая датировка (1831) основана на том, что поэма, безусловно, более ранняя, чем «Измаил-Бей», над которым Лермонтов начал работать в 1832 году», — сошлись исследователи окончательно. Если мы посмотрим, о чем эта поэма, то отпадут сомнения по поводу 1830 г. и по июль 1831 года.

С.А. Андреев-Кривич считает, что в основу поэмы положено черкесское предание: «*Молодой горец узнает, что много лет назад, когда он был еще ребенком, отец его пал жертвою убийцы и кровь остается не отмщенной. Горец мстит. Но позже, убедившись, что стал жертвою обмана и убил человека, неповинного в смерти его отца, убивает и того, кто подстрекал его к мщению*».

Таких историй на Кавказе всегда было немало. Но, мог ли интерес Андреева-Кривича к черкесским преданиям не распространиться на самую громкую историю — об убийстве Бейбулата, на котором (и по А. Айдамирову) была кровь кумыкского князя Мехти-Гирея, ставленника Ермолова, убитого им у аула Старо-Сунженского в 1824 году?

За семь следующих лет у его сына Салат-Гирея было время подрасти, тем более что именно он и убил, говорят, своего кровника, подстрекаемый со стороны общим врагом. До сих пор, когда речь идет о гибели Бейбулата, главным подозреваемым в подстрекательстве называют русского императора.

Название поэмы породило тоже немало толков: тюрское «Канлы» или осетинское «каллы»? «***кровавый***» или «***убийца***»? Посмотрим еще раз, о чем поэма? Подстрекаемый муллой, кабардинец Аджи убивает всю семью, а затем самого муллу, который внушал ему, что он, Аджи, «*на земле орудье мщенья,* (***Кхел ица къолнарг*** — чеч.) *Палач, — а*

жертва Акбулат!.. На грозный подвиг ***ты назначен****…*» (Кхел ица — чеч.), и Аджи убивает старика, стоявшего на молитве, сына его и спящую дочь. Затем в отчаянии идет к мулле и закалывает его. Возмездие (кхел) настигло главных героев поэмы. «*И он лишь знает почему /Каллы ужасное прозванье /В горах осталося ему*».

Кхел такое же звучное название, как и тезет (чеч., с ударением на первом слоге, — три первых дня (время тезета) после смерти человека двор родственников умершего открыт для принятия соболезнований. Слово, ставшее в свое время для героя Пушкина именем собственным.) Скорее всего, уроки чеченского давал Лермонтову Бота Шамурзаев, который «*некоторое время служил переводчиком при начальнике левого фланга Кавказской линии*», но с которым Лермонтов. мог быть знаком во время своих визитов к братьям Розенам еще до своей первой ссылки на Кавказ. (ЛЭ, с. 617).

У Висковатова читаем: «*Всех подробностей истории своего рода Михаил Юрьевич не знал. Не были они известны и отцу его, который для того, чтобы поместить сына в Университетский пансион, хлопочет о внесении себя со всем родом в дворянскую родословную книгу Тульской губернии. Какие он представил документы в доказательство дворянского своего достоинства, мы не знаем…*».

Возникает вполне закономерный вопрос: а чего ждал весь род Лермонтовых до сих пор? И как мог Юрий Петрович, не будучи дворянином, участвовать в событиях 1812 года в составе Тульского дворянского ополчения? Не говоря уже о том, что он не только смог окончить Первый кадетский корпус в Петербурге еще в 1804 года, когда разночинцев и в помине не было, но и был оставлен в том же корпусе воспитателем кадетов, где дослужится до капитана! Мы свидетели того, что именно этот документ стал камнем преткновения для Лермонтова, который так и не смог получить образование в том учебном заведении, в котором хотел.

«Азраил» считают ранней (1831) «*фантастической романтической*» поэмой Лермонтова, поскольку, в центре поэмы — падший ангел Азраил. Согласимся с исследователями с небольшой поправкой: это поэма, находящаяся в одном ряду с автобиографическими произведениями поэта, но с элементами фантастики. Обратим внимание на следующую часть к комментарию поэмы: «*В финале Лермонтов неожиданно переводит повествование в иронически сниженный план (Б. Удодов): Дева, которая, казалось, отвечала Азраилу взаимностью,* ***по воле матери должна выйти замуж…***» (**!!!** Вот где в чистом виде фраза эта все же прозвучала!)

Почему бы Лермонтову не сказать, что дева выходит замуж за другого? Почему нужно уточнять: «***по воле матери***», которая, в отличие от отца, как правило, бывает на стороне дочери? Читаем далее: «*По-видимому, действие поэмы должно было происходить в Палестине до разрушения Иудейского царства*» И в скобках: «*жених Девы — воин*.». Запомним это уточнение. И далее: «*Но ремарка «крест на груди у нее» (Девы) разрушает эту локализацию...*» (**!!!**)

Ничего не получилось у лермонтоведов, как ни крутили с комментариями, и, в результате, они бросили все попытки, так и не дав понять, что с этим делать? Но из всего, что ранее нами было сказано, уже можно было бы без особых усилий увидеть, что хотел сказать и сказал нам автор в этой маленькой поэме, но уточним для себя время ее написания. «*Копия поэмы сохранилась в тетради 20-й, где она следует за стихотворением «1831-го января». Это стих. и отрывки из «Азраила» приятель Лермонтова А. Закревский вписал 15 августа 1831 года в альбом одного из своих знакомых (Ю.Н. Бартенева). Следовательно, «Азраил» написан до августа 1831 года*»**!!!**

Что и требовалось доказать. 14 июля убит Бейбулат **—** (воин!), на что обязательно откликнулась официальная российская пресса!

И Лермонтов именно в 1831 году обрушивается на потенциального читателя десятком поэтических вещей, посвященных своему отцу, что исследователи и биографы не замедлили приписать Юрию Петровичу, умершему от чахотки в этом же году, но 1 октября, или, как пишет Мануйлов, **—** «*в начале 1832 года*». Послушаем самих героев поэмы:

— Я опоздала, Азраил. Так ли тебя зовут, мой друг? — спрашивает Дева и садится рядом.

Азраил*. Что до названья? Зови меня твоим любезным…* (см.: «Ребенку»: «*…Бледнея, может быть, она произносила /Название теперь забытое тобой… /Что имя? — звук пустой!»* – здесь и далее ремарки М.В.)

Дева. *Кто ты?*

Азраил. *Изгнанник, существо сильное и побежденное. Зачем ты хочешь знать?* (Бейбулат, перешедший в 1810 г. на русскую сторону, мог называть себя побежденным.)

Дева. *О, я тебя люблю, люблю больше блаженства. (См. выше: почти те же слова в дневнике Марии!) Ты помнишь, когда мы встретились, я покраснела;* (Эта фраза могла быть в дневнике матери! Это то, чем она могла понравиться чеченцу. Застенчивость девушки в присутствии мужчины является чуть ли не определяющим при выборе жены чеченцем. – М.В.) *ты прижал меня к себе,*

мне было так хорошо, так тепло у груди твоей. С тех пор моя душа с твоей одно. (Это тоже запись из дневника матери?) *Ты несчастлив, вверь мне свою печаль, кто ты? Откуда? ангел? демон?* (Она первая видит в нем другую породу мужчины! Ср.: «*Дух ада или рая /Ты о земле забыл…* »)

Азраил. *Ни то, ни другое.*

Дева. *Расскажи мне твою повесть; если ты потребуешь слез, у меня они есть; если потребуешь ласки, то я удушу тебя моими; если потребуешь помощи, о возьми все, что я имею, возьми мое сердце и приложи его к язве, терзающей твою душу; моя любовь сожжет этого червя, который гнездится в ней. Расскажи мне твою повесть!»*

И Азраил рассказывает (отбросим фантастическую часть о сотворении мира…): «…*Молился, действовал, любил. /И не один я сотворен, /Нас было много; чудный край /Мы населяли,* (Чечню? – здесь и далее ремарки М.В.) *только он, /Как ваш давно забытый рай, /Был преступленьем осквернен.* (Войной?) */Я власть великую имел…* (Бейбулат действительно имел великую власть на всем Кавказе, не только в Чечне!) Но могущественный Азраил завидовал ангелам, которые «*Беспечнно проводили дни, /Не знали тайных беспокойств*, (какие сейчас гнетут и самого Лермонтова!) */Их светлый ум… /Любовью грешной не страдал,* (Это Бейбулат, полюбивший христианку и вступивший с ней в незаконную связь?) */И начал громко я роптать, /Мое рожденье проклинать* (Это поэт включает и свое ощущение в этом мире, в высшем свете.) */И говорил: всесильный Бог, /Ты знать про будущее мог, /Зачем же сотворил меня?..* (Сам Л. вновь включается в монолог отца!) */И если я уж сотворен, /Чтобы игрушкою служить…* (это опять самоощущение и Лермонтова самого! Бог допустил его рожденье!) */И наказание в ответ* (не кара, а наказание! — не Бог, а люди осуждают!) /*Упало на главу мою.*

О, не скажу какое, нет!...
Приметь морщин печальный ряд,
Мой горький смех, мой дикий взгляд…
Я жил один, забыт и сир…
И ныне я живу меж вас,
Бессмертный, смертную люблю…
Доверчивое сердце я
Привык не находить давно;..
Но нет, ты плачешь. Я любим….

Дева. *Я тебя не понимаю, Азраил, ты говоришь так темно …. Я пришла сюда, чтобы с тобой проститься, мой милый. Моя мать говорит, что покамест это должно, я иду замуж. Мой жених славный воин…* (Вот тут Лермонтов меняет местами Бейбулат и Ю.П., которого никак воином, тем более славным, не назовешь! Он был служакой, кабинетным, даже не штабным, офицером.)

Азраил. *Вот женщина! она обнимает одного и отдает свое сердце другому!...».* (Не это ли почувствовал Ю.П., переступив порог барского дома в Тарханах, не это ли заставило его охладеть к жене?)

О чем же стихотворение, написанное до этой поэмы: «1831-го Января»:

...Страшуся поглядеть назад...
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки;
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит все печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.

К 1831 г. отнесено и стих. «Русская песня», во второй части которой мы читаем:

...Недавно милый схоронен,..
Бледней снегов предстанет он
И скажет:
«Ты изменила», — ей в лицо,
И ей заветно кольцо
Покажет!..

Какое стихотворение или поэму ни возьми, у Лермонтова один и тот же тип мужчины и женщины. Есть Он и Она! И одни и те же роковые отношения между ними и обстоятельства, которые сильнее их! При всем их сильном чувстве, при всей их взаимной любви, они обречены на разлуку и гибель! И не по Его вине!.. Так было и в жизни: Мария и Бейбулат погибают. Так и в этой песне: «*...дева... боится с крыльца сойти…*», и этот страх перед призраком милого…

Обратим внимание, что он ей до сих пор мил!.. хотя она ему изменила! По своей ли воле? На этот вопрос ответ нужно смотреть в «Азраиле». Главное, Лермонтов не обвиняет его в ее несчастьях, но во

всех вышеприведенных вещах есть некая третья сила, которая незримо присутствует и является виновником несчастья обоих.

28 января 1831 г. Юрий Петрович пишет завещание Михаилу, в котором просит его не пренебрегать своими способностями ума, талантом, за который он должен будет дать отчет Богу, а дальше дословно:

«*…Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце… Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание, которые я мог замечать, хотя и лишен был утешения жить вместе с тобою. Тебе известны причины моей с тобой разлуки, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя с самой чувствительнейшею для себя потерею, и Бог вознаградил меня, ибо вижу, что я в сердце и уважении твоем ко мне ничего не потерял... Скажи ей, что несправедливости ее ко мне я всегда чувствовал очень сильно, ибо, явно, она полагала видеть во мне своего врага, тогда как я был готов любить ее всем сердцем, как мать обожаемой мною женщины!.. Но Бог да простит ей сие заблуждение, как я ей его прощаю*».

Завещание, это возможность сказать последние слова при жизни, выразить свою последнюю волю, и если его огласили, то, значит, что автора его уже нет на этой земле. Очевидно, приступ чахотки напугал Юрия Петровича, и он поспешил объясниться с Михаилом. Но после того, как написал, Юрий Петрович прожил еще около 9 месяцев! Нет сведений о том, что за это время Юрий Петрович вносил поправки. А значит, он сказал Михаилу все, что хотел, и посчитал этого достаточным. Посмотрим, что же сказалось им для, якобы, родного сына перед смертью. В этом большом благодарственном Слове «отца», адресат всего лишь один раз назван: «*любезнейший сын мой*», и тут же в следующем обращении: «*бесценный друг мой*»…, — которые по вложенному в них ровному чувству — чувству благодарности — за доброе сердце, за любовь и нежное внимание — звучат как синонимы. Поскольку лермонтоведы считают стих. «Ужасная судьба отца и сына…» написанным на смерть Юрия Петровича, посмотрим, был ли лишен Михаил возможности общаться с ним: «*Бог вознаградил меня, ибо вижу, что я в сердце и уважении твоем ко мне ничего не потерял*».

Значит, это было у них взаимно, поскольку, со своей стороны, Ю.П. говорит об этом с нежностью. Когда это могло происходить? «*С сыном Ю.П. виделся в Кропотове в 1827 году, затем ежегодно в Москве*», — найдем мы ответ в ЛЭ. (С. 242) Но главное, сожалея о несправедливом отношении к нему Арсеньевой, он пишет «сыну», что «*готов был любить ее всем сердцем, как мать обожаемой (им) женщи-*

ны»! «Отец» пишет «сыну», что его, Михаила, мать была его, Юрия Петровича, женщиной, которую он обожал! Почему он не пишет «сыну», что любил «ее», как бабушку своего сына, а Марию, как мать своего сына, что он был той ниточкой, связывавшей их; пишет же он, что готов был полюбить тещу уже за то, что она была матерью его …женщины?!

«Странный человек», — назовет Арбенина поэт в этой автобиографической пьесе, эпиграфом к которой взяты слова из Байрона «Сон»: «*Женщина, которую он любил, была обвенчана с другим, но тот любил ее не больше...*», а в предсмертном признании Марьи Дмитриевны сыну Владимиру мы вновь наблюдаем знакомые муки: «*Я виновна: молодость была моей виною…* (см. «Покаяние») *Я прежде любила другого: если б мой муж хотел, я забыла бы прежнее. Несколько лет старалась я побеждать эту любовь, и одна минута решила мою участь… Мой поступок заставляет тебя презирать меня, и не одну меня…* (Самого себя? — М.В.) *С унижением я упала к ногам его … я надеялась, что он великодушно простит мне… Но он выгнал меня из дому*…(ушла, мол, оставив его, сына – М.В.) *Ты не смотришь на меня?..*») Владимир в отчаянии, но весь свой монолог, который мы приводили и выше, он произносит «про себя»: «… *Природа вооружается против меня; я ношу в себе семя зла; я создан, чтобы разрушать естественный порядок… Здесь умирающая мать — и на языке моем нет ни одного утешительного слова, ни одного!..*». И хотя в пьесе автор настоятельно повторяет, что Арбенин сын своего отца, хоть и проклятый им, слова матери и буря чувств в груди сына недвусмысленно дают понять, что только незаконнорожденный ребенок есть «***разрушение естественного порядка***», против которого сама «***природа вооружается***»! И здесь опять тот, третий, которого Марья Дмитриевна знала еще до своего замужества! Стих. «Пусть я кого-нибудь люблю...» — Первоначально состояло из трех строф; третья строфа носила автобиографический характер, которая звучит как продолжение монолога Арбенина:

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя;
От них остался только я... —
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом...

«***Яростно зачеркнутые***» в черновом варианте и позже восстановленные, они слишком красноречивы, чтобы их комментировать.

О жене и детях Бейбулата в Чечне, как мы говорили выше, нет никаких сведений! Так что Лермонтов писал правду, когда говорил: «*Я в мире не оставлю брата…*» или «*…Младая ветвь на пне сухом*». По мужской линии он был единственным в мире и одиноким, в отличие от многочисленных ближайших родственников по матери и бабушке с дедушкой: Арсеньевых и Столыпиных! Но в его творчестве лирический герой, как и сам поэт, — одинок, несчастен, не от мира сего, не понимаемый никем и т. д.….

«Я видел тень блаженства; но вполне…» — тоже отнесено к 1831 году, и в нем Лермонтов по-прежнему несчастен:

Нет! чистый ангел не виновен в том,
Что есть пятно тоски в уме моем;
И с каждым годом шире то пятно; …
О мой отец! Где ты? где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах? —

Никакой гордости в спившемся Юрии Петровиче не было!

В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх.
«Есть рай небесный!» —звезды говорят;
Но где ж? Вот вопрос — и в нем-то яд; —

он сын мусульманина, живущий в православном государстве, в христианской семье!

Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать отраду бытия...

Поэт не может жениться на любой девушке, которую полюбит, пока не откроет ей свое происхождение, и это отравляет его: от него, не просто не имеющего дворянские корни, но сына врага России, могут отречься, как только станет известно его происхождение! Но сам-то он гордится и Кавказом, и своим отцом.

В 1836 году исполнилось пять лет со дня гибели Бейбулата, доблести которого трудно сыскать и сейчас достойную награду. Посмотрим, о чем следующее стихотворение, которое относят к 1836 году, комментарии к нему дадим в скобках: «*Великий муж! Здесь нет награды, /Достойной доблести твоей!.. .../ Но беспристрастное преданье* (А настоящее еще долгое время будет весьма пристрастно!) /*Твой славный подвиг сохранит,* (Ср. выше: «Но ты свершил свой подвиг…»

Славный подвиг!!! А не в смысле: «*завершил жизненный круг*»!) /*И, услыхав твое названье,* (См. стих. «Ребенку»: «… Название, теперь забытое тобой…» — говорит отец сыну о своем имени. И в «Азраиле» — имя его для Девы как «название») /*Твой сын душою закипит.* (См.: «… и его, дитя, не прокляни!» — «Ребенку». А здесь не о проклятии речь, здесь буря чувств: гордость за отца, любовь к нему, и злость, и проклятие в адрес тех, кто не сумел оценить его при жизни!)

«Свершит блистательную тризну /Потомок поздний над тобой (Любой чеченец! Или его, поэта, может быть, сын!) */И с непритворною слезой* (А ему сейчас приходится притворяться, что он не имеет к нему отношения! См. Эпитафия: *…легче плакать, чем страдать /Без всяких признаков страданья*) */Промолвит: «он любил отчизну!»* (За нее, Чечню, и умер! Ею одной и жил! А любви он себя посвятить не мог. См.: Измаил-Бей и Зара.)

Только подключив исключительное воображение, можно было в этом стих. увидеть П.Я. Чаадаева, А.П. Ермолова, Н.Н. Раевского и, наконец, русского полководца М.Б. Барклая-де-Толли, погибшего в 1818 году, как это считали некоторые исследователи с «*железной логикой*»: в 1836 году в «Современнике» Пушкин опубликовал свое стихотв. «Полководец», «*посвященное Барклаю*» и вызвавшее «*волну обсуждений*», в которую, надо полагать, включился и Лермонтов. Но официальная версия все же ближе к истине: «***К кому обращено стихотворение, до сих пор не установлено***». Это, по крайней мере, честнее, как и то, что следующее стих. так же оставалось без комментариев: «*Я не хочу, чтоб свет узнал /Мою таинственную повесть;* (повесть не о любви. Знак препинания «;» говорит сам за себя) */Как я любил, за что страдал, /Тому судья лишь Бог да совесть!.. /И пусть меня накажет тот, /Кто изобрел мои мученья;* (Бог допустил встречу Марии и Бейбулата и рождение Михаила!) /*Укор невежд, укор людей* (Невежды цепляются за предрассудки!) /*Души высокой не печалит... ... /Он никому не вверит думы…* (см.: *…Кто толпе мои расскажет думы?.. …* — … никто! Не сам ли Л., повторимся, настроенный так категорично и однозначно в отношении этой «таинственной повести», уничтожил дневники своей матери, которые исчезли бесследно после его смерти?)

Ни даты, ни комментария нет к следующему стихотворению:

Гляжу на будущность с боязнью
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной!..

Я в мире не оставлю брата,
И тьмой, и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока, (Подтверждает ли он, что он рожден был шестимесячным?)

Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия. (Душа увяла не от чего-то, зависящего от него, а от Рока!!! См. «Исповедь»: «*Таков был рок! — зачем, за что, /Не знал и знать не мог никто…*»)

Наши комментарии ставят это стих. в один ряд со всем, что написано поэтом, дополняя и уточняя единый образ лирического героя, восходящего к самому поэту. Но если рассматривать каждое стихотворение автономно, вне связи их друг с другом, то и комментировать их будет невозможно: сплошные тайны и загадки!

10 мая 1832 г. датирована поэма «Измаил-Бей». Посвящение считается написанным позже — не ранее октября–ноября. Оставим пока споры о времени написания поэмы, поскольку поэма большая и очень интересная в исследовательском отношении, а это требует отдельного разговора. Отметим только, что, несмотря на то что Лермонтов прямо говорит, что «*старик* ***чеченец…*** *Когда меня чрез горы провожал/ Про старину мне повесть рассказал…*», исследователи кинулись искать прототипов главных героев в Кабарде. И, главное, — нашли. Почти сто лет непрерывно идет война в Чечне, и подобных сюжетов там — море, а чеченец рассказывает поэту о героях кабардинцах! Мыслимо ли? Тем более что в поэме почти дословно ермоловскими словами о героической защите жителей Дади-Юрта говорится об уничтожении села, откуда родом был Измаил-Бей. Приведем лишь одну цитату, в которой Лермонтов, как позже Л. Толстой в «Хаджи-Мурате», не сможет скрыть своего генетического родства со своей «Любезной родиной», которую уничтожает враг:

…Аул, где детство он провел,
Мечети, кровы мирных сел —
Все уничтожил русский воин.
Нет, нет, не будет он спокоен,
Пока из белых их костей
Векам грядущим в поученье
Он не воздвигнет мавзолей
И так отомстит за униженье

Любезной родины своей.
«Я знаю, вас, — он шепчет, — знаю,
И вы узнаете меня;
Давно уж вас я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только с нынешнего дня!» —

За последние две войны из груди какого чеченца вырвались столь горькие, столь проникновенные, прочувствованные, безудержные в своем гневе, отчаянные в своем презрении к врагу слова любви к родине, на которой и сегодня «*мечети, кровы мирных сел — все уничтожил русский воин*»? (Ср. вышеприведенное: Лермонтов ведет себя как «*враждебно настроенный иностранец…*»)

И еще. Согласно традиционной версии, закончив поэму 10 мая, спустя полгода (!) Лермонтов пишет к ней «Посвящение», в котором признается: «*Твоим горам я путник не чужой… /Как я любил, Кавказ мой величавый, /**Твоих сынов воинственные нравы**…*». Почему без этого признания в любви поэт считал и эту свою поэму не законченной? Комментарии нужны?

18 июня 1832 года Лермонтов получил свидетельство и готовился с бабушкой к отъезду в Петербург, куда они и выедут в начале августа для поступления в Школу юнкеров. Имел ли юноша к этому времени на руках долгожданный документ, можно только догадываться. По крайней мере, в Петербург он поехал, как известно, поступать в Юнкерскую Школу, куда принимали только из дворянских семей.

> Для справки: Школа юнкеров (на Мойке) была создана в 1823 г. по инициативе в. кн. Николая. Надзирал за Школой в. кн. Михаил. (ЛЭ) «Школа имела вид скорее военного университета с воспитанниками, жившими в стенах его, наподобие того, как жили казенно-коштные студенты в Моск. университете. Нравы и обычаи в обоих учреждениях не многим отличались друг от друга, если только взять в соображение разницу, которая происходила от общественного положения молодых людей. Казеннокоштные студенты университета были люди из бедных семей, в Школе же это были сыновья богатых и знатных родителей», —

вот так витиевато высказался Висковатов по поводу того, что юнкерами могли быть только сыновья дворян.

Перед отъездом из Москвы Лермонтов пишет стих.:

Я жить хочу! Хочу печали

Любви и счастию назло;
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?..

Похоже, он решил бросить вызов официальной жизни свету, не принимавшему его без какой-то бумажки, несмотря на очень влиятельных родственников и могущественных друзей его бабушки.

4 ноября Михаил держит экзамены в Школе. А 14 ноября отдан приказ по Школе юнкеров о зачислении его на правах вольноопределяющегося унтер-офицера л.-гв. Гусарского полка. Это означало, что Столыпины и Арсеньевы, послужившие и служившие и ныне своему отечеству, уговорили вел. кн. Михаила Павловича взять молодого человека к себе, чтобы он вообще не остался без образования.

Михаил опять учится и живет вместе с бабушкой. Ничего не изменилось от перемены столиц. Не тогда ли узнал император Николай I от своего брата, что Лермонтов «***неблагородного***» происхождения? И не доискался ли император до тайны рождения своего гвардейца, к которому стал питать личную неприязнь, как это свидетельствуют современники поэта? Вряд ли это было отношение общества к незаконнорожденному: и Жуковский, и Полежаев тоже были неблагородного происхождения, но они не были сыновьями врага Российской империи! Жуковский вообще был сыном турчанки Сальхи (в крещении — Елизавета Дементьевна Турчанинова) и старого барина Афанасия Бунина, получивший свою фамилию и отчество от крестного бедного дворянина Андрея Жуковского, а А.И. Полежаев был незаконным сыном пензенского помещика Л.Н. Струйского и крепостной, фиктивно выданной замуж за мещанина Полежаева.

Отношение императора к участникам последней дуэли Лермонтова было более чем демонстративно показательным. По свидетельству декабриста Н.И. Лорера («Из записок декабриста»): «*В то время, когда дуэли так строго преследовались, с убийцею и секундантами обошлись довольно снисходительно. Мартынова послали в Киев на покаяние на двенадцать лет. Но он там скоро женился на прехорошенькой польке и поселился в своем собственном доме в Москве*». Глебова и князя Васильчикова отпустили без всякого наказания.

Ни в какое сравнение не идет это с тем, как поступили с Данзасом, секундантом Пушкина, сосланным на Кавказ, и Дантесом, — высланным из страны навсегда!.. Не говоря уже о печати проклятия на века поставленной на всем роде Дантесов поздними потомками россиян,

предавших забвению убийство Лермонтова, едва успело остыть тело поэта: Н.П. Раевский близкий друг поэта с детства, вспоминая этот трагический для России день и оправдывая Мартынова, рассказывал о своей встрече «*с Николаем Соломоновичем Мартыновым перед самой Крымской кампанией в одном из московских клубов. Они никогда не были особенно расположены друг к другу, но тут встретились как истинные друзья…*». (В пересказе В.П. Желиховской, с. 429)

Служба в полку состояла не только в обычных военных занятиях, учениях, парадах, но и в обязательном посещении придворных балов … Белая масть лошадей, присвоенная л.-гв. Гусарскому полку, навсегда стала любимой мастью Лермонтова. (Запомним это. В Чечне ему это очень пригодится!)

Поэма «Аул Бастунджи» датируется 1833-1834 годами. В.Х. Хохряков относил поэму к 1832 году. Эта дата стоит в принадлежавшем ему списке. В другой его тетради имеется запись о том, что «Аул Бастунджи» писан в юнкерской школе. Во всяком случае, кавказские поэмы Лермонтов пишет одну за другой с кавказскими же сюжетами и героями еще за долго до своей первой ссылки на Кавказ! «Посвященье» к этой поэме более чем красноречиво. Выше мы его не раз цитировали, напомним лишь заключительные строки: «*…Живут воспоминанья о далекой /Святой земле... ни свет, ни шум земной /Их не убьет... я твой! я всюду твой!..».*

Известный в России художник Петр Захаров, воспитанник брата проконсула Кавказа А.П. Ермолова, вторично, в 1835 году, экспонируется на выставке с работой-копией с картины известного портретиста XVIII века Антониса Ван-Дейка «Молодой принц». Годом раньше (1834) он экспонировался на выставке со знаменитой работой Брюллова «Последний день Помпеи» и Пушкин, посетивший эту выставку, не мог не видеть работу Захарова. Тем более что купил ее не кто иной, как его друг граф М.Ю. Виельгорский. В августе 1835 г. Захаров получил награду за эскиз к картине «Старуха, гадающая на картах» — две серебряные медали «*за экспрессию в живописи*», верное отражение чувств, переживаний, за живописную выразительность. Решением Совета Академии он получает звание внеклассного художника.

«*Когда, по окончании юнкерской школы, Лермонтов вышел корнетом в лейб-гвардейский Гусарский полк и впервые надел офицерский мундир, бабка поэта заказала художнику Будкину его парадный портрет…*», — без всяких сомнений и предположений уверенно пишет якобы… Висковатов! Но мог ли о Будкине писать Висковатов еще в конце XIX века, когда авторство Захарова было «*поставлено под сом-*

нение» впервые только в 1944 году! Нужно ли комментировать эту цифру? Для несведущих напомним, что это год депортации всего чеченского народа в Казахстан и Среднюю Азию, когда само слово «чеченец» было под запретом и было изъято почти из всех источников. Глядя на красивые черты лица поэта, тщательно выписанные художником, понимаешь, какой завистью современников был окружен поэт, не желавших видеть в нем блестящего молодого человека, каковым он был на самом деле:

«*С полотна пристально смотрит на нас спокойный, благообразный гвардеец с правильными чертами лица: удлиненный овал, высокий лоб, строгие карие глаза, прямой, правильной формы нос, щегольские усики над пухлым ртом.* ***В руке — шляпа с плюмажем.*** *«Можем... засвидетельствовать, — писал об этом портрете родственник поэта М. Лонгинов, — что он (хотя несколько польщенный, как обыкновенно бывает)* ***очень похож и один может дать истинное понятие о лице*** *Лермонтова*». Зная, что речь идет о портрете Лермонтова, написанным не безвестным провинциальным художником Будкиным, а самим П. Захаровым, которого К. Брюллов называл вторым после себя портретистом в России, зададимся вопросом: О чем могли говорить две умные творческие молодые натуры за все это время, проведенное вместе? Перед поэтом, который к этому времени написал почти все свои кавказские поэмы, стоял художник с ярко выраженными кавказскими чертами лица, хотя и салонными манерами. Мог ли Лермонтов не заинтересоваться своими героями, материализовавшимися в лице одного художника с русским именем, фамилией и отчеством: откуда он родом? Из уничтоженного «Аула Бастунджи»? Из родового села «Измаил-Бея», превращенного русскими в пепелище? Откуда?.. Не тогда ли Лермонтов услышал историю Дади-Юрта и мальчика, вывезенного генералом Ермоловым сначала в Грузию, а затем уже в Петербург?.. По крайней мере, свою следующую поэму о кавказском герое, в рукописном варианте, он назовет «Бэри»! (Ребенок! – с чеч.) В «Дневнике» Ю.Ф. Самарина есть запись: «*31 июля (1841) тут* (На обеде у Гоголя – М.В.) *он читал свои стихи —* ***Бой мальчика с барсом***». Не тогда ли они договорились написать свои автопортреты в бурке, раскрывая тайну своего рождения? По крайней мере, через два-три года (1837-1838) Лермонтов пишет свой акварельный автопортрет: «*на фоне Кавказских гор, в бурке, с кинжалом на поясе, с огромными печально-взволнованными глазами*». (Висковатов) А в 1843 г. в бурке, но только не с кинжалом, а с ружьем за плечами и с жестким, но трагическим взглядом напишет Петр Захаров не свой автопортрет,

а портрет другого мальчика, взращенного так же в России в русской семье — генерал-майора Александра Чеченского.

5 августа (1839) — дата, поставленная рукой Лермонтова на обложке рукописи «Бэри». Вначале поэт хотел взять эпиграфом к поэме французское изречение: «***Родина бывает только одна***». (Это потом появилось: *Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю*. Из 1-й кн. Царств) Судя по тому, что в окружение Лермонтова входил не один Петр Захаров, из чеченцев, а как минимум еще двое (см. ниже), то именно Бота Шамурзаев, как старший из них, мог еще говорить на родном языке, чему мы найдем подтверждение в ЛЭ: «*Бота Шамурзаев — один из возможных прототипов «Измаил-Бея». В 1819 году при истреблении Дади-Юрта в возрасте 9-10 лет попал в плен. Воспитателем его был Г. В. Розен; затем его приблизил к себе великий князь Константин Павлович. В 1834 году (или в 35-м) пожелал вернуться на Родину и был отпущен в Чечню, где некоторое время служил переводчиком при начальнике левого фланга Кавказской линии*». (С. 617)

Лермонтов мог знать и Константина Михайловича Айбулата-Розена, вывезенного ребенком из того же истребленного русскими селения Дади-Юрт и воспитанного Мартыном (Михаилом) Розеном. Лермонтов часто и свободно бывал в доме Розенов, а Айбулат был не только одних с ним лет, но имел страсть к сочинительству и даже периодически печатал свои стихи на страницах пушкинского «Современника». Нельзя не вспомнить и Галуба из стих. «Валерик», которого поэт называет своим кунаком.

Еще в 1837 году, в свою первую ссылку на Кавказ, Лермонтов мог слышать, что «*... За каждую голову Вельяминов платил по червонцу и черепа отправлял в Академию наук. Поэтому за каждого убитого горца шла упорная драка, стоившая порой много жизней с той и другой стороны. У горцев образовался обычай, отправляясь в военное предприятие, давать друзьям и союзникам клятвенное обещание привозить обратно мертвых, или, если то окажется невозможным, отрубать голову убитого и привозить ее семейству; не сделавший этого принимал на себя обязательство всю жизнь содержать на свой счет вдову и детей павшего товарища...*». (Т. Иванова)

В своей картине «Сражение при Валерике» Лермонтов рисует именно такой эпизод, когда отчаянно смелые, дерзко отважные чеченцы, голыми руками противостоя русским напирающим штыкам, вытаскивают из боя убитых и раненых! И симпатии автора картины однозначно на стороне этих мужественных людей, как симпатии поэта в стих. «Валерик» однозначно на стороне достойных защитников своей

земли!

Стих. «Как часто, пестрою толпою окружен» датировано: «1-е января». Исследователи поэта, увлеченные поисками тех, кто стоял за всеми этими «приличьем стянутыми масками», не заметили, как удалились так далеко от сути самого стих., что прошли мимо того, что сказалось поэтом. «*Творч. история стих. доныне является предметом неутихающих споров между исследователями... был маскарад в Дворянском собрании, где Л. якобы нарушил этикет: он дерзко ответил «двум сестрам»..., задевшим его «словом» (намек на принадлежность их к царской фамилии)... Но когда в «Отеч. зап.» появилось стих. «Первое января», многие выражения в нем показались непозволительными*». (Висковатый, с. 315-16). «*В наст. время установлено, что в Дворянском собрании не было новогоднего маскарада. Это как будто бы превращает сообщение Висковатого в легенду. Высказывалось предположение, что выходка Л. все же имела место... и относилась она не к царским дочерям, как это считалось раньше, а к императрице; именно к янв. и февр. 1839 относятся ее посещения маскарадов в Дворянском собрании, где под маской она «интриговала» близких друзей Л. ...»*. (ЛЭ, с. 215)

Так о чем же стихотворение?

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной…
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски... —

Для Лермонтова его общество — пестрая толпа! Все безликие — сплошные маски, прячущиеся за приличием! Как будто он не один из них! Так смотрят на среду, чуждую тебе! (Ср.: два года назад: «*И, как преступник перед казнью, /Ищу кругом души родной*…») Все фальшиво, все ряженные, играют в высший свет! Не о маскарадных масках речь и не о маскараде вообще, поскольку поэт окружен ими «***часто***»! На Кавказе, откуда Лермонтов вернулся чуть больше года, самоценен человек! Здесь же он ничто, если нет титулов и средств!

Когда касаются холодных рук моих
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки...» —

Формально Лермонтов вынужден принимать условности света! Это не его, это ИХ блеск и суета!

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком,
и кругом
Родные всё места:
высокий барский дом… —

Недавняя старина — это его детство. Не люди родные, не человек родной, не бабушка, не отец, а «***места***» вспоминает поэт: дом, сад с теплицей, пруд, село, туманы над полями, темную аллею, вечерний луч, желтые листы и… «***робкие шаги***»! Чьи?

Посмотрим далее.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой… —

Тоска, потому что нельзя ни с кем из них поделиться, (нет кругом души родной!) а значит, нельзя освободиться от груза этого, даже сквозь годы! «***Странная***» тоска, потому что это ребенок думает о своей матери, чей образ он уже не помнит, разве что может создать в мечтах своих. Он плачет, потому что любит ее до сих пор. Поэт, который в данный момент пережил намного возраст матери, понимает, как юна она была, когда ушла из жизни. Оттого и больно! Но с ним остался этот огонь ее глаз и улыбка. Так может смотреть на малыша и улыбаться ему только мать!

…Когда ж, ***опомнившись, обман*** *я узнаю*
И шум толпы людской спугнет мечту мою...
О, как мне хочется ***смутить*** *веселость их*
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый ***горечью*** *и* ***злостью****!.. —*

Обман в том, что он иного происхождения. Он — не то, что о нем думают в свете. Исчезает образ матери, когда он еще не был снедаем

этой странной тоской. Смутить! Открывшись в этом чопорном, манерном, приличьем прикрывающемся обществе, что он не один из них, но среди них! Это действительно дерзость занимать в обществе место, тебе не принадлежащее! Горечь и злость. Только эти чувства и могут превалировать в его положении! Эти чувства душили Пушкина, стоявшего на балах всегда в сторонке, поглощая мороженое; это испытывал Ермолов, еще при жизни ставший легендой, но не приблизившийся на великосветских балах ни на йоту к этому избранному кругу!

«*Я сам забавляюсь моим в Петербург приездом… Весьма необыкновенное дело человеку, дожившему до моего чина,* ***быть не знакомым в столице*** *и в обществе представлять* ***одинокую фигуру с Трухменцами, Башкирами и другими тварями****, которые к вам приезжают. Иначе, как по делам, я никуда ни шагу; парады наше дело!.. люди, разбору коих я принадлежу, есть некоторый* ***род карикатур****…*» — писал он Арсению Андреевичу Закревскому 5 декабря 1820 г. из Тифлиса. (Махач-Кала 1926, Типолит. над. «Терек» Терокрисполкома. Терокрлито, № 910. Письмо № 12)

Как продолжение выше приведенных мыслей, звучит стих.: «И скучно и грустно…»:

и ***некому*** *руку подать…*
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно…
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и ***глупая шутка****… —*

Потому что к нему и к его прошлому это не имеет никакого отношения! Жизнь подшутила над ним. От условностей света он стал свободен, но объясниться со своим кругом не может: это тайна его матери и отца, которых больше нет! 20 марта 1840 г., находясь под арестом, он пишет стих. «Журналист, читатель и писатель», в котором мы найдем объяснение некоторым своим вопросам:

Писатель находится не в творческом, а духовном кризисе:

О чем писать?..
Бывают тягостные ночи:..
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко без сознанья…
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,..

Тогда пишу. Диктует совесть,
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,

(Тайной матери, о которой он тоже пишет?) /*Приличьем скрашенный порок* (**!!!** Бабушка прикрыла порок, но он остался…) /*Я смело предаю позору;* /*Неумолим я и жесток...* (как писатель! Но он еще и сын, потому страдает!) /*Но, право, этих горьких строк* /*Неприготовленному взору* /*Я не решуся показать...* (Потому что это глубоко личное. И Лермонтову достаточно за эти 10-12 лет «приготовлял взор» своего читателя,) /*Скажите ж мне, о чем писать?..* (если все окрашено личной трагедией!)

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный

(как произошло это с ним, ребенком, после чтения дневника матери!) /*И сердце слабое увлек* /*В свой необузданный поток?* (См. реакцию Л. на дневники матери: «ошеломлен»! «Перестал ходить», «бредил»…) /*О нет!..* /*Такой тяжелою ценою* (Цена действительно тяжела: Л. это отравило всю жизнь!) /*Я вашей славы не куплю.*

В годовщину смерти Михаила Юрьевича — 15 июля 1845 г., Плетнев пишет Коптеву: «*О Лермонтове я не хочу говорить потому, что и без меня говорят о нем гораздо более, нежели он того стоит. Это был после Байрона и Пушкина фокусник, который гримасами своими умел толпе напомнить своих предшественников. В толпе стоял К(раевский). Он раскричался в «Отечественных записках», что вот что-то новее и, следовательно, лучше Байрона и Пушкина. Толпа и пошла за ним взвизгивать то же. Не буду же я пока противоречить этой ватаге, ни вторить ей. Придет время, и о Лермонтове забудут, как забыли о Полежаеве*». («Русский архив», 1877 г., № 12, стр. 365)

Почему Плетнев сравнил Лермонтова именно с А. Полежаевым? Плетнева раздражала широкая известность и популярность этих поэтов — незаконнорожденных сыновей? Во всяком случае такую реакцию имел ввиду Лермонтов, когда писал: «***К чему толпы неблагодарной /Мне злость и ненависть навлечь…***» За столь душераздирающей трагедией и одиночеством поэта даже Плетнев увидел только

гримасы фокусника… Почему фокусника? Гримасничает клоун. При всей своей нелюбви к Лермонтову, Плетнев не мог не оказаться в плену магии его гения.

Наступил-таки 1841-й и последний год в жизни поэта.

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой…
.....
Ни темной старины заветные преданья
***Не шевелят во мне** отрадного мечтанья… —*

пишет Лермонтов, как видим, думающий о России постоянно, но не находящий в себе тех чувств, которые хотел бы обнаружить. Более того, стихи, посвященные России, ни в какое сравнение не идут со всем тем, что посвящено Кавказу. Русские предания, т. е. — русская история — не трогают его! Может, поэтому он так категорично, хотя и с болью, рвал с ней последнюю связь:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ… —

поэт покидает Россию, не оставляя себе надежды вернуться, иначе он не бросил бы вызов всесильной жандармерии всей страны!

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей. —

Кавказ — спасение для него от всего и от всех! Почему Кавказ? Почему он не сожалеет, что не может уехать в Европу, к ее победившей демократии? Россия для Лермонтова — Азиатчина! Но желание поэта именно на Кавказе скрыться от «***всевидящего глаза***» и «***всеслышащих ушей***» императора и великих князей (пашей), выдает то, что царствующему дому Романовых известно его происхождение! Несмотря на то, что Лермонтову на Кавказе грозит явная гибель на «вечной войне», он говорит о Кавказе, как о «***стене***», которая защитит его, как сына. Так бы оно и случилось, если бы не дотянулись до поэта их длинные руки, о которых он забыл здесь упомянуть.

«Благодарность», стих. позднего Лермонтова, «*в к-ром в афористич. форме с особой силой поэтич. экспрессии подводится итог отношений поэта с «**непринявшим** (**!!!** – М.В.) его миром… выливаются в дерзко-иронич. вызов Богу, основавшему несовершенный и парадоксальный мир… «Ты» (бог) и «Я» (поэт) — два противостоящих друг другу, но равновеликих и могучих духа…*» — дается комментарий к стих. в ЛЭ, но то, что казалось уместным в устах исследователя-атеиста в советское время, то не может быть принято, когда речь идет о Боге, верующим человеком, каковым был поэт.

«Дал динчуна хастам бо ас» — говорят чеченцы, т. е. благодарю Бога за все… и далее по тексту. Сколько раз на дню мог Бота Шамурзаев произносить эти слова, в том числе и самому Лермонтову, пытаясь примирить его с самим собой, поскольку все в жизни происходит только по воле Бога!

«*Худ. эффект достигается ироническим переосмыслением благодарности, выражаемой не за радости жизни, а за испытанные в ней страдания… заканчивает стих. «мрачно-иронической просьбой о смерти»*.», (ЛЭ, с. 63) — так видит атеист, что хочет видеть, а поэт искренен в своей просьбе, но он слишком устал от такой жизни, чтобы желать ее продолжения:

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был…
Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

«*Д.С. Мережковский подметил полное или почти полное отсутствие имени Христа в соч. Л. Одно из редких исключений — ироническое «я люблю врагов, хотя не по-христиански» в «Герое...*»», — пишут исследователи. Может, Лермонтов не знал, (как и Л. Толстой до его приезда на Кавказ) как он должен обращаться к своему Богу? Возможно, и об этом говорили они с Петром Захаровым. Трехлетним ребенком попавший в православное государство и православную семью, он писал своему опекуну, будучи зрелым художником, в ответ на приглашение на рождество в Москву: «*Вы же знаете, что с тех пор, как я стал осознавать себя, я не разделяю этого праздника с православными…*».

В этом отношении интересно стих. «Спеша на север издалека…»,

в котором поэт, обращаясь к Казбеку, просит его:

...Но сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье,
К престолу вечному ***Аллы.***
Молю, чтоб буря не застала…
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем…

Лермонтов был «*свободолюбивой натурой*», — пишет Висковатов. Вырасти в семье, где не было ни у кого свободы выбора: ни у деда Арсеньева, ни у матери, ни у Юрия Петровича; где превалировал диктат его бабушки над всеми и всем, о каком свободолюбии можно было говорить? В такой семье болезненный, некрасивый мальчик должен был вырасти с кучей комплексов, а он вознесся над всеми своими сверстниками, над своим поколением, над обществом, над Временем!

Откуда была в нем эта несгибаемость и воля к абсолютной, космической свободе? «*…Именно органически присущее поэту свободолюбие, чувства гордости и независимости, вражда ко всякой «нивелировке личностей» сделали его чужим окружавшему его дворянскому обществу, в особенности же высшим, придворным его кругам…*» — считает Висковатов.

«…Кто с гордою душою родился, тот не требует венца…» — отвечает ему поэт.

Марьям Вахидова **7 октября 2009 г.**

К ПРЕСТОЛУ ВЕЧНОМУ АЛЛЫ…

> «Лермонтов всегда и со всеми лжет». — Лжет, чтобы не узнали о нем страшную истину. Звери слышат человечий запах. Так люди слышат в Лермонтове запах иной породы…»
>
> *Д. Мережковский.*

> «Выговаривая правду прямо и до конца, надо признать, что автор самых проникновенных и чистых православных стихов был отчасти мусульманином»
>
> *М. Синельников.*

К огромному сожалению, когда речь заходит о Кавказе или Исламе в жизни русских классиков, даже самые пытливые исследователи либо замалчивают эти темы, либо не углубляются в них, либо исходят из своего понимания и своего отношения к проблемам.

А между тем, именно Кавказ и приобщение через друзей-чеченцев к Исламу, оставили самые яркие, глубокие и, вместе с тем, трагические впечатления на сердце каждого из них — и Толстого и Лермонтова. Не мыслившие своей жизни и творчества своего вне связи с Кавказом, они громко и клятвенно заверяли всех в своей любви к Кавказу не только потому, что были покорены ее царственной природой. Отныне они были неразрывно связаны с судьбой чеченского народа. Своего народа!

Но кто их слышит даже сейчас? Тысячу первый раз перечитывая классиков, каждое новое поколение ученых продолжает оставаться во власти предложенных однажды их предшественниками трактовок и комментариев. Оставим тех исследователей, которые в силу официальной атеистической идеологии не могли быть объективны, и последуем за теми, кто религиозную тему ставил во главу угла своих исследований и был свободен от советской цензуры, поскольку никогда не были советскими людьми. Последуем сначала за Д. Мережковским, который в своей статье «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества», отвоевывает поэта у Вл. Соловьева. («Наше наследие», 1989, № 5) Но, как человек, который оказался способным стать космополитом, очутившись однажды вне родины, вне отечества, вне отчего дома, Д. Ме-

режковский отвоеванного им 26-летнего поэта (оставим пока общепринятую дату) еще в 1909 году забрасывает в Космос, во Вселенную.

«Трагедия Лермонтова в том, что он христианства преодолеть не мог, потому что не принял и не исполнил его до конца. Он борется с христианством не только в любви к женщинам, но и в любви к природе, и в этой последней борьбе трагедия личная расширяется до вселенской, из глубины сердечной восходит до звездных глубин». — Вот так, приблизившись вплотную к разгадке личной трагедии Михаила Лермонтова, Мережковский вместо того, чтобы перевести здесь же, на земле, свой взгляд на другой объект, запрокинув голову, устремляет свой взор в космическую бездну.

Каким бы гением не дышало перо поэта, писателя, философа, мыслителя, он всегда земной человек, остро чувствующий гармонию или несовершенство мира через все, что окружает его, что рядом с ним, что имеет название.

«Ночь тиха, пустыня внемлет Богу, и звезда с звездою говорит…» — все предельно конкретно. Здесь нет никакой «страшной истины», нет лжи, которую усмотрел философ во всем творчестве поэта (см. эпиграф), — здесь некое молитвенное предстояние перед Богом. Но поскольку пока своего Бога Лермонтов никак не называет, и христианин, и мусульманин здесь едины с поэтом в своих чувствах. Так чувствует любой верующий человек. Но в кого веровал Лермонтов? — Вопрос далеко не праздный и не надуманный.

«Д.С. Мережковский подметил полное или почти полное отсутствие имени Христа в сочинениях Лермонтова. Одно из редких исключений — ироническое «я люблю врагов, хотя не по-христиански» в «Герое...». Настроение смирения и всепрощения, всеобщая «неизбирательная» любовь, остались Л., по-видимому, глубоко чужды» — пишет Е.М. Пульхритудова, опираясь на работы Соловьева, Мережковского и др. исследователей. (См. ЛЭ, с. 66)

Повторим, не раз написанное в других статьях. Может, Лермонтов не знал, (как и Л. Толстой до его приезда на Кавказ) как он должен обращаться к своему Богу? Судьбе угодно было свести однажды поэта с Петром Захаровым. Трехлетним ребенком попавший из Чечни в православное государство и православную семью, он писал своему опекуну, будучи зрелым художником, в ответ на приглашение на рождество в Москву: «*Вы же знаете, что с тех пор, как* ***я стал осознавать себя,*** *я не разделяю этого праздника с православными…*».

С тех пор, как Лермонтов ***стал осознавать себя***, (а с ним это произошло гораздо раньше, чем с Л. Толстым!) он тоже удалился от хрис-

тианства, но стал ли он мусульманином?

В этом отношении интересно стих. «Спеша на север издалека…». Еще в 1837 г., возвращаясь в Россию из первой ссылки (а может, именно этот факт в жизни Лермонтова позволил датировать стих.?), поэт-«странник» обращается к «стражу востока» Казбеку с поклоном, но как ***равный к равному***: *«…гордый ропот человека /Твой гордый мир не возмутит»*. Несмотря на то, что сам поэт с севера, а значит, чужой для этих мест, его мольба, обращенная к Казбеку, — это молитва и душевный настрой человека, говорящего с Казбеком на одном языке. «Странник» уверен, что его услышат и поймут правильно, поэтому сердце поэта «*тихое*», безропотное; не мятежное, а настроенное на моление.

Если в первых двух строфах мы еще можем представить себе всадника в седле, приближающегося к «*стражу востока*», то в следующих строфах перед нами спешившийся с коня мусульманин, читающий доа (молитву-просьбу после намаза), не отвлекаясь ни на что постороннее. У молящегося конкретные желания, какие могут быть у путника, который хочет живым и здоровым добраться домой или к месту назначения. Но поэт, как человек с севера, не отвлекается даже боковым зрением на местные красоты, которых здесь бездна. Он так погружен в свою молитву, что позволяет нам говорить о силе его веры. Более того, Лермонтов ***пять раз*** обращается с мольбой к Казбеку: *«**Да отнесут** твои скалы… К престолу вечному Аллы», «**Молю, да снидет** день прохладный…», «**Молю, чтоб буря** не застала…», «**Но есть еще одно** желанье!..», «**О, если так!** Своей метелью, /Казбек, **засыпь меня** скорей…»*. — Каждый мусульманин обязан молиться пять раз в день! Совпадение?

«Странник» Лермонтова, как видно из текста стихотворения, связан с севером только родными и близкими людьми. Если же он «***совсем на родине забыт***», или же его «*друзей и братьев*» уже нет в живых, то непременного желания попасть на родину любой ценой и при любых условиях у поэта нет:

О, если так! Своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
***Без сожаления** развей.*

Лермонтов категорично и безоглядно доверяет свой прах Казбеку, который близок к престолу Аллаха! Даже перед мнимой смертью, Лермонтов не вспоминает имени Христа! Он готов упокоиться навеч-

но в ущельях Кавказа, если дома он может *«наступить на прах родной»* тех, кто делил с ним молодость! Здесь, на Кавказе, он видит свой последний приют.

*«Благодарность», стих. позднего Л., «в котором в афористической форме с особой силой поэтической экспрессии подводится итог отношений поэта с «**непринявшим**»* (**!!!** — М.В.) *его миром… выливаются в дерзко-ироничный вызов Богу, основавшему несовершенный и парадоксальный мир… «Ты» (Бог) и «Я» (поэт) — два противостоящих друг другу, но равновеликих и могучих духа…»* — дается комментарий к стих. во всех источниках и в ЛЭ, в том числе.

Но то, что казалось уместным в устах исследователя-атеиста в советское время, то не может быть принято, когда речь идет о Боге, верующим человеком, каковым был поэт. «Дала динчуна хастам бо ас» — говорят чеченцы, т.е. благодарю Бога за все… и далее по тексту. Сколько раз на дню мог Бота Шамурзаев, один из преданнейших друзей поэта, произносить эти слова, в том числе и самому Лермонтову, пытаясь примирить его с самим собой, поскольку все в жизни происходит только и исключительно по воле Бога!

«Худож. эффект достигается ироничным переосмыслением благодарности, выражаемой не за радости жизни, а за испытанные в ней страдания… заканчивает стих. «мрачно-ироничной просьбой о смерти».», (ЛЭ, с. 63) — так видит атеист, что хочет видеть, а поэт искренен в своей просьбе, но он слишком устал от такой жизни, чтобы желать ее продолжения:

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был…
Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

1840 год. Еще несколько месяцев, и поэта не станет. С ранних лет чувствовавший свою обреченность в этом мире, мог ли такой поэт, как Лермонтов, иронизировать на тему жизни и смерти? *«За все, за все Тебя благодарю я…»* — это очень личные отношения! Глубоко верующий поэт, и любящий Своего избранника Создатель! Это взаимные и очень трогательные отношения, как отношения Отца и сына. Отец уверен, что сын достойно пройдет через все испытания, а силы сына

почти на исходе. Он устал. Он хочет и готов уйти. Но Отец, как всегда, прав, и сын еще признается после этого в стих. «Валерик»:

...Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За все я ровно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу... —

А все почему? Потому что Бота Шамурзаев и другие друзья-чеченцы были рядом. Не знающие иной судьбы, как рождаться, жить, любить и умирать на вечной войне, чеченцы были жизнелюбивыми оптимистами, оставаясь непреклонными перед врагами. Поэт, жаждавший быть признанным сыном Кавказа, (потому что *«**от ранних дней** кипит»* в его *«**крови**»* и *«жар»* Кавказа и бурь его *«порыв мятежный»*) приводит объяснение тому, почему он отныне молча переносит зло: *«Быть может, небеса востока /Меня с ученьем их Пророка /**Невольно** сблизили…»*.

Т.е. опять Лермонтову ближе по духу Ислам — ученье Пророка Магомета. А кто приобщил молодого корнета к ученью своего Пророка? Наверное, не только воспитанники баронов Розенов — русский офицер Бота Шамурзаев и государственный чиновник высшего класса, поэт Айбулат-Розен и воспитанник Петра Ермолова — талантливый художник Петр Захаров, которые жили в столице русской империи, но всегда помнили, что ***«Родина бывает только одна».*** (Так подписывал Петр Захаров свои отдельные картины) Неслучайно ведь, Лермонтов именно эти слова использовал сначала в качестве эпиграфа к поэме «Мцыри», прототипом которого был Петр Захаров.

Как это не покажется странным, но в самые безысходные, трагические или драматические минуты в своей жизни, Лермонтов обращается к Аллаху. Чем можно это объяснить? Все мы знаем, что в критические минуты жизни, мы обращаемся к родной матери, к Богу и грезим своей родиной, если находимся вдали от нее. Можем ли мы продолжать утверждать, что Лермонтов в такие минуты вспоминал и хватался за чуждое ему по духу? по рождению? по внутреннему состоянию и убеждению? Конечно же, нет. Так кем он был, Лермонтов, которого одни считали лжецом, другие злым демоном?

В стих. «К ***» (Оставь напрасные заботы…) 17-18-летний поэт испытывает все те же муки, которые преследуют его, (и будут преследовать всякий раз!) когда он любит девушку из высшего света: *«Ты любишь – верю – и довольно; /Кого – ты ведать не должна…»*.

Казалось бы, что за вопрос: «кого?» Конечно его — Михаила Лермонтова. Или нет?

Посмотрим, что представляет собой Михаил Лермонтов в его 17-18 лет. Наверное, к этому времени он уже закончил учебу в Благородном пансионе при Московском университете, куда он был зачислен на полу пансион (!) два года назад сразу в 4-й класс? Нет. После преобразования (16 апреля 1830 г.) пансиона в гимназию (исключительно для детей из дворянских семей!), первому ученику (!) (как отмечено на акте 29 марта 1830 г.) пришлось уйти из пансиона *«до окончания курса наук»* (см. «Основные даты жизни и творчества Лермонтова»).

И это при том, что ученики, успешно закончившие пансион, переводились в Московский университет для продолжения обучения без экзаменов! Талантливый юноша автоматически потерял эту привилегию и на общих правах подал прошение о зачислении его в Московский университет на нравственно-политическое отделение.

Наверное, ему удалось отучиться на выбранном им отделении? Нет, оно тоже оказалось исключительно для детей дворян. А что же Лермонтов? После экзамена 1 сентября 1830 г. сразу (!) перешел на *«словесное отделение, насчитывавшее 160 студентов; среди них преобладали разночинцы»*. (ЛЭ, с. 289)

Наверное, на этом проблемы с учебой у самого прилежного студента закончились? Нет. Похоже, все только начиналось: *«Лермонтов, обнаружив начитанность сверх программы и одновременно незнание лекционного материала, вступил в пререкания с экзаменаторами; после объяснения с администрацией возле его фамилии в списке студентов появилась помета («**посоветовано уйти**»)»*. (Висковатый, ЛЭ, с.289) Беспрецедентный случай! *«Посоветовано уйти»* за *«начитанность сверх программы»*!..

Наверное, Лермонтов, недоучившись в пансионе, не окончив Московский университет, не получив желаемый перевод в императорский Санкт-Петербургский университет, (исключительно для дворянских семей, в отличие от Московского!) забрал все свои документы со словесного отделения? Не совсем.

Григорий Васильевич Арсеньев, брат Михаила Васильевича *«после смерти Юрия Петровича Лермонтова подписал прошение о внесении Лермонтова в дворянскую родословную книгу Тульской губ. (1832) …»*. (ЛЭ, с. 38) Выходит, что подобное прошение Юрия Петровича, поданное еще накануне поступления в Благородный пансион, (!) осталось неудовлетворенным, и мальчик не получил бумагу, подтверждающую его дворянское происхождение?

Не потому ли у мальчика затянулось домашнее образование? Не потому ли его могли взять только на полу пансион? Не потому ли ему было отказано учиться на нравственно-политическом отделении? Не потому ли ему не могли подписать свидетельство для перевода в Петербургский университет? Не потому ли юношу, подававшего большие надежды в науках, отдали в Школу юнкеров? Не потому ли и здесь ему пришлось учиться на правах вольного слушателя, живя снова на съемной квартире?

Если мы хотим продолжать заблуждаться и создавать на предельно ясном месте «*страшные тайны*», то мы ответим на все эти вопросы отрицательно. Если же мы хотим, наконец, посмотреть правде в глаза, то мы признаемся себе — да, отсутствие бумаги о дворянском происхождении Лермонтова не позволило ему получить высшее светское образование ни в Москве, ни в Петербурге.

Вот почему Лермонтов и в 18 лет и позже не мог позволить себе любить девушку или женщину из высшего сословия с намерением жениться на ней. Это опять момент истины, когда нужно предъявить документ о своем благородном происхождении. Вот почему, как только нужно было переходить к серьезным отношениям, Лермонтов порывал с любимой и уходил без объяснений, потому что «***кого***» они любят, они не должны были ведать.

Вот почему великий князь Михаил Романов, главный начальник военно-учебных заведений, увидев поэта на балу у Воронцовой-Дашковой, был оскорблен так, что графиня *«вынуждена была вывести поэта из зала через внутренние комнаты»*. (ЛЭ, с. 93) Члены царской семьи сочли его поведение ***«неприличным и дерзким»***, как писал сам поэт своему другу Бибикову в феврале 1841 г., сообщая ему и другую новость: *«из Валерикского представления меня здесь вычеркнули».*

Исследователи поспешили объяснить инцидент на балу тем, что ссыльный поэт пренебрег уставом… Однако вел. кн. Михаил, принимавший в свою Школу юношу на правах вольноопределяющегося, не мог не быть посвященным в семейную тайну Арсеньевых-Лермонтовых. По этой же причине офицер русской армии Лермонтов не мог получить государственные награды даже за боевые отличия.

Не нужно было демонизировать несчастную жертву, поэт сознательно в первую очередь сам лишал себя личного счастья. Это ему было больно, это он настрадался, это он отравлен ядом своего прошлого, потому что он не тот, за кого его все принимают. И в стих. «К Н.И.» (1831?) те же муки, те же терзания:

Я не достоин ***может быть,***

Твоей любви: не мне судить…
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, *как я;*
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя ***раскаянье*** *кольнет,*
Когда с насмешкой ***проклянет***
Ничтожный мир мое названье!
И ***побоишься*** *защитить,*
Чтобы в ***преступном*** *состраданье*
Вновь ***обвиняемой не быть!*** *—*

Можно разводить руками и обвинять поэта в недосказанности и таинственности… А можно увидеть за этими словами насмешку света, которому открылось бы, наконец, настоящее имя поэта (***«названье»***! А значит, нерусское имя!). И всякий, кто попытался бы встать в эту минуту на его защиту, был бы, поэт убежден в этом, обвинен в преступлении перед *«ничтожным миром»* — высшим светом!

Так кто он такой — Михаил Юрьевич Лермонтов? И здесь, на наш взгляд, нет никакой тайны. Перед нами сын непримиримого врага России, воина и политика, «славного Бейбулата» Таймиева, которым так восхищался и которому безоговорочно доверил свою жизнь и безопасность, возвращаясь из Арзрума, А.С. Пушкин! Мог ли сын Бейбулата молиться Христу и жить в православии? Не мог. И потому даже его поэтическая «Молитва» — это молитва мусульманина:

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя,
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на ***тесный путь спасенья***
К Тебе я ***снова*** *обращусь.*

Совсем другие, не восточные, а христианские мотивы звучат в другой «Молитве», когда единственный раз поэт обращается к Матери Божией, прося, как считают исследователи, за Варвару Лопухину:

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием…
……
Окружи счастием душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Поэт по-христиански просит Матерь Божию о христианке Лопухиной, но о себе он Ее не просит и даже подчеркивает это: ***«Не за свою молю душу пустынную,*** */За душу странника в мире безродного…».* Стоя на молитве, поэт подтверждает, что душа его «пустынна», т.е. в ней не осталось ничего живого, не осталось ничего от жизни или для жизни. *«Безродным странником»* чувствует себя на земле человек, принадлежащий к знатному, знаменитому и многочисленному роду в России — Столыпиных, не говоря об Арсеньевых, генеалогическое древо которых корнями уходит в 1389 год, *«когда к Великому князю владимирскому и московскому Дмитрию Донскому из Золотой Орды перешел на службу Аслан Мурза Челебей»*. (ЛЭ, с. 39) Несмотря на то, что Челебей принял православную веру и получил имя Прокопий, своего старшего сына Арсения он назвал и мусульманским именем — Юсуп. Почему-то исследователи творчества поэта и его биографы не спешат искать связи Лермонтова с предками по материнской линии. А жаль. Потому что только бесправное, хоть и знатное положение его предка Челебея в России, не позволило потомкам его старшего сына унаследовать фамилию Юсупов. Так бы в историю вошла не Арсенье-

ва Мария Михайловна, а Юсупова…

Сын Бейбулата и прямой потомок Юсупа Челебея, поэт, пером которого дышал гений, не спешит воспользоваться близким родством со знатным, влиятельным, знаменитым и многочисленным родом Столыпиных, чтобы решить свои личные проблемы, в том числе и проблему трагического одиночества. Почему? Поищем ответ у другого известного философа России.

«Лермонтов, несомненно, был гений, т.е. человек, уже от рождения близкий к сверхчеловеку, получивший задатки для великого дела, способный, а следовательно, обязанный его исполнить», — пишет Вл. Соловьев в своей критической статье о поэте. В отличие от многочисленных учителей и педагогов Лермонтова, философ, усмотрел в нем гений от рождения! *«В чем заключалась особенность его гения? Как он на него смотрел? Что с ним сделал? — Вот три основных вопроса»,* которыми задается Вл. Соловьев, и на которые сам же отвечает. Но как? *«…Глубочайший смысл и характер его деятельности освещается с двух сторон — писаниями его ближайшего преемника Ницше и фигурою его отдаленного предка».* — Не успел философ обозначить круг вопросов, как тут же безоглядно устремился в тупик, где можно только сломать голову, но нельзя ответить на поставленные им вопросы. *«Он не был занят ни мировыми историческими судьбами своего отечества, ни судьбою своих ближних, а единственно только своею собственной судьбой, — и тут он, конечно, был более пророк, чем кто-либо из поэтов.*

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей.

Подобных этому заявлений у начинающего поэта не оберешься, и было бы слишком долго их приводить. Мы могли бы смеяться над самоуверенной заносчивостью мальчика, если бы он действительно не обнаружил несколько лет спустя чрезвычайных сил ума, воли и творчества. А так как он их обнаружил, то в этих ранних заявлениях о своем будущем величии мы должны признать не пустую претензию и не начало мании, а лишь верное самочувствие, или инстинкт самооценки, который дается всем избранным людям…» — пишет Соловьев, возвращаясь к тому, от чего предлагал бежать.

Соловьев увидел своего Лермонтова, который, на его взгляд, явился предтечей Ницше (1844-1900) и кувшином, в котором материализовался его *«отдаленный предок»*. В каком еще гении на земле воплотились люди и из будущего и предки прошедших веков?

Как можно всерьез рассматривать вопрос о сильном генетическом влиянии на поэта персонажа кельтского фольклора (1220-1290 гг.), в котором он сам едва предстает реальным человеком? Наверное, для этого нужно иметь воображение философа.

«С ранних лет ощутив в себе силу гения, Лермонтов принял ее только как право, а не как обязанность, как привилегию, а не как службу. Он думал, что его гениальность уполномочила его требовать от людей и от Бога всего, что ему хочется, не обязывая его относительно их ни к чему. Но пусть Бог и люди великодушно не настаивают на обязанности гениального человека. Ведь Богу ничего не нужно, а люди должны быть благодарны и за те искры, которые летят с костра, на котором сжигает себя гениальный человек», — читаем мы дальше.

Однако, из всего выше нами изложенного, мы могли видеть, что Лермонтов не получил от жизни даже элементарного права на образование, не говоря о привилегиях, которых тоже был лишен, несмотря на огромные его усилия быть первым учеником.

Более того, гениальный от рождения поэт, с чем трудно не согласиться, в период учебы в Пансионе написал свои большие и малые произведения, которые в последующие годы не претерпели никаких изменений и вошли в сборники стихотворений и поэм в том же виде. Но кто оценил, кто принял этот дар, который без огранки и шлифовки пробивался к своему читателю вопреки усилиям равнодушных педагогов, без сожаления расставшихся с одаренным учеником?

«Кавказский пленник», «Корсар», набросок либретто оперы «Цыганы»; 2-я ред. «Демона», «Олег», «Преступник», «Два брата», «Исповедь», «Джюлио»; около 60 стихотворений (!) — и остался никем не замеченным!?

В университетские годы Лермонтовым написано несколько поэм и драматических произведений: «Последний сын вольности», «Азраил», «Ангел смерти», «Измаил-Бей», «Испанцы», «Странный человек»… — и опять рядом с ним нет ни одного педагога, который на свой страх и риск «заметил» бы эту светлую голову, как когда-то старик Державин — лицеиста Пушкина.

Сам Дмитриев слушает в университете юношу Лермонтова, который через каких-то пять-шесть лет будет признан вторым после Пушкина поэтом России! И ничего. А все почему? — «Разночинец» Лермонтов не интересовал никого даже на литературном олимпе!..

«…Особенная прелесть лермонтовских любовных стихов, — прелесть оптическая, прелесть миража. Заметьте, что в этих произведениях почти никогда не выражается любовь в настоящем, в тот

*мо*мент, когда она захватывает душу и наполняет жизнь. У Лермонтова она уже прошла, не владеет сердцем, и мы видим только чарующую игру воспоминания и воображения.

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню;
Как бледный призрак лучших лет
Он душу радует мою.

Или другое:

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье, —
Люблю в тебе лишь прошлое страданье
И молодость погибшую мою». —

пишет Вл. Соловьев, не задаваясь вопросом: почему Лермонтов не расстается с портретом той, от которой отказывается, но продолжает любить и хранить ее образ на своей груди, потому что «***он душу радует***»? Его душу! Или почему Лермонтов считает, что не для него *«красы блистанье»* той, которая заставляла его страдать от любви к ней?

Ответы на эти и подобные вопросы привели бы Соловьева к очень неожиданным выводам. Но философ был занят растягиванием своего Лермонтова от фольклорного Томаса-Рифмача до еще не родившегося Ницше!

Следующий философ — Виктор Розанов, сравнивая Пушкина и Лермонтова, приходит к не менее интересным выводам. В русской литературе, на его взгляд, «***лад***» (Пушкин) выразился «*столько же удачно и полно, так же окончательно и возвышенно*», как и «***разлад***» (Лермонтов). *«Лермонтов, по мнению Розанова, никуда не приходит, а только уходит...». «Вы его вечно увидите «со спины». Какую бы вы ему «гармонию» ни дали, какой бы вы ему «рай» ни насадили, — вы видите, что он берется «за скобку двери»... «Прощайте! ухожу!» — сущность всей поэзии Лермонтова. Ничего, кроме этого»* — убежден В. Розанов.

Но мы знаем, что «Прощай, ухожу!» или «бегу, не оглянусь!», Лермонтов говорит, только обращаясь к России: *«Прощай, немытая Россия!..»;* и знаем, что он все время бежит не куда-то в неизвестность, а на Кавказ! Все кавказские поэмы и стихи поэта полны слов восторженного приветствия, восхищения и любви: *«Приветствую тебя, Кавказ седой!..»* (Посвящение к поэме «Измаил-Бей»), *«...Я сердцем*

твой, всегда и всюду твой!» (Посвящение к «Аулу Бастунджи»), *«Как сладкую песню отчизны моей, /Люблю я Кавказ!..»* (стих. «Кавказ»)…

Однако «патриотически» настроенные философы, критики и исследователи даже сейчас не спешат заглянуть в кавказские произведения поэта, иначе, хотя бы к 195-летию со дня его рождения, (по общепринятой дате) мы имели бы объективный взгляд на человека, который прожил чуть более четверти века, творил и того меньше, а до сих пор считается одной из самых сложных и противоречивых фигур в русской литературе.

«Разлад», «не хочется», «отвращение» — вот все, что он «пел». «Да чего не хочется, — хоть назови». ...Не называет, сбивается: не умеет сам уловить…» — вот такой вот непонятный, неуживчивый, беспричинно вредничающий, капризный поэт в глазах В. Розанова.

А почему? Философ отвечает на этот вопрос: *«Не хочется, и шабаш»* … Получается, что Лермонтов хам? Циник? Но кто видел так страдающих хамов, циников, как страдал в своей жизни Лермонтов? Цинизм и хамство не ведут к Богу. А Лермонтов все время обращается к Небу. И видит он там не только звезды. *«И в небесах я вижу Бога...»* — пишет поэт.

«Это религиозное чувство, часто засыпавшее в Лермонтове, никогда в нем не умирало и, когда пробуждалось, — боролось с его демонизмом. Оно не исчезло и тогда, когда он дал победу злому началу, но приняло странную форму. Уже во многих ранних своих произведениях Лермонтов говорит о высшей воле с какою-то личною обидою. Он как будто считает ее виноватою против него, глубоко его оскорбившею», — пишет Вл. Соловьев, который все время близко подходит к разгадке личности поэта, но, не зная, куда двигаться дальше, уходит в абстракцию, философствуя на тему фатализма, демонизма, во власти которых якобы пребывал поэт.

«Идеализированный демон (в окончательной ред. – М.В.) вовсе уж не тот дух зла, который такими правдивыми чертами был описан в прежних стихотворениях гениального отрока. Демон поэмы не только прекрасен, он до чрезвычайности благороден и, в сущности, вовсе не зол»… Итак, натянутое и ухищренное оправдание демонизма в теории, а для практики принцип фатализма, — вот к чему пришел Лермонтов перед своим трагическим концом», — убедил себя Соловьев.

А между тем и в Демоне, и в Азраиле у Лермонтова прототипом является *«до чрезвычайности благородный», «вовсе не злой»*, умевший любить и пользовавшийся взаимностью у любимой им женщины — Бейбулат Таймиев. (В русской литературе вообще человека с ярко

выраженной кавказской внешностью называли демонической личностью. Ср.: ст. «Демон» Пушкина, посвященное А.Н. Чеченскому, так же до чрезвычайности благородному, по свидетельствам и Дениса Давыдова и С.Г. Волконского)

«На дуэли Лермонтов вел себя с благородством, — он не стрелял в своего противника, — но по существу это был безумный вызов высшим силам, который, во всяком случае, не мог иметь хорошего исхода. В страшную грозу, при блеске молнии и раскатах грома, перешла эта бурная душа в иную область бытия», — пишет Вл. Соловьев.

Благородство у Лермонтова было в крови, по-другому он и не мог вести себя, стоя перед лицом смерти, но то, в чем философ видит вызов *«высшим силам»*, мусульманин усмотрит знак того, что сам Аллах идет навстречу своему любимому чаду. Это грозный знак всем живущим, которые могли, но не захотели предотвратить гибели избранника Неба! И, даже если бы не было в этот день этой страшной грозы, ее надо было бы придумать.

Но у философа, как и у атеиста, свой взгляд на такие вещи.

«…У Лермонтова с бременем неисполненного призвания связано еще другое тяжкое бремя, облегчить которое мы можем и должны. Облекая в красоту формы ложные мысли и чувства, он делал и делает еще их привлекательными для неопытных… Обличая ложь воспетого им демонизма, только останавливающего людей на пути к их истинной сверхчеловеческой цели, мы во всяком случае подрываем эту ложь и уменьшаем хоть сколько-нибудь тяжесть, лежащую на этой великой душе…» — объясняет Соловьев, чего ради он взялся за эту критическую статью.

Ложный посыл породил ложный путь поиска доказательств не существовавшей никогда проблемы. Масштабность личности Бейбулата Таймиева и масштаб угрозы для России его 30-летней непрерывной борьбы (с нач. XIX века и до его смерти в 1831 г.) не позволили Лермонтову сравнить его с какой-либо иной силой на земле… Поэт хорошо понимал, о чем пишет, когда писал к своей возлюбленной:

Когда к тебе молвы рассказ
***Мое названье** принесет*
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей станет кровь,
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей;

Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощанье я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если только наконец,
Моя лишь грудь поражена,
То, верно, прежде знал Творец,
Что ты страдать не рождена.

Не рожденные страдать, будут еще очень долго заблуждаться в оценке поэта и человека, который принял волю своего Творца и испил свою чашу страданий до последней капли. Но, когда пришел его последний час, он, как и хотел, оказался у подножия кавказских гор, откуда душа его вознеслась к престолу вечному Аллы.

Потому что, признаемся себе, уточнив М. Синельникова, *«выговаривая правду прямо и до конца, что автор самых проникновенных и чистых православных стихов»* был не только отчасти, но в первую очередь — мусульманином.

И это не только к Ней, но и к каждому из нас обращается поэт — гордо, мужественно, с достоинством, без тени сожаления за все пережитое, уходя от нас навсегда.

Оставим за ним последнее слово:

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: *удар судьбы меня не обойдет;*
Я знал, *что голова, любимая тобою,*
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастия, ни славы
Мне в мире не найти; настанет час кровавый,
И я паду, и ***хитрая вражда***
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений,
Но я ***без страха жду довременный конец.***
Давно пора мне мир увидеть новый;
Пускай толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец терновый!..
Пускай! ***я им не дорожил.***

«ОТЧЕГО НЕ ПОНЯЛ СВЕТ...?»

Современники не поняли поэта, потому что перед ними стоял юноша, разрушающий их представление о русском человеке. Речь даже не о внешности: Пушкин был ярким тому примером — свой душой и словом, хотя и с внешностью арапа. Это можно было понять и принять. Лермонтов был чужим в каждом своем слове! Его душа была потемки, в которых никто ничего не понял и даже не знал, как ориентироваться в этой душе. Все было чуждо ему в них и им — в нем.

Однокурсники и однокашники по-своему воспринимали его тяготение к одиночеству, его нежелание сближаться с ними, откровенничать… Потому для одних он остался «гордецом», для других — «язвительным», «желчным», «злым». При этом, ему ничего не надо было для этого делать, достаточно было просто поднять на них свой тяжелый пронзительный взгляд. — Взгляд чеченца.

Здесь и начинается всё. Или заканчивается. Как закончилось для В.А. Мануйлова: едва окунувшись в историю о происхождении поэта, он вынужден был отказаться от нее только для того, чтобы Лермонтовская энциклопедия, финансируемая «сверху», увидела свет.

Ираклий Андроников позволил себе «забыть» сенсационное открытие об отцовстве поэта после того, как сгорел его архив вместе с дачей, где он предпочитал работать.

Это было время, когда к читателю уходили тексты, выверенные, как молитва, слова которой просто заучивают наизусть, а не подвергают сомнению. В результате — неприученные к научным спорам (дебатам, дискуссиям, полемике, диспуту) всё новые поколения ученых поднаторели лишь в написании трудов (диссертаций, монографий), в которых исследование художественного текста подменяется его описанием, сопоставлением и даже пересказом. Это не приближало нас к пониманию сути написанного классиками, но гарантировало ученым личные дивиденды — научные степени, звания, кафЕдры...

Как следствие, мы имеем в науке армию ученых, труды которых о своих произведениях не понял бы ни один из классиков, даже со словарем. — Написанные придуманным языком, они ласкают слух и поднимают самооценку своим авторам, но к русской науке имеют самое отдаленное отношение. Кроме того, мы имеем столпов науки, которых оскорбляет посягательство на святое – на ИХ слово о Пушкине, Лермонтове, Толстом, которое можно лишь воспроизводить с пиететом, но никак не опровергать…

И эта книга тому подтверждение. Но…

Мы пошли своим путем. От Лермонтова — к Лермонтову.

Он был того достоин.

* * *

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь Творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: созданье есть одно
Способное любить — хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце полное огня
Не увлечется мненьем, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем и молвой
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин...

«1831-го июня 11 дня»

Д.А. Алексеев. **16 июня 2014, 17:48**

ПОЧЕМУ Я НЕ СОГЛАСЕН

(Из переписки личной и публичной)

Уважаемая Марьям Вахидова!

Как ни прискорбно, Ваши нынешние и грядущие литературоведческие и лермонтоведческие изыскания будут смотреться, так сказать, сквозь призму пассажа о происхождении Лермонтова, который так настойчиво и, увы, опрометчиво афишируется.

Понятно, что нынешняя публика жаждет развлечений и эпатажных гламурных историй, как в детских сказках Т. Толстой, приправленных… уксусом. Древний римлянин Гай Саллюстий Крипс остроумно заметил: *«Это то, чего никогда не было, но зато всегда есть»*. Тетушка Агата Кристи подметила: *«У старых грехов — длинные тени»*.

Но, что сделано, то сделано…

***

Гексли говаривал: *«Грубые факты губят красивые теории».*

Сначала о главном «грубом» факте.

Помещики трудились в своих имениях в летнюю страду, а на зиму выезжали «в свет» — в губернские города — повеселиться на балах и маскарадах, и, попутно, пристроить в замужество своих дочерей.

Так поступали и Арсеньевы: летом обширное хозяйство (барщина и винокурение), а зимой — в Пензу, Москву и Васильевское, проведать многочисленных родственников, которых она очень ценила.

А тем временем тарханские крестьяне занимались отхожим промыслом, а некоторые даже наживали многотысячные капиталы!

Летом и осенью 1810-1812 гг. Арсеньева с дочерью находились в Тарханах, о чем свидетельствуют хозяйственные и имущественные документы. (Лермонтовский заповедник Тарханы. Документы и материалы. 1701-1924. – Пенза, 2001. С. 57-73)

Документально подтверждено, что Арсеньева с внуком побывала на Кавказе в 1825 году.

И, вероятно, еще в 1820 г., если судить по короткой и не очень определенной записи в дневнике М.М. Сперанского.

Здесь можно поставить точку…

***

Однако есть еще и другие «грубые» общедоступные факты, которые надобно бы знать лермонтоведу, если он, конечно, претендует на то, чтобы его сочинения судили по законам научного изыскания, а не понятиям газетного фельетона:

1) О Юрии Петровиче. В Кадетский корпус принимали только дворян, детей офицеров. К прошению прилагалось свидетельство о дворянстве, или свидетельство о благородном происхождении, подтвержденное, как минимум, тремя благородными особами.

Отец Юрия Петровича (умер в 1799 г.) представил свидетельство за подписью трех благородных особ — правящего должность Тульского губернского предводителя дворянства Е. Крюкова, тайного советника А.И. Лопухина (он, отметим, также определял своего сына в корпус) и коллежского советника В.В. Рыкачева, дяди Ю.П. Лермонтова, где говорилось:

«*1798-го года генваря 16 дня мы нижеподписавшиеся свидетельствуем в том, что артиллерии поручика Петра Юрьева сына Лермонтова сын Юрий точно из Дворян родился 1787 года декабря 26 числа*…» (РГВИА, ф. 314, оп. 1, № 4005, л. 2).

Итак, Ю.П. — принят в корпус как потомственный дворянин, а не «с черного хода», как безродный «разночинец».

2) Осенью 1827 г. Елизавета Алексеевна отправилась в Москву готовить внука к поступлению в Пансион, и по дороге заехала в Кропотово. О чем теща беседовала с «эрзац»-зятем нам неведомо. Но в 1828 году – начале 1829 г. Юрий Петрович, не спеша, собирал документы для причисления к дворянству Тульской губернии. (РГАДА, ф. 1209, оп. 4, № 1884, л.10 об.-11, 58 об.-59. Вотчинный департамент. Настольная докладная книга. 1829 г.) Его внесли с семейством (т.е. с сыном Михаилом) в 6-ю часть Дворянской родословной книги Тульского губернии (древнее, столбовое дворянство), во свидетельство чего ему и выдали 10 марта 1829 г. Грамоту. В прошении Юрий Петрович писал:

«*…внесть в дворянскую родословную Тульской губернии книгу, как меня, так и сына моего Михайлу, и на оное внесение выдать грамоту, а сыну надлежащее о дворянстве свидетельство*».

Для этого папеньке следовало испросить в Московской Духовной Консистории свидетельство о рождении сына — выписку из метрической книги Трехсвятительской церкви. Однако Юрий Петрович этого не сделал. О причинах можно только предполагать.

Но это и не суть важно: сын уже учился в дворянском Благородном Пансионе. (К столетию дня рождения М.Ю. Лермонтова. 1814-2 окт.-1914. Документы к родословной Лермонтовых и родственных им семейств, Виолевых и Арсеньевых. — Тула, 1914. С. 2-10).

3) В Московский Университетский Благородный Пансион, как явствует из его названия, принимали только дворян. В отличие от гимназий и университетов (!), где, наряду с дворянами, учились и дети из средних сословий. Во 2-й гл. Устава Пансиона записано: *«Университетский Благородный пансион, согласно с целию учреждения своего, состоит из одних благородных детей… При вступлении к прошению прилагается свидетельство о дворянстве или просьба подписывается тремя особами, свидетельствующими благородное происхождение»*. Арсеньева представила копию свидетельства о рождении внука, которую ей выдали в Московской Духовной Консистории, где юный Мишель именован сыном *«Капитана Юрия Петровича Лермонтова, … прижитого им от законного брака»*.

Как известно, до 1845 г. обер-офицерский чин давал право на потомственное дворянство. Так Лермонтов-дворянин (а не «разночинец») оказался в Пансионе.

4) Лермонтов не закончил Благородный пансион и поэтому при поступлении в Университет подвергся экзамену — положенному испытанию в науках, как то видно из донесения в Правление университета от 1 сентября 1830 года ординарных профессоров Снегирева, Ивашковского, экстраординарного Победоносцева, адъюнктов: Погодина, Кацаурова, лекторов: Кистера и Декампа, которые *«нашли его способным к слушанию профессорских лекций»* в звании студента. (Русская мысль, 1881, № 12. С. 166-168)

5) Поскольку Лермонтов-дворянин обучался в Благородном пансионе, то проблем с поступлением в Университет у него не возникло. В прошении он писал: *«Родом я из дворян, сын капитана Юрия Петровича Лермантова…»*. К свидетельству об учебе в Пансионе он приложил копию свидетельства о рождении и крещении.

Вот Вы пишите: в Московском и Петербургском университетах учились только дворяне. Помилуйте! Принимались и купцы, и мещане, и даже отпущенные на волю крепостные! *

* Совет Императорского Московского Университета пред-

писал 14 сентября 1827 г. за № 936 немедленно привести в исполнение по Московскому Учебному Округу Высочайшую волю, где, в частности, указывалось, «чтобы в Университетах и других высших учебных заведениях, казенных и частных, находящихся в ведомстве или под надзором Министерства Народного Просвещения, а равно и в гимназиях и в равных с оными по предметам преподавания местах, принимались в классы и допускались к слушанию лекций только люди свободных состояний, не исключая и вольноотпущенных, кои представят удостоверительные в том виды, хотя бы они и не были еще причислены ни к купечеству, ни к мещанству и не имели никакого иного звания». (ЦИАМ, ф. 418, оп. 73. № 5287, л. 1, 2-2 об.

О том, какого состояния люди должны быть допускаемы к учению в Университеты, гимназии и др. училища, и касательно поступления в ведение Мин. Народного просвещения всех училищ в других ведомствах находящихся. 1827 г.).

6) Нравственно-политическое отделение университета, на которое вначале поступил Лермонтов, считалось между студентами наименее серьезным. Лермонтов перевелся на Словесное отделение не в сентябре 1830 г., как пишет Анри Труайя, повторяющий чужие нелепости, и на которого Вы ссылаетесь, а осенью 1831 г. Причина банальна, и кроется вовсе не в «маловской истории». Близкий московский друг Лермонтова А.А. Лопухин (Алеша) перевелся в феврале 1831 г. из Петербургского университета в Московский на Словесное отделение и, понятное дело, приятели хотели быть вместе. Перевод из одного отделения в другое во время семестра не допускался, поэтому Лермонтов сделал это только осенью 1831 г. (ЦИАМ, ф. 418, оп. 496, № 9, л. 32 об., 48, 53, 58. Дела Нравственно-политического Отделения с июня 1830 по июнь 1831 г.)

7) «Своекоштный» — это не синоним «разночинца» (!), которых принимали на нравственно-политическое и прочие отделения университета! Все Пансионеры, гимназисты и студенты делились, — независимо от сословия (!), — на казенных и своекоштных. Казенное содержание получали немногие, с разрешения высшего начальства. Скажем, сына барона Розена приняли в Пансион на казенное содержание (1000 руб. в год), которое выплачивалось из Государственного казначейства, по Высочайшему повелению. Своекоштные сами оплачивали обучение. Своекоштные пансионеры учились на полном пансионе или, как Лермонтов, были полупансионерами (бабушка сэкономила), т.е. после занятий отправлялись на свои квартиры.

8) Для поступления в элитную Школу юнкеров требовалось веское доказательство дворянского происхождения — копия с протокола о внесении кандидата в Дворянскую родословную книгу той или иной губернии. Поэтому Григорий Васильевич Арсеньев и обратился в мае 1832 г. в Тульское дворянское собрание с прошением выдать такую копию с протокола (протокол был в деле 1829 г. о дворянстве рода Ю.П. Лермонтова), приложив положенное свидетельство о законном происхождении М.Ю. Лермонтова, его рождении и крещении.

Копию с протокола Арсеньев получил 29 мая 1832 г., а Лермонтов представил ее вместе с прошением о поступлении в Школу юнкеров. (К столетию дня рождения М.Ю. Лермонтова. 1814-2 окт.-1914. Документы к родословной Лермонтовых и родственных им семейств, Виолевых и Арсеньевых. — Тула, 1914. С.11-13).

10 ноября 1832 приказом по Школе Лермонтова зачислили кандидатом, а 14 ноября 1832 г. «недоросль из дворян Михайла Лермонтов» был зачислен в л.-гв. Гусарский полк *«на праве вольноопределяющегося унтер-офицером»*. И только после того *«как документы о его дворянском происхождении были препровождены на рассмотрение (в Инспекторский департамент), по которым он признан из дворян»*, 18 декабря 1832 г. приказом по Школе его переименовали в юнкера *«с показанием по спискам из дворян»*. (РГВИА, ф. 321, оп. 1, № 7, лл.193-193 об, 195, 207. Приказы командира Школы Гвардейских подпрапорщиков и Кавалерийских юнкеров 1831-1832 гг.)

9) Азиатская внешность Лермонтова… Арсеньевы — из крещеных татар. Бабушка Юрия Петровича по материнской линии, Авдотья Васильевна, — из древнего дворянского татарского рода Ураковых. Неудивительно, что и получился типичный татарин: приземистый, плотный, широкоплечий, немного сутуловатый, скуластый, с черными как уголь глазами и…злой.

10) Родственники Арсеньевой уламывают вел. кн. Михаила Павловича (ярого ревнителя закона и порядка, которого побаивался брат-император!) принять «разночинца» Лермонтова в Школу юнкеров!!! Император гневается, когда узнает тайну о «неблагородном» происхождении поэта, пробравшемся в Гвардию! Как бы тут помягче изъясниться? Одним словом, грустно…

Жуковский и Полежаев — побочные дети дворян («воспитанники») — явление в те времена весьма распространенное. Сердобольные

папаши старались дать «воспитанникам» приличное образование, и они выслуживали потомственное дворянство. Некоторые совестливые отцы добивались от императора их узаконения (с передачей фамилии и сословных и имущественных прав). Очень богатые и родовитые аристократы добывали незаконным отпрыскам «импортное» баронство (скажем, бароны Вревские, приятели Лермонтова).

11) «Коварная» Е.А. Арсеньева никогда не судилась с родственниками мужа! Братья и сестры Арсеньевы делили между собой родительское имение, как тогда говорили, «полюбовно» и по разделу 1811 года дочь Михаила Васильевича получила все, что причиталось ее отцу.

12) Метрическая книга — это главный документ в установлении факта и законности рождения. Вначале в записи показывался отец ребенка (чин и социальное положение) и восприемники. Впоследствии стали указывать и жену.

В исповедные ведомости священник прихода записывал прихожан с «чады и домочадцами», бывших на исповеди в Великий пост, с указанием их семейного положения (муж, жена, вдова, вдовец, девица) и возраста (со слов прихожан, зачастую ошибочно). Дети записывались по достижении полугодового возраста.

В случае отсутствия записи в метрической книге (такое иногда случалось по небрежности священников) в Консистории заводили дело об установлении факта рождения: опрашивали священников, восприемников, родственников новорожденного и его родителей, обследовали исповедные ведомости, которые также считались официальным документом. После этого Консистория выносила свой приговор: признать или не признать факт рождения.

Что же получается? Священник столичной (!) Трехсвятительской церкви, почтенный уважаемый прихожанами пастырь, вносит за мзду 2 октября 1814 г. в метрическую книгу ложную запись (!) о рождении и крещении М.Ю., которому исполнилось три года и этого, как ни крути, не скроешь!!!

Вопиющее церковное преступление, за которое священник приговаривался к высшей мере наказания — лишению священства и заключению в монастырь!

И церковный причт (дъякон, дьячек и пономарь), папенька-капитан, Елизавета Алексеевна и коллежский асессор Ф.В. Хотяинцев в этом коллективном преступлении участвуют!

13) Мария Акимовна Хастатова, ее альбом и Мария Михайловна. — Мы не располагаем никакими фактами о периоде времени от рождения Хастатовой в 1799 г. и до ее замужества в 1816-1817 гг.

Училась в Патриотическом институте? Возможно! Что мешает Вам поехать в СПб и проверить это предположение в РГИА?

О Марии Мих. документально известно следующее: родилась в 1795 г. в Москве, в 1810 г. не была представлена в Смольный институт, родила сына в 1814 г. и умерла в 1817. И все!

Вся жизнь — в трех строчках! Остальное — где и когда познакомилась с Ю.П. и была помолвлена, где венчались, чему и где училась, как ладила с матерью и мужем, травилась-не травилась уксусом (получается, наследственный суицид!), где умерла (метрической записи не найдено) — умозрительные романические бредни для детей экзальтированной фантазерки Т. Толстой, на пассажи которой ни один уважающий себя лермонтовед не ссылается!

А.В. Волков выяснил, что у Марии Мих. был учитель-танцмейстер итальянец Стеллято из Палермо, который вместе с женой покинул в январе 1810 г. Тарханы, вскоре после смерти М.В. Арсеньева. Известно также, что Лермонтовы (в частности, мать Ю.П., Анна Васильевна) и Е.А. Арсеньева были знакомы еще в 1809 г. 21 ноября 1809 г. Юрий Петрович получил 28-дневный отпуск в свое имение, который просрочил до середины февраля 1810 г. Отметим, что М.В. Арсеньев умер 2 января 1810 г., причем, неизвестно, где именно (метрической записи не найдено). Известный генеалог В. Чернопятов в Некрополе Тульской губернии утверждал, что это случилось в родовом его имении — селе Васильевском.

Нет фактов и о том, как складывались отношения Марии Мих. с Марией Акимовной, в альбоме которой она сделала 9 записей.

Альбом Хастатова завела 20 января 1814 г. (первая запись). С 20 апреля по 30 апреля 1814 она в Петербурге. С 23 мая в Москве. С 1817 г. по 1825 г. она на Кавказе, в Кисловодске, Шелкозаводске и Горячих водах. Последняя дата — 20 июня 1843 г. Альбом хранился в Апалихе, где его в начале 60-х годов заполучил Рыбкин от П.П. Шан-Гирей.

Когда и где Мария Мих. сделала первую запись в альбоме — в Петербурге, или в Москве, — мы вряд ли когда-нибудь узнаем. А это ключевое обстоятельство: в нем кроются ответы на два сакраментальных вопроса.

Первый. Как оказались Ю.П. и М.М. в Москве — проездом весной из Петербурга (или Кропотова, Васильевского?) в Тарханы, или по приезде осенью из Тархан.

И второй. Где венчались Ю.П. и М.М.?

14) И последнее. Завещание Юрия Петровича…

Небогатый помещик, по слухам *«спившийся с кругу»* картежник (так пишет Тиран), эрзац-муж и эрзац-папенка, купленный (по безвыходной необходимости) Е.А. Арсеньевой для дочери и приблудного внука, почему-то называет Мишеля *«любезнейшим и дражайшим сыном» (?!),* рассыпается в комплиментах его уму-разуму, зачем-то объясняет ему почему-де с ним расстался, признается, что, оказывается, *«был готов любить»* ненавистную тещу-обманщицу (у которой угрозами выцарапал положенное ему женино приданое — 25000 руб.), *«как мать обожаемой мною жены» (?!)* и, должно быть, в помрачении рассудка завещает Мишелю (единственному, заметим, наследнику 500 с лишним тарханских душ!) половину крошечного Кропотова к вящему, наверное, неудовольствию своих незамужних сестер-бесприданниц.

А «под занавес» трогательно умоляет чуждого приблудного сына позаботиться о своем приблудном сыне *«младенце Александре»*!

* * *

… Итак, грехопадение маменьки, подложное свидетельство о рождении, мнимый дворянин, обманом поступивший сначала в Пансион, потом в Университет, затем в Школу юнкеров и, наконец, в гвардию!

Мещанин во дворянстве, который страшится признаться девушкам в своем «разночинстве» и отсюда его дурной характер и многие комплексы.

Короче говоря, *«Всю жизнь быть в маске — судьба моя…».*

А что в финале этого авантюрного романа? Друг «Мартышка» грозится открыть окружающим постыдную тайну друга «Маёшки»!

Тот, понятное дело, приходит в ярость. Чем не причина для дуэли!..

Вот такая «Обыкновенная история» …

P.S. Неподалеку от Вас, во Владикавказе, есть Государственный архив Северо-Осетинской республики. Метрические и исповедные книги! Кладезь документов о Пятигорске и кавказском окружении Лермонтова!

М. Вахидова — Д.А. Алексееву. 18 июня 2014, 18:03

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Скажу откровенно, прочитав Ваши доводы (написанные с плохо скрытым раздражением), я мысленно обратилась к Вам: «Будем считать, что всего этого я не читала!» Почему? Александр Владимирович Очман очень уважает Вас. В последнее время ему удалось внушить это чувство и мне.

Прочитав Вашу «Тайну кода Лермонтова», я поняла, что Вы другого уровня человек, нежели В. Бондаренко. Вы глубже, основательней, интересней поверхностного верхоглядства последнего. Вы из ученых — тружеников. Вашу книгу я проштудировала, делала на полях заметки, она пестрит восклицательными и др. знаками. Мы совпадали по многим пунктам, нет смысла это все приводить…

Если, читая исследования других лермонтоведов и биографов поэта, я на полях часто прописывала: «чушь!», то на страницах Вашей книги сплошные — «ура!» И вдруг получаю письмо в духе ученых дамочек из музея-усадьбы Тарханы: *«А эту бумажку видели?.. А про эту знаете?.. А метрику читали?.. А как же завещание?..»*.

Я не говорю о тех пунктах, где Вы спорите не со мной, а с результатом Вашего беглого чтения моих статей… Мои статьи нельзя читать по диагонали, вразброс, между делом...

Вас раздражают первые биографы поэта, занимавшихся отсебятиной, и в то же время Вы остаетесь с ними. Читая тексты Лермонтова, Вы понимаете, что Лопухина там даже не ночевала, или Быховец, или Столыпина… но, в то же время, многие кричащие тексты предпочитаете не слышать!

Биография Лермонтова, сочиненная, домысленная всеми спустя полвека и более, и его поэтическая автобиография (которая лежит на поверхности!) до сих пор живут параллельно.

Я понимаю, что, сшив «красивую теорию» «грубыми» нитками, можно бесконечно умиляться и внушать себе, что швы, выглядящие уже давно грубыми рубцами на биографии поэта, очень даже читабельны, внушаемы, и, главное, очень ему к лицу…

А поэт продолжает кричать в надежде быть услышанным:

Хотя я судьбой ***на заре моих дней,***
О южные горы***, отторгнут от вас…***
(«Кавказ»)

Посвящение к поэме «Аул Бастунджи»:

От ранних лет ***кипит в моей крови***
Твой жар *и бурь твоих* ***порыв мятежный;***
На севере в стране тебе чужой
Я сердцем твой, — ***всегда и всюду твой!***
Моей души не понял мир. Ему
Души не надо. Мрак ее глубокой,
Как ***вечности таинственную тьму,***
Ничье *живое не проникнет* ***око.***
И в ней-то ***недоступные уму***
Живут воспоминанья о далекой
Святой земле... ***ни свет, ни шум*** *земной*
Их не убьет... ***я твой! я всюду твой!..***

Да-да-да, это всего лишь «дань романтизму»!!! Представьте себе, что это было бы обращено к Москве, России, к той же Шотландии? Как бы это смаковали ученые-патриоты!!!

Вас раздражает, что я услышала Поэта?

Не думаю...

Огромное Вам спасибо за то, что я еще более утвердилась в непоколебимости результатов своих исследований!

С искренним сожалением…

ЗУЕВ МАКСИМ ИВАНОВИЧ — Родился в 1932 году, 17 января, в городе Барнаул, в рабочей семье. Родители из алтайских крестьян. Отец погиб на фронте в 1943 году. Мать, невероятными усилиями сохранив троих детей, безвременно ушла из жизни в 1958 году. В начале войны она переехала с детьми в ссыльный Нарымский край к сосланным ранее родителям.

С 1946 по 1961 годы (1953-1956 годы — служба в армии) освоил все мыслимые при ремонте, строительстве и эксплуатации речного флота специальности по обработке металлов, дерева до штурмана парохода. В три года (1959-1961) получил общее среднее образование, в 1967 году закончил Всесоюзный заочный техникум речного транспорта по специальности «Судовая связь и электрорадионавигация».

В разные периоды — всегда на водном транспорте — работал радистом, радиотехником, инженером, начальником цеха связи и радионавигации. В связи с бурным развитием Западно-Сибирского нефтегазового региона кратно возросли объёмы грузоперевозок по водным путям. Для решения задач обеспечения перспективы будущего развития в 1976 г. был образован Колпашевский узел связи и радионавигации Западно-Сибирского речного пароходства. С момента образования уз-ла работал его начальником до выхода на пенсию в 1987 году.

Награжден орденом Знак Почета, многочисленными медалями, нагрудными знаками... В партии не состоял.

Первое стихотворение написал в 1954 году. Издал сборники стихов: «Колпашевская рапсодия», «Плес», «Страда небес», «Логические этюды». Автор многочисленных очерков о прошлом и настоящем своего края, в том числе очерка «Судьба матери». С успехом участвовал в различных виртуальных поэтических конкурсах.

Первую статью о Михаиле Лермонтове написал в 2015 году. Статью заметили. Один из столпов современного лермонтоведения Д.А. Алексеев решил, что разберется с новичком «за два часа…» одной контр статьей. Но!.. Мэтру понадобились годы, чтобы понять, что Максим Иванович Зуев пришел в науку о Лермонтове навсегда.

ЛЕРМОНТОВ. В НЕПРЕОДОЛИМОМ СТАТУСЕ

Пролог к интриге судьбы

Он был рожден под гибельной звездой,
С желаньями безбрежными, как вечность.
Они так часто спорили с душой
И отравили лучших дней беспечность.
Они летали над его главой,
Как царская корона; но без власти
Венец казался бременем, и страсти,
Впервые пробудясь, живым огнем
Прожгли алтарь свой, не найдя кругом
Достойной жертвы, — и в пустыне света
На дружный зов не встретил он ответа.
О, если б мог он, как бесплотный дух,
В вечерний час сливаться с облаками,
Склонять к волнам кипучим жадный слух,
И долго упиваться их речами,
И обнимать их перси, как супруг!
В глуши степей дышать со всей природой
Одним дыханьем, жить ее свободой!
О, если б мог он, в молнию одет,
Одним ударом весь разрушить свет!..
(Но, к счастию для вас, читатель милый,
Он не был одарен подобной силой.)

…….

М.Ю. Лермонтов. «Сашка».

ЧАСТЬ 1

Статус М.Ю. Лермонтова, предустановленный как второе солнце русской поэзии, усердием исследователей его творчества, ревнителей и апологетов официальной биографии, обречён на сомнительное восприятие. В связи с 200-летием со дня рождения, он несколько побыл в юбилейно выпуклом представлении предустановленного для него статуса и, без обнажения таинственных странностей трагической судьбы, отправлен в следующий век умолчания… В результате не было за-

штриховано ни одно из белых пятен в вопросах его происхождения и связанных с ним роковых событий.

Официальная биография, покоящаяся на имперских и советских догмах, не терпит ни сомнений, ни вопросов.

В результате — не имеем вразумительной биографии поэта. Не знаем: когда, где он рождён, почти ничего не знаем о происхождении. Пытливый разум не может удовлетвориться твердокаменностью вековых утверждений. В вариативности версий он ищет путь в единственную истинность, не обременённую домыслами: как мистификаторов, так и ревнителей официальной биографии.

Логически убедительная версия Марьям Вахидовой по возможному происхождению Лермонтова, предана глумлению ссылкой на бездоказательную официальную «бумагу».

Автор настоящей статьи не ставит задачу провозглашения истины. В круг его интересов не будет входить вопрос вероисповедания и анализ кавказских стихов, как тем – предопределяющих содержательно желаемую цель поиска, что склоняло бы его к версии М. Вахидовой.

Исходим из того, что имеем.

Уточним смысл часто используемых терминов:

Свидетельство — то, что удостоверяет событие.
Событие — факт, то, что произошло.
Справка — сведение о чём-нибудь, полученное кем-нибудь, после поисков, в ответ на запрос.

ИМЕЕМ:

— **«Бумагу» музея-заповедника «Тарханы»,** выдаваемую за «Свидетельство о рождении М. Лермонтова». *(Реакция Лермонтовского музея на статью М. Вахидовой «К престолу вечному Аллы…»)*:

> Уважаемая Марьям Адыевна, в своей статье «К престолу вечному Аллы», Вы выдвинули весьма запутанную и даже абсурдную версию о происхождении и вероисповедании знаменитого русского поэта М.Ю. Лермонтова. Хочется узнать, обращались ли Вы в своих изысканиях к первоисточникам?
>
> Так вот, **сохранилось свидетельство о рождении** М.Ю. Лермонтова с указанием его родителей: «**Запись в метрической книге церкви** Трех Святителей у Красных Ворот» (Москва) в 1-й части под № 25 от 2 октября 1814 г. (документ приводится в орфографии 19 века):

«В доме Господина покойного Генерала Майора Федора Николаевича Толя у живущего капитана Юрия Петровича Лермантова родился сын Михаил, молитствовал протоиерей Николай Петров с дьячком Яковым Федоровым, **крещен того же октября 11 дня**, восприемником был господин коллежский асессор Фома Васильев Хотяинцев, восприемницею была вдовствующая госпожа гвардии поручица Елисавета Алексеевна Арсеньева, оное крещение исправляли протоиерей Николай Петров, дьякон Петр Федоров, Дьячок Яков Федоров, пономарь Алексей Никифоров». (Данная запись была опубликована в журнале «Русская Старина» в 1873 г., т. 8, кн. 7, стр. 113-114).

По православным канонам новорожденного, как правило, крестили **в течение ближайших 3-10 дней после рождения**. И этот документ однозначно доказывает, что отец Ю.П. Лермонтов и никто иной.

— **Реакция М. Вахидовой** на вызывающе оскорбительный тон письма А. Айкашевой по поводу её статьи «К престолу вечному Аллы…», на ругательные комментарии по её версии:

Отвечу на эту писульку исключительно из уважения к родине поэта! Господа сотрудники музея, стыдно спрашивать у выпускника школы, закончил ли он первый класс 10 лет назад? Смотреть в книгу и видеть… может только такой «научный сотрудник», как Айкашева — (за подписью Айкашевой был дан комментарий, в котором дана ссылка на «Свидетельство о рождении» Л. — М.З.). Но как можно подписаться гуртом на этот детский лепет, выдав его за «Ответ Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы»»?

Помашите этими бумажками друг у друга перед носом, поскольку вы на такой случай и охраняете их. А опровергнуть Вахидову может только сама Вахидова.

Любите господа поэта, а не себя в поэте! Он ведь столько лет вас кормит! И обрящете Истину!..

— **Комментарий на версию М. Вахидовой** преподавателя литературы ДГУ Миясат Муслимовой (18 мая 2013 г.), корректно выражающий неодиозное мнение:

Конечно, это не ответ на исследование Вахидовой. На сегодня, надо признать честно, никто не может противопоставить аргументы её убедительной и всесторонне обоснованной версии о тайне рож-

дения Лермонтова. Много лет преподавала литературу в школе и всегда ощущала неполноту, туманность, неисследовательность биографии и связанных с ней вопросов, и только после блистательного, тончайшего и добросовестного труда Вахидовой всё получило свою кристаллическую завершённость и ясность. Уважение к памяти Поэта, беззаветно любившего Кавказ, требует не таких пустых «ответов», как материал музея, а хотя бы немного приближенного к тому уровню исследовательской культуры, которую проявила Вахидова.

Курсив мой: 1.

Ответ Лермонтовского Музея-заповедника «Тарханы» на публикацию Марьям Вахидовой «К престолу вечному Аллы…» — заявление по вопросу происхождения М.Ю. Лермонтова — важное и интересное, даже в случае несоответствия заключённых в нём свидетельств фактически свершившимся, (или не свершившимся) событиям. Для истинного понимания смысла, заключённого в Свидетельстве о рождении Л., с достойным Музея-заповедника «Тарханы» апломбом, брошенного в лицо Марьям Вахидовой вспомним, что есть и ***другие варианты*** этого «свидетельства», в другой интерпретационной редакции его регистрации.

— Свидетельство о рождении и крещении Л. из Московской духовной консистории от 25 октября 1827 года.

Пензенской помещице Елизавете Алексеевне Арсеньевой, приехавшей в Москву, чтобы устроить внука своего Михайлу на учение, из Московской духовной консистории было ***выдано свидетельство о рождении его и крещении***. Бумага составлена ***на основании выписки из метрической книги церкви*** Трех Святителей что у Красных Ворот, сделанной ***тринадцать лет*** назад:

> «Октября 2-го в доме господина покойного генерал-майора и кавалера Федора Николаевича Толя у живущего капитана Юрия Петровича Лермонтова родился сын Михаил... крещен того же октября 11 дня, восприемником был господин коллежский асессор Фома Васильев Хотяинцев, восприемницею была вдовствующая госпожа гвардии поручица Елизавета Алексеевна Арсеньева».

— Неофициальные источники считают, а официальные источники признают: свидетельством действительного дворянского статуса Л.

является документ, хранящийся в ЦГВИА, то есть — нижеприводимая справка ***о дворянском статусе Юрия Петровича*** Лермонтова.

Справка «1798 года генваря 16 дня:

Мы, нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем в том, что артиллерии поручика Петра Юрьева сына Лермонтова сын Юрий точно из дворян, родился 1787 года декабря 26 числа. В веру греческого исповедания крещен Галицкого уезда, села Никольского, церкви Николая Чудотворца священником Иоанном Алексеевым. Восприемниками были малолетний дворянин Павел Логинов сын Витовтов и майорша Анна Ивановна Лермонтова. Правящий должность губернского предводителя Егор Крюков. Тайный советник Александр Иванович Лопухин. Коллежский советник Василий Васильев сын Рыкачев». (ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 4005, л. 2).

Люди, подписавшие Справку-свидетельство:

— Егор Крюков был в то время исполняющим обязанности тульского губернского предводителя дворянства.

— Александр Иванович Лопухин — из семьи старинных друзей и знакомых Арсеньевых, соседей Лермонтовых по ефремовскому имению.

— Василий Васильевич Рыкачев — родной дядя новорожденного, брат его матери, Анны Васильевны Рыкачевой.

— **Произведения Л., как документы,** отражающие почти все события его короткой жизни.

— **Версию М.А. Вахидовой, обнародованной на Международной Лермонтовской конференции в Пятигорске 25.09. 2008 г.** — (с несколькими логически обоснованными и тысячей ругательных, до взвизгивания, комментариев).

Основные положения версии:

а) Родился в 1811 году.
б) Биологический отец — чеченец,
в) От юридического отца не имел и не мог иметь наследственный дворянский статус.

*

Юрий Петрович Лермонтов, в связи с поступлением Михаила в пансион Московского университета стал «хлопотать» свидетельство о

принадлежности к дворянскому роду в 1829 году. В родословной книге Тульской губернии его не оказалось. Как на деле увидим (непосредственно по внесённой в книгу записи): запись в родословную книгу была произведена в том же 1829 году. Но в неё, в этом году, ***был вписан один Лермонтов*** и, конечно, им был сам Юрий Петрович. (Разные источники утверждают: были вписаны и сын, и отец. И это непонятно, странно — в 1829 году в Дворянскую родословную книгу Костромской губернии был вписан кто-то по фамилии Лермонтов. И об этом никто нигде не упоминает…

Странностей в действиях Ю.П. по установлению своего дворянства немало. Здесь, пока остановимся ещё на одной. Есть упоминания о том, что из Вотчинного департамента им была получена Грамота о владении его предками вотчинными поместьями в Костромской губернии. Происхождение этих вотчин — другой вопрос. Но где эта грамота? Она, вместе со «Справкой» от 1798 года генваря 16 дня» (см. ниже), послужила основанием для внесения Ю.П. депутатским собранием Тульской губернии в дворянскую Родословную книгу губернии.

Если в появлении «грамоты» не скрыто мошенничество, как в приводимой «справке» 1798 года генваря 16 дня (см. ниже Курсив мой), то непонятно почему Ю.П. не захотел истребовать в 1829 году в депутатском собрании важное для сына свидетельство о дворянстве, т. е. ***копию определения*** о внесении его с родом в дворянскую родословную Тульской губернии? (Копия отсылалась и в Департамент Геральдии Сената). Иначе в деле о дворянстве ***нашлось бы его прошение и копия с подлинного*** метрического свидетельства о рождении и крещении Михаила.

Курсив мой: 2.

Мнение по содержанию правовой её (Справки-свидетельства), значимости будет выражено после ознакомления с «Свидетельством о рождении Л. — (***с двумя его вариациями***) и с законодательными нормами о статусе дворянства, изложенными, в основном, в Жалованной грамоте (ЖГ) императрицы Екатерины II от 21 апреля 1785 года. Здесь только заметим: в числе подписавших ***нет подписи священника.*** Это объяснено: к этому времени его не было в живых. И.О. губернатора, сосед по имению, родной дядя по родственному и должностному положению не только ***не имели права выдавать*** свидетельствующий документ о рождении, но и ***вообще не имели права*** быть свидетелями. Освидетельствованное событие «***точно из дворян***» — ничтожно по

доказательности, двусмысленно по существу: точно из потомственных дворян или точно из личных дворян — (разница, как между небом и землёй).

И далее: если это групповое свидетельское показание, — «Справка» выдаётся за Свидетельство о рождении, — то позволительно спросить: ***почему она выдана Тульской губернией, а не Костромской,*** где произошло событие?

Обратимся к различиям в редакциях Консистории и Музея заповедника.

Редакция Консистории:

— 25 октября 1827 года Е.А. выдано свидетельство о рождении и крещении Михаила Лермонтова.

— Бумага составлена на основании выписки из метрической книги, сделанной тринадцать лет назад. (Этот параграф понимается не иначе, как — Бумага составлена на основании записи в метрическую книгу, сделанную тринадцать лет назад)

Для возможных рассуждений суть-важны факты свидетельствования:

— «октября 2-го родился ребёнок»,

— «крещён того же октября 11 дня».

Всё. Вопросов, как бы и нет. Последовательность событий (рождение, крещение) и сообщение о них не настораживают, (потому что в «Бумаге» ***отсутствует сообщение о времени*** регистрации крещения, как это ***есть в метрической*** книге)

Нам предстоит «вдуматься» в некоторые моменты этой интерпретации и моменты неприятные для профессиональных лермонтоведов и апологетов официальной биографии поэта:

— Почему Консистория ***уклонилась от внесения*** в «Бумагу» конкретной даты регистрации крещения, как это было указано в метрической книге церкви в октябре 1814 года? Как удалось лермонтоведам это ***вопиюще-очевидное, полуторовековое попрание истины*** не заметить?

— Искажением истинного смысла в выражении *«Бумага составлена* ***на основании выписки»*** (при производстве «выписки» можно ***допустить неточности***, от чего может быть неверным факт свидетельствования. В выписке можно ***исказить суть*** записи, можно её умышленно изменить, (как это сделано в обсуждаемом случае), или ***подменить***), из метрической книги, вместо *«Бумага составлена на осно-*

вании записи в метрическую книгу, сделанной тринадцать лет назад», читатель уведён от скандальной дискуссии по поводу фактически существующей в метрической книге записи о крещении ребёнка 02.10. 1814 г., т. е. — ***на девять дней раньше*** дня крещения.

Применением выражения *«тринадцать лет назад»* вкупе с умолчанием о дате регистрации дня крещения — читатель дезинформирован в части бытовавшей при регистрации произвольности, позволил её свидетельствам и впредь пребывать в сознании прихожан в качестве непорочных истин, а церкви — пребывать и далее в чистом мундире. В конечном счёте, названные действия способствовали укреплению официальной версии происхождения Л. у большого числа людей, вызывающей не безосновательные сомнения.

Вдумаемся в свидетельство, ***исповедуемое Музеем-заповедником «Тарханы».*** Основанием для этой версии стала выписка (***опять выписка, а не сама запись,***) из записи в метрической книге церкви «Трёх Святителей у Красных ворот (Москва) в 1-й части под № 25 от 02.10. 1814 года. Акцентируем внимание на этой выписке. Она ***свидетельствует рождение ребёнка***, свершившееся в ночь с 2 на 3 октября 1814 года. Но рождение могло быть зарегистрированным ***не ранее 03 октября,*** (не в самой же церкви он родился и немедленно зарегистрирован), внесением записи в книгу именно — (если событие произошло до полуночи с 2 на 3 октября — оно произошло 02 октября 1814 года, если после полуночи — оно произошло 03 октября!).

В обоих случаях запись в метрическую книгу не могла быть внесена ***ранее 03 октября***! Согласимся — для основного вопроса дискуссии это не принципиально важно. Однако факт отступления от логики исполнения процедуры говорит ***о произвольности*** её исполнения!

Процедура обнажила произвольность фактом несоответствия между временем свершения события и временем его регистрации.

Это то, что ***очень важно***!

А вопиющая крайность произвольности заключена в регистрации времени факта крещения:

— Крещение состоялось 11 октября, а регистрация его произведена ***той же записью под № 25, сделанной 02.*** Октября 1814 года, т. е событие зарегистрировано **на девять дней раньше его свершения!**

Произвольность являлась постоянной практикой не только в церкви Трёх Святителей в Москве. Подтверждением этому являются многочисленные примеры исполнения регистрации прихожан в церкви села «Тарханы». Продолжим «вдумываться» в смысл и форму «бумаги», выдаваемой Музеем-заповедником за Свидетельство о рождении

Лермонтова. Запись в метрическую книгу о разновременно происшедших событиях заключена в одни кавычки, что не вызывает сомнения в её ***одноразовом исполнении*** и только после свершения последнего из регистрируемых событий — т. е. **11.10. 1814 года** или позднее. Это свидетельствует: показанное в «бумаге» время произведённой записи ***не соответствует действительности.***

Может возникнуть сомнение по смыслу применения кавычек. Но и в ссылке на составление «бумаги» (т.е. свидетельства о рождении) сказано, что она составлена ***на основании «выписки»,*** сделанной тринадцать лет назад — (02.10. 14 г.), а ***не из выписок: за*** **02.10. 1814 г.** ***и за*** **11.10. 1814 года.**

Соединение разновременно свершившихся событий в одной записи, однозначно утверждает произвольный способ регистрации, допускающий умышленную фальсификацию — ***на чём особенно заостряется заинтересованное внимание!***

Вернёмся к сути поставленного вопроса:

1. Является ли «выписка» из метрической книги церкви Трёх святителей ***Свидетельством*** о рождении?

— Нет, не является. Свидетельство должно быть удостоверено ***свершением факта*** события.

2. Чем объясняется сомнение в свершении факта события?

— Неубедительной достоверностью истинности свершения факта события, заключённой в произвольной (по сути и времени) форме внесения записей в регистрационную книгу, допускающей грубые нарушения её в приведённых ниже примерах (в том числе в Тарханской церкви, что говорит о нарушениях во всей церковной системе), не исключающей записи «заинтересованного смысла».

3. Как можно понимать в правовом смысле и воспринимать «Бумагу» о дне рождения М.Ю. Лермонтова?

— Понимать, как апологетический юмор.

— Воспринимать — не более, как справку о недостоверности регистрации событий в церкви Трёх святителей у Красных ворот в Москве в 1814 году.

Оставим вне внимания и комментариев, показанных в «свидетельстве» служителей церкви, присутствовавших при крещении, как субъ-

ектов, не представляющих доказательного значения. Они могли действительно присутствовать: и при регистрации рождения, и при крещении, и исполнять соответствующие событиям процедуры и обряды. Но они ***не могли лично присутствовать при событии рождения!***

Дети, между прочим, рождаются разными по весу и росту. При практиковавшейся произвольности регистрации событий рождения и крещения и (при неисключаемой из практики коррумпированности церковнослужителей погорелой Москвы), при «интересе», можно было зарегистрировать рождение, произвести крещение ребёнка, рождённого значительно раньше текущего момента. Доставить ребёнка к нужному месту явления на свет божий (в Москву) — дело, решаемое без проблем. И в Москве совершить это действо в ту пору было проще и тише, чем в шумно процветающей Пензе, битком набитой любознательными родственниками. Для естественности появления ребёнка в Тарханах, следовало пожить в Москве, (или изобразить «проживание» в ней), чтобы чадо соответствовало возрасту, например шести месяцев… И зарегистрировать его появления в нужном месте со слов, например, бабушки.

По приведённым выше фактам и рассуждениям есть резон иметь в виду мнение по работе лермонтоведов, почти два века топчущихся на одном месте, повторяющих один другого, упрекающих в неиспользовании в своё время возможностей накопления биографического материала своих ушедших из жизни коллег и т.п.

Например, существует упрёк Вырыпаеву Петру Андреевичу ***за невыписку из церковных книг*** Тарханской церкви о времени рождения, представленного ей шестимесячного Лермонтова, что ***он мог бы и обязан был сделать*** и не сделал.

— Вырыпаев ***не мог сделать выписку из того, чего в церкви Тархан не могло быть.*** Не было в метрической книге Тарханской церкви регистрации, свидетельствующей рождение и крещение Михаила в 1814 году. В какой-то книге учёта прихожан отмечено появление нового прихожанина Л. в возрасте (со слов бабушки) — шести месяцев. И — только… А Свидетельство о рождении и крещении, как таковое, в варианте копии-выписки, охраняемой Музеем-заповедником Л. села Тархан, скорее, всё же у Е.А. было. Но вследствие очевидной фальшивости, (что ранее было показано приведённым анализом), могло, на случай, свидетельствовать только ***факт некражи*** ребёнка, — но не событие самого рождения и крещения.

Вырыпаев же, будь он истинным лермонтоведом, обязан был, за фактическим неимением сведений о времени и месте рождения Л. в

церкви Тархан, ***заняться выяснением*** этих важнейших для подлинной биографии поэта фактов в другом месте, что ***он обязан был сделать,*** но не сделал. Но прокатался пол лета по большой округе с целью — посмотреть на места обитания предков поэта. И надо думать: не на велосипеде катался и не в одиночестве. И встречаем был, как лермонтовед… И выяснил: предки не узнали бы родных своих пенат — заросли, заболотились, обезлюдели… А непосредственно к биографии-то факт зарастания и опустения, какое имеет отношение?

Об эффективности других-многих лермостарателей, лучше не заикаться — ***биографии-то нет!***

Поясним заявление: «вследствие очевидной фальшивости», исходя из понимания что:

1. Выписка:

а) выбрав из текста, списать, записать,
б) написать (документ, официальную бумагу) для выдачи кому-нибудь,
в) то, что выписано из какого-нибудь документа, но не из выписки из документа.

2. Консистория — церковно-административный и церковно-судебный орган при епархиальном архиерее.

Из 8 пунктов, определяющих её функции по административно-судебной части, выделим функции, определённые **пунктом 5: Проверка и хранение церковных документов.**

Далее уточним смысл термина «хранение».

Представляется: хранить – не только охранять, обеспечивать сохранность. Но и — обеспечить условия хранения: разрешать пользование, не разрешать, «допущать или недопущать» и т.п. В церковной системе тоже ведь не без своих «уродов». Их пакости нужно выявлять, а потом хранить подальше от праведного ока…

Обратимся к вопросу поступления Михаила в Школу юнкеров, временно минуя аналогичные проблемы при поступлении в дворянский Пансион Московского университета, непринятие в заменившую Пансион Гимназию и принятие только на разночинное отделение Московского университета. Нужны были ***два свидетельства:*** о рождении и о дворянском происхождении. Последнее передавалось только по отцовской линии. Ю.П. подобный статус, если по недоразумению су-

дьбы и имел, то тунеядствующим образом личной жизни, бесповоротно его утратил — это здесь будет доказательно показано.

Бабушке Лермонтова, т. е. Е.А. Арсеньевой, предстояло представить два вышеназванных свидетельства. Практичная, ушлая, целеустремлённая Е.А. по существу оценивала двусмысленность усилий зятя в смысле доказательности его дворянства и, потому исходила из понуждающих обстоятельств. Имеющееся у неё свидетельство о рождении и крещении Л. от 2 (3) октября 1814 года, вследствие ***очевидности фальсификации*** происшедших событий по времени их свершения, ***не могло быть представленным*** в Школу юнкеров, по возможным угрожающе-осудительным последствиям. (В случае утери подлинника бабушкой, взять его копию в церкви Трёх Святителей у Красных ворот в Москве, без изъятия из него компрометирующих церковь элементов — не представляло смысла…). Нужно было взять этот документ ***в другом церковном заведении и в очищенном*** от фальшивого умысла виде. И здесь в полный рост встаёт вопрос (и напрашивается неприятный ответ) — по какой причине «выписка» из метрической книги церкви Трёх Святителей оказалась в Московской духовной консистории, ведущей надзорно-административные и надзорно-юридические, но ***никак ни архивные функции?*** Где её и получила в качестве выписки из метрической книги церкви Трёх Святителей, но в форме Свидетельства о рождении и крещении Михаила, 25 октября 1827 года Е.А. Арсеньева. Получила то, что хотела, — ***без очевидных уличительных элементов подлинника.***

Вместо свидетельства о дворянстве была представлена ***Справка*** от 1798 года генваря 16 дня за подписью группы свидетелей из соседней губернии, которая уже упоминалась и которой ещё предстоит быть пристально исследованной, по важности её содержания.

Далее о возрасте в момент поступления в Школу юнкеров. Как помнит читатель, «счастливый брак» Марии Михайловны и Юрия Петровича увенчался в 1814 году октября 2 (3) числа рождением сына в «погорелой» Москве. Побудительные причины этого явления вспомним в другом месте настоящего повествования. Здесь же отметим только мудрую прозорливость Е.А. Арсеньевой, как бы предвидевшей, что в момент поступления в Школу юнкеров её внуку не должно быть более 11–14 лет. При его малом росте показанный возраст не вызывал проблем. (Вот и суди после этого о корсетах… Они, бывая и не тесными, скрывают явления жизнетворные… («Сашка» строфа 61).

А последующие события приходятся один к одному…

Короче, Михаил не в соответствии с требованиями на право посту-

пления, но вопреки им, под влиянием нескольких смягчающих жёсткость требований факторов, был принят в Школу, но только на ***своекоштное*** отделение. И это не было следствием платонической любви бабушки к внуку, но была ***неизбежность,*** едва уложенная в обстоятельства.

ЧАСТЬ 2

В предыдущей части внимание читателя было сосредоточено на рождении Лермонтова и на последующих процедурах крещения и регистрации событий. В ряду многих, интересующих общество вопросов, вслед за рождением стоит вопрос его происхождения в смысле: какая социальная среда его произвела, на какой правовой уровень в обществе поставила? По мнению биографов поэта, ответ на эти вопросы даёт «Справка» от 1798 года января 16 дня, свидетельствующая о рождении Юрия Петровича Лермонтова 1787 года декабря 26 числа — («сын Юрий ***точно из*** дворян»). Одним из свидетельствовавших рождение Ю.П. (подписавших справку), был Егор Крюков — (исполнявший обязанности Тульского губернского предводителя дворянства). Это мы вспомним при оценке существенного смысла справки.

По важности вопроса, прежде чем обратиться к содержательному смыслу справки и правовой её документальной значимости, уточним: что представлял собой господствующий слой — дворяне?

В общем виде дворянство следует определить, как сословие, т.е. особый слой феодального общества. В идеальном случае дворянин — владелец земель и крепостных, главная социальная опора верховной власти. Он — ответственный за поступление налогов с крестьян, исполнение рекрутской повинности, благосостояние населения, сохранение общественного спокойствия. Право владения неразрывно было связано со служением царю и отечеству. С древности указывалось: «служилые люди с земель службу служат, а даром землями никто не владеет».

При Петре 1 — дворяне обязаны были служить пожизненно,

При Анне Иоановне — от 20 до 45 лет,

Пётр III — в 1762 году освободил дворян от обязательной службы,

Екатерина II — «Жалованной грамотой 1785 года» подтвердила дворянам необязательность службы.

Заметим, впрочем: необязательность службы не представляла наивность в иллюзии абсолютной свободы. Служить следовало — только не обязательно под погонами, но во множестве форм, подразумеваю-

щих исполнение полезного государству дела. Численный состав привилегированного дворянства быстро увеличивался засчёт, главным образом, безземельных, военно-чиновных категорий. Много ужесточающих получение дворянства узаконений произошло, особенно при Николае I, (как раз во время жизни Л.). По правовому и общественному положению дворянский слой был разностатусным:

— потомственные дворяне имели право наследования статуса детьми по мужской линии. Дворянский статус получала жена дворянина, без наследственного права.

— личное дворянство на членов семьи не распространялось, по наследству не передавалось, владение крепостными было исключением из правил.

Курсив мой: 3.

По поводу владения крепостными дворянством, имеющем только личный статус, для которого владение крепостными было исключением из правил: Если есть исключение, как правовая норма, не может не быть и нормы ***«исключения из исключения»!***

Другими словами — владение крепостными было широко распространённой практикой не только имеющими статус личного дворянства, но всяким проходимцем, имеющим деньги на покупку себе раба (рабыни), или деревни, или много деревень. Такие деньги, чаще, бывали у военных наёмников — (по сути платных убийц) и околопрестольной челяди: стольников, стряпчих и пр. Крепостные свободно продавались на обычном рынке. В городах за здорового средних лет мужика, умеющего в крестьянском хозяйстве что-то делать полезное, давали до 500 руб.; за женщину, умеющую ткать и рожать, — до 250 рублей. В провинциях цена значительно снижалась.

Все наши высокородные представители благородного статуса дворян были не иначе, как работорговцами, если их папаши в лихую свою молодость не успели проиграть, не промотали другим способом доставшиеся им по наследству, награбленные предками крепостные хозяйства. И торговали ими.

Известно: высоконравственные декабристы и не подумали дать волю своим крепостным крестьянам. Граф Л.Н. Толстой отказался от Бога (церкви — М.В.), но не от графского титула, позволявшего ему законное владение крепостными рабами. А.С. Пушкин, во время женитьбы на Н.Н. Гончаровой, заложил в кредит своё имение Болдино вместе с крепостными чадами, (а это, считай, поставил в залог под деньги

живых людей). Правда позднее покаялся:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью, —
Но строк печальных не смываю...

То есть, он с горечью признал должное к себе отвращение, но ничего не сделал, чтобы оно перешло в другое качество.

Сочувствующий крепостным крестьянам Лермонтов, дал доверенность бабушке, с правом передоверенности, на продажу наследованных после смерти Ю.П. 73 душ. Они были проданы младшей сестре Ю.П. Виолевой Е.П. (по мужу), которая скупила крепостных и у своих сестёр, и стала владелицей поместья в Кропотово более 1150 десятин земли с 147 крепостными крестьянами, не считая дворовых людей.

Этот пример приведён для показа, как можно было стать барином (барыней), без царской на то грамоты о дворянском статусе. А относительно обсуждаемой темы — показать, как наёмные субъекты из числа продажных зарубежных наёмников-убийц приобретали «благородные» свойства русских господ. Подробно об этом в статье Анатолия Березного. Это о них ведёт речь известный генеалог Л.М. Савелов со ссылкой на лекции, читанные в Московском Археологическом институте, раскрывающих в России технологию трансформации мировых бродяг, наёмников и пр., в отпрысков знатных зарубежных имён с вековыми родовыми историями.

Жалованной Грамотой (ЖГ) от 21 апреля 1785 года в 92 пунктах регламентированы многочисленные права, привилегии и обязанности дворян перед самодержавной властью, на главные из которых мы просто не можем не обратить внимание:

— прежде всего — ЖГ подтверждала правомочие «Табели о рангах Петра I», (поскольку ***не изменяла и не отменяла*** их),

— официально ввела корпоративные организации благородного сословия с правом самоуправления в губерниях.

Нам это интересно знать, потому что Юрий Петрович именно посредством власти и функций такой корпорации Тульской губернии, пытался доказать своё дворянское достоинство.

Для обсуждаемой нами темы ***особый интерес представляют нормы,*** заключённые в следующих пунктах:

«Пункт 66. Возобновляем повеления ближныя памяти предков

наших, изданныя по уничтожении (согласно с прошением самих дворян), вредного государству местничества и снова повелеваем пребудущим родам на память: во всякой губернии составить дворянскую родословную книгу, в коей вписать дворянство той губернии, дабы доставить каждому благородному дворянскому роду, тем наипаче, способие продолжать своё достоинство и название наследственно, в поколение, непрерывно, непоколебимо и невредимо от отца к сыну, внуку, правнуку и законному потомству, пока Богу угодно продлить им наследие.

Пункт 76. Родословная книга разделяется на 6 частей.

Пункт 82. В шестую часть родословной книги внесут древние благородные дворянские роды по алфавиту».

Толкование: «Древние благородные не иные суть, как те роды, коих доказательства дворянского достоинства, за сто лет и выше восходят, благородное же их начало покрыто неизвестностью». Именно в этот разряд стремились прописаться жулики и проходимцы, так как под покровом давности грехов — проще проникнуть и в самый рай.

«Пункт 84. Всякий благородный род представить имеет доказательства своего достоинства или в подлиннике, или засвидетельствованное копиею»!

(Юрий Петрович с прошением о внесении его в дворянскую родословную книгу Тульской губернии в 1829 году, кроме вышеприведённой «справки», ничего представить не мог. Между тем у него должна была бы быть сохранена грамота о пожаловании в 1621 году его предку Юрию Андреевичу Лермонтову царём Михаилом Фёдоровичем поместья Кузнецово в Чухломском Галического уезда Костромского края, которое его отец Пётр Юрьевич продал в 1791 году и приобрёл Кропотовку в Тульской губернии). Сомнительность существования, когда-либо, названной дарственной «Грамоты» подтвердили предки Л., ***попыткой прописаться в шестую часть*** дворянской Родословной книги не по дарственной грамоте (под предлогом её утраты), а по ссылке на историю Шотландии. И (по свидетельству времени) — ***получили отказ.*** Касательно значительных поместий родов Лермонтовых будет отдельный разговор.

«Пункт 89. По прочтении родословной книги в уездном собрании дворянства (считай провозглашения вновь признанного дворянина), две копии отсылают в губернское правление, которое одну копию отдаст в архив, другую отошлёт в Сенат, для сбережения в Герольдии.

Пункт 92. Перечень неопровергаемых доказательств благородства прописан в 22-х подпунктах.

В случае с Ю.П. Лермонтовым — чрезвычайно важен смысл толкования по подпункту 19, а именно: по чинам, которые дослужатся до обер-офицерства — (по капитана включительно) — суть дворянин и его дети тоже, и к этому — толкование: «*Недействительно в воинской службе служащих»* — (следует понимать, как фактически не несущих воинскую службу), но равные чины имеющих (обер-офицерские чины), почитать надлежит за имеющих лишь **личное дворянство**, но не наследственное.

Пример: имеющих личное дворянство **не надлежит вносить в родословную книгу** наместничества. Но по **подпункту 20:** Если дед, отец и сын имели чины, приносящие личное дворянство, потомству их дозволено просить дворянства действительного. Если отец и сын имели личное дворянство и пребывали на службе 20 лет беспорочно, то *«внуку дозволено просить дворянство действительное. Екатерина*».

По важности вопроса о принадлежности или непринадлежности Лермонтова к благородному дворянству, учитывая наследование его только по мужской линии, возможность получения права на дворянский статус путём беспорочного служения в армии, приведём некоторые факты из жизни рода Лермонтовых — с сокращением несущественным и попутными комментариями:

«Крепость «Белая» под Смоленском: В 1355 году захвачена Литвой. В 1505 отошла к Москве. В 1610 году захвачена поляками. В сентябре 1613 года взята русскими. В списке пленных оказался Джордж (по другим данным — Георг) Лермонт — наёмник из Шотландии. Изъявил желание служить молодому царю Михаилу Романову. Его новым именем стало — Юрий Андреевич Лермонт. О нём известно очень мало. По службе в нижних чинах — мог быть сыном нетитулованного дворянина. В 1621 году за мужество и отвагу произведён в ротмистры (старший обер-офицерский чин). В этом же году Юрию Андреевичу Лермонту за верную службу царю и престолу высочайше пожаловано поместье Кузнецово в Костромском крае. Погиб под Смоленском 01. 02. 1634 года. Его сын Вильям продолжил военную семейную традицию. Третий сын Юрия Андреевича Лермонта — Пётр Юрьевич, продолжатель рода — тоже ротмистр. Крещён в православной церкви уже как Лермонтов. В 1652 году передал наследство, полученное от отца брату Андрею, в этом же году назначен воеводой города Саранска. Открылись большие возможности для карьерного роста и положения в обществе. Сын Петра

Юрьевича Лермонтова Пётр Петрович — владел имением в Острожниково Чухломского уезда. Служил в армии 14 лет. В отставке — стольник с 1692 года». (А. Березнев — действит. чл. Петровской академии наук и искусств. «ЛГ: Итоги недели». 16.09. 2013 г.)

И вот что важно: При формировании губернских списков дворян для занесения в Родословную дворянскую книгу необходимо было представить соответствующие документы. Братья Пётр и Евтихий Петровичи, подавая прошение о признании их дворянами, *ссылались на книгу* ***по истории Шотландии*** Беециуса и Леслея. При составлении дворянских книг всё дворянство делилось на 6 частей, или категорий. 6-я часть предназначена для так называемых «***столбовых***» дворян (самого древнего происхождения, причём «древность» подтверждалась документами ***до 1685 года,*** так как в 1682 году отменено местничество и ***сожжены*** все разрядные книги).

Документы тогда писались не в тетрадях, а в **«столбцах»,** отсюда и **столбовые**. Естественно, ***к столбовым дворянам Лермонтовы не принадлежали.***

Из сказанного следует: Не имея права на столбовое дворянство, род Лермонтовых мог в последующее время получить потомственное дворянство только за совершение славного (героического военного или общественного) деяния в пользу царя и отечества или за заслуги в беспорочном служении в армии в соответствии с установленными «ЖГ» требованиями, что вобщем-то то же самое.

В 1791 году отставной поручик Пётр Юрьевич Лермонтов приобрёл у Дмитрия Петровича Беклемишева село Любашевку, а в 1792 году — у отставного поручика Николая Кропотова рядом расположенное «*сельцо Нижнюю Любашевку Кропотово тож*» (сейчас Становлянский район Липецкой области).

И Лермонтовы — Пётр Юрьевич и Анна Васильевна (дедушка и бабушка Л. — обосновались на здешних землях. С ними был единственный сын Юрий и пять дочерей: Евдокия, Александра, Наталья, Елена, Екатерина. Юрий Петрович в 1804 году закончил обучение в кадетском корпусе, направлен служить в пехотный полк. Через год по состоянию здоровья переведён воспитателем в кадетский корпус. Уволен в запас в чине капитана в 1811 году. В 1812 году вступает в народное ополчение, но по болезни в военных действиях не участвует.

Следовательно, его военная служба, (если такое пребывание в армии можно назвать военной службой), не превышает 8 лет.

Далее следует «счастливый» брак с М.М.

**Список дворянских родов,
внесённых в Родословную книгу
Дворянского Депутатского собрания (ДДС)
Костромской губернии:**

Лаговские (3), Лагс (2), Ладынины (2), Лазаревы (6), Ламб (1), Ламинские (2), Лаптевы (2; 6), Лапшины (3), Ларионовы (2; 6; 6; 6), Лебедевы (3), Левашевы (2; 2), Левестам (3), Левины (3; 3), Левицкие (2; 3), Левковичи (1), Левские (2), Леняковы (6; 6), Лермонтовы (6*; 6), Лесевич (3), Линденер (2), Линевы (2; 2; 6; 6), Лисицкие (2), Лихаревы (2; 2; 2; 6), Логвиновы (3), Логиновы (3), Лодыженские (6), Лопатины (3), Лопухины (6), Лубкины (3), Лугинины (2), Лундышевы (3), Львовы (2; 6), Люберг (2), Любимовы (2; 3; 3), Любовниковы (2; 6), Люсины (3; 3), Ляпуновы (6;). (Список имеет продолжение)

**Список дворянских родов,
внесённых в Родословную книгу ДДС
Тульской губернии:**

Лабынцевы (6.1793), Лавровы (2.1824; 2.1868; 6.1824), Лаговчины (6.1792), Ладыженские (6.1792; 6.1832; 6.1845), Лазаре-вы (2.1868; 3.1839), Лазаревы-Станищевы (6.1857), Лазаревичи (6.1853), Лазаренко (3.1836), Лакс (2.1872), Ландины (1.1793), Ланевские (1.1885), Ланские (6.1872), Лаатины (Лопатины) (6.1793), Лапшины (3.1878), Ларионовы (6. 1792), Ласковские (2.1893), Лебедевы (2.1831; 2.1848; 3. 1868; 3.1885; 3.1890), Левачевы (2.1852), Левашевы (6. 1852), Левашовы (2.1843), Левестам, Левинские (2.1840), Левицкие (2.1826; 2.1885; 3.1846), Левшины (2.1795; 2.1896; 3.1795; 4.1795; 6), Лейбрехт (2.1838), Лейкгер (1.1834), Ленс (3.1853), Ленские (2.1796), Леоновы (3.1806), Леонтьевы (2.1793; 3.1840; 6.1793; 6.1823), Лермонтовы (6.1829; 6.1858), Летковские (2.1849), Либины и Елисеевы (3.1829), Ливенцовы (2.1796), Лидовы (3. 1832), Лизогубы (6.1882*) (Список имеет продолжение)

(1.1798) — первая цифра в скобках **— *номер части*** дворянской Родословной книги губернии (наместничества), в которую был внесён род. Вторая цифра **— *год внесения*** в Родословную книгу, утверждённый решением Дворянского депутатского собрания губернии (наместничества).

Как правило, даётся только дата первого внесения в Родословную книгу, а сопричисления и Указы по Департаменту Герольдии Правительствующего Сената не приводятся.

**Дворянская Родословная книга (ДРК) губернии
(наместничества) состоит из шести частей:**

1 часть. Дворянство пожалованное и дворянство до ста лет.
2 часть. Военное дворянство, приобретенное чином военной

службы.

3 часть. Двор. бюрократическое, приобретенное чином гражданской службы или пожалованием ордена.

4 часть. Иностранные дворянские роды.

5 часть. Дворянство, украшенное титулами, как родовыми, так и пожалованными.

6. часть. Древние благородные двор. роды, доказательство двор. достоинства, которых восходят за 100 лет, то есть до времени правления императора Петра I. (Д. А. Алексеев. ЦБ им. М.Ю. Лермонтова. СПб).

… В Москве Лермонтов ***ничего не ведал*** о своем роде и его шотландских корнях. По крайней мере, до поступления в Школу юнкеров в Петербурге. В деле № 43 1830 года (Пам. № 323 21 августа 1830 года) «О принятии в студенты Михаила Лермонтова» имеется только ***два свидетельства*: *подлинное*** свидетельство за № 221 от 16 апреля 1830 года об обучении в Университетском Благородном пансионе ***и копия*** свидетельства № 6503 о рождении и крещении с распиской: «***Подлинное свидетельство получил обратно*** *студент Михаил Лермонтов»,* а ниже надписи: «*У сего свидетельства Его Императорского Величества Московской Духовной Консистории печать*» — дата — «**1 сентября 1830**».

Это ***копия*** с метрического свидетельства от 25 октября 1827 года, полученного Елизаветой Алексеевной по ее прошению из Московской Духовной консистории. Формально этот документ — ***не свидетельство о дворянском происхождении*** Лермонтова, которое выдавалось за подписью предводителя губернского дворянства и являлось копией с определения о внесении его в дворянскую родословную Тульской губернии. В апреле 1832 года, в прошении № 1370 в Правление университета, Лермонтов просит вернуть «***…свидетельство о рождении и крещении***» (а не свидетельство о дворянстве).

Вернемся к поступлению Лермонтова в пансион. Можно определенно утверждать, что у Михаила не было по объективным причинам свидетельства о дворянском происхождении при поступлении в Пансион и вместо него сошло метрическое свидетельство, где назван его отец, корпуса капитан, что само собой подразумевало по чину ***выслуженное потомственное дворянство***, как и не было свидетельства при поступлении в университет, но по обстоятельствам уже субъективным.

В 1827 году Юрий Петрович не мог добыть сыну свидетельство о дворянстве, поскольку ***не был внесен*** в родословную книгу Тульской губернии, о чем не обеспокоились и он и его «отец». Любопытно, что

и «отец» Юрий Петрович представил в Корпус в 1798 году не копию метрического свидетельства о рождении сына из Консистории Костромской губернии, Галицкого духовного правления или священника Никольской церкви, а ***всего лишь справку (!) о его рождении и крещении,*** заверенную исполняющим должность Тульского (!) Предводителя дворянства Егором Крюковым, Тайным советником А.И. Лопухиным и его родственником В.В. Рыкачевыми, и ***без подписи священника (!)*** под предлогом его смерти.

Необходимые документы Юрий Петрович начал собирать в 1828 году, 11 февраля 1829 года получил из Вотчинного Департамента, в доказательство своего дворянского происхождения, справку о недвижимом имении предков, (*Примечание автора: на примере покупки крепостных, вместе с поместными землями Виолевой у Лермонтова, было показано: обладание недвижимостью* ***не являлось правом на обладание дворянским статусом,*** *поэтому справка Вотчинного департамента* ***не подтверждала право на дворянство***) — и только 5 марта 1829 года подал в Тульское дворянское депутатское собрание прошение *«внесть в дворянскую родословную Тульской губерний книгу,* ***как меня, так и сына*** *моего Михайлу, и на оное внесение выдать грамоту, а сыну надлежащее о дворянстве свидетельство»*, а 10 марта получил Грамоту о внесении рода его в шестую часть родословной книги Тульской губернии…

Однако Юрий Петрович ***почему-то не захотел истребовать в 1829 году в депутатском Собрании важное для сына свидетельство о дворянстве,*** т.е. копию с определения о внесении его с родом в дворянскую родословную Тульской губернии (копия отсылалась и в Департамент Герольдии Сената), иначе в деле о дворянстве нашлось бы его прошение и копия с подлинного метрического свидетельства о рождении и крещении Михаила Юрьевича. Арсеньева решила не одалживаться у зятя и обошлась при поступлении в Пансион внука только его метрическим свидетельством, которое получила 25 октября, по приезде в Москву, из Московской Духовной Консистории.

Итак, Михаил поступил и в пансион, и в университет ***по метрическому свидетельству,*** но послабление в последнем случае можно объяснить тем, что он, во-первых, обучался в пансионе при университете, а во-вторых, возможные препятствия, если таковые и возникли, Елизавета Алексеевна, при ее энергии, несомненно, преодолела бы с помощью своих московских родственников. Скажем, её деверь Арсеньев был попечителем Московских училищ и пользовался большим уважением в Москве. Для поступлении в Школу юнкеров требовались

весомые доказательства дворянского происхождения, и потому, за смертью Юрия Петровича, упомянутое свидетельство о дворянстве Лермонтова испросил (***не значит получил, а значит запросил***) в Дворянском собрании Тульской губернии 29 мая 1832 года брат его деда, Григорий Васильевич Арсеньев, а копию с него (с запроса) 28 июня 1832 года отправили в Герольдию.

В деле сохранились прошение Григория Васильевича и копия с подлинника метрического свидетельства.

Курсив мой: 4.

Обращение Григория Васильевича, по другим сведениям, оказалось безрезультатным. Это следует признать фактом уж потому, что поступление Михаила в Школу юнкеров состоялось на основании Справки о рождении Юрии Петровича (*«Точно из дворян…»*) от 1798 года генваря 16 дня и ходатайства за него его двоюродного деда Арсеньева, и по факту, что он перед поступлением в Школу учился в благородном пансионе и университете.

Относительно испрошения свидетельства о дворянстве Лермонтова, его деда Григория Васильевича — уместно сказать: испрашивать-то он испрашивал, да в ответ в Герольдии, верно, только весело посмеялись и над «справкой», и над «свидетельством». И потому дворянство для Михаила осталось за пределами возможного. И потому в «Моли-тве странника» и в других признаниях горько констатировал:

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете ***безродного…***

«Исследователь истории родов служилого класса, — пишет известный генеалог Л.М. Савелов (Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском Археологическом институте преподавателем института Л.М. Савеловым. Репринт. изд. 1909 г. М. 1994. С.128-139) — не может остановиться на том странном явлении, что почти все важнейшие роды, не происходящие от Рюрика, по их заявлению, непременно потомки какого-нибудь выехавшего на Русь знатного иностранца.

Флетчер прямо говорит, что Иван Васильевич (Грозный) часто гордился, что предки его не русские, как бы гнушаясь своим происхождением. При таких взглядах Государя на русское происхождение весьма понятно становится желание московской знати также происходить от иноземных выходцев, кровь которых была, очевидно, более благородной, чем своя русская и вот в родословцах стали появляться честные

и дивные мужи, маркграфы, королевские сыновья дуки, верховные жрецы и т.п. и в результате, ***почти все наше древнее дворянство оказалось выезжим.***

Просматривая список фамилий по их выездам, мы находим лишь 33 рода о которых говорится, что их родоначальники выехали из русских местностей и 96 выезд которых не указан, ***остальные же 804 родов принадлежат к родам выезжим.*** В начале представители фамилии знали о происхождение легенды, но наконец наступало время, когда легенда о выезде мифического предка становилась в глазах его потомков неопровержимым фактом и даже проникла в официальные издания вроде Общего Гербовника.

Не отрицая совершенно возможность выездов из других стран мы крайне осторожно должны относиться к ним, подвергая критическому анализу каждый данный случай.»

Курсив мой: 5.

Если уважаемый читатель, при знакомстве со списками дворянских родов, внесённых в Родословные книги Костромской и Тульской губерний (частично представленными здесь выемками на букву Л), будет любезен ещё обратить на них внимание, он увидит: к фамилии Лермонтовы в скобках отнесено:

— в списке Тульской губернии — **(6. 1829; 6. 1858),**
— в списке Костромской губернии — **(6*; 6.)**;

где:

— 1-я цифра — номер части ДРК, в которую включён род,
— через точку с запятой — показан год внесения,
— * — внесены в родословные книги других губерний.

Оставим без внимания — в скобках (вторую цифру 6) — в списке костромской губернии, как не вызывающую интереса, и в скобках (6. 1858) в списке Тульской губернии, как отражающую событие значительно позднего времени.

Получили:

— в списке Костромской губернии **(6*),**
— в списке Тульской губернии **(6. 1829).**

По Тульской губернии неполная, но есть ясность — (нами удалён

из числа внесённых в Родословную книгу кто-то из Лермонтовых, внесённый в неё в 1858 году, т.е. в не интересующее нас время).

По Костромской губернии — удалён субъект, внесённый в 6-ю часть книги и не отмеченный звёздочкой — значит не внесённый в книги других губерний. И в Тульскую — тоже. Но в ней остался тот, что отмечен звёздочкой!

Лермонтовы показаны в дворянских Родословных книгах Тульской и Костромской губерниях. ***В книгах других губерний их нет.*** «Отец» Лермонтова внесён в книгу Тульской губернии ***в 1829 году.*** Только его внесение в Тульскую книгу, в шестую её часть, могло породить звёздочку над шестёркой следом за фамилией Лермонтовы. Это по меньшей мере значит — ***звёздочка появилась в 1829 году или несколько позднее.*** Но «позднее» — это бы значило, что Юрий Петрович не знал о своём внесении в дворянскую Родословную книгу по месту прежнего жительства, где ему привелось прожить первые свои четыре года. Между вопросом и ответом: ***«знал — не знал»*** можно бы развить несколько версий, но мы этого не сделаем по причине существования в вечности «Справки» от 1798 года января 16 дня за подписью «***Егора Крюкова и компании***», увековечившей нерушимость логического перла ***«сын Юрий точно из дворян»***.

«Отец» Юрий Петрович, ради будущего благородства сына устроил, можно полагать, дорогую для него канитель со «Справкой». Выходит, он знал об отсутствии своей фамилии в Родословной книге Костромской губернии. Иначе бы — к чему канитель со «Справкой»? Значит — звёздочка над шестёркой появилась одновременно с самой шестёркой. ***Но с какой целью?*** Похоже — подстраховка для увековечивания славной фамилии «Лермонтов» в памяти веков… Отнесёмся снисходительно к предусмотрительности Юрия Петровича. Большая половина жаждущих вписаться в благородное общество, как раз этим и занималась.

О справке от 1798 года января 16 дня о рождении Ю.П. Лермонтова 1787 года декабря 26 числа – «***сын Юрий точно из дворян***»: Справка эта, по статусу приравненная к свидетельству, по определившим ею событиям равная Кодексу, достойна особого внимания человечества, как и её творцы! ***Через 10 лет*** после рождения ребёнка в Костромской губернии, группа родственников и соседей во главе И.О. губернатора Тульской губернии **(!)** Егором Крюковым сочиняет справку о рождении Ю.П. Лермонтова в обряде дворянского статуса и, нимало не смущаясь отсутствием в группе священника (под предлогом его смерти), — о его крещении.

Заметим, кстати, переезд Петра Юрьевича (отца Ю.П.) в Тульскую губернию состоялся в 1791 году, т. е. там — в Костромской губернии его к моменту сочинения справки, успели призабыть, а в Тульской губернии он сумел войти в статус ***«своего парня»*** — (ну, потому что без такого статуса — такую справку никому не дают).

И некстати для всех рядов биографов и исследователей поэта заметим: Справка эта, ***как свидетельство — юридически ничтожна***; по существу назначения — ***мошенническая,*** рассчитанная на легковерных идиотов. И, почти невероятно, оказалась бессмертной.

При обсуждении сомнительности дворянства Юрия Петровича в пользу его дворянства использовался аргумент: не будь он дворянином, как мог бы поступить в Кадетский корпус, закончить его, да ещё и быть несколько лет воспитателем? Как бы мог вступить в дворянское ополчение в 1812 году? А смог потому, что его отец — Пётр Юрьевич, за неимением свидетельства о дворянстве, представил вместо него в Кадетский корпус эту самую справку.

То же повторилось при вступлении в ополчение.

При поступлении Лермонтова в пансион тоже была использована подмена свидетельства о дворянстве — свидетельством о рождении, но в исполнении копии, взятой Е.А. Арсеньевой из Московской духовной консистории 25 октября 1827 года, где удалены элементы произвольности при регистрации событий, компрометирующие церковь, а по существу — дезавуирующие её право на свидетельствование.

При преобразовании Пансиона в Гимназию при университете только для детей дворян, приём вели не по справкам с удостоверяющей подписью «Егора Крюкова К» и не по свидетельствам, содержащим в текстах упоминания об отце в чине «Корпус-капитана» и т.п., а по простым, но ***настоящим*** Свидетельствам о дворянском происхождении.

Поэтому в Гимназию Лермонтова просто не приняли по социальному положению. А в университет приняли только на разночинное отделение.

6-го июня 1832 года отчислили за лентяйство, а не за срыв урока (лекции) словесника профессора Малова, как утверждается официально. Срыв урока произошёл 16 марта 1831 года. За этот протест были наказаны Александр Герцен и Андрей Оболенский. Шесть студентов из наиболее родовитых семей, принявших на себя вину за срыв, — отделались лёгкими внушениями и отсидкой в карцере.

И стали героями... Лермонтов к этой шестёрке не примкнул. Отчислен, как бы «***по собственному...***». В Петербургский университет не принят ***из-за отсутствия Свидетельства о дворянстве.***

В «Справках» там знали толк не хуже, чем в Москве.

Ещё была Школа юнкеров. Но она — тоже для детей дворян… Здесь снова была использована копия Свидетельства о рождении Михаила, полученная Е.А. Арсеньевой из Московской духовной консистории от 25 октября 1827 года, где указан отцом — Юрий Петрович в чине отставного капитана. Чин капитана, как бы удостоверял выслуженное потомственное дворянство. Использовал своё влияние один из братьев деда Михаила — Арсеньев, бывший попечителем московских училищ.

*

Итак, мы имеем представление о сословии дворян. Знакомы с установленными для него правовыми нормами. На примерах убедились в неограниченных возможностях приобретения, владения, распоряжения значительными землями и крепостными крестьянами помещиками, не входящими в дворянское сословие и в течение длительного времени, исчисляемое несколькими поколениями, охраняемое правом наследования. Посвящены в темпы роста привилегированного сословия и способы проникновения в него. Не сомневаемся в том, что самоназванные «дворяне», не покушающиеся на престижные для узаконенных дворянских родов привилегии (как-то: элитные учебные заведения, служба в гвардии и т.п.), могли здравствовать в самоназванном качестве, бесконечно долго.

Проследим, ***как это всё связано*** с интересующим нас родом Лермонтовых:

— Возвратимся к сведениям, изложенным членом Петровской академии наук и искусств Анатолием Березнёвым;

— Обратим внимание на пункт 82, подпункт 19 пункта 92 Жалованной Грамоты (ЖГ) от 21 апреля 1785 года;

— ***Прошение внуков*** Георга Лермонта: Евтихия и Петра о ***признании их дворянами*** со ссылкой на книгу по истории Шотландии Бееициуса и Леслея, под видом якобы утери ЖГ царя Михаила Фёдоровича на поместье Кузнецово в Костромской губернии;

— Тоже — Евтихий и Пётр кровь за Россию не проливали, были: один — стольником (типа распорядителем при царском столе), другой — стряпчим (типа завхозом) при царях: Алексее Михайловиче и Петре I;

— Тоже — четыре сына Евтихия и Петра получили по разделу земель в Чухломском уезде четыре поместья: Кузнецово, Острожниково, Измайлово, Колотилово. От названия этих поместий произошли

четыре ветви Лермонтовых.

Юрий Петрович Лермонтов — Измайловская ветвь. Кто, за какие подвиги Евтихию и Петру пожаловал эти поместья, где дарственные грамоты на их дарение? Без дарственных грамот, не может быть сомнения — они были ***куплены.***

— Тоже — к столбовым дворянам род Лермонтовых принадлежать не мог. Георг Лермонт ***предал своё отечество*** (Шотландию) в пользу поляков неизвестно когда, а поляков ***предал в пользу русского царя*** в 1613 году. Древность рода подтверждалась документами до 1685 года. Согласно «Толкованию» к пункту «Жалованной Грамоты Екатерины II» — «*Древние благородные роды не иные суть, как те роды, коих доказательства дворянского достоинства, за* ***сто лет и выше*** *восходят…*».

Поэтому безусловно считается — к столбовым дворянам род Лермонтовых ***не относился.*** К их здравому рассуждению можно отнести: претензий на столбовое дворянство — ими ***не предъявлялось.***

Внимательно вникая в смысл приведённых ссылок, лукавость заявлений, типа: царская ЖГ на поместье Кузнецово утеряна, обширные поместья дарованы за усердную многолетнюю службу, Георг Лермонт начал свой род в России с русской женщиной, имя которой не сохранилось и т.п., и имея при этом ввиду, что:

«Справка» о дворянстве, сочинённая «Крюковым и К», сохранена, как зеница ока, пребывание на столь кормовых местах у престола могло обеспечить покупку обширных поместий, а род свой начать с какой-нибудь маркитанткой — трудно не обнажить саркастическую усмешку. Поэтому глубже того, как уже вникли, вникать не будем, но повторим важное «Толкование» подпункта 19, пункта 92 из «ЖГ», Екатерины II, а именно: «*По чинам, которые дослужатся до обер-офицерства* — (до капитана включительно): «*Недействительно в воинской службе служащих* (фактически не несущих воинскую службу), *но равные чины имеющих* (обер-офицерские чины — это как раз относится к Юрию Петровичу) *почитать надлежит за имеющих лишь личное дворянство, но не наследственное.*».

Пример: имеющих ***личное*** дворянство не надлежит вносить в Родословную книгу наместничества. Случись всему Измайловскому мужскому роду Лермонтовых выслужить право на наследственное дворянство, Юрий Петрович, как считается — юридический отец поэта, утратил бы его своей «***усердной***» службой царю и отечеству безвозвратно, так как ***служил в армии семь лет и далеко от полей сраже-***

ний. По фиктивной «справке» записался в дворянское ополчение 1812 года. Полежал на госпитальной койке в грозное время и благополучно отбыл в уютное Кропотово, ***ни разу не выйдя*** на боевые позиции.

Но дворянства, по названным причинам у него ***не было***, поэтому утратить его, при всём своём «усердии», он не мог.

В Герольдии, судя по конечному результату, в лукавстве разбирались неплохо, благо для накопления опыта материалы по лукавству, (как во все времена — не переводились) — деликатно отмолчались.

А нелюбовь к поэту императора России, как это предопределено было считать и сейчас считается, к его (Лермонтова) — дворянству не имела никакого отношения. В губерниях (в один год — в двух) — род, по недомыслию, вписали в Родословные книги.

Но воспользоваться этими записями Юрий Петрович ***поопасался и правильно***. Потому что потом никому не стало смешно… Следствие из наших изысканий тоже не смешно: ***Михаил Юрьевич Лермонтов дворянского статуса по юридическому отцу иметь не мог.***

ЧАСТЬ 3.

В происхождении Лермонтова интерес интригует биологическая составляющая. Собственно, она является и указателем на социальное происхождение. Естественно, неоспоримой очевидностью обладает только мать. Предстоит убедиться в биологическом отцовстве его юридического отца. Это возможно ***при абсолютно достоверном*** знании жизни Марии Арсеньевой ***до встречи*** с Юрием Петровичем.

Упущенных возможностей получения нужных свидетельств не вернуть, но они не все утрачены безвозвратно. Логично иметь уверенность сохранения существенных сведений в архивах знатных российских родов, правоохранительных служб, видных государственных деятелей. (Например: М.М. Сперанского — бывшего премьера, губернатора Пензенской губернии и друга рода Арсеньевых, сохранявшего с Арсеньевыми активную переписку, живо интересовавшегося судьбой семьи Елизаветы Алексеевны и лично Марии Михайловны). Трудно усомниться в наличии интересующих просвещённую среду сведений в лермонтовских музеях, скрытых от доступа под благовидным предлогом защиты памяти поэта от дотошного любопытства.

По ходу наших рассуждений признаки такие могут обнаружиться и нам предстоит возвращаться к обсуждаемому вопросу. Без всяких «угрызений» отнесём пренебрежение ими или их преднамеренное замалчивание на счёт «классиков-биографов». Это ***результатом их***

«стараний» остались в неизвестности: места пребывания Е.А. Арсеньевой с дочерью в 1810–1812 годах и фактические события 1814 года в «погорелой» Москве, при отсутствии в ней назойливо любопытного благородного общества и всесущих родственников. Для познания истины чрезвычайно важен каждый период в жизни семьи Арсеньевых. Это только по мнению некоторых хулителей версии М. Вахидовой — интерес к периоду 1810–1812 годов не достоин порядочного исследователя жизни поэта и, в первую очередь, жизни его матери. Отсутствие такого интереса, как раз и является выражением ***гражданской непорядочности***, а следствием подобного отношения к делу является ***искажение истины***. Обратимся к творчеству М. Лермонтова. Принято считать: оно безупречно выражением подлинной действительности и ***предельно откровенно*** в личном плане.

Заметим: большой интерес представляет поэма «Сашка». Утверждают — она не так биографична, каковой считается. Что это, де, блокнотные заготовки для будущих произведений. Но если это так, то, значит, все произведения поэта не содержат биографического содержания. Просто это заготовки для будущих романов. И все исследователи его творчества безнадёжно заблуждаются… Для выражения авторской позиции приведём несколько примеров с последующими комментариями:

Из «Смерть поэта»:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

Некоторые знатоки поясняют: Лермонтов, де, не относил сказанное к императору. Только к толпе, стоящей у трона. И потому император был к поэту несправедлив. Но далее следует стих:

Таитесь вы под сению закона...

По нынешнему пониманию, (а по сути, и по пониманию во все времена) — таятся они под крышеванием законно сидящего на троне — главного палача. Грубо. Прямолинейно. Но так сказано.

А вот о том же, законно сидящем на троне. Из «Опять народные витии»:

Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря:
Вам солнца божьего не видно

За солнцем нашего царя.

И далее:

Вам непонятно, вам не сродно,
Всё, что высоко, благородно…

Это уже не грубо. Даже сладкоречиво. Ода!

Из приведённого следует: в части отражения общественных явлений — поэзия Лермонтова не всегда отличалась истинностью и искренностью. Но отнесём содеянное к случаю — с кем не бывает. Над нами Бог. Но «лукавый», к случаю — ближе… В части откровенности поэт более безупречен. Однако, его откровения поверхностному восприятию, содержанием истинного, не обязательно прямо конкретны.

Акцентируем внимание на ниже приводимом примере, Он потребуется и для будущих рассуждений.

Варваре Лопухиной:

Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, ***названье,***
Вот все, ***чего не знаешь*** *ты.*
Пусть ***в этом имени*** *хранится,*
Быть может, целый мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои — они святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горький смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят
В тот ***угол сердца отдаленный,***
Куда запрятал я мой клад.
Как помню, счастье прежде жило,
И слёзы крылись в месте том:
Но счастье скоро изменило,
А слёзы вытекли потом.
Беречь сокровища святые
Теперь ***я выучен судьбой;***
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..

Непосвящённому не вдруг понять: почему любящей женщине бу-

дет менее тревожно, если от любимого ей станет известно, что его мечты таят имя, в котором «***хранится целый мир любви» — но это не её имя?*** И что в этом имени скрыта святая для него ***тайна сердца этой женщины***… Кто она, по существу своему, не могущая тревожить Варвару? Такой женщиной могла быть ***только его мать***!

Это утверждение ставит интересный вопрос: когда, при каких обстоятельствах у Марии Михайловны, якобы без ума любившей Юрия Петровича, могла возникнуть тайна, которую сын так запрятал, что она навсегда недоступна «***всем сокровищам вселенной***»?

Далее — резон, хоть бы гипотетически, представить Мир души Марии, в которой билось романтическое её сердце, обречённое осудительной тайной… Но к этому будут и другие, ещё не высказанные поводы, поэтому перейдём к другому примеру, полному никем не разгаданных тайн.

«Ребёнку»: Происхождение ребёнка, пожалуй, самое таинственное из всех сюжетных таинственностей поэта.

О грёзах юности томим воспоминаньем,
С отрадой ***тайною и тайным*** *содроганьем,*
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю…
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! — Не правда ль, говорят,
Ты на неё похож? — Увы! Года летят;
Страдания её до срока изменили,
Но верные мечты тот образ ***сохранили***
В груди моей*; тот взор, исполненный огня,*
Всегда со мной.
А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрошенные ласки?
Не слишком часто ль я твои целую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обожгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мне… К чему? Её, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль ***встревожит…***
Но мне ты всё поверь. Когда в вечерний час,
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала
И в знаменье креста персты твои сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, тебя она

Ни за кого ещё молиться не учила?
Бледнея, *может быть, она, произносила*
Название, *теперь забытое тобой…*
Не вспоминай его… Что имя? — звук пустой!
Дай Бог, чтоб для тебя ***оно осталось тайной.***
Но если ***как-нибудь, когда-нибудь, случайно***
Узнаешь ты его *— ребяческие дни*
Ты вспомни, и ***его, дитя, не прокляни!***

1840

Есть несколько версий происхождения «Ребёнка». Официально не признана ни одна — (160 лет со времени его написания лермонтоведам хватило только для предположения, что он — чей-то был…).

Слово автора обращено к ребёнку. Но в художественных эпитетах с такой трепетной нежностью, проникновенными душевными чувствами, с невыразимым состраданием, с участием воплощённом в этом слове — Лермонтовым, явлением схожести характеризует и мать ребёнка, обращением к нему, по сути уверяет его мать в своей верности, в негасимой пылкости огня в его груди.

Значит: следует, прежде всего, выяснить — ***кто она?***

Это намерение исключит из рассмотрения все варианты, как версии не имеющие в своём содержании женщины-матери, кроме одного:

Мать ребёнка — княгиня Варвара Бахметьева (Варенька Лопухина), а ребёнок — четырехлетняя дочь её Ольга (1836–1912 г.), которую один раз в жизни в 1840 году в Петербурге на квартире Базилевских (друзей Бахметьевых), он встретил и играл с ней.

По воспоминаниям Акима Шан-Гирея (кузена Л.) — после Михаил заплакал и ушёл в другую комнату.

Версия: мать ребёнка — Бахметьева-Лопухина на первый взгляд представляется правдоподобной по признакам:

— Л. действительно видел и общался с Олей Бахметьевой,

— Л. — действительно только Варвару любил до конца своей жизни:

Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей, тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной…

Действительно:

Страдания её до срока изменили.

(по имеющимся сведениям, в 1838 г. состоялась последняя встреча

Михаила и Варвары. По пути в Ревель она — больная, специально заехала в Петербург, чтобы попрощаться с ним. Случилось — прежде встретилась с А. Шан-Гиреем и тот был смущён её видом. Это произвело угнетающее действие на неё — боялась такое же впечатление произведёт и на Михаила. Но всё обошлось, правда при расставании упала в обморок).

— При любящем Варвары к Михаилу отношении, могло действительно быть:

Бледнея, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой…

Бледнея, потому что благовоспитанная в добропорядочной семье, не могла не сознавать своей отчуждённости к мужу, что усугубляло её страдание. Ребёнок, показанный в виде мальчика, не вносил в сюжетную версию недоверия, т.к. Лермонтов скрывал всё касаемое Варвары и, потому, мог вместо девочки показать мальчика. Так в «Герое нашего времени» — родинку над бровью у Варвары (прототипа «Веры»), он показал на щеке Веры, однако Бахметьев был взбешен очевидностью прототипа. А Мария Александровна (сестра Варвары), прекратила с Лермонтовым давнюю переписку и всякие отношения — тоже из-за этой родинки. При взгляде вглубь сюжета, признаки, кажущиеся ***на первый взгляд*** убедительными, таковыми уже не являются.

Возникают необъяснимые вопросы: *«С отрадой тайною…».* С какой радости мог Лермонтов смотреть с отрадой на ребёнка любимой женщины от другого мужчины? Ребёнок — счастье женщины-матери, производное от счастья жизни с его отцом. Это резко противоречило бы его концепции о предпосылках для счастья во взаимоотношениях мужчины и женщины. Об этом он объявил в салоне Беклемешевых в Петербурге Екатерине Сушковой (своей первой — по счёту классических лермонтоведов, а по существу — третьей) любви, где известный в то время певец Яковлев исполнял романс на стихи А. Пушкина — «Я Вас любил…». Комментируя выражение: «Как дай Вам Бог любимой быть другим», Лермонтов сказал: *«Это совсем надо переменить; естественно ли желать счастья любимой женщине, да ещё с другим? Нет, пусть она будет несчастлива; я так понимаю любовь, что предпочёл бы её любовь — её несчастью; несчастлива через меня, это бы связало её навек со мною!»*

Об этой его концепции писала известная поэтесса Евдокия Ростопчина: *«Он забавлялся тем, что сводил с ума женщин с целью потом их покидать и оставлять в тщетном ожидании… Он старался доказать самому себе, что женщины могут его любить, несмотря на его*

малый рост и некрасивую внешность».

Приведённые свидетельства исключают «отраду» Лермонтова при созерцании чужого ребёнка любимой женщины. Тем самым исключается Варвара, как мать представленного мальчика в стихотворении «Ребёнок» и, значит, и***сключается Оля Бахметьева*** из обсуждаемой роли.

Сказанного уже достаточно, чтобы самый правдоподобный вариант не обсуждать. Но для пущего разочарования его сторонников есть что добавить:

— Прекрасное дитя, кудрявое и быстроглазое, с милыми улыбками приводит Лермонтова в «***тайное содроганье***»… Какие ужасные ассоциации возникают в его сознании и воображении при созерцании «*прекрасного дитя*»? Это не только вопрос. Это — утверждение: непосредственное общение с прекрасным не может вызывать содрогающих импульсов. Значит, они идут от (из) возникающих ассоциаций!

Уточним: содрогающие импульсы идут от уже состоявшихся раздражителей, суть которых была нами (на пока) оставлена в белом пятне.

— Отчуждает от причастности Лермонтова к действующим лицам сюжета стихотворения отправление ребёнком, по подсказкам матери, молитвы

...скажи тебя она
Ни за кого ещё молиться не учила?..

Сам собой напрашивается вопрос, содержащий в себе категорическое отрицание предполагаемо-желательного ответа. Утешительная надежда несостоятельна по естественной логике: с чего бы, вдруг, мать (будь она Варварой Бахметьевой), стала учить ребёнка молиться за чужого дядю, предавшего её, оставившего любящую, до обмороков, девушку в неведении на взаимность, на свои намерения — в критическом для неё возрасте? Под давлением слухов о его предстоящей женитьбы на другой, фактически вынудить её выйти замуж за человека старше её на 17 лет. Нет, Варвара не могла учить своего и Бахметьева ребёнка молиться за Михаила. Но, если так — кто та женщина-мать, учившая молиться за кого-то? И кто «Ребёнок»?

— По какой причине, томимый воспоминанием, автор, (если он имел ввиду своё имя), хотел сохранить его в тайне от ребёнка?

— По какой причине просил дитя, (не имевшего к нему никакого отношения), не проклянуть его имя?

Видимых причин для выражения таких просьб автором не показано. Логика исключения В. Бахметьевой из прообраза матери «Ребён-

ка» не предполагает другую версию с женщиной, из числа знакомых Лермонтова, из-за несхожести объективных характеристик. Однако, создание стихотворения после встречи с Олей Бахметьевой, свидетельствует о фактически существовавшем прототипе, вероятно, в прошлом времени. А в прошлом времени, с характерными признаками образа и судьбы матери «Ребёнка», была мать Михаила. Прообраз себя самого, своей сиротской судьбы Лермонтов мог увидеть и почувствовать в маленькой Оле и синтезировать два образа в один прообраз.

Тогда мать «Ребёнка» представляется ***безысходно несчастной, обречённой на душевное одиночество,*** каковой и была Мария Михайловна. А отец, от лица которого выражается почти покаяние — осознаёт свою непростительную виновность перед женщиной-матерью, их общим ребёнком, за их жестокую судьбу. Тогда ему резон было просить сына не проклянуть его. Такая версия, вполне логично, может уложиться в сознании, как единственно правдоподобная.

*

Весной 1812 года Е.А. Арсеньева с 17-летней дочерью возвращались в Тарханы через Васильевку — имение Арсеньевых. Самые смелые биографы поэта утверждают, что предшествовавшие 1810–1812 годы Е.А. Арсеньева с Марией путешествовали по Москве, Петербургу, по многочисленным родственникам. Может быть. Но сомнения вызывают следы. ***Они изловчились нигде их не оставить…*** (Или биографы поэта изловчились их не заметить?). В те времена велась активная почтовая переписка. Принято было вести дневники. Почти обязательными атрибутами салонов и гостиных были альбомы. Мария вошла в цветущий возраст невест. Девушка 20 лет уже считалась «кокеткой» — старой девой. Мария была в расцвете! Единственная наследница значительного состояния, потомок известных влиятельных родов, красавица, музыкально одарённая с хорошо поставленным голосом, романтичная — она никак не могла остаться незамеченной в жаждущем её достоинств обществе! Но судя по отсутствию «следов» — такое случилось… И вот, по пути в Тарханы, в Васильевке, Е.А. Арсеньева, пренебрегая свойственной ей расчётливостью, вспомнила про бедную подругу — соседку по имению — Анну Лермонтову с пятью её дочерьми и сердцеедом сыном — Юрием Петровичем. Вспомнила и пригласила, сразу всех. Нет, не в Тарханы и когда-нибудь. В Васильевку и, как говаривалось, не мешкая… Бедной Анне это было в значительный наклад. Но отказаться не посмела. Все прибыли.

Ну, подружки пообщались, то, сё… А Мария и Юрий — впервые

встретились. Но как! Навсегда! И через неделю — уже помолвлены… Почему так скоро — не нам судить. Но всё те же биографы-классики утверждают: молодые были очень счастливы. Особенно Мария Михайловна... Она даже стихи писала Юрию Петровичу.

Вот, например:

О, злодей, злодей, чужая сторона…
Разлучила с другом милым ты меня,
Разлучила с сердцем радость и покой,
Помрачила ясный взор моих очей
Как туманы в осень солнышко мрачат.
Но с любовью ты не можешь разлучить,
Она в сердце глубоко лежит моём,
С ней расстанусь разве лишь тогда,
Как опустят в мать сыру землю меня.
Для того ль, мой друг, смыкались мы с тобой,
Для того ль и сердцу радость дал вкусить,
Чтобы бедное изныло от тоски…

Эти стихи приводит в своей книге Т. Толстая. Их приводит М. Вахидова в выступлении на Лермонтовской конференции в Пятигорске (25.09.2008 г.), но в другой интерпретации. Эти стихи, с абсолютно обнажённым доверительным смыслом, «классическим» лермонтоведам, как бы не в лоб. Их толкование твердокаменно: они обращены и посвящены Юрию Петровичу! Наш комментарий может быть только вопросительно-утвердительным — какому дубу не ясно, что милый друг недосягаем для её любви? — законный муж, постоянное общение с которым беспрепятственно, беспроблемно, будь он любящим и любимым, был бы защитным ореолом вокруг её сияющей счастьем души. Но, в таком случае, не могла она написать эти, пронизывающие тоской сердца, стихи.

*

В дальнейшем исключим включение в диспут значительных по объёму текстов, считая уже сказанное веским основанием для сомнений во взаимности любви между Марией и Юрием.

Во имя объективности, приведём некоторые, характеризующие положение в семье, выемки из произведений поэта, фрагменты, содержащие кристальные моменты высоких мнений, отдельные свои мнения, сложившиеся в процессе ознакомления с биографическими материалами поэта.

Всё — с возможно краткими комментариями.
Всё — с целью последующего обобщения.

«Отрывок»

... Лицо моё вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

Стихотворение написано, по официальной биографии, не позднее 1829 года. А дата под текстом — 1830 год. (фантазия «классиков») Но не это удивительно. Удивительно то, что 15-летним юнцом создано произведение, оказавшееся не по уму классикам-академикам! Относительно обсуждаемой темы важно: уровень философского восприятия Мира, показанного в «Отрывке» — превысил академический уровень понимания его «академиками», что в 15-летнем возрасте невероятно! Сие вероятно в более зрелом возрасте…

«Покаяние» (1829)

Юная дева пришла к попу исповедовать грех сердечный:

Дева:

Я спешу перед тобою
Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Всё, что в жизни я люблю.

Я не знала о покое,
О невинности детей…

Вскоре бедствие узнала
И ничтожество своё:
Я любовью торговала
И не ведала её.

Уточним: речь идёт не о продажной любви. Дева пришла к попу исповедаться не во своё спасение, — во спасение (чтоб не умертвить с собою) греха своей сердечной любви. В момент создания «Покаяния» Лермонтову, по официальной биографии, было 15 лет, и он никогда, с тех пор как научился читать, не расставался с дневником матери…

Портретный рисунок Лермонтова

Был заказан в 1817–1818 годах. Художник по «натуре» определил возраст мальчика 6–7 лет и, соответственно, нарисовал. Бабушка заявила, что художник «*состарил*» ребёнка. А некий ярый «антимистификатор», уже в XXI веке удостоверил «*состарение*» ребёнка категорическим аргументом: «*Ну неужели читателю не видно, что на этом портрете отнюдь не семилетний мальчик?*».

И далее: «*Да и стал бы семилетний озорной мальчишка ходить в девчонкином платьице?*». И вопрошающий не устыдился своей бездоказательной демагогией.

Ответим на издевательскую бессмыслицу:

— Читателю видится именно семилетний, а не трёхлетний мальчик. У него ***осмысленный для этого возраста взгляд.*** На руках он держит свёрток бумаги, которую он использует для своего творчества. Одет в рубашку — не в платьице. Такой модели может быть рубашка. Да и трёхлетнего мальчика не одевают в платьице.

Пример: автор этих строк в 1950 году учился в школе ФЗО. Был премирован. А что было в те годы? Достали отрезок мадаполама. Бухгалтером в ФЗО работала молодая немка. Она из этого мадаполама сшила рубашку. С рюшками, сборками, в талию. Обшлага на рукавах — от запястья до локтей. Пуговок на обшлагах штук по десять. Самое, что ни на есть платьице. Но это была мужская рубашка!

*

О биографической достоверности поэмы «Сашка». Из воспоминаний Акима Шан-Гирея известна эмоциональная реакция Михаила на известие о замужестве В. Лопухиной. По сути, это известие стало моментом осознания глубины его чувства к ней. В силу восприятия её решения, как измены, немедленно была задумана литературная месть ей. Первой местью стала трагическая драма «Два брата», где Варвара представлена в образе низкопорочной Веры. Этим месть не удовлетворилась и с тем же замыслом был начат роман «Княгиня Лиговская» (не окончен по случаю первого перевода на Кавказ). И этого оказалось недостаточно. Месть продолжилась в «Герое нашего времени» представлением Веры, (прототипом которой, несомненно, была Варвара) — изменяющей своему престарелому мужу. Только после первой «ссылки»-командировки на Кавказ, Лермонтов изменил своё понимание её решения выйти за Бахметьева. Следствием изменения отношения к

Варваре, были посвящения ей лучших произведений, в том числе: «Молитва странника», «Оправдание», «Демон» — (шестая редакция), «Валерик» и др. Приведём только примечания по «Демону» и «Валерику»:

— К шестой редакции «Демона» было написано малоизвестное посвящение, обращённое к Лопухиной:

Я кончил — и в душе невольное сомненье!
Займёт ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?
Пробудится ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты только мёртвого, пустого одобренья
Наложишь на неё холодную печать;
И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томившей столько лет;
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжёлый бред…

Довольный написанным посвящением, действительно непонятный поэт надел вместо штатной сабли детскую игрушку-саблю и отправился на плац, где Великий князь проводил штатные тренировки с гусарами. Разумеется, ему не понравилась детская сабля Лермонтова, и он посадил его на гауптвахту.

— В тексте «Валерик» есть только единственное слово, прочитав которое Варвара с абсолютной уверенностью должна была понять: это тяжёлое по сюжету и трогательное по воспоминаниям произведение-письмо обращено, (значит и посвящено) — ей. Слово это — «чудак». В пору их близкосердечных отношений оно выражало её реакцию на его неординарные мысли и действия. Только она одна могла понять к кому обращено письмо… Вот его заключительная часть:

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскуственный рассказ
Развеселит, займёт, хоть малость,
Я буду счастлив. А не так?
Простите мне его, как шалость
И тихо молвите: чудак!

Эта романтически-трагическая драма в «Сашке» выражена в стро-

фах: 24 – 25 – 26.

24

Она звалась Варюшею. Но я
Желал бы ей другое дать названье:
Скажу ль, при этом имени, друзья,
В груди моей шипит воспоминанье,
Как под ногой прижатая змея,
И ползает, как та среди развалин,
По жилам сердца. Я тогда печален,
Сердит, молчу или браню весь дом
И рад прибить за слово чубуком.
Итак, для избежанья зла, мы нашу
Варюшу здесь перекрестим в Парашу.

25

Увы, минувших лет безумный сон
Со смехом повторить не смеет лира!
Живой водой печали окроплен,
Как труп давно застывшего вампира,
Грозя перстом, поднялся молча он.
И мысль к нему прикована... Ужели
В моей груди изгладить не успели
Столь много лет и столько мук иных —
Волшебный стан и пару глаз больших?
(Хоть, признаюсь вам, разбирая строго,
Получше их видал я после много.)

26

Да, много лет и много горьких мук
С тех пор отяготело надо мною,
Но первого восторга чудный звук
В груди не умирает, — и порою,
Сквозь облако забот, когда недуг
Мой слабый ум томит неугомонно,
Ее глаза мне светят благосклонно.
Так в час ночной, когда гроза шумит
И бродят облака, — звезда горит
В дали эфирной, не боясь их злости,
И шлет свои лучи на землю в гости.

В итоге сказанного нелогично отрицать автобиографическое содер-

жание поэмы «Сашка». Авторское слово воспринимается, как достоверность, выраженная не юридическим, а художественным, но свидетельствующим действительную истину языком.

И далее — вниманию представляется то, что будущий автор «Сашки» реально видел в близком ему окружении:

49

... Хочу я рассказать, кто он, откуда,
Кто мать его была и кто отец,
Как он на свет родился, наконец
Как он попал в позорную обитель…

Естественны его существенные воспоминания и найденные на возникшие вопросы ответы. Прототипы названы другими именами.

54

Иван Ильич стерег жену свою*
По старому обычаю. Без лести
Сказать, он вел себя, как я люблю,
По правилам тогдашней старой чести.
Проказница ж жена (не утаю)
Читать любила жалкие романы
Или смотреть на светлый шар Дианы,
В беседке тёмной сидя до утра.
А месяц и романы до добра
Не доведут…

* Прототип — Ю.П.

55

Она была прелакомый кусок
И многих дум и взоров стала целью.
Как быть: пчела садится на цветок,
А не на камень; чувствам и веселью
Казенных не назначено дорог.
*На брачном ложе Марья Николаева**
Была, как надо, ласкова, исправна.
Но, говорят (хоть, может быть, и лгут),
Что долг супруги — только лишний труд…

* Прототип — М.М.

64

Прилично б было мне молчать о том,
Но я привык идти против приличий
И, говоря всеобщим языком,
Не жду похвал…
Так и я:
Пишу, что мыслю, мыслю, что придется,

(о Ю.П.)

Он старших уважал, зато и сам
Почтительность вознаграждал улыбкой
И, ревностный хотя угодник дам,
Женился, по словам его, ***ошибкой.***
В чем он ошибся, ***не могу я вам***
Открыть, *а знаю только (не соврать бы),*
Что был он ***грустен на другой день свадьбы***
И что печаль его была одна
Из тех, какими ***жизнь мужей полна.***

61

Два года жил *Иван Ильич с женой,*
И всё ***не тесны были*** *ей корсеты.*
Ее ль сложенье было в том виной
Или его немолодые леты?..
Не мне в делах семейных быть судьёй…
Иван Ильич иметь желал бы сына
Законного… *……..*

65

Прошло два года. *Третий год*
Обрадовал супругов безнадежных:
Желанный сын, ……..
У них родился. В доме весь народ
Был восхищен, и три дня были пьяны
Все на подбор, от кучера до няни.
А между тем печально у ворот
Всю ночь собаки выли напролет,

66

…полночный вой собак

И страшный шум на чердаке высоком —
Приметы злые, но, не быв пророком,
Я только покачаю головой.
Гамлет сказал: «Есть тайны под луной
И для премудрых», — как же мне, поэту,
Не верить можно тайнам и Гамлету?..

67

Младенец рос милее с каждым днем:
Уж дразнил он собак… ……
Года неслись, а Саша рос, и ***в пять***
Добро и зло он начал понимать,

68

Он рос... Отец его бранил и сек —
Но Саша с ***гордой был рожден душою***
Умел он помнить, кто его обидел,
И потому отца возненавидел.

69

Великий грех!.. Но чем теплее кровь,
Тем раньше зреют в сердце беспокойном
Все чувства...
Шалун мой хмурил маленькую бровь,
Встречаясь с ***нежным папенькой;*** *от взгляда*
Он вздрагивал, как будто б капля яда
Лилась по жилам…

70

Он был дитя, когда в тесовый гроб
Его родную с пеньем уложили.
Он помнил, что над нею черный поп
Читал большую книгу, что кадили
И прочее... и что, закрыв весь лоб
Большим платком, отец стоял в молчанье.
И что когда последнее лобзанье
Ему велели матери отдать,
То стал он громко плакать и кричать,
И что отец, немного с ним поспоря,
Велел его посечь... (конечно, с горя).

Важно акцентировать внимание:

Строфа 67 — Саша растёт, его ***мама еще здравствует, в возрасте пяти лет он начинает понимать***, что есть добро и зло!

Строфа 70 — …… когда в тесовый гроб

Его родную с пеньем уложили.

Он помнил …

(Что он помнил — потом обсудим. Сейчас вспомним, что знаем, и посчитаем…): Мария Михайловна умерла 24 февраля 1817 года в возрасте 21 год, 11 месяцев, 7 дней. На эту дату, по официальной версии (в соответствие с «свидетельством о рождении», выданному церковью Трёх Святителей у Красных Ворот в Москве), Михаилу было 2 года, 4 месяца, 18 дней. И что? Ребёнок такого возраста на всю жизнь, в деталях, запомнил обряд похорон и психотрагическую атмосферу во время обряда? И, что отец велел «посечь» двух с половиной летнего сына? Может ещё и просолёнными прутьями?

Другое дело — если в предшествовавшие смерти матери годы и дни: «*…уж дразнил он собак... и в пять добро и зло он начал понимать…*», то ко времени смерти матери — ему настукало — (считаем: мать умерла в конце февраля, а собак — уличных, ведь ему уже не менее пяти лет — он дразнил летом, потому что зимой они лежат в тёплой конуре, а дети на тёплой печке. А от «лета до 28 февраля, считай полгода!). Значит к 5-ти ему ещё настукало 0,5 года. И, значит, в момент похорон он пребывал в возрасте ***не менее 5,5 лет!*** Такого мерзавца (ну, потому что он плакал и кричал), можно было и «посечь», что, конечно, он сохранит в памяти!

И это вот — перед велением посечь: (Строфа 70): *«И что отец, **немного с ним поспоря**»*, (спорить буквально значит: возражать, доказывать — что подразумевает владение логически последовательным изложением мысли). Можно ли допустить способность малышом 2-х лет, 4-х месяцев вести спор с взрослым человеком? Такой ребёнок мог только плачем или уросом протестовать против принуждения. И не более того. Другое дело, если ему 5,5 года. Такой ребёнок может возражать словом и действием.

Лермонтов — поэт гениальный. Гениальному поэту свойственно владение и мыслью, и словом. И это он о себе сказал (строфа 64) — «*пишу, что мыслю…*». То есть Гений сначала соображал, что писать. И если написал — «*поспоря*» — (строфа 70), значит сознавал, (а как прототип Сашки — помнил) — ребёнок по возрасту созрел для ведения спора и самолично (поэт Л.) — заявил, что ребёнку Сашке 24 февраля 1817 года, (в день смерти его матери) было не менее 5,5 лет и, что

он ***рождён не в 1814-м, а в 1811 году!***

ЧАСТЬ 4

Проницательный читатель, разумеется, обратил внимание на то, что смысл, заключённый в приводимых здесь выдержках, контекстах из трудов популярных, уважаемых биографов поэта, ему известен. Поэтому его может удивить, даже возмутить вопрос: зачем это повторяется здесь?

Например: «Свидетельство о рождении» из церкви Трёх Святителей, «Справка-свидетельство о рождении» из Московской духовной Консистории, «Справка о дворянстве» за подписью, ставших уже весьма известными «Крюкова и К».

Так вот, здесь это повторяется ***в другой интерпретации.*** Уважаемые многочисленные биографы Лермонтова, названную ***бумажную макулатуру*** представляли и использовали, как документальные свидетельства, на основании которых совершались те, или иные действия, составляющие биографические истины. Здесь они приведены в качестве ***сфальсифицированных фальшивок,*** в сопровождении раскрывающих фальсификацию комментариев.

В преамбуле третьей части этой версии сказано, (повторим): «*Трудно усомниться в наличии, интересующих просвещённую среду, сведений в лермонтовских музеях, скрытых от доступа… и т.д.*».

Приходится довольствоваться ***случайными проговорками***.

Например: сотрудник ЦБ им. Лермонтова (СПб) Д.А. Алексеев в статье о гувернёре Леви сообщает о всех гувернёрах Михаила, прослеживает их жизнь и, только ***как бы мимоходом,*** делится с читателем озабоченностью: «*Владимир Арбенин в трагической драме «Странный человек», (прототипом которого является Л.), мнит себя* ***не родным сыном — плодом грехопадения*** *матушки с французом. Любопытно, имел ли Л. (в роли Владимира Арбенина), ввиду* ***только себя, или ещё и своего, сводного малолетнего брата*** *Александра Петровича — побочного вольноотпущенного сына Юрия Петровича, который завещал Михаилу Юрьевичу вручить «брату» 500 рублей?*».

Курсив мой: 6

Любопытство уважаемого Д.А. Алексеева относительно мнения Лермонтова (о родственности сводного брата со своим отцом), ***притянуто*** без понятного убедительного смысла. Но, как свидетельство о

существовании у Михаила брата по линии Юрия Петровича, представляет фактически весомый аргумент для предстоящих размышлений.

В трагедии «Странный человек» нет прямого высказывания Владимира Арбенина о кровной неродственности с отцом. Выражение «***Любопытно, имел ли Л. ввиду только себя, или ещё… и т.д.***» — наводит на мысль, что ***себя-то точно считал*** не родным сыном Ю.П., а вот… и т.д. — было уже отвергнуто, как не имеющее понятного смысла. Но возникает другой вопрос: а на каком основании образовалась уверенность в подлинном мнении Лермонтова относительно к Юрию Петровичу? На вопрос отвечает только предположение — где-то, и скорее всего в музее, есть свидетельствующий истину, не подлежащий огласке документ, (***кроме сплетен и слухов среди дворни***). Кстати, выражение «*среди слухов и сплетен дворни*» принадлежит тому же Д.А. Алексееву — если он его не заимствовал, что подтверждает высказанную ранее мысль: трудно усомниться в наличии сведений в музеях, недоступных дотошному любопытству.

Значит, сведения такие в музеях бытуют, а в данном случае имела место проговорка про наличие сведений.

*

Приведённые в 3-й части произведения и комментарии к ним, пополним, касательно интересующего вопроса, некоторыми неоспоримыми фактами и мнениями:

— Сводный брат — вольноотпущенный Юрия Петровича — Александр Петрович.

Отчество «Петрович» — не случайно. В измайловской ветви Лермонтовых новорождённые мальчики назывались по имени деда по отцовской линии. Здесь, надлежащее по традиции, имя Петр (имя деда по отцу) — ***для камуфляжа перенесено в качество отчества.*** Стихотворение «Гляжу на будущность с боязнью» (датировано 1837 годом), — 15 строка: «*Я в мире* ***не оставлю брата...***».

Александру Петровичу не менее 6 лет. По линии Юрия Петровича он «приходится» Лермонтову «родным братом». Но смыслом приведённой строки Лермонтов, сетует, что, уйдя в Мир иной, в этом Мире у него не останется брата. Тем самым — Михаил ***не признаёт своим биологическим отцом Юрия Петровича*** Лермонтова — своего юридического отца!

Лермонтов носит имя Михаил (имя ***деда по матери*** — Арсеньева Михаила Васильевича). В роду Арсеньевых подобная же традиция. Будучи рождённым в 1814 году, ребёнок не мог бы быть назван Михаи-

лом. Это оскорбило бы, унизило бы род Лермонтовых. Он должен был быть назван Петром. Именем Михаил ребёнок ***изымался от причастности к роду*** Юрия Петровича. Наречение его Михаилом могло иметь место ***только при его рождении до 1812 года.***

Интерес Михаила к родословной «Лермонтов».

«*До поступления в полупансионат Московского университета Л. вообще не интересовался своим происхождением*» — (Д.А. Алексеев).

При поступлении обнаружил и испытал унизительность своего недворянского происхождения. Осознал возможность получения дворянского статуса только по линии Юрия Петровича. Унизительное сознание своего недворянства, безусловно обострило негативные черты характера Михаила, критически отмеченные в исследовании писателя-аналитика А.В. Бурьяк — «Михаил Лермонтов enffnt terrible русской словесности» и исследовании писателя — кандидата филологических наук М.Л. Вольпе — «Тяжёлые люди, или проведение и поэт» — привести здесь, которые, немыслимо по их объёму.

Однако есть смысл привести краткую характеристику Лермонтова, данную его родственником: «*В характере Лермонтова, — отмечает И.А. Арсеньев, — была ещё черта далеко не привлекательная — он был завистлив. Будучи очень некрасив собой, крайне неловок и злоязычен, он, войдя в возраст юношеский, когда страсти начинают разыгрываться, не мог нравиться женщинам, а между тем был страшно влюбчив. Невнимание к нему прелестного пола раздражало и оскорбляло его беспредельное самолюбие, что служило поводом с его стороны к беспощадному бичеванию женщин*». (ЛВС, 1989.с. 56–57).

В этой связи его интерес к роду «Лермонтов», посредством которого только и мог осуществить своё дворянское вожделение — апологетами официальной биографии поэта, с привычной лукавостью объясняющее стремлением глубже познать историю рода — очевиден. Любовь его к Юрию Петровичу, как к отцу, абсолютно не имеет естественного начала. Тем более, что он и познакомился-то с ним относительно близко в возрасте 13 лет, а в Кропотове был только один раз в 1827 году. Детская «любовь» Михаила к Юрию Петровичу саркастически-эмоционально показана в поэме «Сашка».

Портретная схожесть поэта с адмиралом флота Михаилом Николаевичем Лермонтовым.

Портретная схожесть, даже при одной фамилии — не аргумент для

утверждения кровного родства. Тем более, что происхождение Михаила от Юрия Петровича — более чем сомнительно. Похожи они больше по военной форме, особенно по эполетам. Глаза, губы, подбородок — всё разное.

Завещание Юрия Петровича.

Завещал Михаилу половину имения в Кропотово. А вторую половину — троим своим сёстрам… Получается, как бы проявил к Лермонтову особую любовь, — как бы к родному сыну-наследнику.

На этот счёт не будем обманываться.

Юрий Петрович завещал Михаилу половину своих крепостных крестьян. Своим сёстрам, кроме оставшейся половины крепостных, завещал всё обустроенное имение со всем движимым и недвижимым имуществом. В его помещичье хозяйство на 25 000 рублей (30 000 ассигнациями), было вложено приданное матери Лермонтова. ***Эту сумму он обязан был передать Михаилу, как прямому её наследнику.*** Никакой особой отцовской любви Юрий Петрович не проявил. Но следует отметить, поступил по отношению к Михаилу справедливо. И то сказать, — на нём самом Измайловская ветвь прерывалась, а он мог, своей юридической принадлежностью к фамилии рода, продолжить его. Важно и то, что Юрий Петрович понимал гений Михаила, не хотел исключить свою причастность к нему.

Действия Е.А. Арсеньевой после смерти дочери.
Цель её завещания.

После смерти дочери — Елизавета Алексеевна отписывает внуку только 8 дворовых семей (считай нахлебников — крепостных без земли), — фактически лишает его наследства матери. С каким умыслом?

— Тем самым она указывает внуку на его принадлежность к роду Арсеньевых, полную зависимость его от этого рода, его кровную разнородность с родом Лермонтовых.

Своим завещанием, составленным с помощью юридически грамотных родственников и друзей, в первую очередь со Сперанским, (бывшем в то время губернатором Пензенской губернии), лишает внука малейшей возможности относить себя к роду Лермонтовых, а последнему — претендовать на единокровность с Михаилом. Условия завещания предельно жёсткие. Тем самым внуку показано — ***кто он по происхождению.***

Другими словами — ему показано фактическое его происхождение, не имеющее никакой связи с родом юридического отца.

*

Обобщение изложенного потребовало бы повторения многих аргументов, на основании которых сделаны промежуточные выводы. Внимательному читателю не резон повторно вникать в уже воспринятое. Поэтому ограничимся приведением выводов из состоявшихся размышлений.

Лермонтов Михаил Юрьевич: Рождения 1811–1812 г., сын Марии Михайловны Арсеньевой, крещён 11 октября 1814 г. (по ст. стилю). С момента крещения и до конца жизни носил фамилию Лермонтов.

Достоверного «Свидетельства о дне рождения» не имел.

Значительный промежуток времени между рождением и крещением не должен удивлять читателя. Ребёнок может негласно пребывать вблизи матери и розно с ней, (по обстоятельствам), более долгий период и в неопределённом месте. А позднее, (тоже по обстоятельствам) — пройти (принять), обязательные христианские процедуры. Тому есть известные в истории примеры: графиня Ростопчина Евдокия Петровна — знаменитая поэтесса — родила двух дочерей от Андрея Карамзина, (сына автора «Истории земли российской»), которые под фамилией Андреевых негласно (до повзросления), росли в Италии, (по другим сведениям — в Швейцарии). И от этого с историей российской ничего не случилось. А Ростопчина написала и посвятила Андрею стихотворение «Талисман», в котором красиво и убедительно объяснила: как и зачем в её груди бьётся любящее сердце.

— Дворянского статуса по линии юридического отца ***не имел и иметь не мог.***

— Юрия Петровича Лермонтова — (негласно), биологическим отцом ***не считал***, как юридического отца ***не любил.***

— Есть веские основания считать: брак Марии Михайловны с Юрием Петровичем был ***организован Елизаветой Алексеевной*** вследствие крайней безысходности.

— Биологический отец Михаила Юрьевича ***был известен Е.А.*** и, возможно: Ю.П., Арсеньевым, Столыпиным, М.М. Сперанскому, Императорскому дому. Личность отца должна быть запечатлена в недоступных обывателю архивах главных музеев Лермонтова, так как было и сейчас имеется много возможностей установить, выявить, это лицо. Если это не так, — имена всех известных лермонтоведов следует

предать забвению, а верных делу отцов потомков и, иже с ними, потомственных хранителей в архивах музеев скрытой информации, отправить на лесоповал. Возможности эти можно назвать, хоть не всем они могут быть интересны. Рискнём привести некоторые из них. И не потому, что кому-то, что-то хочется указать. А просто потому, что тем самым сообщим, что и мы это знаем.

Мы уже вели речь о дневниках, альбомах, активной почтовой переписке в те времена. В этом выражалось взаимное внимание, забота, сохранение в памяти добрых дел, достоинства и чести. Это соответствовало нормам «Свода российских законов». Это было обязанностью неравнодушных граждан. Результатами исполнения этой обязанности вправе пользоваться потомки. И мы, как потомки — тоже.

Тайны «белых пятен» в биографии Л., его биографов вовсе не интересовали:

— И. Андронников, между питьём «кахетинского», занимался разгадкой тайны «Н.Ф.И.»,

— П. Вырыпаев проветривался (не на велосипеде), на родовых весях Арсеньевых, в поисках невесть чего,

— Е. Сушкова (на интимных началах), приобщаясь к Великому, кое-что присочинила,

— В. Мануйлов что-то пописал интригующее, но во избежание скандальной общественной интриги и во сохранение академического портфеля — положил в свой академический стол.

— Очевидцы помаленьку вымерли.

Платной бесплодностью «классических» филологов воспользовались идейные филологи, сочинили ***патриотически-демократическую биографию*** поэта, неподверженную критике и прочим общественным катаклизмам.

Единственно, М. Вахидова, на уже твёрдо натоптанном биографическом пути Л., не проглядела, как это удалось «многим-прочим», здоровенное таинственное белое пятно и заглянула в него…

Уже было заявлено, что мы не пойдём к нему через Кавказские горы. Но не зря говорят: «Как бы верёвочке ни виться…». И нас, наш особый путь понуждает заглянуть в него. Но мы ничего подобного не сделаем. Даже если бы очень хотели и усердно старались — этого не позволят охранители «святых» тайн. Потому что «святость» охраняемого неприкосновения к истине — их кусок хлеба с маслом. Загрызут. Перефразируя фразу самого Л. из «Героя нашего времени»: *«Сохранность сомнительных истин, провозглашённых «классиками», обрета-*

ет, вопреки разуму, право давности не-прикосновения, святейшего из всех парадоксов российских»! —

Просто, только констатируем:

— Истинная биография Л., сложная из-за запущенности, но решаемая задача.

— Она не может быть решена без достоверной биографии его матери.

— Абсолютно непрозрачными в биографии М.М. являются 1810–1812 г. и период нахождения в «погорелой» Москве во второй половине 1814 г.

Умышленное замалчивание факта пребывания её где-либо, логически непреложно означает факт действительно состоявшимся, но юридически недоказанным. Этот казуистический метод апологетами официальных мнений широко используется для внедрения в общественное сознание ложных версий, происходящих (произошедших), событий, шельмования альтернативных суждений. Высказанное положение прямо относится к фактическому местонахождению М.М. и Е.А. в указанные периоды.

Замалчивание этого — сильный аргумент против официальной версии. Его сторонники обязаны его опровергнуть, что только и удостоверит их объективность. Невозможно поверить, что первые биографы Л.: Хохряков, Висковатов и др. не понимали важность прозрачности биографии М.М. в течении всей её жизни, без исключения даже коротких периодов, во всех местах её возможного нахождения. Хоть бы по церковным регистрационным книгам исповедующихся прихожан. В музеях не должно таких сведений не быть. Значит — нужно принудить их открыть всё, что в угоду официальной версии скрыто.

Никому не дано указывать, кому что делать. И нам не дано. Потому не указываем, а размышляем. Всем интересно знать: что есть, что будет. И нам интересно — что будет? К сожалению, мы часто не знаем — что есть? А есть, часто не то, что должно быть. Откроется скрытое — узнаем, что было. Ключевыми направлениями в разгадке тайны названных периодов представляются поиски фактов достоверного пребывания М.М. и Е.А. в эти промежутки времени — в любых местностях России. Равно важны факты, подтверждающие пребывание или исключающие его! По сути полученного достоверного ответа — решается главная тайна интереса.

Чрезвычайно важен альбом М.М., (Л.Э. с 242. описанный в Историческом вестнике за 1980 г. Том 6, стр. 324), виденный А. Шан-Гиреем в1880 году, который он хотел, но не смог купить. Достоверный доку-

мент, содержащий девять записей Марии Михайловны. Если Аким не смог его купить, (а он был крайне заинтересован в нём, ведь этот альбом изначально принадлежал его матери — Марии Акимовне Хастатовой), значит он для кого-то, почему-то бесценен и, следовательно, надёжно храним! Кто его искал?

Если никто не искал — почему не искали? Это ведь куда важнее арсеньевского болота. Он содержит ответ на один из важнейших вопросов: была, или не была Е.А. с М.М. в 1810–1812 г. в имении Хастатовых на Кавказе?

— Или: Петров Павел Иванович, (в 1825 году — командир Моздокского полка, зять сестры Е.А. Екатерины Алексеевны, служивший на Кавказе и ранее) — не мог не знать от жены Анет — двоюродной сестры М.М. о пребывании М.М. в 1810–1812 г. в имении Хастатовых, если такое пребывание состоялось.

— Сам Аким Васильевич Хастатов — генерал, влиятельный владелец обширной территории на «кордонной линии», безусловно, общался с Главнокомандующими — (в разное время), войсками России на Кавказе: Гудовичем, Лисаневичем, Паскевичем, Ермоловым и многими известными генералами, безусловно, и многократно встречавшийся с главным руководителем горских отрядов Бейбулатом Таймиевым, (отец которого вёл во владении Хастатовых торговлю своей продукцией с россиянами), не мог не знать: какими сведениями российские генералы располагают о главном руководителе горских отрядов, о его намерениях, встречах и месте пребывания.

Эти генералы не могли не знать об интересах Бейбулата относительно М.М., (если такие интересы имели место быть). Эти интересы (при их действительном событии), должны были быть зафиксированы в военных документах и запечатлены в личных дневниках, которые они вели в интересах славной памяти своего рода.

События прошлого оставляют в памяти времени нестираемые следы истины. Они не всегда очевидны и бывают затоптаны по небрежению или искажены по лукавому умыслу.

Истина и справедливость вопиют о внимании к себе.

Лицемерие настоящего не слышит глас вопиющий.

Остаётся надеяться на торжество истинного в будущем.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЛИЧНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ

М. Вахидова. **17 мая 2016 г**

Здравствуйте, Максим Иванович!

Спасибо Вам большое за настойчивое желание докопаться до Истины. Я за то, чтобы мы услышали самого поэта, поняли его и приняли таким, каким он был на самом деле. Думаю, будет в строку и запоздалое признание Ивана Толстого: (http://w ww.svoboda.org/content/article/26638799.html)

Любой, кто обратится непосредственно к творчеству Лермонтова, сам сможет вычислить имя его биологического отца. Почему это напугало В. Мануйлова, понять можно. Но почему это сейчас всех пугает? Это уже непростительно.

Я поняла, что Вы работали по очень сокращенному варианту моей статьи «Тайна рождения поэта» из сборника Лермонтовской конференции в ПГЛУ. Если Вы продолжаете работать в этом направлении, то обратите внимание на полную версию этой статьи и на другие. Есть видеоматериал в шести частях, они не дублируют статьи, а расширяют, дополняют.

Если пришлете свой почтовый адрес, вышлю Вам свою книгу «Ужасная судьба отца и сына» и сборник материалов Лермонтовской конференции в 2014 г. в Грозном.

Очень Вам признательна за Ваш скрупулезный труд!..

М.И. Зуев. Колпашево. **17 мая 2016 г.**

Здравствуйте, Марьям Адыевна!

Большое спасибо Вам за письмо, за внимание к моему очерку о Лермонтове. Мысль написать его появилась после традиционной шутовской суеты по поводу (в данном случае) – 200-летия со дня рождения поэта, как протест против замалчивания давно очевидного и, потому широко известного. Не мне Вам рассказывать, что хоть бы правдоподобные варианты его биографии были, но имперско-советская филология в угоду идейной идеологии подавляла их сокрытием важнейших фактов жизни: рождения, социального происхождения и связанных с происхождением событий жизни и смерти. То же, но в угоду новой социальной элиты продолжается сейчас.

Возникшее намерение потребовало уточнения и обновления знаний об объекте очерка. И довелось узнать немало нового. И результаты ваших изысканий, сообщённые Вами на конферен-

ции по Лермонтову в Пятигорске тоже. Разумеется, Ваш текст выступления на Конференции 25.09. 2008 г. находился на моём рабочем столе.

Но больше с целью исключения одинаковой аргументации.

Смыслом цели задавалась задача: аргументировать итог исследования не по анализу скрытых в литературных произведениях помыслов и чаяний, а по следствиям от имевших место фактов событий, известных и неоспоримых.

Насколько это удалось, судить не буду.

С уважением, Максим Зуев.

Сделав рассылку этой первой статьи М.И. Зуева участникам Международной Лермонтовской конференции в Грозном, я получила ответ от одного из них. Далее оказалось, что все участники были вовлечены в эту спонтанно возникшую виртуальную полемику. Имена ученых, по понятным причинам, опустим, но сохраним географию. Для нас важен предмет спора и аргументы каждого из них своему оппоненту.

Г.О. (Тула) **17 мая, 19:05.**

Кому: А.П., К.А., А.У., Ю.А., К.А., И.А., А.К., A.G., А.А., Б.Б., О.Б., П., D.B., v.k., В.Я., В.Л., В.З., V.Z., Л. Г., М. Г., Г.О.

Марьям, здравствуй!

Я задам вопрос. А как ты? В каком свете ты, выставляешь матерей этих великих людей? Влияние чеченской культуры удивительно, но выставлять блудницами цвет женщин российского (кстати, многонационального дворянства), точно НЕТ. Через 100 лет, учитывая природное разгильдяйство российских чиновников (кстати, многонациональных), скомпрометировать беззащитную девицу очень легко.

Но... уважать женщин родивших великих душ мира, мы обязаны все... Без исключения.

С почтением, ...

М.Б. (С.-Петербург) **17 мая, 20:03.**

Марьям, дорогая!!!

С таким наслаждением прочла!!! Знаешь, если бы ты не была литератором и исследователем, — то, скорее всего, была бы — адвокатом или судьей в Гааге. Факты, выводы, — никакой лирики. Как тебя еще не «с'ели» горе-лермонтоведы?!! Я иногда думаю, что женщиной тебя сотворил Творец лишь для того, чтобы «остаться в живых» в ли-

тературе. Представляю, чтобы с тобой сделали старые дедушки-нафталины!!! Это шутка!

Хорошо, что ты — женщина!..

И.А. (Иркутск) **17 мая, 23:06.**

Уважаемый Г., как-то печально, но детальный анализ архивных материалов и аргументированные выступления подтверждают гипотизу Марьям Адыевны, а по поводу блудниц и чиновников — это скорее человеческий фактор, чем многонациональный характер, существуют и иные человеческие ипостаси, например, любовь, талант, творческий поиск и т.д., да, и не совсем корректно, и, простите, глупо искать в научных исследованиях какую-то непонятную первопричину!

Прошу прощения, не смогла промолчать.

М. Вахидова. **17.05.2016, 22:39.**

Г., я не заметила, что Вы сделали рассылку, посвятив всех адресатов (вольно или невольно) в свой ответ, адресованный мне лично. И, признаюсь, не сразу поняла, почему все посвящены в эти Ваши вопросы ко мне? Поэтому исправляю свою оплошность и отвечаю публично, поскольку «*пригвождена к позорному столбу славянской гордости старинной...*».

Здравствуйте, Г.!

«Блудницами», и маму Лермонтова, и маму Толстого, называете Вы, Г., и остальные, кто слышит звон, но не углубляется в текст. Я стараюсь идти за Лермонтовым и беру его слово «грех»! «Исповедать грех сердечный» и т.д. С «блудницами» ни Чеченский, ни Таймиев близко не имели бы отношения!!! Я в их ряду в книге специально привожу портрет возлюбленной Петра Захарова — это один тип женщин, который уважают чеченцы! Что касается «цвет женщин рос. дворянства», то это общество было так от них далеко!!! И слава Аллаху! О женщинах самого высшего общества Бенкендорф ТАКОЕ написал, что волосы дыбом! Послушать его, так не было ни одной из самых блестящих дам в свете, которые не ездили бы на окраины страны (!!!) избавляться от плодов греха! В своем путешествии по России он многое запечатлел такого рода!

Это я все время пытаюсь отделить моих двух мам от извращенного сознания общества! Каждый спорит с самим с собой, а не с тем, что я написала! Но активно приписывают мне! Что за гордость для меня пи-

сать об «ублюдках»? Я их называю сыновьями, потому что не сомневаюсь, что так оно и было! Мулла сказал два слова, и вы — супруги! Прочел муж из Корана нужные слова — и она законная жена!

Я думала, Максим Зуев будет убедительнее, для русского сознания.

Но Вы делаете выводы обо мне! Где логика? «Разгильдяйство российских чиновников», в данном случае, не оттянуло проблему, а такие судьбы сломала!!! Ладно, Лермонтов ушел в неполные 30 лет, но Толстой-то 82 года ждал!!! Или за это тоже я несу ответственность?

Если услышать крик великой души, есть оскорбление...

Г.О. (Тула) **18 мая, 8:16.**

Марьям, вопрос не в «славянской гордости старинной» (я родом из отрогов Алтая, потому «азьят»), вопрос в «пригвождении к позорному столбу». Мулла не станет говорить святые слова, когда женщина уже связана узами брака с другим мужчиной.

Ошибаюсь? Матери двух этих гениев умерли очень много лет назад, а по сему постоять за себя давно уже не могут. И сыновья их, которыми восхищается Мир, по той же причине не могут постоять за честь своих матерей. Уже совсем некому?

А, что есть блуд, так о том очень много сказано в Священных Книгах. Даже про разовый... Даже по любви.

Может быть только так появляются на свет гении? Или через 100-200 лет «это» можно говорить о любом и о каждой опираясь на косвенные подтверждения и отсутствие правдивых свидетелей. А, что тогда скажут о нас с вами? Со всеми...

А.У. (Москва) **18 мая, 9:20.**

Марьям, это, конечно, сложная тема, она может вылиться непонятно во что, всего вероятней в столкновение и не с лучшими оттенками, потому что дело не в советском литературоведении.

Переворачивается литературоведение всех времен.

Тогда нужно или крепиться и защищать свою идею, или даже не знаю, что предложить, ведь гений Лермонтова и принадлежность никуда из российской поэзии не исчезают...

Успехов!

v.k. (Москва) **18 мая, 21:22**

Максим Иванович Зуев, конечно, сильная личность!!!!

Вы, мой юный друг, воздвигли себе памятник нерукотвор-

ный! Полагаю, необходимо организовать международную конференцию, в рамках ООН, есть комиссии.

С уважением к Вам и Вашему дерзко-легкому обаянию.

А.У. (Москва) **18 мая 2016, 10:00**

Друзья! На мой взгляд, очень важно удержать тему в поле литературоведения, не дать выплеснуться, потому что за Лермонтова драка будет жестокой, нам не нужна новая русско-чеченская война.

Конечно, переворачивается не только советское литературоведение, но и мировое. Я тоже, не подозревая ни о чем ином, кроме традиционного, писала свою «Балладу о Лермонте-стихотворце».

Я всегда за истину, если Богу будет угодно, все тайны раскроются, и никуда из великой русской поэзии не денется сам Лермонтов, его гений, впрочем, как и непонятная, почти звериная тоска по чему-то, из-за чего-то...

С уважением ко всем и к самому вопросу, А.У.

М. Вахидова. **18 мая 2016, 11:39**

Получив очередной публичный ответ, я в растерянности: как на это реагировать? Может, будем считать, что у нас идет виртуальная конференция? Почему бы и нет?

Дорогие друзья! Ну кто ожидал, что на ТАКУЮ статью, может быть ТАКАЯ реакция???

Максим Иванович Зуев на 85 году жизни (!!!) нашел в себе и силы, и личное мужество, вооружился знаниями по документам (а это тоже изыскания!) и, стоя уже не столько перед нами, сколько перед Всевышним (!!!), решил высказать свои мысли по поводу...

Что нам надо было бы сделать, если мы — ученые? писатели? поэты? журналисты?.. — кинуться к документам и фактам, преподнесенным нам в статье так, как дОлжно было на них смотреть 200 лет назад!!! Что мы делаем?

Мы говорим, что Вахидова дегтем мажет ворота в Тарханах, и даже о возможности третьей русско-чеченской войны, как будто две прошедшие были исключительно за гений Лермонтова и Толстого!!!

Господа, что с нами происходит??? Ученые!!! Когда вы ополитизировались??? Почему ваша ученая мысль бросается на поле битвы, а не в библиотеки? в архивы?

Почему мы все время стоим в защитной стойке? От кого???

Гений принадлежит не чеченцам и не русским — гений при-

надлежит МИРУ!!! Нельзя мысль приковать к одной стране, к одному народу — мысль вообще нельзя приковать!!!

Нам нужна истина в происхождении Лермонтова не для того, чтобы «опозорить» его мать, а чтобы ПОНЯТЬ эту «звериную тоску»!!! По чему она??? Из-за чего???... Почему не было ВЫХОДА для этой великой Души???

Очень надеюсь, что Максим Иванович Зуев успеет услышать слова благодарности от ученых, чью работу он сделал исключительно из БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ к ПОЭТУ и ЧЕЛОВЕКУ ЛЕРМОНТОВУ!!! Любить нужно так, если мы любим Лермонтова, все остальное — от Лукавого...

К.Г. (Одесса) **18 мая, 10:57**

... Ты, как всегда, очень четко и справедливо, главное, на высоком нравственном и эстетическом уровне ведешь диалог с оппонентами, которые и не представляют себе, насколько они «зашоренные».

Эффект «зомби ТВ» ... Прислушивайся к совету Классика — Хвалу и клевету приемли равнодушно, и не оспоривай глупца...

Ваш навсегда (оставшейся жизни) — К. (Г.)

В.З. (Пятигорск) **18 мая, 20:51**

Личность Лермонтова самая загадочная личность и его рождение и его смерть загадка, чем больше погружаешься в исследование, тем больше вопросов. Уверена, что вопрос рождения легко снимет генетическая экспертиза! Она поставит все точки над и, хотя бы в вопросе рождения. Его звериная тоска тогда будет рассматриваться в ином свете. В неполных семьях дети рано взрослеют и психологически созревают раньше, тем более, он был лишен обоих родителей, что породило в его детской душе тоску в квадрате!

Надо потребовать генетическую экспертизу его и отца, далее все предположения либо отстроятся, либо рухнут!

М. Вахидова. **18 мая 2016, 20:56**

А Вы не в курсе, что после Грозненской нашей конференции, услышав, что покушаются на такую экспертизу (Очмана предложение помните...), в Тарханах замуровали склеп Лермонтова!!! Об этом сказал один московский режиссер, который поехал туда, но не смог пок-

лониться Поэту. Лариса Тимофеевна Вам расскажет подробнее, она организовывала ему экскурсию по Пятигорску.

И кто боится экспертизы???

М. Вахидова. – Г.О. **18 мая 2016, 12:26**

Забыла отправить Вам ссылку. А как быть с этим: https://www.proza.ru/2015/07/29/1745 Тут вообще жуть (!!!) и еще более жуткие последствия... А ведь какой поэт был!

Г.О. (Тула) **19 мая, 17:27**

Доброго вечера, Марьям.

А.К. Толстой был поэтом чудесным. Но как мы можем знать, что делает произведения гениальными? Семейное счастье? Или семейное несчастье? Радость или смертельная скорбь? Господь оставил нам творения авторов, в которых сказано всё, что должно. Остальное же сплетни современников или умствования потомков.

Я часто соглашаюсь с тем, что современных литературоведов часто называют «литературоедами». Восстанавливать по отрывочкам жизнь великого подвижника, тоже подвиг. Объяснять какими-то обстоятельствами жизни (или происхождения) детали или истоки творчества — заблуждение гордыни или лицемерие.

Вы очень умная и достойная, на мой взгляд, женщина.

Я доверяю больше своему взгляду и поэтому нередко восхищаюсь Вами.

С уважением, ...

М. Вахидова **19 мая 2016**

Уважаемый Максим Иванович!

Я бесконечно благодарна Вам за Ваш гражданский, человеческий подвиг и подвиг ученого! На это звание Вы имеете больше прав, чем все лермонтоведы, которым нужна не истина, а самое лживое о ней представление!..

Отправила Вам бандероль.

Храни Вас Всевышний!!! Многие Вам Лета!!!

М.С. (Красноярск) **20 мая, 6:34**

Дорогая Марьям!

По всему миру, где дорожат таким сокровищем, как М.Ю. Лермонтов, внимательно прислушиваются к тебе!

Я — свидетель. Ну а фарисейство… оно всегда на страже собственной твердолобости.

Обнимаю тебя! Всегда с тобой!

В.З. (Москва) **20 мая, 8:06.**

Дорогая Мариам. Идет новый раздел России. И сейчас брошены на это огромные силы. У меня нет времени все подробно написать, но я в прошлом году успел остановить … проект новой русской царицы (см. на моем сайте… Там много материала). Всем не до Лермонтова.

Я после 7 операций за 4 месяца понимаю, что живу последние времена, думал кому-то передать всю свою библиотеку — 11 тыс. книг и лермонтовский огромный архив…

Скоро выйдет мое новое издание «Летописи жизни и творчества Лермонтова, — рукопись свыше 700 стр. занимаемся с редактором вычиткой второй корректуры).

Поэтому у меня заботы еще более мелкие, чем у Вас.

Простите, …

М.И. Зуев. Колпашево. **29 мая 2016 г.**

Марьям Адыевна, здравствуйте!

28.05.16. получил от Вас большую бандероль — четыре книги! Хорошо сохранились. Но на конверте, заверенные печатями, два сообщения, что конверт был повреждён…

Огромное Вам спасибо за благожелательное внимание, которому мне приятно, но не по возможностям соответствовать.

Смущает Ваша оценка моего участия в поиске и утверждении истины. Все материалы, содержащиеся в книгах и сосредоточенные в ссылках, для меня представляют большой познавательный интерес…

На сайте обратил внимание на статью «Лермонтов. К 200-летию со дня рождения» из серии «Великие писатели» № 44 от 30 октября 2014 года, (не знаю кем и где публикуемой), с неясным авторством. Статья

представляется серьёзной в смысле мотивации творческих и жизненных позиций юбиляра и, без сомнения, Вам не новых. Мне она напомнила о некоторых аргументах, упущенных мной.

Об одном из них в следующем письме.

М. Вахидова — М.И. Зуеву. 29 мая 2016 г.

... Ваша работа написана в 2015 году, однако я только недавно открыла ее для себя, хотя по Лермонтову периодически отслеживаю материалы в сети. Вы ее позже выложили?

К сожалению, критиковать у нас не умеют, у нас и оппоненты не умеют выступать грамотно — или ругают, или хвалят, а ЧТО и КАК человек сделал, понять не умеют.

Мало кто и сейчас понимает, ЧТО я сделала. Выдергивают отдельные цитаты... Как только вынешь цитату из контекста, так она только о себе и говорит, а в контексте работает на раскрытие зашифрованной в творчестве семейной тайны Поэта!

Бог с ними!.. Печально, что это поколение ученых растит очень осторожных студентов, изначально нацеленных на диссертации, а не на поиск Истины.

И вот здесь Ваша работа, Ваш труд — бесценен!

Студенты увидят, что не каждый «документ» нужно принимать на веру, что подвергать сомнению нужно ВСЕ! А это уже принуждает к научному поиску!

Я надеялась, что ученые это оценят, но, увы...

Это очень странно, что Тарханы перепечатали у себя Вашу статью. Очевидно, будет контр статья! Дай-то Бог!

Посмотрим на их потуги...

«Статья с неясным авторством», о которой Вы пишите, меня тоже, мягко говоря, удивила. Автор-аноним берет мои выводы, ставит их в свою статью и даже не ссылается на меня!

И так подает весь «свой» материал!

И про бал, и про великого князя... Вы прочитаете в моей книге «Ужасная судьба...». Главное, материал пошел в люди.

Пройдет шок и начнут, наверное, реагировать...

Храни Вас Всевышний!!!

С искренним уважением и восхищением ...

Максим Зуев **06.12.2016 в 11:51**

ЛЕРМОНТОВ.
ЗА МИШУРОЙ ФАНТАЗИЙ.

Введение

Возмущённый критик изъязвится возвратом к теме, исследованной и прокомментированной им насквозь.

Внимательный читатель заинтересуется причиной возвращения.

Автор надеется: возникший интерес побудит читателя к возможно глубокому познанию вопроса и он, движимый естественным интересом, доведёт познание, ещё не вполне очевидной сути, до качества совершенной истины.

Автор.

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника, в свете безродного.

М.Ю. Лермонтов.

Одной на бессрочно обречённых загадок в лермонтоведении, является вопрос о социальном статусе М.Ю. Лермонтова, то есть об уровне его урождённого благородства. (См. ниже Числовой ряд 7. п. 4.).

Предустановленность получения статуса дворянина по мужской линии — не всё, но многое предопределила в его трагической судьбе. Начало этому кроется в неясном представлении событий, предшествовавших его появлению на свет, в небескорыстном служении московскому царю его, считаемого корнем родословной, пра –пра –пра –пра –прадедом — шотландцем Георгом Лермонтом на российской земле.

Казалось бы, многочисленными исследователями, уважаемыми и остепенёнными, натоптана торная, биографически достоверная дорога Георга от 1613 года (года его пленения в крепости Белой) до 1634 года (года гибели), а его рода — в будущее. Но, к сожалению, как говорится — «воз и ныне там». Не будем отвлекаться на канонически повторяемые подвиги боковых ветвей Лермонтовых, неприятие поэта Императорским Домом (по возможному неблагородному происхождению), на апологетическую закомплексованность очередных филологов-социологов. К последним не исключается вопросительное недоумение.

По обсуждаемому вопросу интерес представляет только Измайловская ветвь — родословная поэта и породивший её корень — Георг

Лермонт. Что представлял собой этот корень? В статье «Лермонтов. В непреодолимом статусе» было высказано убеждение о том, что гражданин, предавший своё отечество платной службой в чужой армии, затем — будучи побитым, переметнувшийся в платную же службу в армию его побившую, не может характеризоваться иначе, как наёмник-убийца — опытный, беспощадный, корыстный.

Общепринятым считают: в избранном им ремесле он был опытным специалистом. Ему и оклад был положен в соответствие с квалификацией — 100 рублей, в то время как рекруты в армии Московского княжества получали от трёх до шести рублей. Это весьма впечатлительно, если верить извлечению из Уложения о службе 1556 года:

> В конце XV — первой половине XVII вв. основной ударной силой русской рати была поместная (дворянская) конница, сохранявшая боевое значение и в XVII веке. На протяжении существования поместного войска она комплектовалась путём «верстания», во время которого вновь поступающих на службу сыновей дворян и детей боярских наделяли поместным (земельным) и денежным жалованьем. Вплоть до середины XVII века дворянские дети считались «новиками». Размер поместного оклада «новика» в XVI веке составлял 100-400 четвертей пахотной земли, денежного — 4-8, а иногда и 10 руб. В XVII веке земельное жалованье вновь поверстанным в службу определялось в 40-350 четвертей, денежное — 3-12 руб. Иногда нормы окладов повышались. Так, при верстании новгородских детей боярских в 1606 г., служилые люди получили повышенные оклады. Один из них был верстан денежным окладом в 14 руб., при среднем окладе в 500 четвертей. Как правило повышенными окладами верстались служилые «новики», многие годы участвовавшие в военных походах. (1 четь = 0.54627 м. кв.~ 0,55 гектара).

Примем: пахотной земли в общем окладе ~ 75% (как по факту было у Е.А. Арсеньевой. Остальное: луга, леса, озёра, пастбища, реки, болота и т.д.). Значит, минимальный размер поместного оклада 0,55 га. пах. земли Х 100.0 чет. = 55 гектар. При этом общая площадь поместного оклада должна быть = 73.0 гектара. Тогда, если Георгу положили даже не максимальные 500,0 четей, а только 300,0 (это очень скромно для воина в семь раз лучшего (смотри выше), чем наш «новик»), он получил к большому денежному жалованью и 165,0 гектар пах. земли, а общий оклад составлял 220,0 гектар. Это ещё, скромный расчёт! А.Н. Крюков в своей статье сообщает, что Георг Лермонт так старался, что за первые десять лет разработал 200,0 гектар пашни! Это с 1621 по 1630 годы. Погиб он в 1634 году. Значит, ещё, «настарался» — 60,0 га. Всего — 260,0 га. Это только пашни. Это больше пожалованного общего оклада на 40 га. И только он, один. После его гибели ещё стара-

лись потомки. Получается, пожалованный ему, общий земельный оклад не имел границ.

М-да! Георг был верстан денежным окладом в 7 раз большим, чем вновь призванный «новик», многие годы участвовавший в военных походах. Значит, он неимоверно превосходил русского воина, даже многие годы участвовавшего в военных походах. И, разумеется, находясь на армейских харчах имел реальную возможность накопления средств на приобретение недвижимости! Такая возможность интригует существенные предположения…

Непреложным (неоспоримым, как доказанным) фактом, воспринимается пожалование Георгу в 1621 году за хорошую службу (акцентируем — именно ***за «хорошую» службу***), царём Михаилом Фёдоровичем Романовым **поместья** (акцентируем — **поместья**) Кузнецово с девятью деревнями, (с крепостными крестьянами), землями и пустошами в Галичском уезде Костромской губернии.

Уважаемые филологи-лермонтоведы своим сообщением о «хорошей» службе царю и присвоением Георгу звания ротмистра (обер-офицера), как бы утверждают действительность состоявшегося акта возведения его в социально значимый дворянский статус.

Для обсуждения вопроса ***о приобретённом статусе***, есть логическая необходимость вникнуть в суть, воплощённую в этом виде благородства, начиная с истоков её возникновения. То есть начать с происхождения его от того, с чего оно началось — с сословия боярства. Воспользуемся привлечённым разумно понятным изложением. Выберем, контекстно, только самое существенное.

Разница между боярами и дворянами.

Главная разница в том, что дворяне ***наделялись землей*** за ***обязательную*** службу великому князю, а позже царям (поместное землевладение). В случае ненадлежащего исполнения своих обязанностей у них ***землю отбирали.*** Бояре же представители древнего сословия, корнями уходящими вглубь истории русского государства. Бояре владели землей исстари, и она находилась ***в их полной собственности (по праву владения и распоряжения).*** Это вотчинное землевладение.

Например, бояре могли переходить от одного князя к другому на службу и его владения также переходили с ним. ***Дворянин же лишался в таком случае земли***. Процесс централизации русского государства состоял в том, что великие князья, а позже цари, ограничивали права бояр, опираясь на дворян, создавая систему поместного земле-

владения, и противопоставляя ее вотчинному землевладению.

Также благодаря такому привилегированному положению, бояре были высшей аристократией, были богаче и занимали высшие государственные должности.

Дворянство

Высшее правящее сословие в России возникло на почве государственной службы. Так как в древнее время государственная служба ничем не отличалась от личного услужения князю, то этим прежде всего объясняется разнообразный состав общественных элементов, вошедших в состав дворянства. Целый ряд слуг помогал князю в разных сферах его государственной и домашней или хозяйственной деятельности. Наряду со свободными людьми стоял преобладающий по числу ***штат несвободных слуг-холопов,*** которые несли все обязанности по управлению княжеским хозяйством, а потому являлись одновременно судьями и администраторами. Таковы тиуны, ключники, казначеи, посольские. Они, как несвободные, не могли по произволу оставить службу или отказаться от того или иного поручения. Вследствие того они были теснее связаны со своим князем, который естественно должен был ценить эту хотя и невольную верность своих несвободных слуг, доверяя им больше, чем своим влиятельным свободным слугам. Эти последние ничем, кроме личного соглашения и личной выгоды, не были связаны со своим князем и могли покинуть его по усмотрению. Такое различие отношений мало-помалу, с постепенным усилением княжеской власти, привело к тому, что служба вольная стала перестраиваться по типу службы невольной, так что самое ***понятие службы как неизменного долга и верности зародилось и воспиталось в невольной холопской среде.***

Численность придворного штата значительно возрастает со второй половины XV века, с одной стороны, по мере присоединения к Москве других княжений и с причислением контингента дворовых слуг прежних владетельных княжений к московскому двору, с другой — в зависимости от возрастающей пышности придворной обстановки. Около этого времени в распоряжении государя стоит такое число дворных слуг, или дворян, что жить им всем при дворе становится слишком тесно. Отсюда — поместная система: ***дворяне.*** Они были испомещены на государевой земле, участки которой передавались им ***в пользование под условием службы.*** Так появились ***дворяне-помещики*** (отметим — пока ещё не в высшей степени ***благородные***, то есть — ***помещики***

из дворовых).

С конца XVII и в течение XVIII в. в положении разнородного дворянства, как служилого сословия, произошли существенные перемены. Старые многочисленные придворные и военно-служилые чины, не имевшие даже общего названия, начинают называться с Петра I ***шляхетством***, а позднее — ***дворянством.*** Шляхетству придается и титул благородства, сначала в отдельных случаях, а в 1754 году впервые все сословие шляхетства названо ***благородным***; манифест же 1762 года именует дворянство, как главный в государстве член, ***российским благородным дворянством.*** Но состав шляхетства также не был однороден, так как в среду его вошли прежние различные элементы служилого класса, хотя и не все (некоторые дворяне и дети боярские южных окраин перечислены в разряд ***однодворцев***), и к ним присоединены: значительное число приказных людей, дети боярские, дворяне патриаршие и архиерейские и, наконец, ***служилые иноземцы.***

Соответственно правилам местничества в 1722 г. издана табель о рангах, которой положено начало выслуги и личного дворянства каждого служащего. По идее табели, чины или ранги означают самые должности, так что от должности зависит и ранг лица. Отсюда возникла погоня за чинами, получившими особую важность в качестве источника приобретения дворянства. Чин обер-офицера в военной службе и коллежского асессора в статской давали дворянское звание: выслужившие эти чины *«в вечные времена лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть имеют, хотя бы они и низкой породы были»*. О низших же чинах сказано, что имеющие их гражданские и придворные, *«которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяне»*. Отсюда возникло различие между потомственным и личным дворянством.

Общепринято считать — что в 1621 году Георгу было присвоено звание ротмистра (т. е. обер-офицера), и он пожалован поместьем. Нет оснований категорически сомневаться в первом и допустить второе. Но значит ли это, что пожалованием поместья Георг был удостоен чести дворянского статуса? До издания Указа Петра 1 от 16 генваря 1721 года, когда обер-офицерский чин стал давать потомственный дворянский статус, ещё предстояло прожить более 100 лет. Было пожаловано поместье «на прокорм». **На будущие 137 лет он — просто нанятый военнослужащий.**

Есть неофициальное сведение о том, что Георг в 1618 году подал прошение о переводе его из иностранных наёмников в постоянную

военную службу Российского государства. И оно было удовлетворено. Это меняло ситуацию в смысле служения Георга Лермонта России на новых условиях и могло быть поводом для повышения воинского звания, но не по закону или по военному уложению, а только по милости царя. Что маловероятно по малой значительности перехода наёмника в другое гражданство и по несерьёзности источника информации, в коем присутствовали и другие фантазии…

Возможность подпасть под действие Указа от 16 генваря 1721 года, в котором сиими словами сказано: *«Все обер-офицеры, которые произошли* ***не из дворянства,*** *оные и их дети, и их потомки суть дворяне и надлежит им дать патенты на дворянство»*, подтверждённых Табелью о рангах 1722 года. (Числовой ряд 4. п.15) и Жалованной Грамотой 1785 года (Числовой ряд 7. п. 19), — появилась ***только при жизни прапрадеда поэта Петра Евтихиевича*** (1698–1743).

Зная, что Георг Лермонт ***не был потомственным дворянином***, именно поэтому братья Пётр и Евтихий Петровичи в 1688 году ***пытались вписаться в число потомственных*** дворян Костромской губернии как иностранцы, со ссылкой на книгу Беециуса и Леслея, в которой якобы присутствуют их родственники Лермонты. Этот общепризнанный факт ***свидетельствует другой факт*** — Георг ***не имел статуса*** потомственного дворянина России ***никогда!!!***

В продолжение начатых размышлений потребуется ссылаться на доказательные документы, очевидно признанные факты и т.п.: *«Табель о рангах Петра I, «Жалованной Грамоте дворянству Екатерины II», «Соборному уложению 1649 года», «Уложению о службе 1555-1556 г», «Манифесту о даровании вольности всему российскому дворянству 1762 г»*, к признанным исследователям, провозгласившим реанимированные факты родословной поэта. Для упрощения адресования на содержащие сведения материалы пронумеруем их последовательность общим **числовым рядом.**

Документы, вносимые в числовой ряд:
(по схеме: номер числового ряда — номер пункта документа — толкование)

1. Уложение о службе — 1556 г. Права и обязанности владельцев поместий и вотчин.
2. Соборное уложение 1649 г. — Право феодальной земельной собственности.
3. Указ Петра I о единонаследии — 03 апреля 1714 г.
4. Табель о рангах — 24 января 1722 г.

5. Отмена Указа о единонаследии — 1731. Императрица Анна Иоановна.

6. Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству — 1762 г.

7. Жалованная Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства — 21 апреля 1785 г.

8. Пожалование вотчинами.

Значительный интерес представляют: документальные сведения об их смысловом содержании, атрибут формата, эволюция их изменений. Осведомлённость в этих вопросах, бесспорно, определяет правомерность понимания и суждения о событиях, имевших место в прошлом.

Тоже для упрощения изложения примем:

Родословная линия измайловской ветви. В связи с наречением первого внука именем деда по отцовской линии, вся наследовательная ветвь получила вид: Юрий Петрович — Пётр Юрьевич — Юрий Петрович и т.д. Для выделения конкретного лица в роду по отношению к М.Ю. Лермонтову, примем порядок наименовать:

Георг (Юрий, Юшка) Лермонт (1590–1634) — пра–пра–пра–пра–прадед,

Пётр Юрьевич (умер в 1679 г.). — пра–пра–пра–прадед,

Евтихий (Юрий) Петрович (1633–1708 г.) — пра–пра-прадед,

Пётр Евтихиевич (1698–1743г.) — прапрадед,

Юрий Петрович (1722–1778г.) — прадед.

Пётр Юрьевич (1767–1811г.) — дед,

Юрий Петрович (1787–1831г.) — «отец»

Выборочно, представим вниманию читателя законодательные нормы, пунктуально изложенные в числовом ряду документах, имеющих к нашим размышлениям прямое, или опосредованное отношение:

2. Соборное уложение 1649 г. — Право феодальной земельной собственности. Субъектом права собственности на купленные вотчины была семья (муж и жена), этот вид вотчин приобретался супругами совместно на их общие средства. Следствием такого предположения был переход вотчины после смерти одного из супругов к пережившему его.

Вместе с тем, после смерти владевшей купленной вотчиной вдовы право на вотчину переходило не в род умершей, а в род мужа, что указывало на принадлежность этой формы землевладения не отдельному супругу, а именно супружеской паре.

2.9. Купленные вотчины, перешедшие по смерти приобретших их лиц родичам, получали статус родовых. Тем самым индивидуальная сделка частных лиц превращалась в один из способов формирования родового имущественного комплекса.

2.10. Статус жалованной вотчины зависел от ряда конкретных фактов и не был однородным для разных видов этой формы землевладения. Чаще всего круг правомочий вотчинника прямо определялся в самой жалованной грамоте. Последняя являлась и формальным подтверждением законных прав вотчинника на его имущество. В случае отсутствия грамоты вотчина могла быть изъята у наследников государством. В целом же пожалованные вотчины приравнивались практикой к купленным, а в начале XVII в. законодатель прямо уравнял правовое положение жалованных вотчин с родовыми, со всеми проистекающими отсюда последствиями.

2.11. Наделение люда выслуженной (жалованной) вотчиной рассматривалось как средство поощрения вполне конкретных индивидов. В таком качестве она по своему статусу приближалась к поместному землевладению и отделялась от родовой вотчины. Связанные с этой формой юридические трудности распоряжения исходили уже не от рода, а от пожалователя, т. е. государства.

2.12. Условность владения поместьем связывалась в правовом мышлении эпохи прежде всего с первоначальным моментом его образования: за службу давалась земля.

Однако, по отношению к уже полученному поместью складывалась иная презумпция: выделенный землей относился к ней, как к своей собственности, с чем связывались и его ориентации в сферах эксплуатации и распоряжения поместьем. В системе хозяйственных отношений поместье ничем, не выделялось из ряда других хозяйственно-правовых форм (например, вотчин), что вызывало подспудно, а позднее уже открыто сформулированную тенденцию к их сближению.

Первоначальным **обязательным условием** пользования поместьем **была реальная служба,** начинавшая для дворян с пятнадцати лет. По достижении этого возраста, поступивший на службу сын помещика, «припускался» к пользованию поместьем. Ушедший в отставку помещик получал поместье на оброк вплоть до достижения сыновьями совершеннолетия, с середины XVI в. — поместье на тот же срок оставалось в его пользовании.

К наследованию поместьем стали привлекаться боковые родственники, женщины получали с него «на прожиток». Пенсионные выдачи женщинам (вдовам помещиков и их дочерям) производились до момента нового замужества (вдовы) или до совершеннолетия (дочери), а с начала XVII в. — уже вплоть до смерти вдовы и детей.

Такие выдачи рассматривались законом не как наследование, а лишь как пожалование.

2.14. Поэтому распоряжение этим имуществом было связано с рядом специальных ограничений. Например, вплоть до Соборного Уложения разрешался только обмен поместья на поместье, с 1649 года был допущен обмен поместий на вотчины (при соблюдении не-

обходимых обменных эквивалентов), но только с санкции государства (гл. XVII, ст.2-7). К концу XVII в. устанавливается практика обмена поместий на денежные оклады («кормовые деньги»), что в скрытой форме означало уже фактическую куплю-продажу поместий. Официальная продажа поместий (за долги) была допущена в XVII в. тогда как сдача поместий в аренду за деньги разрешалась уже ст. 12 гл. XVI Соборного Уложения.

Сближение правового статуса вотчины и поместья, завершившееся к середине XVII в. указывало на консолидацию имущественных прав, принадлежавших различным группам господствующего класса. Одним из признаков этого стало право обмена вотчины на поместье с соответствующей передачей прав и обязанностей, лежавших на обмениваемом объекте. Но не менее важным симптомом сближения данных форм землевладения стал трансформированный порядок передачи поместий по наследству, в сущности мало отличный от вотчинного наследования. Расширение круга наследников, отмеченное для обоих случаев (для вотчин и поместий) указывало на те же тенденции.

2.15. Пожалование земли в поместье (акт передачи имущества государством помещику) принципиально не меняло субъекта собственности — им оставалось государство. За помещиком закреплялось только право пожизненного владения. Однако, если земля попадала (при выполнении дополнительных действий) в наследственное владение и пользование, то землевладение по своему статусу приближалось уже к вотчинному, т.е. принимало ф-му полной собственности. Это приобретало особую значимость в случае превращения поместья в вотчину (при обмене или передаче по наследству).

2.16. Пожалование земли представляло собой сложный комплекс юридич. действий, включавший выдачу жалованной грамоты, составление справки, т.е. запись в приказной книге определенных сведений о наделяемом лице, на которых основывается его право на землю: обыск, проводимый по просьбе наделяемого землей и заключающийся в установлении факта действит. незанятости передаваемой земли (как фактического основания для просьбы на ее получение), ввод во владение, заключавшийся в публичном отмере земли, проводимом в присутствии местных жителей и сторонних людей.

2.17. Уложение 1649 г. содержит целый комплекс правовых норм, связ-х с наследованием поместья: Ст. 8 гл.16. — В случае старости, болезни, увечья право пользования поместьем передавалось сыновьям, если они несли военную службу: иногда по усмотрению царя поместье жаловалось в пожизненное пользование. В развитии правового статуса поместья, особое значение имел прожиток, т.е. часть поместья, выделяемая после смерти его владе-льца на содержание вдовы, дочерей, престарелых родителей, несовершеннолетних детей. Матери или жёны погибших на войне, получали на содержание поместье, которое подлежало передаче детям (ст. 22 гл. 16).

2.18. Родовые и купленные вотчины не наследовались бездетной

вдовой умершего вотчинника (ст. 1 гл. 17), она имела право получить в наследство после мужа только купленные им вотчины. Вотчины по Уложению 1649 г. наследовали сыновья, дочери – только после смерти братьев (ст. 2 гл. 17). Могли наследовать и родственники по боковой линии. При наследов. вотчины двумя-тремя и более сыновьями право на наслед-во принадлежало всем в равной мере.

2.19. Степень свободы в распоряжении имуществом была различной в случае наследования по закону или по завещанию (во 2 случае она была большей). Прежде всего, воля завещателя ограничивалась сословными принципами: завещательные распоряжения касались лишь купленных вотчин, родовые и выслуженные вотчины переходили к наследникам по закону. Родовые вотчины наследовали сыновья, при отсутствии сыновей — дочери. Вдова могла наследовать только часть выслужен. вотчины «на прожиток», т.е. в пожизн. пользование. Родовые и жалованные вотчины могли наследоваться только чл. рода, к которому принадлежал завещатель.

2.20. Купленные вотчины могла наследовать вдова завещателя, которая, кроме того, получала четверть движимого имущества и собств. приданое, внесенное ею в семейный бюджет при вступлении в брак. Поместье переходило по наследству к сыновьям, каждый из которых получал из него «по окладу». Определенные доли выделялись «на прожиток» вдовам и дочерям, до 1684 г. в наследовании поместья участвовали боковые родственники. — 03 апреля 1714 г.

3. Указ Петра I о единонаследии — 03 апреля 1714 г.
Из толкования к Указу: Указ закрепил дворянскую собственность на землю. Уравнял в правах владельцев поместий и вотчин.

4.15. Воинским чинам, которые дослужатся до обер-офицерства не из дворян, то когда кто получит вышеописанный чин, оный суть дворянин, и его дети, которые родятца в обер-офицерстве, а ежели не будет в то время детей, а есть преж-де, и отец будет бить челом, тогда дворянство давать и тем, только одному сыну, о котором отец будет просить. Протчие же чины, как гражданские, так и придворные, которые в рангах не из дворян, оные дети не суть дворяне.

Представляется уместным напомнить об одной важной причине, несомненно, побудившей императора Петра I, к созданию «Табели о рангах», изложенной в **пункте 16** настоящего документа, названной в приведённом пункте жирным шрифтом:

4. 16. И понеже никому кроме нас, и других коронованных глав принадлежит, кого в дворянское достоинство гербом и печатью пожаловать, и насупротив того многократно оказалось, что некоторые себя дворянами сами называют, а подлинно не суть дворяня, иные же своевольно герб приняли, котораго предки их не имели ниже от предков наших, или от иностранных коронованных глав им дан, и при том смелость приемлют иногда такой герб изобрать, которой владеющие государи и иные знатнейшые фамилии действит. имеют.

Того ради мы тем, до кот-х сие касается, чрез сие милостиво напоминаем, чтоб каждый от такого непристойнаго поступка, и от того возпоследующаго безчестья и штрафования впредь остерегался.

Каждому объявляется, что для сего дела определили мы геролдмейстера. И тако надлежит всем для того дела к нему приходить, и доношении подавать, и решения требовать, как следует: кто имеет дворянство, и на оное гербы, дабы доказывали, что они или предки их от какого наддания имели, или чрез предков наших или нашею милостию во оную честь приведены.

Буде же кто того подлинно вскоре доказать не может: то таковым давать сроку на полтора года. А потом требовать, дабы подлинно доказал. И ежели не докажет, (а объявит за чем подлинно) о том доносить Сенату; а в Сенате о том раз смотря, доносить нам. Буде же кто будут просить за явныя службы о наддании, то о службах того справливатца.

И буде из таковых явятца подлинно заслуженые, и о том доносить Сенату ж, а Сенату представлять нам же. А которые дослужились до обор офицерства, руской или иноземец, как из дворянства, так и не из дворянства, тем давать гербы смотря по заслугам. А которые хотя в воинской службе и не были, и ничего не заслужили, а могут доказать не менши ста лет: и таким гербы давать же.

5. Отмена Указа о единонаследии — 1731.

Из толкования к Указу: После смерти Петра I на престол вошла Анна Иоановна. Историки данный период в жизни страны воспринимают крайне негативно. В ее правление страну настиг экономический кризис, связано это было больше с политикой предыдущего императора Петра I. Практически первым указом, шедшим в противовес политике Петра I, было отмена указа о единонаследии. Когда на престол взошла Анна Иоановна страна напоминала плохо построенный корабль, и он мог развалиться в любой момент. При ее правлении было проведено ряд реформ, способствовавшие укреплению государства.

Важно отметить: в Указе ничего не сказано об отмене равенства вотчин и поместий.

6. Манифест о даровании вольности и свободы всему рос. дворянству 1762 г.

6.1. Личные права — право на дворянское достоинство, на защиту чести и жизни, освобождение от телесных наказаний и обязательности государственной службы

6.2. Имущественные права — полное и неограниченное право собственности, на наследование любого вида имущества, в том числе и на крестьян.

6. п.3. Процессуальные (судебные) права — дворянина мог су-

дить только суд равных, лишение вышеуказанных прав в пп. 1-2 прав осуществлялось только по суду.

7. Жалованная Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 21 апреля 1785 г.

7.1. Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное.

7.4. Дворянин сообщает детям своим благородное дворянское достоинство наследственно.

7. п.11. Без суда да не лишится благородный имения.

7. п.19. Из настоящей Жалованной Грамоты — «Указы, в коих доказательства о дворянстве».
В Табели о рангах 1722 года генваря 24 дня в 15 пункте узаконено сиими словами: «Воинские чины, которые дослужатся до обер-офицерства не из дворян, то когда кто получит вышеписанной чин, оный суть дворянин и его дети, кот-е родятся в обер-офицерстве; а ежели не будет в то время детей, а есть прежде, и отец будет бить челом, тогда дворянство давать и тем, только одному сыну, о кот-м отец будет просить; прочие же чины как гражданские, так и придворные, которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяне.

Толкование. Держась точных слов сего закона, и в следствие онаго недействительно в воинской службе служащих, но равные чины имеющих почитать надлежит за имеющих лишь личное дворянство, но не наследственное.

Примечание. Имеющих личное дворянство не надлежит вносить в родословную книгу наместничества.

7. 21. Благородный имеет право по прозвании своем писаться как помещиком его поместий, так и вотчинником родовых, наследственных и жалованных его вотчин.

7.22. Благородному свободная власть и воля оставляется, быв первым приобретателем какого имения, благоприобрет-е им имение дарить, или завещать, или в приданые или на прожиток отдать, или передать, или продать, кому заблагорассудит. Наследственным же имением да не разпоряжает инако, как законами предписано.

7.68. В дворянскую родословную книгу в наместничестве внести имя и прозвание всякого дворянина, в той губернии имением недвижимым владеющаго и дворянство свое доказательствами утвердить могущаго.

7.69. Буде кто не внесен в дворянскую родословную книгу той губернии, тот не только не принадлежит к дворянству той губернии,

но да и не пользуется общими преимуществами дворянства той губернии.

7.90. Буде кто впредь получит по наследству или по закладным, или по купчим, или пожалованием вотчины или деревни в той губернии, то должен при первом съезде собрание дворянства просить о внесении его в родосл. книгу; и буде собранию дворянскому известно, и сумнения о его благородстве не имеет, то без справок да внесется в родосл. книгу. Буде же вмещен в родосл. книге которой губернии и о том грамоту, за подписанием губерн. предводителя и уездных дворянских депутатов и за печатью дворянского собрания внесет в собрание дворянское, то сие служит ему достаточным доказательством для внесения в родословную книгу той губернии.

8. Пожалование вотчинами.

Вотчинные жалованные грамоты, с точки зрения формуляра, принадлежат к нескольким типам.

Своеобразным индикатором служит указываемое в тексте основание пожалования или, иначе говоря, **событие**, давшее повод к массовым однотипным пожалованиям. **Переписке** грамот в соответствии с новыми правами распоряжения были посвящены несколько царских указов: от 1618/19 г., от 28 ноября 1620 г., от 3 декабря 1627 г.

Наиболее ранней группой вотчинных грамот и **1-й ред. вотчинного формуляра** рассматриваемого периода можно считать грамоты за *«московское осадное сидение»*, происходившее в 1608–1610 гг.

Согласно указу, в вотчину переходила **пятая часть земли — «со ста чети по двадцати чети»,** излишек земли оставался в поместном владении. (1 четь = 0,54627 гектара). Жалованные Грамоты «за московское осадное сидение», имеющие в своей основе один **устойчивый формуляр**, выдавались на протяжении длительного времени, по крайней мере, в 1613–1645 гг.

В диспозитивной части **указывались: имя** получателя, количественный **размер оклада, наименования** населенных пунктов и угодий с их географической принадлежностью, **размер земли, размеры излишка.**

Вслед за этим следовала ссылка на будущие описание территории писцами и мерщиками, в результате которого земля должна быть окончательно измерена и записана в писцовые книги с определением ее вотчинного и поместного статуса. Далее в тексте утверждалась выдача жалованной грамоты за царской «красною печатью» получателю и его потомкам. Завершало основной текст грамоты указание права свободного распоряжения вотчиной. Последняя формулировка изменена в

грамотах этой редакции, выданных после указа 1618/19 гг., права распоряжения вотчиной прописывались более подробно. Все варианты — за осадные сиденья имели в своей основе редакцию грамот за «московское» осадное сиденье. Жалованные грамоты рассматриваемой редакции имели общие принципы внешней формы. Средний размер листа грамот составлял 35 (ширина) на 43,3 (высота) см. Обязательным элементом оформления был **инициал.**

На обороте листа во всех случаях имелась запись царского имени в однотипной форме: *«Царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси самодержец»*.

Инициал выполнен с использованием золота.

Права распоряжения прописаны четко и определенно, в соответствии с законодательством: предусмотрены случаи продажи, выкупа, наследования родственниками пожалованной вотчины.

Выписано из статьи Комочева Н.А. к.и.н.,
преподавателя РГГУ (Москва).

Выборки из статей некоторых лермонтоведов:

В нашем, т.е. в данном случае нельзя обойти молчанием опыт уважаемых исследователей жизни Михаила Лермонтова, с целью доказательного исключения из реалий их парадоксальных фантазий. Нельзя не отметить, как систему уходы от обсуждаемой темы путём подсовывания, (подмену), в канву размышлений, случаи из жизни второстепенных субъектов, явлений, фактов, имеющих к прямому вопросу только опосредованное отношение.

Обратить осудительное внимание на эквилибристику в терминологии при обсуждении предмета.

— В.Г. Бондаренко в статье «Чухломские корни Михаила Лермонтова» пишет: «*9 марта 1621 года была выписана ввозная грамота дьяком Иваном Грязьевым о деревнях, подаренных царём Михаилом Фёдоровичем Романовым Юрию Лермонту...»*.

Тут бы к месту вспомнить — предмет дарения не возвратен. Значит, Георгу пожаловано не поместье на прокорм, а вотчина! Об этом ранее слыхано не было. И грамота… Почему ввозная, а не жалованная? Здесь бы Владимиру Григорьевичу поставить двоеточие и сообщить читателю, что конкретно в ней (в грамоте), написал пожалователь пожалованному относительно подаренного? Но Владимир Григорьевич делает фигу и прячет её в карман, на случай — для следующей статьи.

Продолжает повествование — не про «Фому», а уже про «Ерёму». Сообщает: «Этот перечень сохранился в Галицкой писцовой книге 1628 года». Далее идёт перечисление деревень, составляющих этот перечень… И ничего по существу значения «подарка». Использованные термины восхищают новизной применения.

Читательское мнение: Как помещик — царь мог подарить «шубу с плеча», крепостную девку с собственных поместий. Как обладатель высшей государственной должности — мог пожаловать поместьями, вотчинами, крепостными крестьянами, землями, орденами из государственного владения — что материальной сущностью обеспечивало пожалованным соответствующий уровень благородства.

Статья начата с сообщения о выписанной ввозной грамоте. Речь идёт об оригинале? Выписке из оригинала? Выписке из выписки? — (как «Свидетельство о рождении М. Лермонтова», сохраняемое в музее Тархан?). Почему этот «перечень», подаренный в 1621 году, оказался в писцовой книге 1628 года? По смыслу внесения в писцовую книгу он как-то связан со смыслом значения грамоты или он имеет прямой переписной смысл? Для читателя, термин «перечень» в статье представляется поводом порассусоливать о «Ерёме».

— А.Н. Крюков в статье «Измайлово — родовая вотчина Лермонтовых» (16. 11. 2014. Статьи из газеты № 42, 2014), резюмируя на множество публикаций лермонтоведов, указывает на фактически очевидные ошибки коллег, допускаемые по различным причинам. Есть положительные отзывы, сомнительные утверждения, вождение читателя по соседским и родственным трущобам — всё как должно быть у опытного исследователя. По названным поводам требуется продолжительный разговор. Но наше внимание ограничится, пожалованием Георгу царём места для вотчины. Александр Николаевич сообщает:

> «*Георгу Лермонту было выделено место для вотчины очень почётное, со знатным именем, и одно из наиболее хлебородных в уезде. А то, что оно ему было действительно выделено, в этом сомнений нет. В 1619-1620 гг. в Галичском уезде получили земли многие защитники земли русской*».

(Логика — каменная. Получается, — если многие «получили», то уж Георгу, без сомнения, получить сам Бог велел! И, видимо, именно вотчину). Согласимся: раз Бог велел, тут ничего не возразишь. Но грамоты о пожаловании нет… А это документ, устанавливающий конкретные правомочия пожалованного, относительно объекта пожалова-

ния, его многочисленные обязанности перед пожалователем, значит — государством, его, социальный статус. Без неё, как узнать: кто и насколько низко должен ему кланяться?

И далее — *«в Галичском уезде получили земли многие защитники земли русской».* Все, многие «получили» земли, не сказано какого статуса, а Георгу Царь, за такие же подвиги, пожаловал место для вотчины. Наверное, так тоже Бог велел. И что самое интересное: в заголовке статьи конкретно сказано: («Измайлово – родовая вотчина Лермонтовых»). Значит место для вотчины указано то, где действительно расположено Измайлово, а не Кузнецово. И годами пожалования места вотчины указаны 1619–1620. Значит, пожалование было сделано именно Георгу — других Лермонтовых тогда ещё не было.

Но вот какие заковыки: в 1621 году царь пожаловал ему поместье Кузнецово с девятью деревнями. (Заметим, на пожалование Кузнецово грамоты тоже нет… Но это уточнение не к этому случаю…) К этому случаю напрашивается мысль, что Георг совершил настолько героические подвиги, что дважды подряд удостоился царской милости: получил с начала Измайлово, (как вотчину) и, следом, Кузнецово, (как поместье). Только о Кузнецово издревле вспоминали без умолку. Об Измайлово впервые вспомнили только во времена внуков… и, человечеству остаётся неведомо, откуда оно в роду Лермонтовых взялось?..

Далее продолжим цитировать А.Н. Крюкова:

> *«Выслуженная вотчина, в соответствии с существовавшим законом, у рода Лермонтовых могла быть только одна, поместий (прожиточных), усадеб — несколько. Вотчины могли быть получены только по указу Государя, и передавались они по наследству лишь внутри рода. Через жену, как отмечалось выше, вотчину получить было невозможно. Вотчину нельзя было продать вне своего рода, а в случае отсутствия наследников, в том числе по женской линии, она отписывалась на Государя. Поместья же — это земли с деревнями, отданные дворянам в пользование при условии несения ими государственной службы, в основном, военной.*
>
> *При получении поместий их владелец получал одновременно «ввозную грамоту». Так было во времена, когда Георг Лермонт получал земли в костромском крае. «Ввозная грамота» выдавалась только тем, кто уже был утверждён в качестве вотчинника».*

(Стоп! Вдумаемся: тут скользкое выражение. Очевидно, следует читать — «… кто уже был пожалован статусом вотчинника». По ав-

тору А.Н. Крюкову, получается: выдача Георгу ввозной грамоты означает, что к этому времени он уже обладал вотчиной. И этой вотчиной могло быть только Измайлово! Тогда зачем, после сообщения списка деревень в ввозной грамоте, было удивляться, что главного — «ребёнка в купели» — нет. И морочить голову читателю, что оно находится в компетенции Вотчинного Приказа? И опять — стоп! Остановимся в другом месте).

Продолжим:

> *«Из иностранцев, служивших в русской армии, вотчины получали лишь те, кто дал своё согласие взять московское подданство. Остальные же получали только денежные оклады — кормовые».*

В лермонтоведении по вопросу утверждения Георга Лермонта в качестве костромского дворянина всегда исходят из факта, что он в 1621 году получил «ввозную грамоту» на поместье в Галичском уезде. В грамоте перечисляются деревни, обладателем которых он стал, но, увы, там нет Измайлова — ребёнка в купели, самого главного — дворянской вотчины! Но так как Измайлово постоянно упоминалось в семейном архиве Лермонтовых, сочли возможным, что оно было приобретено родом по женской линии. На мой взгляд, эта ошибка была следствием другой — при толковании текста о наследниках Евтихия Петровича Лермонтова. То, что Измайлово не упоминается в «ввозной грамоте», — это вполне естественно, иначе и быть не могло. Земли выдавались по указанной грамоте, относились к ведению Поместного Приказа, а Измайлово находилось в компетенции Вотчинного Приказа. В рассуждении о вотчинах автор статьи ссылается на нормы существовавшего тогда закона, не называя ни его номер, ни год издания. Очевидно, имеются ввиду законодательные акты в том числе: «Уложение о службе 1555–1556 г». (Числовой ряд 1), «О поместной системе», «О кормлении», «О поместье и вотчине». Излагая нормы отдельных положений, не цитируя тексты, избегая пунктуальности, утвердительно приводит конкретные формулировки.

Например: «Ввозная грамота выдавалась *только тем, кто уже был утверждён в качестве вотчинника».*

А буквально через строку сообщает: «Он (Георг), в 1621 году получил «ввозную грамоту» на поместье в Галичском уезде».

Имитацией сомнительной доказательности вводит в сознание читателя, в данном случае:

— действительность фактического существования в то время наз-

ванной законодательной нормы;

— на основании внедрённой в сознание нормы в его сознание укореняется действительным фактом пожалование поместья Кузнецово, сопровождаемое выпиской ввозной грамоты, затерявшейся где-то в потёмках прошлого.

Так как вотчиной Кузнецово называли только идиоты, то вотчинником Георг мог бы называться от владения вотчиной Измайлово. А доказательный факт этого обстоятельства «удачно» обнаружился благодаря «неутомимым поискам» автора. Вот как это случилось:

«После длительных поисков по архивам и документам, различным дореволюционным изданиям Министерства юстиции, другим изданиям мне, наконец, удалось увидеть документ, снимающий эту проблему. Передо мной лежал «Указ о 28 вотчинниках за великое осадное сидение королевича Сигизмунда». В нём-то и значится Измайлово — вотчина Георга Лермонта. Этот указ интересен тем, что в нём я встретил многие фамилии ныне живущих и живших на Галичской, Чухломской и Солигаличской земле — людей, родов, оставивших достойный след в истории нашего государства. Список вотчинников составлен в алфавитном порядке. Для меня было неожиданностью встретить свою фамилию рядом с Георгом Лермонтом. Крюков Иван Иванович получил деревни Гришутино, Запольское, Слободу, Коровье. Следующий по списку Лермонт Георг. За ним — Измайлово. За Лермонтом — Мичурин. В конце списка — Челюскин.

Судя по проделанной карьере, основатель русского дворянского рода Лермонтовых был человеком незаурядным, талантливым, искренне преданным России. Он, минуя промежуточные должности писаря и пятидесятника, быстро прошёл путь от бывшего пленного до ротмистра, которому было поручено учить конному рейтарскому строю дворян и детей боярских, новокрещёных немцев, татар. Его сын Пётр в 1655-1657 гг. уже был воеводою в Саранске и отвечал за другие города по черте, т.е. линии засечных укреплений, которые тянулись непрерывно лентой на обширной территории южнее Москвы. О потомках Г. Лермонта в последние годы опубликовано достаточно много материалов, и я не буду на этом останавливаться. Ниже дам лишь очень короткие сведения о непосредственных владельцах Измайлова.

Георг Лермонт в Галичском уезде, куда входили территории нынешних Чухломского и Солигаличского районов, получил крупный земельный пай и успешно осваивал землю, развивал хозяйство, в среднем, в течение первых десяти лет ежегодно прибавляя пашни в перерасчёте на современное измерение не менее 20 гектаров».

Выше расположенный абзац может относиться только к поместью Кузнецово, где признано считать: Георг получил земельный оклад 220 гектаров всех угодий. Зачем это здесь? Здесь должны находиться обещанные «короткие сведения о непосредственных владельцах Измайлово».

Сообщение об Указе о 28 вотчинниках замечательно той мудрой лермонтоведческой оригинальностью, что о нём самом (об Указе), не сказано ничего. Ни номера, ни времени издания, ни места постоянного хранения, ни засекреченной недоступности, ничего кроме того, что его, наконец, удалось увидеть. Всё точно так же, как с указом царя о пожаловании поместья «Кузнецово» Георгу Лермонту, которое никто не видывал… А тут — удалось! И даже о том, как это удалось — ни слова. Удалось и — «Вася не чешись!». И какая удача! — рядом с Георгом Лермонтом — Крюков Иван Иванович! Значит Крюков — фамилия, носящая дворянский статус! Значит, этот благородный статус носит всё его потомство! Тут, как не скажешь — «И Маня не чешись!». Ну, это — между прочим. И в этом абзаце не оказалось обещанных «коротких сведений о непосредственных владельцах Измайлово».

Читать Крюкова-журналиста увлекательно. Но верить в увлекательные сюжеты — сомнительно. Это настораживается его методом интерпретации фактов и опытом обходить конкретные, требующие доказательства, моменты. Ему не откажешь в правильности постановки некоторых вопросов и ловкости ухода от неудобных вопросов. О сомнительных фактах говорит и оперирует ими, как об устоявшемся общественном мнении и на этом основании, как бы бесспорно доказанными. Например: считающееся признанным пожалование поместья Кузнецово, как доказательным фактом получения статуса дворянина, хотя правомерность такого мнения совершенно не доказана. И не может считаться доказанной без абсолютно верного понимания смысла формулировок, вписанных в соответствующие правовые документы волеизъявителем. (Числовой ряд 6. Абзац 3).

По (якобы), виданному документу (о 28 вотчинниках), спрашивается: почему он представлен читателю не по форме: «Указ о пожаловании за совершённое деяние и т.д.», а ссылкой на акцентированный смысл. Указ «о 28 вотчинниках» имеет двусмысленное толкование. Увидеть его никому не удалось, и едва ли удастся. Можно подумать: не случайно сделан прозрачный акцент…

Ниже мы глубже вникнем в смыслы пожалований Георгу Лермонту поместья Кузнецово и вотчины Измайлово знатоками исследователями и, возможно, вклиним в их разнообразие мнений свой голос.

Григоров А.А. — В лермонтоведении — трудоголик... Он совершил, чуть ли не самый большой променаж по дебрям обитания и разнообразного творчества предков поэта. И по прямой, и по боковым линиям. Многое узнал, о многом рассказал. Редко кто осилит всё. И мы прикоснёмся только к малой малости. Контекстно:

— Взаимоотношения между линиями рода были прохладные, судебные. Было непризнание родственности с другими линиями. Подобные взаимоотношения отмечались с соседями по имению.

Это имеет не прямое отношение к теме, но характеризующее род значение.

— При записи своих родов в костромскую дворянскую родословную книгу, острожниковский Николай Петрович Лермонтов представил отдельную роспись и был зачислен в (6-ю) часть, как принадлежащий к древнему дворянскому роду, а колотиловский Матвей Юрьевич в (4-ю) часть, как происходящий из иностранных дворян.

Сообщает: по сохранившимся в Костромском государственном архиве документам видно, что весь род Лермонтовых, издревле, с 1621 года, тесно был связан с Костромским краем. Дед поэта артилерии-поручик Пётр Юрьевич (1767-1811) родился в родовой усадьбе Лермонтовых Измайлово в Чухонском уезде. Ему с братьями принадлежали также в Галическом уезде многие усадьбы: Туровское, Лежнино, Воронино, Никольское и другие.

Заметим: род Лермонтовых тесно связан с Костромским краем с 1621 г., а дед поэта родился в 1767 г. — И в уже в родовой усадьбе Измайлово. 140 лет минуло с «начала тесной связи» до дня рождения деда. В этот период в роду Лермонтовых, как-то появилась усадьба Измайлово, стала родовой и об этом трудоголик — ни слова.

И далее: в феврале 1798 г. заявлением представляет в кадетский корпус с справкой о его дворянском происхождении… (фальшивость этой справки показана в статье «Лермонтов. В непреодолимом статусе»).

— Подробно о всех родственниках рода Лермонтовых.

— Ещё раз вспоминает про Измайлово в связи с установлением имени бабушки Михаила Лермонтова по отцовской линии, по случаю просмотра «ревизской сказки 4-й ревизии 1782 г.», где сказано о переводе из усадьбы Власово в Измайлово 18 крепостных в виде приданого Анне Васильевне.

— И ничего существенного о пожаловании поместья Кузнецово и вотчины Измайлово.

Молчанова Т.А. Выписка из статьи «Новое о Лермонтовых». (К 200-летию со дня рождения Лермонтова). (К вопросу о вхождении вотчины Измайлово в недвижимую собственность рода Лермонтовых).

Статья начинается с твёрдого убеждения:

— Основателем рода Лермонтовых в России является шотландский дворянин Георг Лермонт (1580-1634).

— Первым владельцем усадьбы Измайлово был пра-пра-прадед поэта Евтихий Петрович Лермонтов. (1633-1708), внук Георга Лермонта.

— Архивные источники свидетельствуют о том, что в 1673 году Е.П. Лермонтов за службу был поверстан поместным и денежным окладом. (Подобная ссылка не может быть принята доказательным фактом. Это было очевидно в момент её применения).

В том же 1673 г. за ним числилась вотчина в Галиче: усадище Измалково с деревнями, всего 12 дворов. Усадьба Измайлово в жилетских списках 1680 г. была записана за ним как усадище в Галиче, т.е. усадьба с деревнями: Мерлино, Тупикино, Жеребцово, Лежнино.

— Бесспорно убедительными фактами Татьяна Молчанова показала, что если усадьбу Измайлово Евтихий Петрович приобрёл через жену (как приданое), то только через первую жену, Фёклу Матвеевну Перелешину — мать его старшего сына Петра Ефтихиевича (Юрьевича), ставшего родоначальником измайловской ветви Лермонтовых. В таком случае по известным фактам можно относительно верно определить время перехода усадьбы Измайлово во владение Евтихия Петровича. На Белкиной Прасковье Михайловне он женился в 1688 году. По переписным книгам к этому времени уже 15 лет владел усадьбой Измайлово. Значит, она перешла к нему не позднее 1673 года.

В конце своей статьи Т. Молчанова не отрицает и возможность получения Евтихием усадьбы Измайлово через пожалование от царя.

В этом случае царь должен был у кого-то отобрать Измайлово, чтобы пожаловать его Евтихию. А оно было вотчинным поселением. Значит, царю нужно было, этому кому-то, объявить войну, выиграть её и только после этой «процедуры» пожаловать Евтихию вотчину Измайлово.

Этот вариант требует доказательной аргументации… Но оба варианта указывают на одно время свершения факта перехода Измайлово в род Лермонтовых.

Березнев А.Т. — Статья «Парус одинокий». В его статье выражено очень важное заявление: «При формировании губернских списков дворян для занесения в Родословную дворянскую книгу необходимо

было представить соответствующие документы. Братья Пётр и Евтихий Петровичи, подавая прошение о признании их дворянами, ссылались на книгу по истории Шотландии Беециуса и Леслея».

Положительного решения на это прошение, понятно, не последовало. Иначе бы, исследователи Измайловской ветви Лермонтовых не преминули многократно об этом напомнить. Но суть казуса не в полученном результате. В этом моменте важно отметить, что подавая прошение, братья (внуки Георга Лермонта), точно знали, что в их запазухах нет удостоверяющих дворянство, ни документов, ни аргументов. При фактическом наличии доказательных свидетельств, они могли представить их в повторном прошении. Установленный срок представления доказательных свидетельств позволял это. (Например, для Малороссии срок представления составлял 29 лет).

Но повторного прошения не последовало. Значит «за пазухой» или ничего не было, или было то, что не доказывало претензионный статус. С учётом появления «Указа Петра I от 16 января 1721 года, в котором установлено получение дворянского статуса при получении звания обер-офицера, подтверждено Табелью о рангах (п. 15), Жалованной Грамотой (п. 19) — только через сотню лет, значение обер-офицерского звания на тот момент значения не имело..

Для характеристики общих результатов, достигнутых всеми исследователями в части установления фактического социального статуса Лермонтова М.Ю., (на момент его рождения по линии юридического отца), добавим сведения, хранящиеся в местных музеях Костромской губернии. Выберем только контексты из некоторых источников и вдумаемся в них: Лермонт из Чухломы. Шевцов Н.В., Наумова Е.Е. — «Русские ветви рода получили свои имена от названий поместий, которые были распределены между потомками Георга Лермонта. Одни получили усадьбу Кузнецово, другие — Острожниково, третьи — Колотилово, наконец, четвёртая ветвь, к которой принадлежал поэт, связана с поместьем Измайлово. Она оборвалась с гибелью поэта. Остальные ветви продолжают существовать. Михаил Юрьевич относится к колотиловским Лермонтовым».

На всё это возразим: Авторы статьи изложили всё просто: одним распределено — одно, другим — другое, третьим — третье. А четвёртая ветвь образовалась не в результате распределения, а потому, что была связана с поместьем Измайлово. Просто ***связано*** с поместьем Из-

майлово — и всё! И не с вотчиной, каковым статусом оно обладало, а именно с поместьем. Завершают это заявление два новых открытия:

— «остальные ветви продолжают существовать»,

— «Михаил Юрьевич относится к колотиловским Лермонтовым».

По поводу новых открытий сообщаем на память: В настоящее время существует только одна ветвь — Острожниковская. Михаил Юрьевич относился к Измайловской Ветви. А Кузнецово, как поместье, было унаследовано (за службу), сыновьями Георга — Петром и Андреем. Андрей вскоре умер. Наследованная им (за службу), часть поселения перешла к Петру вместе с входившими в него девятью деревнями, в том числе с Острожниково. В Колотилово была пустошь, хотя непонятно почему её до времени считали в числе 9 деревень.

На уровне фантазии (@kostromka.ru 2009-2016):

Беловский сельский совет — (В нём сосредоточены различные сведения по краеведению. Воспользуемся некоторыми):

Деревни Белово, Захарово. До утраты села Бореева, Белово была центром Бореевской волости, она известна с 1615 года. В 1780 г. принадлежала Настасье Фёдоровне и Ольге Кондратьевне Лермонтовым...Деревня Засухино с деревнями Власово и Рожиково принадлежала Юрию Петровичу Лермонтову, деду поэта.

В 1761 г. в Галичской профессиональной канцелярии разбиралось спорное дело. Ю.П. Лермонтов жаловался, что крестьяне его деревень не платят оброка. При расследовании оказалось, что деревни принадлежат не Лермонтову, а братьям Шиповым, отец которых П.М. Шипов, президент статс-конторы, получил деревни как приданое за женой, урождённой Лермонтовой.

Колотилово находилось недалеко от Белова, в 1692 г. на месте этом была пустошь. Эту пустошь Евтихий Петрович Лермонтов, прямой предок М.Ю. Лермонтова, купил у своего родственника И.М. Перелешина. (А все остальные-прочие твердят, что эта пустошь была пожалована Георгу Лермонту в числе ряда деревень, входивших в поместье Кузнецово). На месте пустоши Е.П. Лермонтов построил усадьбу Колотилово, которая перешла к его сыну, а потом и к внуку И.П. Лермонтову. В 1824 г. усадьбу Колотилово с деревнями Терентьево, Усольцево, Утробино, Ревякино, Левцово. И.П. Лермонтов продал П.А. Катенину. При оформлении продажи Колотилова поступил нечестно, Костромской суд и Сенат разбирали дело, решив его в пользу П.А. Катенина.

Деревня Кудринское с деревнями Усольцево, Черемисиново, Филино, Ревякино, Семенково, Окотьево, Привалкино, Копылово в 1673 г. принадлежала стольнику Петру Петровичу Лермонтову – внуку Гео-

рга Лермонта. Усадьба Нескучнево находилась недалеко от Острожниково и принадлежала в 1800 г. Николаю Петровичу Лермонтову.

Село Михайловское. Оно имело и второе название — Литвиновское. Его с деревнями в 1684 г. купил Евтихий Петрович Лермонтов у дьяка Посольского приказа С. Чередова.

Деревня Острожниково. В жалованной грамоте царя Михаила Фёдоровича на вотчину Лермонтову написано: «Пожаловал есми теми деревнями поручика Юрья Лермонта в его оклад (жалованье за военную службу — Д.Б.) и все бы крестьяне, которые в тех деревнях живут и впредь учнут жить Юрья Лермонта слушались, пашню на него пахали и доход ему помещиков платили».

И на том же уровне (@kostromka.ru 2009-2016):

Гавриловский сельский совет — Деревня Кузнецово была в составе вотчины Георга Лермонта. Он построил рядом с деревней усадьбу и жил в ней с семьёй. Кузнецово стало называться Усадищем Кузнецовым. Усадище — это деревня, в которой стояла барская усадьба — в отличие от сельца, что стояло в стороне от деревни. Кузнецово переходило из поколения в поколение Лермонтовых.

Далее в статье перечисляются деревни, в части которых жили Лермонтовы. Не перечисляем их, потому что названных (в трёх последних выборках), достаточно для убеждения в бойкой торговле деревнями, в которой весьма преуспел род Лермонтовых и особенно Евтихий Петрович. Ни здесь, ни впредь не обращаем внимания на несоответствие использованных наименований к вотчинам, поместьям, деревням, усадьбам и т.п., как на непреодолимое для лермонтоведения явление.

Ограничимся рядом представленных исследователей жизненного пути М. Лермонтова. Они весьма оригинально-своеобразно в своих трудах выразили своё понимание интересующих человечество моментов, охарактеризовали минувшие времена и действовавших в них субъектов. Вероятно, кто-то может упрекнуть автора в небрежении к ряду известных и уважаемых коллег по интересу и совершенным ими трудам в т.ч. к таким столпам, как Висковатов П.А., Вырыпаев П.А., Мануйлов А.А., Андроников И.Л., Лин фон Паль и др. Не следует по этому поводу огорчаться. Списочно они уже упомянуты.

Значит — не забыты.

Теперь персонально — почему не забыты:

— **Висковатов Павел Александрович.** Творец первой биографии поэта. Имел более, чем другие, возможностей собрать достоверные факты времени и места рождения, социального происхождения, истинные причины отвратительных внутрисемейных отношений, истинные причины отвержения его императорским домом.

Труды его сомнительны в памяти потомков неполнотой сведений в них об этих важнейших составляющих биографии.

— **Вырыпаев Пётр Андреевич.** По содеянному — номенклатурная единица районного масштаба ВКПб, затем КПСС. Приставленный к должности, не мог хоть бы не огородить святое место, которому обязан был поклоняться. Едва ли можно высоко оценить пользу от его поездок по Лермонтовским весям. Никак нельзя принять его версию несвоевременной отдачи зятю 25000 руб., входивших в приданое за дочерью — отсутствием у Елизаветы Алексеевны денег, которая у неё сложилась после смерти Марии Михайловны. Она действительно ежегодно занимала (а при жизни Михаила Васильевича они вместе занимали, но по её финансовой стратегии), значительные суммы денег и у разных людей.

Доходы приносимые поместьем и полученные следствием её инициатив, особенно после 1819; с 1820 г. превышали расходы.

Займы по годам:

1806 – 2000 руб.
1807 – 2000 руб.
1808 – 4100 руб.
1810 – 500 руб.
1812 – 10650 руб.
1813 – 3500 руб.
1814 – 1000 руб.
1815 – 3000 руб.
1817 – 10000 руб.
1819 – 5000 руб.

Здесь внимание привлекают: ***отсутствие займа в 1811, и большой заём в 1812 г***. В 1810 году умер Михаил Васильевич Арсеньев. Вскоре Елизавета Алексеевна с дочерью уехала из Тархан и не появлялась там до 1812 года. С этим согласны не все. К разговору об этом предстоит, при случае, вернуться.

Если разложим скопленную к 30 октября 1841 г. (год гибели поэта), сумму 300 000 руб. на последующие, с 1821 года, 20 лет, то обнаружим, что возможность Е.А. Арсеньевой откладывать деньги про запас составляла 15 000 руб. в год. Приплюсовав эту сумму к 20 000 руб.

(ежегодному расходу), получаем сумму фактического годового дохода с Тархан в 35 000 руб. Деньги для выплаты зятю долга были. Они скрывались даже от внука. И причины для этого тоже были. («Тарханский вестник № 15 (2002 г. в), л. 152–171. Заслуженный работник культуры Фролов Пётр Андреевич).

Бывший директор Музея заповедника Тархан Вырыпаев Пётр Андреевич не мог не знать перечисленных сведений. По чистой совести не имел основания заявить о бедности Елизаветы Алесеевны, помешавшую ей отдать старый долг зятю. По значимости других открытий он не мог быть причислен к ряду исследователей по обсуждаемой теме.

— Андроников Ираклий Луарсабович. Незаурядный артист в умопомрачительных сюжетах. Трудно проникал в истину, но виртуозно о ней повествовал. Ниже истину о нём излагают другие:

Иван Никитич Толстой: (Культура. 16 октября 2014 г. «Бедолага Мануйлов»): «Бывают в науке тихие пыльные мыши, о которых знают лишь коллеги по профессии. Встречаются четырёхмоторные создатели эпохальных направлений, авторы учебников и организаторы учёных школ. А Ираклий Луарсабович Андроников был в лермонтоведении князем (не будучи им, вопреки легендам, по рождению). Он не возглавлял академий или жюри, не руководил институтами или издательствами. Нет, он был просто князем во всём, что связано с Лермонтовым. Он знал всё и всех, у него был доступ к сильным мира сего, его слово могло свернуть горы».

Но … добавим: — не свернуло.

А.А. Григоров — в письме к кандидату филологических наук Нине Константиновне Телетовой, 1977 г.: «Много неверного понаписали разные лермонтоведы, и мне иногда даже смешно кое-что. Впрочем, Бог с ними со всеми, в том числе с Ираклием Андронниковым, который великолепный артист и рассказчик, но по моему мнению, никудышный генеалог».

С этим трудно не согласиться.

— Мануйлов А.А. Чаще констатировал, реже утверждал. Опасливый ***«бедолага»***. Об этом уже упоминалось.

Общепринято считать, что в 1621 году Георгу Лермонту присвоено звание ротмистра (обер-офицера) и он пожалован поместьем. Нет достоверных оснований для признания или отрицания фактов свершения

этих событий. Заявительные утверждения по этому вопросу некоторых лермонтоведов несостоятельны, хоть бы уж противоречивостью в части указания сути состоявшегося события и неоригинальностью ухода от интересующего вопроса. Обтрёпанное присовокупление пожалования поместья Кузнецово с 9-ю деревнями — (заметим на будущее: деревеньки в большинстве от 3-х до 10-ти домов), к повышению воинского звания, как бы объясняет свершение второго — следствием от первого. Такая интерпретация совокуплённых событий обгоняет время. Обер-офицерское звание, стало основанием для получения дворянского статуса только 100 лет спустя (Числовой ряд 4.16). В то время всё зависело от воли царя…

Нет смысла отрицать повышение Георгу звания. Можно предполагать и дарственное царское настроение. Но в таком случае совершенно нельзя было обойтись без ввозной грамоты (Числовой ряд 7.84; 91.), тоже (2. Подпункты 2; 3.). Эти ссылки показаны на нормативные пункты Соборного уложения 1649 года и Жалованную грамоту 1785 года, то есть на документы, значительно позднего периода.

Но как отмечалось ранее, эти документы были приняты с учётом длительных наработок и установившейся практики. Кроме того пункты, на которые даны ссылки, определяют действия, необходимые для исполнения положений царских указов и потому правомерны для применения во все времена в разных вариациях дело-производительных схем.

Создание губернских разрядных дворянских родословных книг установлено Грамотой на права, вольности благородного дворянства 1785 года (Числовой ряд 7. п: 76 – 77 – 78 – 79 – 80 – 81 – 82 – 85 – 90). Для понимания ситуации, образовавшейся в случае с Георгом Лермонтом в 1621 году, определившую многое в жизни его потомков, необходимо чётко представлять законосущностное поле, в котором она образовалась, не простые положения установленных разрядов родословных дворянских книг, применительно к прошлым событиям.

Как должно понимать социальное положение Георга в случае повышения ему воинского звания? — В сущности ничего не изменилось. Просто по профессии он показал, на что способен и не остался незамеченным. Как обещающему стать ещё «лучше» в «своём деле», ему вместо взвода доверили командовать ротой. При этом, могли повысить и оплату. Могли — рублём. Могли — поместьем, на прокорм. С рублём процедура оплаты проще — один даёт, другой берёт. Вот только рублей не было во множественном числе. А земель было много. И её можно было дать и вернуть обратно. Но процедура выдачи её ***«на по-***

ка» — сложнее. Следовало оформлять ***ввозную грамоту*** и в ней, кроме всего прочего написать — ***за что дано? За что будет отобрано?*** В случае с Георгом — за подвиг? Но в списке московских защитников у Арбатских ворот он не был запечатлён. Может, просто за героическое сиденье в Москве в Смутное время? Но ***в более чем двухтысячном списке московских сидельцев его не было.***

Может, он был в «Списке о 28 вотчинниках…», который удастся «увидеть», спустя несколько веков, одному из Лермонтоведов настоящего времени? Но о существовании такого списка и в то время едва ли было кому известно. Может быть, на общих фронтах Смуты? Тогда, при таких героических наёмниках, как понимать заключение позорного «Деулинского мира» в селе Деулино, недалеко от Троицко-Сергеевской Лавры, 11 декабря 1618 года? ***По этому договору Польша получила белорусские и украинские земли и 29 городов, в т.ч. Смоленск и право наследовать Московский престол!?***

Ясность была очевидной. Повышение по службе не было следствием совершения подвига, но только следствием необходимости замещения офицерского состава. Тем не менее, получение звания офицера, без формально установленной нормы, представляло, разумеется, ***не основание, но серьёзный повод*** для пожалования. Тем более, что в недрах законодательного органа, (как здесь уже упоминалось), ***были серьёзные предпосылки для создания такого основания в форме закона.***

Этим объяснением и заявлением, мы вплотную приблизились к разрядной части родословной дворянской книги. Она ещё не обнародована, но проект её готовится уже не один десяток лет и нормативное её содержание накапливается, уточняется, совершенствуется правоприменительным опытом. В принципиальных моментах приближается к конечному совершенству и в ходе этого сложного процесса используется на практике.

О составлении во всякой губернии дворянских родословных книг

В своей Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства, Екатерина II, относительно создания губернских родовых дворянских книг, выразилась так: (числовой ряд 7. п. 66). То есть решением, как бы во имя торжества справедливости, восстановить значение «столбовых списков», по царскому повелению, (фактически под давлением дворян), сожженных в 1682 году. Тем самым дворяне, подспудно, в перспективе надеялись стереть следы своего происхождения от обязательности службы престолу, значит, и государству. Восстановлением учёта, в другой форме, дво-

рян, обязанных служить престолу, она ту же карту перевернула другой стороной. И, как бы, перевернула эту карту по пожеланию дворян.

На этой аргументации обеих сторон, необходимо акцентировать внимание для предстоящих размышлений.

В целях истинного понимания смысла разрядов дворянской родословной книги, ниже представляются их значения с последующим толкованием или изъяснением, непосредственно включёнными в «Грамоту» вслед за текстом пунктов грамоты.

Дворяне в книге разделены на шесть разрядов. Это практически означает, что по степени благородности (прав), они делятся на 6 уровней — п. 76.

О разделении дворянской родословной книги.

П. 77. В первую часть родословной книги внесут роды действительного дворянства.

Толкование: Действительное дворянство не иные суть роды, как те, кои от нас самих и других коронованных глав в дворянское достоинство дипломом, гербом и печатью пожалованы.

Изъяснение: Но дабы и родам оказать справедливость, кои доказательства имеют на действительное дворянство до ста лет (до 1685 г.), то дозволяем и сии роды вносить в сию часть.

П. 78. Во вторую часть родословной книги внесут роды военного дворянства.

Толкование: Военное дворянство не иные суть роды, как те, о которых в имянном указе государя императора 1721 года генваря 16 дня узаконено сиими словами: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство».

П. 79. В третью часть родословной книги внесут роды осьмиклассного дворянства по алфавиту.

Толкование: Осьмиклассное дворянство не иные суть роды, как те, о коих в «Табели о рангах» 1722 г. генваря 24 дня в 11 пункте узаконено словами: «Все служители российские или чужестранные, которые осьми первых рангов находятся или действительно были, имеют оных законные дети и потомки в вечныя времена лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть, хотя бы они и низкой породы были и прежде от коронованных глав никогда в дворянское достоинство произведены или гербом снабдены не были».

П. 80. В четвёртую часть родословной книги внесут все иностранные роды по алфавиту.

Толкование: Иностранные роды не иные суть, как те, кои в российское подданство вступили и о коих упомянуто в указах 195 года о пополнении разрядной родословной книги, повелеваем, чтоб таковые царские, владетельные, княжеские и иные выезжие честные роды вносить в особую часть родословной книги.

П. 81. В пятую часть родословной книги внесут титулами отличенные роды по алфавиту.

Толкование: Титулами отличенные роды не иные суть, как те, коим присвоено или наследовано, или по соизволению коронованной главы название или княжеское, или графское, или баронское, или иное.

П. 82. В шестую часть родословной книги внесут древние благородные дворянские роды по алфавиту.

Толкование: Древние благородные не иные суть, как те роды, коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят; благородное же их начало покрыто неизвестностию.

Георг Лермонт

1. Был ли Георг Лермонт шотландским дворянином?

Все источники интересующей информации, кроме журнала «Кострома» № 4 от 21.04.2016 г., это внятно не утверждают. По их представлениям он мог им быть. Но «Кострома» уверенно сообщает, (дословно): «*В числе других Георг Лермонт* ***был принят с почестями, признанием дворянского достоинства***».

Можно было бы и поверить, если бы фантазии костромских «знатоков» это позволяли. Но и само сообщение журнала — «в числе других принят и т.д.» — читается: как ***все*** другие, т.е. — ***все*** — ну и Лермонт в числе ***их всех***.

Получается: целая рота шотландских дворян устремилась в польские наёмники солдатами, «героически» сдалась на милость московского царя, а потому была принята им с «дворянским достоинством». Исходя из российской практики следует, что только разжалованные государем и признанные судом виновные, бывшие до того дворянами, служили в армии рядовыми солдатами. С учётом восприятия российскими реформаторами юридических и прочих наработок из западной цивилизации, должно быть уверенным, что дворянин шотландец не мог служить рядовым солдатом ни в Шотландии, ни в Польше, ни в России, если он не признанный по суду преступник.

Если он пошел в военную службу чужой страны рядовым по соб-

ственному желанию, то он, по своему существу, явно психически ненормальный субъект, недостойный благородного статуса. Разумеется, сейчас не обсуждается алчный (наживной) вариант интереса, как правило, врождённого в «благородные» сословия.

2. Стал ли Георг Лермонт российским дворянином?

По многочисленным, хоть и сомнительной доказательности утверждениям, по фактически глубокому врастанию рода Лермонтовых в дворянскую среду Костромской губернии, на беглый взгляд представляется безосновательным отрицать получение Георгом Лермонтом ввозной грамоты от 9 марта 1621 года на пожалованное поместье Кузнецово, якобы вы-писанной дъяком Иваном Грязьевым и на её основании вписаться в дворянский статус. Наш опыт исследования свидетельствующих документов — («Лермонтов. В непреодолимом статусе». Справка о рождении деда М.Ю. Лермонтова — Петра Юрьевича, подписанная Крюковым и К…), настораживает исследовать законность появления подобных свидетельств с бдительной осторожностью. В данном случае (даже без учёта силы документа):

— Кто он, этот Иван Грязьев, чтобы верить его правомочию?

— Выражение: выписанная Иваном Грязьевым грамота означает, что она выписана правомочием именно его — Ивана Грязьева. Тогда почему не указан документ, уполномочивший его на право выдачи такого значения документов?

— Если она («выписанная грамота), является выпиской из действительного документа — почему этот документ не указан, как правовое основание для выписки уполномоченным на подобное действие лицом?

— Почему в выписке не указано событие на пожалование Георга поместьем, его долг служить царю и престолу?

— Почему ничего не сказано о праве наследования поместья?

Несмотря на ущербную, в документальном смысле, выписку ввозной грамоты, возможное замалчивание её обязывающих положений, но, как уже было сказано, по фактически глубокому врастанию рода Лермонтовых в дворянскую среду Костромской губернии, а главное по не критичному значению для установления конкретного ответа на поставленный перед статьей вопрос, – примем существование выписки в 1621 году за свершившийся факт.

Что в ней должно было записано, мы знаем без её наличия. И ниже поделимся с читателем. Даже в несколько большем объёме, что необ-

ходимо учитывать для понимания сути дворянского статуса. В большем объёме поделимся потому ещё, что в предстоящих рассуждениях к составляющей её сути будет смысл вернуться. В данном случае важно, что, по общему мнению, ***грамота*** не жалованная, а ***ввозная***. О значимости её можно судить по её функциональной ценности: на первом этапе она давала возможность получить поместье вместе с имеющейся на нём инфраструктурой и внедриться на нём. В последующем она только обязывала служить и насильственно умирать. Повседневное её значение очевидным не было. Её правовая значимость в возможных будущих реформах едва ли просматривалась и предполагалась. Навязываемые ею обязанности могли представляться чрезмерными. Особенно в отношении будущих поколений.

Сожжение дворянских «столбцов» в 1682 году — по серьёзным причинам, без видимых социально настораживающих последствий, возбуждало интерес ввозную грамоту потерять и забыть о ней.

А жалованная грамота…

> Жалованная Грамота (ЖГ), после событий смутного времени (1608–1610 гг.), имела устойчивый формуляр исполнения: смысла записей, золотое обрамление инициалов жалователя, красную царскую печать, установленные размеры и прочие атрибуты. Выдавалась на пожалованные вотчины длительное время (1613–1645 гг.), то есть ещё 11 лет после гибели Георга. Выдача регистрировалась в навечно сохраняемые книги. Эта практика отразилась в законодательных актах позднего времени: царских указах от 1618 /1619 гг. – от 28.11.1620 гг. – от 03.12.1627 г. и позднее в Соборном Уложении 1649 г. (Числовой ряд 2. п.10 – 2. п.11 – 2. п.16), в ЖГ (Числовой ряд 7. п.1 – 7. п.4 – 7. п.90). Тоже в «Общих положениях о пожаловании вотчин» – (Числовой ряд 8.).

Жалованную грамоту — единственно правоустанавливающий акт (во время жизни Георга дававший потомственный дворянский статус), невозможно было утратить без всемирного потопа или пожара а, в крайнем случае, не просто, но, наверное, имелась возможность выписать дубликат.

Пожалование поместьем производилось, как уже неоднократно сказано — военнослужащим «на прокорм». А точнее — семьям военнослужащих, так как трудно представить военного действующей армии с личным кормовым обозом. А денег на оплату общего полевого котла у него, понятно, было не много.

Поместная система землевладения была сложным образованием. Не будем повторять её тонкости. Скажем только, что она, с одной сто-

роны, позволила создать объединённую российскую армию. С другой — упорядочить владение и пользование свободными государственными землями, в большом количестве накопленными опричниной Ивана Грозного.

Уточним: ***владение и пользование*** землями, но ***не распоряжение.*** То есть земля оставалась государственной, а владелец обязан был пожизненно (в то время), служить престолу, как бы за аренду земли, населённую крестьянами и использовать стоимость их труда на оплату многочисленных хозяйственных расходов, государственных налогов, неизбежных местных сборов и пожизненных военных повинностей. Доля, скажем, нелёгкая и мы к ней ещё вернёмся по другому поводу.

Поместье временно давалось «за хорошую службу» в прошлом, но больше в расчёте «на хорошую службу» в будущем. Это с государственной точки зрения. Но ***с точки зрения пожалованного — пожалованное поместье понималось пожалованным на вечные времена.*** По факту такое понимание являлось абсолютным в описываемое время, а узаконено было позднее (Числовой ряд 2. п.12). То есть в сознании пожалованного и крепостного крестьянина, а позднее и в сознаниях Лермонтоведов, ***создавалась презумпция не только владения, но и распоряжения, как собственной вотчиной.***

Однако, нас интересует конкретный ответ: стал ли Георг с пожалованием поместья дворянином фактически? Ответ на вопрос даёт Жалованная Грамота 1785 года Екатерины II — законодательный акт, вобравший в свою суть правовые акты и практику прошлого, направленный на истинное понимание имевших место событий и следствий, за ними последовавших. (Числовой ряд 7.п.1).

Акцентируем внимание на смысле, сосредоточенном в этом пункте: ***«Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели, начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное».***

Заслуги Георга Лермонта неустанно, но беспредметно повторяются его биографами. Во взаимодействии с исторически известными личностями Московского государства, они названы в статье Т. Молчановой «Лермонт против Лермонта 1616–1618 г». Показаны трудности и опасности Смутного времени, конкретное участие в защите Арбатских ворот в ночь с 10 на 11 октября 1618 года, где он, в звании поручика, был назначен командиром шотландской роты, вместо погибшего поручика Петра Юля. Тоже — участие в обороне Можайска, в составе войск под командованием Д.М. Пожарского и, непосредственно, в

подразделении Б.М. Лыкова в 1619 году. Понятно, всё это — достойно соответствующей оценки. ***Но это — обычно текущая военная служба.*** Пожалований вотчинами, как за осадное «московское сиденье» 1608-1610 г., не последовало. К тому же за событиями Смутного времени последовал позорный «Деулинский мир» на 14,5 лет». Можно понять не победное восприятие царём минувших событий и, по его воле, выражено вовсе не восторженное восприятие просьбы наёмных шотландцев остаться служить России и жить в ней. Об этом можно судить по про-хладному ответу на их челобитную: *«У нас иноземцев в царскую службу невольно не берут, силою никого не женят и в Московском государстве неволею не оставляют никого, а кто царскому величеству бьёт челом в службу, таких великий государь не оскорбляет, ко всяким иностранцам милость свою показывает и от своего царского жалованья не отгоняет».*

То есть: ***служите — кусок хлеба получите.***

В **Разряде** (книга приказов) был составлен список из 47 человек, пожелавших остаться в Московском государстве и превратиться в русских ***помещиков***. Среди них был поручик Георг Лермонт.

Стать российским условным помещиком — предел, на который Георгу, по уровню его службы в бытовавших обстоятельствах, следовало рассчитывать. Собственно статус дворянина, в современном понимании, в то время ещё не закончил становление, преодолевал противоречия своего утверждения. Главный их смысл был в узле вотчинного и поместного землевладения и распоряжения. По существу, противоречие изошло из туземной дикости. Острота его эволюционно уменьшалась в процессе социальных изменений и соответствующих этому процессу законодательных актов. Стирание различий началось с Уложения о службе (1556 г.), где наметились признаки сближения поместного и вотчинного землевладения. Процесс стирания закончен Манифестом о даровании вольности и свободы российскому дворянству 1762 года. (Числовой ряд 6. п.2). С момента (считаем признанного), получения ввозной грамоты 1621 года, до получения права распоряжения и потомственного наследования, то есть статуса благородного дворянина, Георгу Лермонту предстояло прожить ещё 141 год.

Проницательный читатель может возмутиться сказанным: — *«Как так? Поместье с крестьянами, пожалованное Георгу, унаследовали его сыновья: Петр и Андрей!»*. Следовательно, о каком ещё праве наследования идёт речь?

Уточним. Пётр и Андрей ***унаследовали.*** Только не поместье с крестьянами, а ***обязанность служить царю и престолу,*** и за это кормиться от поместья с хозяйства, которое смогут на нём организовать. И, добавим, ***пребывать в презумпции действительных владельцев-распорядителей*** поместья, ***то бишь – дворянами.*** А дворянами они могут стать, при условии — если доживут до 1762 года, когда по Манифесту этого года им дадут право на дворянское достоинство, освободят от обязательной пожизненной военной службы (Числовой ряд 6. п.1); дадут полное и неограниченное право собственности на потомственное наследование любого вида имущества, в т.ч. на крестьян (Числовой ряд 6. п.2).

Но это может случиться (для измайловской ветви Лермонтовых), только при жизни прадеда поэта Юрии Петровиче (1722-1778 г.) и его деда Петра Юрьевича (1767-1811 г.), если их предки сохранят документально доказуемое право на владение их родом пожалованным Лермонту поместьем. В установленное время представят это документальное право вместе с другими требуемыми доказательствами для регистрации в губернской дворянской родословной книге и будут записаны в соответствующий их благородности ряд.

Отвечая на вопрос: ***стал ли Георг Лермонт русским дворянином,*** следует напомнить, что дворянский слой представлял собой неоднородную массу, различную по происхождению, (см. подзаголовок «Дворянство» наст. статьи). Только с царствования Петра I лучшую часть этой массы, способную учиться, инициировать, принять на себя организационную нагрузку, нести ответственность, работать на благо государства, служить ему, назвали шляхетством, а позднее благородным дворянством.

В Соборном Уложении 1649 года владельцы вотчин и поместий (прослойку разночинцев, по её малочисленности не учитываем, а безземельных служилых дворян в рассматриваемое время не было), равно называются дворянами. Это приводит к неправильному пониманию тех и других, а читателя — если не в заблуждение, то в недоумение. При неясности в этом вопросе следует не забывать, что благородный дворянин (о статусе которого у М.Ю. Лермонтова ведётся дискуссия), мог быть лишён вотчины (имения), только по суду (Числовой ряд 7. п. 8 – п. 9 – п. 10 – п. 11 – п. 12).

Пожалованный поместьем «на прокорм», при ненадлежащем исполнении службы, мог быть лишён условного землевладения, следовательно и условного дворянского статуса, без суда.

Принципиальный читатель возразит: «Приведённые нормы взяты

из Жалованной Грамоты Екатерины II 1785 г.», а речь идёт о статусе от пожалования поместья в 1621 году, т.е. свершённом событии опередившего установление норм на 164 года».

Верно. Но вот действительность: Грамота Екатерины II вышла в 1785 году. А проект её был готов в 1771 году, на 14 лет раньше Грамоты. Но нормы, положенные в основу проекта, использовались с ещё более раннего времени и многие из них взяты были из Соборного Уложения 1649 года. Но ведь и Соборному Уложению 1649 года, столь тщательно разработанному, служившему России больше двух веков, предшествовал свой проект. Время на подготовку его проекта, как раз и совпадает с периодом жизни Георга Лермонта.

И важно знать, что в процессе этого законотворчества имела место тенденция сближения прав вотчинного и поместного землевладения. Наша задача правильно понять течение сближающей тенденциозные закономерности сути и найти в процессе сближения убедительный ответ на интересующий вопрос.

Продолжим.

Георг прожил в России 21 год. Был дважды женат. Имел двух сыновей: Петра и Андрея. Их годы рождения неизвестны. Старшему, на год гибели отца, могло быть не более 20 лет. Он мог наследовать не поместье отца, но его обязанность служить царю. При этом условии поместье Кузнецово переходило в его владение, и он получал статус дворянина.

Заметим — ***не благородного.*** Если обоим сыновьям было по 15 лет и более, поместье переходило в их владение в равных долях. Если ни одному из них не исполнилось 15 лет, согласно: (Числовой ряд 2. Статья 8 гл. 16) — цитируем выдержку из статьи дословно: *«Матери или жёны дворян, погибших на войне, получали на содержание поместье, которое подлежало передаче детям»*.

Таким образом, после гибели Георга Лермонта в его семье изменились роли, но статус её остался прежним — ***условные не благородные дворяне. Проще — помещики.*** До 1679 года — года смерти Петра Юрьевича, пра-пра-пра-прадеда поэта, в семейном кругу существенных изменений, (кроме пополнения её членов), не происходит. Один из сыновей — Евтихий (Юрий) Петрович (1633-1708 г.), станет пра-пра-прадедом поэта и основателем Измайловской ветви Лермонтовского рода. К его деятельности — особый интерес по части никем не понятого, следовательно, не объяснённого, появления в роду р***одовой вотчины Измайлово!..***

Заметим: в его шестнадцатилетнем возрасте выйдет в жизнь Собор-

ное Уложение 1649 года, в возрасте его 49 лет сожгут дворянские столбовые списки. Он «достойно» послужит сколько-то времени Отечеству в чине стряпчего (чинов-ника). Будет судиться с соседями, родственниками, писать жалобы царю, торговать деревнями, обманывать их покупателей, (читай здесь: Беловский сельский совет и др.). Будет пытаться представиться иностранным благородным дворянином.

С какой целью будет совершать эти действия?

Евтихий – человек *«себе на уме»*. Его действия целенаправленны. Он понимает, что ввозная грамота на Кузнецово, заслуженная его дедом, больше того, что уже дала, ничего не даст. Теперь она, если не уничтожена отцом, бесполезна, но ко многому обязывает. Дворянские столбовые списки уничтожены. Он и его род по ***памятной*** традиции, имеет дворянский статус. Условный. Но это мало кто осознаёт. Может — никто. Его нужно облагородить. Он — чиновник. Соборное Уложение вышло в его пору. Он понимает **ЭВОЛЮЦИОННУЮ** тенденцию сближения владения и распоряжения земельной собственностью.

Из понимания названной тенденции, следует понимание необходимости покупки, хоть какого-нибудь поместья вот-чинного статуса. По Соборному Уложению 1649 года — ***оно будет родовым.***

Например: сельцо «Измалково», часть вотчинного поселения потомственных дворян, ближних к Кузнецово, Перелешиных.

Обратимся к статье Т. Молчановой «Новое о Лермонтовых» (200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова), как к наиболее убедительному источнику. Изложение в пересказе:

«В 1673 году за Евтихием Петровичем числилась вотчина в Галиче: усадище Измалково с деревнями, всего 12 дворов. В жилетских списках 1680 г. была записана за ним. Точно известно, что на второй жене Белкиной Прасковье Михайловне, он женился в 1688 г. По переписным книгам, к этому времени уже 15 лет владел усадьбой Измайлово. Значит — она перешла к нему не позднее 1673 г. (Числовой ряд 2. п. 8 – п. 9 – п. 10). Эта арифметика вполне укладывается в возрастные возможности первого брачного союза и рождения сына Петра Евтихиевича в 1698 году».

(Дата рождения сына сомнительна по продолжительности его жизни и по рождению — на 10-м году супружества родителей). Она подвергалась сомнению и предыдущими, исследователями. Однако, в практическом супружестве дата рождения реальна.

Предположительный вариант получения вотчины Измайлово в качестве пожалования Евтихию Петровичу в 1673 году царём несерьёзен, по роду его службы стряпчим или стольником, коих при царском

дворе было множество и воинскими доблестями они едва ли отличались. Много стряпчих и стольников было пожаловано вотчинами за осадное сиденье в Москве в 1608-1610 годах. Но тогда они защищали столицу и себя от поляков. А Евтихию защищать ничего и никого не случилось. Настороженный исследовательскими фантазиями читатель усомнится в целесообразности версии приобретения Евтихием Петровичем вотчинного поселения Измайлово (Измалково), в качестве приданного за Фёклой Матвеевной Перелешиной. Через жену и в таком варианте, ни он сам, ни их потомство не могли унаследовать её потомственный дворянский статус и её приданное. Она в течении ВСЕЙ своей жизни сохраняла за собой урождённый статус, но передать его ни мужу, ни детям не могла. После смерти всё, кроме совместно нажитого, возвращалось в её род.

Для создания из Измайлово родовой вотчины Лермонтовых, Евтихий Петрович должен был купить Измайлово. Но для этого нужно было иметь согласие Перелешиных продать его, а Евтихию Петровичу иметь средства на покупку. Можно было не сомневаться: ни того, ни другого не было. Но была, как уже было сказано, возможность бракосочетания Евтихия Петровича с Фёклой Матвеевной. Оно должно было сопровождаться хорошим знанием Соборного Уложения 1649 года по сценарию: жених не берёт за невестой ни копейки, — родители не дают с невестой ни копейки. Гласно и напоказ — свадебный обряд, цветы, то-сё.

Но… Предварительно бракосочетанию (абсолютно негласно), отец невесты даёт жениху жёсткое обязательство: продать за ***условную*** сумму, по доброму согласию усадьбу Измайлово. Документально «куплю-продажу» оформить в прилично, но не долгий, срок после бракосочетания. ***Обязательно только «после» и, ни в коем случае, не «до»***. Тогда покупка будет ***семейным приобретением, «нажитым совместно» и «от пота»***. Таким образом, вотчинное поселение Измайлово переходит к Лермонтовым и по действующему Соборному Уложению становится ***«Лермонтовской родовой наследственной вотчиной».*** По тому же Уложению, ***после смерти любого из супругов остаётся в роду Лермонтовых.*** Наследовавший её получает статус потомственного (значит и благородного), дворянина России. Через 100 лет деду поэта — Петру Юрьевичу, предстоит документально подтвердить право на внесение Лермонтовского рода в Тульскую губернскую дворянскую родословную книгу.

Правовое положение БЛАГОРОДНОГО СЛОЯ того времени не удовлетворяло ЕГО интересы. Служить в войсках пожизненно не вы-

зывало восторгов, связано с большим риском для жизни. Это отчуждало от жизнеопасных привилегий. По этому поводу — два извлечения из цикла «государство и право»:

И в XVII в., и в начале XVIII в., когда дворянство отличалось от прочих классов только обязанностью службы и условным правом личного землевладения, дворяне не дорожили своим положением и скрывались от службы переходом в низший класс, даже в холопы. В свою очередь, и правительство, нуждаясь в служебных силах, легко принимало, или, как тогда выражались, «верстало» различных людей в дворянство. Петр I своей Табелью о рангах открыл широкий доступ в ряды дворян всем людям, дослужившимся до обер-офицерского чина. Но только люди, дослужившиеся до первых восьми рангов или чинов, причислялись к «лучшему», «старшему», т.е. потомственному дворянству; прочие состояли в дворянстве личном. С течением времени чем лучше становилось положение дворянства и чем более знакомились дворяне с западноевропейскими правами и понятиями, тем более в дворянстве формировалось чувство сословной чести.

Один наивный миф касается привилегированного положения дворянского сословия. Конечно, прав и привилегий было у дворян немало. Но, однако, считать их всех непременно богатыми бездельниками, нещадно эксплуатирующими народ и живущими за его счёт, тоже карикатурное преувеличение, унаследованное многими россиянами от большевистской семидесятилетней пропаганды. На деле, свои привилегии дворяне должны были ещё заслужить. Они должны были служить Престолу (а значит — России) на военной или гражданской службе, на них лежало немало обязанностей по организации страны, от собирания налогов до комплектования армии. Они первыми падали на войне и кровью платили за свои привилегии. При Петре I, их положение как государевых подневольных служащих было ещё более закреплено законодательно, именно молодых дворян посылал Пётр I за границу учиться, дворян заставлял работать на государство.

По сравнению с положением дворянства в первой половине XVIII века, грамота, дарованная сословию в 1785 году Екатериной II показалась им во многом освободительной.

Итак, наше повествование доверсиировалось до истока происхождения Измайловской ветви Лермонтовых. Первым обладателем благородного статуса стал правнук Георга Лермонта и прапрадед поэта

Пётр Евтихиевич (1698-1743). При его жизни выйдет Петровская «Табель о рангах» (1722). К её выходу Петру Евтихиевичу исполнится 24 года. Он уже научится читать и понимать прочитанное, будет знать историю происхождения своего рода, то есть каким образом его отец вломился в заветную дверь благородства. В Табели о рангах внимательно ознакомится с: см. Числовой ряд 4. п.16. Это его насторожит... Настороженность свою велит передавать по прямой потомственной линии только «с уха в ухо».

Видимо, поэтому, о происхождении «Измайловской ветви», человечество долго ничего знать не будет. И нам бы об этом — ни «гугу». Так, на всякий случай. И поэтому, от греха подальше, изменим вектор движения.

Продолжим не с начала и вперёд, а с конца и назад.

М. Лермонтов **не получил высшее образование.** Причины этого проанализированы, представлены читателю и нами в том числе. Нет смысла их повторять. Но неизбежно приходится напомнить о нескольких моментах, убедительно доказывающих общепризнанный факт: в дворянских родословных списках Костромской и Тульской губерний ***до 1829 года дворянского рода Лермонтовых не было.*** Не было его и ***в общероссийском списке дворян.*** Соответственно, свидетельство о дворянстве Михаилу выдать не было оснований. Рассматривать представленную вместо свидетельства «справку о дворянстве «отца» М. Лермонтова Юрия Петровича от 1798 года генваря 16 дня за подписью Егора Крюкова и К…, ***фальшивую от первой до последней буквы,*** сейчас бессмысленно. Она дана через 11 лет после дня рождения в соседней губернии и через 13 лет после выдачи Жалованной Грамоты Екатерины II, ***обязывающей доказать дворянство.*** Это существенно важно. К этому времени должен был, в основном, закончиться процесс подтверждения дворянского статуса и не было ничего проще, как законно взять свидетельство о дворянстве по месту проживания, а не сочинять её через 13 лет в другой губернии с людьми, не имеющими на то полномочий. К существу темы основного вопроса настоящей статьи она имеет только то отношение, что фактически существовала, как объективное свидетельство отсутствия документальных данных для выдачи законного свидетельства о дворянском происхождении М.Ю. Лермонтова, то есть отсутствия Лермонтовых в родословных книгах губерний.

И ещё. Дата сочинения справки подтверждает сочинение её не для Михаила Юрьевича, ***а для его «отца»,*** т.к. Михаила в это время не су-

ществовало даже в виде эмбриона и, значит, ещё при жизни его деда Петра Юрьевича (1767-1811 г.) в дворянских родословных книгах не было рода Лермонтовых.

Тут к месту привести выражение А.Д. Алексеева в статье «Почему я не согласен…», на международной научной Лермонтовской конференции 28-30 мая 2014 г. в городе Грозном[5]: *«… Но в 1828 году, начале 1829 года Юрий Петрович* ***не спеша*** *собирал документы для причисления к дворянству Тульской губернии»*. (РГАДА, Ф. 1209, оп. 4. № 1884, Л.10 об.11, 58 об. 59. Вотчинный департамент, Настольная докладная книга. 1829).

И далее: содержание и просьбы, и ещё далее — что Юрий Петрович ничего из рекомендованного не сделал. Позволительно, по прочтении, заметить — зачем Дмитрий Анатольевич под сообщением «***о старании*** Юрия Петровича ***«не спеша собирать документы»*** поместил в скобках многозначную ссылку, не имеющую к ***«неспешному собиранию»*** никакого отношения, кроме как изобразить доказательную силу сделанного откровения. Но мы (автор с солидарными его точке зрения читателями), весьма благодарны за характеристику действий Юрия Петровича, свойственную для послеевтихиевского рода Лермонтовых, по доказательству действительности своих вещных прав.

Непременно воспользуемся неспешным свойством нового рода предков поэта. Перед объявлением имени предка послеевтихиевского периода, закупорившего проломленную Евтихием Петровичем в вожделённое благородство дверь, назовём мотивы для совершения этого действия:

Учтём: в 1762 году выпущен Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству (Числовой ряд 6. п. 2) .Жалованная Грамота Екатерины II с привилегиями дворянству и повелением записи дворян в губернские дворянские родовые книги вышла в 1785 году (позднее Манифеста на 13 лет) и после смерти его отца (прадеда Михаила Юрьевича), на 7 лет. Пётр Юрьевич (есть основания полагать), был мало заинтересован в широкой формальной огласке дворянского статуса. (читай: «Правовое положение дворянства из цикла «Государство и право»). К тому же — по обязанности благородного дворянина, поставлять для армии рекрутов с полным военным снаряжением: конём, одеждой, вплоть до портянок и т.п. От всех обременений было не уклониться, но что-то можно было уменьшить, если избежать записи в указанные книги. То есть в отдалённой провинции — ***чести меньше, чем обременений.***

[5] Д.А. Алексеев принял заочное участие в конференции. — М.В.

Карательных угроз за неисполнение записи Грамота не содержала, значит, ***можно было остаться в статусе помещика и жить дальше.*** Кроме того, Грамота оставляла за владельцами вотчин возможность выполнить её требование в будущем. Всё же 69-я статья Жалованной Грамоты Екатерины II (как позднее увидим, на примере Малороссии, эта статья в последующем была изменена), предупреждала: *«Буде кто не внесён в дворянскую родословную книгу той губернии, тот* ***не только не принадлежит*** *к дворянству той губернии, но да и* ***не пользуется общими преимуществами*** *дворянства той губернии»*.

Из этой формулировки статьи следовало: дворянин не лишался дворянского статуса, но не будучи внесён в дворянскую родословную книгу губернии — ***лишался права участвовать в общественно социальной жизни*** дворянского слоя губернии и, соответственно, получать от дворянского сообщества любую поддержку или услуги, в т.ч. свидетельствующие документы (например: требуемое Михаилу Юрьевичу свидетельство о дворянстве).

Не исключалась ситуация: ***окружение знало и действительно воспринимало род дворянским (***могло даже его представителя избрать, например, своим предводителем, по принципу: ***лишь бы не меня),*** а формально не знать его независимость от губернского дворянского сообщества. Только смыслом, заключённом в статье 69, можно объяснить кажущуюся нелепостью появление, нелепой же, «Справки о дворянстве «отца» Михаила Юрьевича, которая была предъявлена при его поступлении в Кадетский корпус, а позднее и Михаила Юрьевича в Школу юнкеров. Законов, логически совершенных, видимо не бывает. Тем же отмечена Жалованная грамота.

Например: в смысловом отношении противоречат одна другой статьи 66 и 68. Объяснять их противоречивость здесь не к месту. Пример приведён к тому, что подобные документы совершенствуются, уточняются, дополняются и т.д. Поэтому во временном ракурсе они часто не совпадают по заключённым в них нормам. Приведённому здесь смыслу ст. 69, не соответствует смысл законов Российской империи 1810 года, (не указаны номера документов, но показаны статьи: 30, 62-67. Цикл «Генеалогия дворянства»), где освещаются вопросы доказательств дворянства от жителей Малороссии, по представлению документов. Конкретно малороссийцы предупреждались: *«Лица не сумевшие представить до 01.01.1839 г. доказательств на потомственное дворянство»*, должны были, по истечении этого срока, немедленно обращены ***в казачье сословие с запрещением именоваться впредь дворянами***, но при этом не лишались права доказывать своё дворянство

впоследствии.

По российским губерниям такой документ найти не удалось, но, без сомнения, он был издан и именно он был, в основных положениях, повторен для окраин России. И срок исполнения был установлен на такой же продолжительности период. Для Малороссии он составлял 29 лет. Для российских губерний мог закончиться в 1814 году, уже при жизни Юрия Петровича, «отца» поэта.

Исходя из сказанного на 1829 год, по расчёту ли, или вследствие беспечности поколений послеевтихиевского рода Лермонтовых, новорожденный вместе с «отцом» ***оказались вне дворянской родословной книги,*** теперь уже по месту жительства, Тульской губернии.

Уточняя порядок внесения записи в родословные книги, необходимо иметь ввиду — в числе доказательств требовалось представить:

1. Принимались в число доказательств от потомков дворянства выписки из присутственных мест с жалованных от Российских царей, Великих князей, грамот, выписки на чины и недвижимые имения.

2. Книги и акты, с которых делались выписки, должны были быть ***древними*** *(а не выписки из выписки, как это имеет место в некоторых музеях...)*

3. В выписках должны содержаться ясные, не подлежащие сомнению доказательства, что предок имел чин, или что ему были пожалованы поместья или вотчины.

4. Верность выписки, а также подлинность и древность книги или акта, из которого она была сделана, должны были быть засвидетельствованы полным присутствием, *(а не «правящим» должность, как это утверждалось в некоторых исследованиях для лопоухих, но только фактически исполняющим должность правомочного (правящего) лица по текущим делам).*

5. Родословную, удостоверяющую, что он происходит по прямой нисходящей линии в законных браках, от предков, имевших на основании тех статей право на потомственное дворянство. Эта родословная должна была быть засвидетельствована Предводителем дворянства, и утверждена Духовной консисторией на основании метрических книг.

6. Свидетельство Предводителя дворянства, удостоверяющее, что проситель поведения хорошего и ведёт жизнь, приличествующую благородному званию.

При чётком осознании требований, необходимых для записи своего рода в губернскую дворянскую родословную книгу, Петру Юрьевичу, деду Михаила Юрьевича, должно было прийти в голову: а что может произойти с «окном»-(дырой) в Российском законодательстве, кото-

рое отыскал и вломился в него Евтихий Петрович? Не захлопнется ли оно наглухо вместе с послеевтихиевским благородным дворянством?

Это только первая часть проблемы. Несовершенство закона — не вина Евтихия. ***Но использование его несовершенства для получения благородного статуса, в сущности, противоречило благородным принципам.*** Переход вотчины Измайлово во владение и распоряжение Евтихия, единственно возможный, от Фёклы Матвеевны Перелешиной при создавшихся или созданных обстоятельствах, её уход, причина и время ухода из жизни покрыты, или необходимо, чтобы были покрыты мраком неизвестности — могли быть ему известны…

Тогда что? Петру Юрьевичу было о чём подумать… И он ***не спешил.*** Не спешил ***до конца своей жизни.*** Именно это свойство и передалось Юрию Петровичу — его сыну, «воспитательным надзором» за кадетскими новобранцами, якобы «выслужившему» своё «право» на включение в дворянскую родословную книгу.

В силу смехотворной иллюзорности, «право» не могло стать реализованным.

Включение Юрия Петровича в родословную дворянскую книгу Тульской губернии в 1829 году нельзя считать правомерным, уже только потому, что он побоялся взять нужную справку для «сына», ***из опасения обнародовать ложность собственного «благородства».***

Эта иллюзия уже обсуждалась.

Дотошному читателю, настоящей статьёй, доводится документально аргументированная дополнительная информация, к ранее заявленному утверждению: Великий российский писатель Лермонтов Михаил Юрьевич, ***по линии юридического отца, дворянского статуса России не имел.***

Это обстоятельство, при его врождённом тщеславии, имело если не решающее, то очень сильное влияние на его неестественные решения, поступки и вообще на трагически сложившуюся судьбу.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЛИЧНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ

М. Вахидова. **5 декабря 2016, 17:58**

Здравствуйте, Максим Иванович!!!

Потрясающе мощную работу Вы проделали — не верю, что Вам может быть столько лет. — Вы — Гигант!!! Напор и Натиск при такой фактологической базе — Вы просто поражаете своей энергией и трудоспособностью! — Это же Авгиевы конюшни, загаженные за 200 с гаком лет!!! Еще раз низко Вам кланяюсь.

... Я пока темой «дуэли» не занималась вплотную, но к тому иду. Моего Лермонтова убили не на дуэли — это однозначно. Эмилия (могла быть Маша-Саша-Даша...) — это всего лишь использованная вслепую фигура... Но об этом не сейчас.

Алексееву Вы можете отвечать, т.к. письмо его опубликовано в сборнике — теперь оно выходит за рамки частной переписки...

Для меня Вы убедительны и в первой статье, и в этой... Вы честно, прямо делаете свое дело, не оглядываясь на ложные авторитеты.

Я всем говорю: не надо меня поддерживать — я стою на ногах железобетонно!!! Но и не отпихивайтесь от меня — изучайте вопрос, саму проблему!.. Главный здесь сам Михаил Лермонтов! Все остальное — десятерично!.. То, что Ю.П. не был дворянином с бумажкой — это Вы здорово доказали!!! Вот так и надо идти дальше — всем, кто хочет «забрать» Лермонтова у Вахидовой, как Вы писали в первой статье.

Но идти-то им придется по творчеству, по строкам, по каждому слову Поэта!!!

Мне очень интересно пока идти за Вами...

Дай Вам Бог силы и здоровья на многие годы!!!

Д.А. Алексеев. Москва. **7 декабря 2016, 20:09.**

Марьям Вахидова!

Эксклюзивные экзерсисы таинственного долгожителя г-на Зуева «об уроне урожденного благородства» юридического папеньки безродного космополита смогут оценить, увы, те немногие счастливчики, кои сподобятся дожить в твердом уме и ясной памяти до мафусаиловских лет автора.

На Лермонтовской конференции.
Грозный. Май. 2014 год.

ПРИЩЕП ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ — Заслуженный юрист РФ, соавтор книги «Оправдание Лермонтову».

Родился в 1941 году в Тюмени. Служил в войсках ПВО страны. Окончив военно-юридический факультет ВПА им. Ленина, свыше 20 лет работал в следственных органах военной прокуратуры и центральном аппарате Главной военной прокуратуры.

После увольнения в запас более 20 лет занимался юридической практикой в сфере применения гражданского права. По совместительству руководил юридическими службами в разные годы двух организаций при ТПП РФ. Специализация в цивилистике: правовое обеспечение СМИ, юридическое сопровождение экспертной и оценочной деятельности в системе торгово-промышленных палат России, ведение дел по экономическим спорам, защита прав на интеллектуальную собственность, защита чести, достоинства граждан и деловой репутации юридических лиц и предпринимателей.

Автор публикаций на профессиональные темы в специализированных изданиях и общедоступных СМИ, автор комментариев в составленной в соавторстве с А.Н. Александровым книге «Расследование цареубийства» (1993. 2-е изд. 2006 г.)

Полковник юстиции в отставке.

Живет в Москве.

Валерий Прищеп **04.01.2017**

ДВОРЯНИН М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

В 2015 году ознакомился с опубликованной в сети со статьей Максима Ивановича Зуева «Лермонтов. В непреодолимом статусе». Её основной вывод: *«Михаил Юрьевич Лермонтов дворянского статуса по юридическому отцу иметь не мог».* Статья оставила двойственное впечатление. Отметил для себя её достоинства и несколько явных огрехов, но писать замечания не стал. Автор статьи не догматик, склонен к критическому анализу, опирается на объёмную информационную базу, а значит, при сохранении прежней дотошности, способен сам обнаружить свои ошибки. Тем временем М.И. Зуев опубликовал дополнение к первой статье, озаглавив его: «Лермонтов. За мишурой фантазий». Литературоведы из Пятигорска и Грозного в начале прошлого декабря сообщили мне и ещё двум десяткам адресатов ссылку на обе эти публикации на портале Стихи.ру. Судя по второй из них, М.И. Зуев лишь утвердился в прежнем мнении о незаконном получении Ю.П. Лермонтовым в 1829 году статуса дворянина Тульской губернии и отсутствии статуса дворянина России у поэта и офицера Михаила Юрьевича Лермонтова.

Отдаю должное, М.И. Зуев подобрал статьям интригующие названия. Читаешь с первой строки до последней в надежде узнать какой-то особенный статус Лермонтова и зачем его надо было преодолевать. Прямых ответов не находишь. Ту же участь разделило обещание показать во второй публикации настоящего Лермонтова, скрытого «мишурой фантазий». В заголовке есть, в содержании отсутствует. Хотя, если обе публикации считать единым эссе, то в нём всё же присутствует образ поэта, каким его видит М.И. Зуев. Результат заслуживает подробного разбора, но до его изложения следует упомянуть об установленных Зуевым рамках своего труда. Говоря о себе в третьем лице, он сообщил: *«В круг его интересов не будет входить вопрос вероисповедания и анализ кавказских стихов, как тем — предопределяющих содержательно желаемую цель поиска, что склоняло бы его к версии М. Вахидовой».*

Проще было написать, что автор дистанцируется от мнения М.А. Вахидовой о чеченских корнях М.Ю. Лермонтова. Но, как выразилась в похожем случае с другим автором моя остроумная приятельница, толковый литературовед: *«имярек сам знает, что сказал».*

Упомянутая здесь версия Марьям Адыевны Вахидовой известна

исследователям жизни Лермонтова из её книги «Ужасная судьба отца и сына...» (Нальчик, ООО «Тетраграф» 2013 г.), статей в журналах и социальных сетях, выступлений на научных конференциях и других публичных мероприятиях. Посетителям портала Проза.Ру доступны публикации обоих авторов, что освобождает меня от подробного изложения их доводов.

На первый взгляд, Зуев частично поддерживает Вахидову, цитирует её, защищает от огульной критики. В главном же, в отношении к Лермонтову, он диаметрально противоположен. Марьям Адыевна пишет о поэте с уважением и любовью, сочувствием к его матушке. Иное следует из текстов М.И. Зуева. Присмотритесь к нескольким цитатам.

Об уходе Лермонтова из Московского университета Зуев пишет: *«6-го июня 1832 г. отчислили за лентяйство, а не за срыв урока-(лекции) словесника профессора Малова, как утверждается официально. Срыв урока произошёл 16 марта 1831 года. За этот протест были наказаны Александр Герцен и Андрей Оболенский. Шесть студентов из наиболее родовитых семей, принявших на себя вину за срыв, — отделались лёгкими внушениями и отсидкой в карцере. И стали героями. Лермонтов> к этой шестёрке не примкнул. Отчислен, как бы «по собственному».* — Вот первые два штриха к создаваемому Зуевым образу М.Ю. Лермонтова.

Лентяй в учёбе и не борец за справедливость. Верно ли это?

В «Историческом очерке Николаевского кавалерийского учили-ща. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров 1823-1873 годы» военного историка В.А. Потто (Изд. СПб, 1873 г.) есть такие строки: *«По окончании экзаменов Лермонтов пишет знакомой: «надеюсь вам будет приятно узнать, что я выдержал экзамен в первый класс всего через два месяца после поступления в Школу, — что я один из первых»... Конечно, Лермонтову, обладавшему блестящими способностями, получившему первый приз в университетском пансионе и находившемуся некоторое время в университете, — не пришло бы в голову тревожиться экзаменами и распространяться об успехах, если бы они доставались легко...».* Далее историк пишет: *«Лермонтов определился в Школу — 10 ноября 1832 года; до тех пор он слушал курс в Московском университете, и вышел оттуда вследствие какой-то незначительной истории с одним из профессоров»* (стр.106-109 по архиву Н.С. Калмыкова).

Генерал-лейтенант Василий Александрович Потто к соцреализму и лермонтоведению не причислен. Просто пользовался оригиналами документов и общался с однокашниками поэта. Если М.И. Зуев знает бо-

лее весомые источники, не грех бы поделиться.

А насколько ленив был Лермонтов в московский период жизни? Знаток этого периода, серьёзный исследователь Светлана Андреевна Бойко отмечает особый взлёт творчества Лермонтова на Молчановке: *«В эти три года — с августа 1829-го по июль 1832-го — он напишет больше, чем когда-либо в жизни: около 250 стихотворений, примерно 17 поэм, 11 биографических заметок, драмы... Эти цифры далеко не полные»* («Лермонтов. Московские страницы жизни и творчества», Москва, ООО «Издательство «Планета» 2014 г. стр.15).

По Зуеву, следующий этап жизни Лермонтова обострил осознание им своей сословной неполноценности. Привожу цитату, слегка сократив её.

«Ещё была Школа юнкеров. Но она — тоже для детей дворян… Использовал своё влияние один из братьев деда Л. — Арсеньев, бывший попечителем московских училищ. Короче, Л. не в соответствии с требованиями на право поступления, но вопреки им … был принят в Школу, но только на своекоштное отделение. И это не было следствием платонической любви бабушки к внуку, но была неизбежность, едва уложенная в обстоятельства. Далее о возрасте в момент поступления в Школу юнкеров. …. «счастливый брак» М.М. и Ю.П. увенчался в 1814 году октября 2(3) числа рождением сына в «погорелой» Москве. .....Здесь же отметим только мудрую прозорливость Е., как бы предвидевшей, что в момент поступления в Школу юнкеров её внуку не должно быть более 11–14 лет. При его малом росте показанный возраст не вызывал проблем. (Вот и суди после этого о корсетах. Они, бывая и не тесными, скрывают явления жизнетворные… («Сашка» строфа 61)».

В обеих статьях М.И. Зуев настойчиво внушает, что Лермонтов родился до 1812 года, а официальная дата — лишь придание видимости его рождению в законном браке. Отсюда следует, что в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров поэт поступил уже 20-летним человеком. А оказавшиеся вместе с ним Михаил Столыпин, Тизенгаузен, Синицин, Юрьев, Михаил Мартынов, двое Вонлярлярских и многие другие будто бы ещё не достигли 15 лет. Если бы сложилось именно так, то каково было бы Лермонтову прикидываться ровесником недорослей? И в каком возрасте Елизавета Алексеевна упаковала внука в корсет, коли названная Школа учреждена в 1823 году? Под эту выдумку можно предположить, что мудрая прозорливость могла настигнуть бабушку задолго до указа Александра I. Всерьёз же остается признать: М.И. Зуев ***первый и пока единственный, кто***

приоритет в выборе Лермонтову военной профессии отдает его бабушке.

Выдумка о влиянии попечителя московских учебных заведений на приём в юнкерскую Школу тоже от лукавого. Дистанция до Санкт-Петербурга в лермонтовское время измерялась не только сотнями километров, но и ярусами власти. Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров курировал лично Великий князь Михаил Павлович. В связи с его убытием в военный поход во время поступления Лермонтова в Школу юнкеров ею заведовал начальник штаба Отдельного гвардейского корпуса генерал-адъютант А.И. Нейдгардт. Самые достоверные сведения о Школе содержатся в трудах тех, кто знал и понимал о чём пишет: в уже упомянутом очерке В.А. Потто, в «Сборнике сведений о военно-учебных заведениях в России» Н.Н. Мельницкого (СПб 1857 г. по затронутой теме см. т.1 часть 2, главы VIII и X) и в книге нашего современника С.В. Волкова «Русский офицерский корпус» (изд. «Центрполиграф», 2003г.). В изложении нужного из них буду краток. Кандидатами в Школу юнкеров допускались лица не моложе 17 лет. Казеннокоштных «отделений» не существовало. В эскадрон юнкеров и роту подпрапорщиков принимались только «на свой кошт» (взносы около 2000 руб. в год). Благодаря Николаю Сергеевичу Калмыкову мне известен и такой редкий документ, как Приложение к очерку В.А. Потто. Там на стр.118-120 имеется интересная сводная таблица по всем выпускам. Лермонтовский выпуск 1834 года в количестве 45 чел. был полностью своекоштным. Перемены наступили через 7 лет в связи с утверждением 15.10. 1838 года нового положения. В Школу стали принимать пажей (кандидатов Пажеского корпуса) и детей потомственных дворян не моложе 13 и не старше 15 лет. Из них только 20 пажей принимались на казенный счет, все остальные воспитанники были своекоштными. Юный возраст поступавших обусловил увеличение длительности обучения. Она возросла с прежних 2-х лет вдвое и составила 4 года. Лермонтова эта реформа уже не касалась. Таким образом, реальные факты опровергают идею М.И. Зуева об обострении у Лермонтова комплекса неполноценности.

Ещё цитата М.И. Зуева: *«Сводный брат — вольноотпущенный Ю.П. <Лермонтовым> — Александр Петрович. Отчество «Петрович» — не случайно. В измайловской ветви Лермонтовых новорождённые мальчики назывались по имени деда по отцовской линии. Здесь, надлежащее по традиции, имя Петр (имя деда по отцу) — для камуфляжа перенесено в качество отчества. Стихотворение «Гляжу на будущность с боязнью» (датировано 1837 годом), — 15 строка: «Я в*

мире не оставлю брата». Александру Петровичу не менее 6 лет. По линии Ю.П. <Лермонтова> он приходится Лермонтову> родным братом. Но смыслом приведённой строки Лермонтов> сетует, что уйдя в Мир иной, в этом Мире у него не останется брата. Тем самым Лермонтов> не признаёт своим биологическим отцом Юрия Петровича Лермонтова – его юридического отца»!

Приведенный выше текст — предположение о мотивах выбора взрослыми имен для новорожденных. Бог с ними, взрослыми. Здесь одновременно кроется повод для сомнений в порядочности корнета М.Ю. Лермонтова по отношению к наследодателю (*«официальному»* отцу) и его внебрачному сыну. По завещанию Юрия Петровича, поэт должен был наделить младенца-вольноотпущенника Александра 500 рублями или оказать ему иное покровительство. Неужели Лермонтов в течение 6 лет уклонялся от исполнения воли покойного? Ни «за», ни «против» доводов нет. Как и данных о дате рождения и судьбе Александра. Скрупулезный в оценке других документов, М.И. Зуев в этом случае вычислил возраст брата-небрата по датировке одного из стихотворений. Почему не из «Сашки»? Позволил бы младенцу пожить дольше. В общем, под чужую «мишуру» автор подложил скрытую мину.

Текст, следующий за абзацем о младенце-вольноотпущеннике, раскрывает подлинное отношения автора к Лермонтову. М.И. Зуев пишет: *«Однако есть смысл привести краткую характеристику Л., данную его родственником: — «В характере Лермонтова, — отмечает И.А. Арсеньев, — была ещё черта далеко не привлекательная — он был завистлив. Будучи очень некрасив собой, крайне неловок и злоязычен, он, войдя в возраст юношеский, когда страсти начинают разыгрываться, не мог нравиться женщинам, а между тем был страшно влюбчив. Невнимание к нему прелестного пола раздражало и оскорбляло его беспредельное самолюбие, что служило поводом с его стороны к беспощадному бичеванию женщин. (ЛВС, 1989.с. 56 – 57)».*

М.И. Зуев, приводя цитату из пасквильной части заметки И.А. Арсеньева «Слово живое о неживых», предусмотрительно обрезал её начало и продолжение. Ведь дальше назывался источник нелестной характеристики Лермонтова. Это его убийца Мартынов, которого Илья Арсеньев *«хорошо знал», как «человека доброго, сердечного».* Любителям Лермонтова известна та заметка и нулевая цена её содержанию. Живший близ Москвы И.А. Арсеньев родился в 1822 году. Известно, что из Тархан в Москву бабушка заезжала с внуком Мишей Лермонтовым по дороге на Кавказ и обратно в 1818, 1820 и 1825 годах.

Во время приезда в Москву в 1827 году Лермонтов уже вырос из ребячьего возраста, а мальчику Илюше шел только 5-й годок. Лично он Лермонтова не знал и ничего о нём не помнил. В 1840 году Илья окончил Московский университет, послужил до 1848 года в канцелярии московского генерал-губернатора и перебрался в Санкт-Петербург, чтобы стать журналистом. Когда в культурной среде и печати поднялась волна интереса к Лермонтову, Илья Арсеньев напомнил названной выше заметкой о своём дальнем родстве с гениальным поэтом. Фактически пересказал в ней слышанное от Н.С. Мартынова. И хотя последнему Арсеньев давал в разных изданиях противоположные характеристики, ссылка на «Слово живое о неживых» превратилась в фирменный знак хулителей Лермонтова. М.И. Зуевым она использована продуманно. Мартынов как бы не назван, зато его клевета на поэта выпячена. А разве не так же поступили создатели фильма «Неизвестный Лермонтов» Мария Никитенко и Андрей Данилин? Собрали о поэте всё гадкое, что смогли, и уже два года собирают этим отвратительным фильмом аплодисменты культурной публики, в т.ч. по лермонтовским местам.

Убедив себя в отсутствии у Лермонтова дворянского достоинства, М.И. Зуев заключил: *«Это обстоятельство при его врожденном тщеславии имело если не решающее, то очень сильное влияние на его неестественные решения, поступки и вообще на трагически сложившуюся судьбу»*.

Неестественные, то есть, противоречащие человеческой природе поступки и решения! Генетически заложенное тщеславие! Что стоит за этими смысловыми новациями? Только пробившаяся сквозь словесную завесу неприязнь к М.Ю. Лермонтову. Но М.И. Зуев и не обязан любить его. Да и как полюбить такого, каким предстает из эссе. Трусливый лентяй без университетского диплома, пробившийся в гвардию по фальшивым справкам. Появление искаженного образа закономерно. Без кавказских произведений юного и зрелого Лермонтова не создать его творческий образ. И не устыдиться поставить рядом с автором «Я к вам пишу случайно право...» того «доброго человека», что сотворил поэму «Герзель-аул».

На выводе о сословном положении Лермонтова, и, пожалуй, всей конструкции статей М.И. Зуева, сказалось мелкое упущение — забвение названия ближайшего к солдатам, младшего в воинской иерархии командного звена. Им было «унтер-офицерство» (сержант, капрал, вахмистр, фельдфебель, бомбардир, подхорунжий, подпрапорщик). Следующее звено, «обер-офицеры», состояло в лермонтовское время

из воинских чинов, поименованных в XIV классе Табеля о рангах (фендрик /прапорщик/, хорунжий, корнет). С этих чинов военнослужащие обретали статус потомственных дворян. Лишиться его могли за совершение преступления, но только решением императора. Самодержец нечасто лишал прав состояния, даже в случае предложения такой меры судом. Мог написать офицера в солдаты и не лишить дворянства. Наказанному приходилось в таком случае вести себя по служебному титлу, а не сословному титулу.

Спустя почти 4 года после гибели Лермонтова, манифестом от 11 июня 1845 г. класс чинов, дающих право на потомственное дворянство, был повышен. Потомственное дворянство на военной службе стал приносить первый штаб-офицерский чин (майора — VIII класса), а на гражданской — чин статского советника (V класса). Привожу это обстоятельство, чтобы подчеркнуть существо ошибки М.И. Зуева. Видимо он перевел понятие «обер-офицер» на современный язык, как «старший офицер», и спутал его с штаб-офицерским чином. С юридической точки зрения, по отцовской линии поэт был потомственным дворянином. Тем, кто сомневается в отцовстве Ю.П. Лермонтова, остается признать, что корнет и сам достиг этого статуса 22 ноября 1834 года. В этом отношении интересны воспоминания Ивана Николаевича Лермантова (через «а»): *«...по производстве своем в офицеры корнет М.Ю. Лермонтов присылал ко мне просить гербовой нашей фамильной печати, что мною, конечно, и было исполнено…»*

Служилые дворяне после отставки пользовались весомыми привилегиями на выборах различных органов управления на местах и другими. Притом несли определенные обязанности по части военной. Из многих трудов по этой тематике нахожу лучшей для восприятия современниками уже упоминавшуюся книгу Сергея Владимировича Волкова «Русский офицерский корпус». Она оцифрована и доступна в Рунете.

Согласно пунктам 4 и 6 указа Правительствующему Сенату 16 января 1721 года и Табели о рангах 1722 года документом о дворянском статусе служил выдаваемый на руки патент. Естественно, что он не прикладывался к прошениям, объявлениям (заявлениям) и прочим ходатайствам, а предъявлялся правомочному лицу. В необходимых случаях лица, обладающие доверием в данной местности, свидетельствовали факт, подлинность и т.п. до заверяющей подписи губернатора / предводителя. Пересказывать здесь обширные канцелярские правила не имеет смысла.

Не доказательств дворянского достоинства из родословных книг

запрашивала Елизавета Алексеевна через Юрия Петровича у Тульского губернского дворянства. В пансионе и университете требовались документы, определявшие обучение за казенный или собственный счет. По-современному, это ***справка о финансовом положении.*** При этом в учебном заведении сколько учеников (студентов), столько справок должно предъявляться для после-дующих фискальных проверок. Причины волокитной переписки Юрия Петровича с губернским собранием можно найти в архивах. Говорили, в переписке есть указания на интересное обстоятельство. Пока никто из ныне живущих эту переписку не ищет. А вот записывать Михаила Юрьевича Лермонтова в родословную книгу какой-либо губернии никто не пытался до 1832 года, ибо до кончины Юрия Петровича поэт нигде не имел недвижимого имущества.

Здесь к месту привести сокращенную часть выдержки из уже называвшейся книги С.В. Волкова:

«Основным документом, характеризующим прохождение службы офицером, был послужной, или формулярный, список. Этот документ, форма которого не менялась с XVIII в., имел следующие графы: 1) чин, имя, отчество и фамилия; 2) сколько лет от роду; 3) из какого состояния (т.е. сословия) происходит и если из дворян, то обладает ли имением — в каком уезде, губернии и сколько душ крестьян; 4) даты (год, месяц, число) вступления в службу и получения следующих чинов; 5) даты переводов из части в часть; 6) участие в боях и походах; 7) образование; 8) когда и сколько дней был в отпусках и явился ли в срок; 9) был ли в штрафах по суду и без суда; 10) семейное положение с указанием дат рождения детей; 11) нахождение в штате, сверх комплекта, в отлучке (с какого времени, по чьему повелению и где) и 12) достоин ли к повышению и если нет, то почему.....этот документ был не только служебным, но и определял положение и права офицера и его семьи в обществе (право на дворянство, поступление в казенное учебное заведение и т.д.)..... С 1827 г. в графе об имущественном положении требовалось указывать не только имения, но и любую недвижимость — дома и т.д».

Формулярные списки поступали в Инспекторский департамент Военного министерства. Там же хранились списки на отца и деда поэта. Надеюсь также, приведенная выдержка подскажет исследователям жизни Лермонтова, почему его бабушка до раздела имущества закрепила за внуком нескольких крепостных без земли, а двоюродный дед подал в 1832 году прошение о внесении поэта в родословную книгу дворян Тульской губернии. Ну а мне пора перейти к заключению.

М.И. Зуев не столько поддержал Вахидову, сколько облокотился на Марьям Адыевну, чтобы изложить свои взгляды на Георга Лермонта и имущественное положение некоторых его потомков в России. По теме, заявленной в названиях статей, он несколько напутал. В неосновательности претензий к количеству записей событий в одной выписке из метрической книги легко убедится сам, зайдя в ближайший православный храм. Хорошо бы узнать, надолго ли в 1797-1798 годах уезжал из Тулы губернский предводитель В.И. Похвиснев? Для этого надо не только желание, но и молодые ноги. Вполне логично, что за себя предводитель оставил не кого-либо из дальнего уезда губернии, а тульского уездного предводителя дворянства Егора Михайловича Крюкова (26.10.1750 - 24.01.1816). Что же касается хранилищ Лермонтовских музеев, то по аналогии с формулой создателей «кота Матроскина», прежде чем что-либо получить из музеев, туда это что-либо надо положить. Их фонды действительно следует пополнять, хотя бы копиями из архивов. Последних множество. И надо четко определить, что искать.

Среди персонала музеев, архивов и библиотек, как везде, люди разные. И немало беззаветных и бескорыстных тружеников. Сладкой их жизнь не назовёшь, а начальники над культурой требуют от них громадьё разномастных мероприятий и доходы от каждого сантиметра площади. Поэтому полагаю публикации Максима Ивановича полезными. Они свидетельствуют о представлениях и уровне знаний среди людей, не чуждых литературному творчеству и самостоятельным исследованиям. О состоянии культуры общения, дискуссий и полемики.

Пробелы в описании жизни М.Ю. Лермонтова есть. Их замещение достоверной информацией требует внимательной коллективной работы. Современные средства коммуникации позволяют дистанционно сверить проблемные или спорные моменты, наметить способы и средства их выяснения, пробудить интерес молодежи к исследованиям.

Поменьше бы состязаний в подборе желчных характеристик оппонентам, побольше доброжелательности.

Возможно, в наступившем 2017 году настоящие исследователи сумеют объединить свои силы в этом направлении.

Желаю им в этом успеха.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЛИЧНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ

М. Вахидова. (На Проза.ру) **05.01.2017.**

Валерий Иванович, спасибо за начатую дискуссию… Пока не вижу необходимости вмешаться, т.к. достаточно вернуться к моим статьям, чтобы утвердиться по каждому положению.

Думаю, Максиму Ивановичу есть что ответить. Очень надеюсь, что мы останемся в рамках научных дискуссий, не переходя на личности.

Да, я не рискнула бы всерьез цитировать или ссылаться на Потто — виртуозного фантазера, создавшего из ничего феерическую биографию чеченцу Ушурме — шейху Мансуру, выдав его за итальянского авантюриста Джованни Батиста Боэтти.

И тоже — по «*найденным в конце XIX века документам*».

Потом он, правда, поставил под сомнение их подлинность, но «биографию» не сжег, как Гоголь свои «Мертвые души» …

Такие вот историки… Полковые.

В.И. Прищеп. **4 января 2017**

Уважаемые ценители творчества М.Ю. Лермонтова!

Будет настроение и время — загляните по ссылке http://www.proza. ru/2017/01/04/1154 на мою страничку на портале Проза. Ру. Возможно, пригодится часть информации. …

С уважением, В.И.

М. Вахидова. На сайте:

… «Из-под удара» Вахидову выводит сам Лермонтов. Архивные бумажки на тридцать ладов переписанные, Вахидовой не опора и не помеха. Читать нужно самого Лермонтова — там вся правда!

Работая в Псковском архиве по А. Чеченскому, я столкнулась с дворянством, землевладением и т.д. — там много путанного, все со слов писали того, кто к ним обращался, даже дни рождения детей каждый раз разные в церкви записывались, а у него их было 8!

Я могу, конечно, пойти по этому пути, но зачем мне чиновники и их свидетельства, когда поэт проговорил, прописал ВСЕ!!!

У Зуева задача другая, и этим он мне очень интересен. Он не собирается поддержать меня. Он хочет внести ясность с тем, что есть по части формальных бумаг.

Ю.П. — не дворянин? Так это даже и хорошо, потому что Вахидова

говорит, что Михаил не был дворянином! А значит, этот пункт, вроде бы, отвоевывает поэта назад. Но ничуть не бывало… Сказав «А», нужно сказать и «Б». Поэтому я жду.

Радует меня только одно — дискуссия началась при моей жизни! Когда я могу еще вставить слово.

А вот, когда…, тут они, конечно, все «прозреют» и кинутся строчить свои пасквили… Особенно музейщики.

Так что — спасибо Зуеву, что потревожил муравейник, и Вам спасибо, что не позволяете …ведам обрастать мхом!

М.И. Зуев. Колпашево. 7 января 2017.

Здравствуйте Марьям Адыевна.

Поздравляю Вас с уже текущим Новым годом!..

Прежде хочу попросить Вас исправить мою ошибку (упущение): на 24 странице моей второй статьи в «Числовом ряду 6» добавить: «6. 3. Процессуальные (судебные) права – дворянина мог судить только суд равных, лишение вышеуказанных в пп.1-2 прав осуществлялось только по суду». В опубликованном тексте упущение восполнено не сразу…

Во исполнение этого пункта закона, кроме верного понимания статуса дворянина следует — император мог: ужесточать, смягчать, прощать наказание, определённое судом. Но судить не мог. Потому что он — гарант Закона. Кто-то из императоров был участником дуэли, запрещённой в России. Но, во исполнение Закона — за её пределами.

За ссылку на комментарии Прищепа большое Вам спасибо. Извините — мной они восприняты…

Выраженное неприятие задело не очень. Ответить есть что и следовало бы. Много вранья, передёргов, подсовывания отвлекающего материала, непроверяемых ссылок на знакомых ему знатоков, и т.д., и т.п. И, не последнее — вбивание клина между единомыслием, извращением содержания, намеченного автором для рассмотрения. И, веские камни: неуважительное отношение к поэту, его кровным родственникам, намеренное мной «облокачивание» на заслуженный авторитет… Не исключаю и более негативной реакции на заявленную, исповедующую истину позицию. Если доживу, ответ на измышления можно суммировать. А эти, по моему разумению выпады, показанные обнажено нелицеприятно, не достойны делового ответа. Внимательный читатель способен понять, кто о чём говорит. И способен сам выражать своё мнение.

Не в оправдательном, но в информативном смысле, по

доверительной потребности чувствую необходимым сказать:

— первую статью написал, возмущённый апологетически-каноническим долдонажём в неуважение памяти поэта, в период, предшествовавший его «двухсотлетию» со дня рождения,

— вторую — как усиливающую до бесспорности аргументацию событий и их следствий, рассмотренных во второй части первой статьи,

— равнодушный к творчеству и памяти поэта — не стал бы это делать.

М. Вахидова. **7 января 2017. 18:08.**

Добрый вечер, Максим Иванович!

Спасибо, что ответили! Не сомневалась, что Вы умеете держать удар и что Вам есть что ответить! Нужно отдать Вам должное — Вы знаете, что говорите!

Правку внесла...

Я не стала влезать пока в «славянский спор» ...

Но Вам, наверное, придется ответить, т.к. это мы с Вами видим все тонкости и изошренности ... но народу нужно членораздельно все проговаривать.

Подумайте, посмотрите, КАК ему ответить. Можно ведь и в двух словах... Будем думать о Лермонтове — «ребенка» в споре выплеснуть права не имеем.

Не прощаюсь.

Марьям Вахидова. **7 января 2017. 18:35**

Как Вы понимаете, Максим Иванович, я старалась не пропустить из письма Прищепа ничего «личного», отсюда эти пропуски, но «дворянство с землевладением» я бы развела.

К чему нам эти блохи, отвлекающие от главного?

Моя задача дать всем максимально высказаться, начать научные дебаты, а не стравить всех и ловить рыбку в мутной воде. По тону догадываетесь, наверное, что вести диалог не умеем — все лезут в битву, движущая сила — ярость, «кипит наш разум возмущенный»!..

Но с Вашим хладнокровием и этому научимся.

С Богом!

М Вахидова **24 января 2017, 13:09**

Здравствуйте, Максим Иванович!

Получила очередную «порцию» (как П. это называет, будет продолжение) и спешу с Вами поделиться... То, что не совсем понятно кому-то, Вы легко можете пояснить и устранить...

Вчера прочитала «ВКонтакте» о своих исследованиях по Лермонтову грязный, очень неприятный, оскорбляющий «комментарий». — Неприятно, конечно, но я знала, на что шла и что такие «фанатики» тоже могут встретиться.

Вам повезло — Прищеп находит у Вас места, требующие лично для него дополнительных разъяснений. А вот мне никто не указывает на «слабые места» в моих статьях — все брызжут слюной!.. Я просила — укажите... мне есть, что еще внести из доказательной базы, но — сплошная ненависть и только.

От моих статей до книги, куда они вошли, прошло десять лет и более!

Не дождавшись, я опубликовала, как есть.

А тут Прищеп, как дятел, и то, и это клюет... Почему бы не расширить материал? Но не как оправдания вдогонку, а как уточнения для автора иной версии...

У меня своя база доказательств — Лермонтов! Его творчество!!! У Вас — архивы и документы. Их, как мы знаем, легко подделывают, переписывают... Но у Вас опыт жизненный и на русской земле — это для меня бесценно! Вы легко распознаете, что могло быть, а чего быть не могло! ...

Очень Вас прошу, ответьте, пожалуйста, на это:

«Откликом вы вернули меня к Зуеву. Он не знает И.Н. Толстого, а тот подсмеивается над Мануйловым и пропагандирует Захарова с его «кучерской» версией. Андроников же эту версию разрушил до основания. Вы это знаете, хотя бы из ч. 2 «Галактики Лермонтовианы». Плагиатор Захаров этого не знает, или делает вид, что не знаком с исследованиями Фролова. Да, Андроников не спец генеалогии, и писал он в соответствии с номинацией на две премии. Но имя Б. Таймиева, пусть и не публично, но назвал, и свой эксперимент с участием Тарасюка и главного судмедэксперта минобороны Авдеева провёл (выстрел «от бедра»). Мог ли в то время обнародовать свои истинные мысли? Спасибо Арсению Березину, что тот описал эксперимент. Авдеев долго преподавал в Военно-юридической академии, а когда я пришел в военную юстицию, читал лекции на курсах повышения квалификации.

Заслуга Мануйлова в многолетней работе коллектива над Лермонтовской энциклопедией с приложениями. Теперешние работать

в коллективе не умеют вовсе. Собачатся в оголтелой полемике или шипят, как в серпентарии.

Не стал бы я включаться в дискуссию по статьям М.И. Зуева. Послал бы Вам в личную почту мнение об огрехах.

К примеру, художник Петр Захаров, подписывающий картины «чеченец дадиюртовский», стал Академиком и получил статус потомственного дворянина. При этом никаких поместий не имел, кроме памяти о пепле Дади-юрта. Именно из этой болевой точки возникло решение опубликовать небольшую статью.

Не мелкая ошибка Зуева, связавшего дворянство с якобы обязательным наличием поместья.

Принципиально для меня недопустимое принижение Лермонтова до уровня Мартынова, смаковавшего изуверства Кавказских войн. Дворянский статус Лермонтова не опровергает Вашу позицию. Возможно, слегка перемещает акцент. Так это ещё впереди.

Зуев своей жизнью достоин уважения. Главный изъян его статей о Лермонтове — внедрение в сознание читающих чувства безнадежности. Вбил итоговый кол, натравил на музеи и констатировал неясность местонахождения Арсеньевых в 1810-1811 годах. Чтобы после такого громкого А надо бы сказать Б.

Забраться на сайт с описанием структуры губернской власти прошлых веков. Выяснить полномочия их органов. Узнать правила учета и оформления перемещений людей разных сословий. Посоветоваться с архивистами, чтобы понять места хранения и правила доступа.

Нацелить молодых исследователей на поиск нужного.

Е.А. и её дочь Мария путешествовали в сопровождении дворовых и гувернера. Я было загорелся разжевать эти вопросы в своей статье. Но вовремя остановился.

Намечается на май видео конференция. На неё и намекнул.

До этого выверю свои мысли после консультаций с знающими профессионалами архивистами. Даже многие московские областные архивы обойдены вниманием…». **(14.01.17)**

НЕПОЛНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ТРУДОВ:

1. Дуэль Лермонтова с Мартыновым (По материалам следствия и военно-судного дела 1841 г.): Сб. док. / Сост. и автор очерка Д.А. Алексеев. - М.: Русслит, 1992.

2. Тайны гибели Лермонтова. Хрестоматия версий /Сост. и автор Д.А. Алексеев. – М.: Флинта, 2004.

3. Тайны гибели Лермонтова. Хрестоматия версий /Сост. и автор Д.А. Алексеев, 2-е изд. Перераб. и доп. – М.: Гелиос АРВ, 2006.

4. Алексеев Д., Пискарев Б. Дуэль Лермонтова с Мартыновым / Жизнь и смерть Лермонтова: Сб. - М.: Человек, 2007. 248 с.

5. Алексеев Д.А. «Демон». Тайна кода Лермонтова. – М.: Гелиос АРВ, 2012.

6. Алексеев Д.А. Лермонтов. Исследования и находки. – М.: Древлще, 2013.

7. Алексеев Д.А. Лермонтов. Дуэль Лермонтова с Мартыновым. Изыскания и материалы. - М.: Древлехранилище, 2013.

8. Алексеев Д.А. Лермонтов. Новые материалы к биографии. - М.: Древлехранилище, 2014.

9. Лермонтов. Тайны рождения, жизни и смерти / Сост. и ред. Д.А. Алексеев. - М.: Древлехранилище, 2014.

10. Алексеев Д.А. Лермонтов. Поиски и открытия. – М.: Др-ще, 2015.

11. Алексеев Д.А. Лермонтов. Потаённые материалы. – М.: Древлехранилище, 2015.

12. Дуэль Лермонтова с Мартыновым. Пять судных дел 1841 г. /Сост. Д.А. Алексеев. – М.: Древлехранилище, 2016.

13. Алексеев Д.А. Лермонтов. Находки и открытия. В двух томах. – М.: Древлехранилище, 2016; Т.1; Т. 2.

14. Алексеев Д.А. Лермонтов и его окружение. Биографический словарь. В 2 т. – М.: Древлехранилище, 2017; Т. 1; Т. 2.

15. Алексеев Д.А. Летопись жизни и творчества Лермонтова. Комментарий. – М.: Древлехранилище, 2018.

16. Алексеев Д.А. Дуэль Лермонтова с Мартыновым. Полное собрание документов и воспоминаний. – М.: Древлехранилище, 2018.

17. Алексеев Д.А. Лермонтов. Сокровенные свидетели гибели. – М.: Древлехранилище, 2018.

Д.А. Алексеев. **24.01.2017. 13:08**

БЕЗРОДНЫЙ ПОЭТ, или МЕЩАНИН ВО ДВОРЯНСТВЕ

(*лермонтоведческий триллер*)

> Городничий. …О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.
>
> Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.
>
> Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было.
>
> *Гоголь. «Ревизор».*

> Ноздрев понес такую околесину, которая не только не имела никакого подобия правды, но даже просто ни на что не имела подобия.
>
> *Гоголь. «Мертвые души».*

> Ничто так не возбуждает фантазию, как отсутствие фактов. Грубые факты губят красивые теории
>
> *Томас Гексли*

Лермонтову с биографией не повезло. Судьба уготовила ему печальную участь поэта без биографии.

Максим Иванович Зуев (далее – **Автор**) ворвался к Лермонтову, как сказал поэт, «в простосердечии невежды», и на девятом десятке взялся за биографию поэта. В статьях **«В непреодолимом статусе»** и **«За мишурой фантазий»** он низвергнул на доверчивых Читателей каскад фантасмагорических «открытий», воскресивших захиревшее лермонтоведение. Автор обошелся без докучливых фактов: искрометные фантазии и виртуозные домыслы названы «альтернативными суждениями» и заменяют аргументы, предположения незаметно подменяются утверждениями, а недоказанные утверждения выдаются за доказательства. И, разумеется, автор требует «*принудить»* коварных лермонтоведов *«открыть все, что в угоду официальной версии скрыто»*, имена *«всех известных лермонтоведов …предать забвению»,* а *«верных делу отцов потомков и, иже с ними, потомственных хранителей*

в архивах музеев скрытой информации, отправить на лесоповал».

Главные персонажи триллера:

— безродный поэт-космополит Михаил Юрьевич Лермонтов (1814 -1841) (далее — **Л.**),
— его «юридический» папенька Юрий Петрович Лермонтов (1787-1831) (далее — **Ю.П.**) и
— плутовка бабушка поэта — Елизавета Алексеевна Арсеньева (1773-1845).

Сюжет триллера — Ю.П. с фальшивой Справкой о рождении и дворянском происхождении учился и служил в Кадетском корпусе, в 1812 году «записался» в Тульское дворянское ополчение, а в 1829 году был причислен к древнему благородному российскому дворянству, не имея на то никакого права.

Л. — плод грехопадения маменьки-девицы Марии Михайловны (1795-1817), на которой по расчету женился Ю.П.

Родился в 1811-1812 гг. а не в 1814 г., как считалось ранее.

Поэт идет по стопам *«юридического»* эрзац-папеньки: с подложным Свидетельством о рождении и крещении обучался в дворянском Благородном пансионе и Московском университете, а в 1832 году по фальшивому Свидетельству о рождении и дворянском достоинстве своего *«юридического»* папеньки Ю.П. *«легковерными идиотами»* из Военного министерства принят в Гвардию, куда допускали исключительно потомственных дворян.

«Юридического» отца — Ю.П. — не любил, «биологическим» папенькой не считал, но прожил жизнь под его фамилией.

Как человек тщеславный, Л. втайне страдал, что он безродный и мещанин во дворянстве, а поэтому совершал разные «неестественные поступки», которые и довели его до гибели.

Мы отобрали наиболее характерные пассажи Автора, которые уже вошли в анналы *«альтернативного лермонтоведения»*.

Начнем со статьи Автора «В непреодолимом статусе» и с Ю.П. Лермонтова.

1) *«В 1791 г. — пишет Автор, — отставной поручик Петр Юрьевич Лермонтов приобрел у Дмитрия Петровича Беклемишева село Любашевку, а в 1792 году — у отставного поручика Николая Кропотова рядом расположенное «сельцо Нижнюю Любашевку Кропотово тож».*

И Лермонтовы — Петр Юрьевич и Анна Васильевна (дедушка и бабушка Л.) обосновались на здешних землях. С ними был единственный сын Юрий и пять дочерей: Евдокия, Александра, Наталья, Елена, Екатерина».

Комментарий: Начнем с того, что деревню Любашевку, Кропотово Каменный верх тож, купила Анна Васильевна Лермонтова, урожденная Рыкачева, по материнской линии — из рода татар Ураковых. Вероятно, в покупке имения участвовал ее брат, Василий Васильевич, председатель 2-го департамента Верхнего Земского суда Тульского на-местничества. Заметим, что Любашевка — не село, поскольку в ней не было церкви, а деревня и сельцо, при котором находилась господская усадьба. В «Деле по имению Лермонтовых» значится: *«В род Лермонтовых имение поступило в 1791 г., когда артиллерии поручица Анна Васильевна Лермонтова купила его у Дмитрия Петровича Беклемишева, которому оно досталось от матери его, Матрены Андреевны Беклемишевой, рожденной Кропотовой, а к ней перешло от Пролежебоковых, в роде коих находилось весьма долгое время»* (РГАЛИ, ф. 276, оп. 1, № 105, л. 2).

В семье Петра Юрьевича Лермонтова было не пять, а семь дочерей: Авдотья (1779-после 1858), Наталья (1782-после 1858), Александра (1783-после 1858), Варвара (1785-до 1812), Екатерина, Мария (4 марта 1793-до 1812), Елена (1795-до 1858). Авдотья, Мария и Елена родились в Москве, где у Авдотьи Васильевны Рыкачевой, матери Анны Васильевны Лермонтовой, был собственный дом (Д.А. Алексеев. Лермонтов. Находки и открытия. В двух томах. – М.: Древлехранилище, 2016. С. 5-10).

> **2)** *Ю.П., — не «биологический» (в терминологии Автора), а всего-навсего «юридический» (!) папенька Л. — согласился (разумеется, за щедрые посулы Е.А. Арсеньевой) прикрыть браком грехопадение маменьки поэта, девицы Марии Михайловны Арсеньевой. Юрия Петровича поэт «биологическим отцом не считал, как юридического отца не любил».*

Комментарий: За *«биологическое»* отцовство поэта нынче «борятся» три кандидата: безымянный крепостной дворовый Е.А. Арсеньевой, семейный врач немецкий еврей Ансельм Левис и благородный кавказский абрек. Автор ставит на брутального абрека. Во-первых, тот, наверняка, из благородных, а это, как-никак, немаловажное обстоятельство. А во-вторых — это так романтично! Однако у этого претендента мало шансов. В самом деле, во-первых, два других кандидата жили в Тарханах. А, во-вторых, для встречи с абреком Е.А. Арсеньевой надобно было в 1810-1811 годы отвезти дочь за тысячу с лишним верст от Тархан — на Кавказ! А в эти годы Арсеньева, как на зло, ула-

живала наследственные дела после скоропостижной смерти мужа 2 января 1810 года, о чем, увы, свидетельствуют неведомые автору факты.

> **3)** *Ю.П., — констатирует Автор, — принят в Петербургский Сухопутный Шляхетный Кадетский корпус 2 марта 1798 г. «в обряде дворянского статуса» — по подложному свидетельству, о рождении и благородном происхождении, состряпанном его отцом Петром Юрьевичем, бывшим предводителем дворянства Галичского уезда, и незаконно заверенному тремя доброхотами папеньки из Тульской губернии. «При обсуждении сомнительности дворянства Ю.П., — пишет Автор, — в пользу его дворянства использовался аргумент: не будь он дворянином, как мог поступить в Кадетский Корпус, закончить его, да еще и быть несколько лет воспитатем?*
>
> *А смог потому, что его отец Петр Юрьевич, за неимением свидетельства о дворянстве, представил вместо него в Кадетский корпус эту самую справку». Автор категоричен: «Справка эта, как свидетельство — юридически ничтожна; по существу назначения — мошенническая, рассчитанная на легковерных идиотов».*

Комментарий: Петр Юрьевич Лермонтов (1752-1799), отец Ю.П. — Галичский уездный предводитель дворянства в 1784-1787 годах и еще председатель Дворянской Опеки Костромского на-местничества. Первый из трех упомянутых знакомцев Петра Юрьевича, которые подписали Свидетельство о рождении и дворянском происхождении его сына — правящий должность предводителя дворянства Тульской губернии Егор Крюков, главное лицо в тамошней дворянской иерархии. Заметим, что не только папенька Ю.П. подал в 1798 г. в Кадетский корпус такое рода *«мошенническое»* Свидетельство о рождении своего чада, каковые признавали в те времена наравне со свидетельствами о благородном происхождении из губернских Дворянских депутатских собраний и Духовных Консисторий.

Так, пять благородных свидетелей подтвердили в апреле 1798 года, что «…недоросль Иосаф Бехтеев действительно сын дворянина отставного лейб-гвардии прапорщика Сергея Алексеева сына Бехтеева, в чем и подписуемся. Тайный Советник Сенатор и Кавалер Федор Колокольцев; Действительный Статский Советник и Кавалер Аполон Колокольцев; Действительный Статский Советник Матвей (неразб.); Генерал Майор и Кавалер Михайло Муравьев; Петербургский обер-по-

лицмейстер и Кавалер Николай Муравьев» (РГВИА, ф. 314, оп.1, № 4005, л. 32. Объявления об определении в Кадетский корпус. 1798-1800). Тайный советник А.И. Лопухин, который вторым заверил свидетельство о рождении и крещении Ю.П., представил в корпус такое же Свидетельство на своего сына: *«1798-го года Генваря 21 дня, Мы нижеподписавшиеся сим Свидетельствуем в том, что означенный малолетной Павел, Тайному советнику Андрею Иванову сыну Лопухину законный сын. Родился 1787 Июня 28 дня. Крещен в веру Греческого исповедания в Костроме при церкви Царя Константина Священником и восприемником был Генерал-Майор и Кавалер Федор Михайлович Кутузов»* (РГВИА, ф. 314, оп.1, № 4005, л. 25-25 об. Объявления об определении в Кадетский корпус. 1798-1800).

Из подписей трех лиц, заверивших это свидетельство, читаема только последняя *«О том же свидетельствую Тульский Гражданский губернатор Михаил Яковлев сын (неразб.)»*. Отметим, что ***в свидетельстве нет даты крещения.***

Подполковница Форст просила определить сына Фридриха *«в число благородных воспитанников»* и указала только год его рождения — 1788 год. А в доказательство своих слов представила Свидетельство Шефа Кексгольмского пехотного полка ген.-л. графа Бугсгевдена от 8 июля 1798 г. за № 2631, который заверил, что *«…недоросль Фридрих Форст, точно законнорожденный служившего во время Шведской войны под начальством моим бывшего в Кексгольмском мушкатерском полку Умершего Подполковника и Кавалера Андрея Форста сын, и что я был при святом крещении его Фридриха Форста Восприемником»* (РГВИА, ф. 314, оп.1, № 4005, л. 18. Объявления об определении в Кадетский корпус. 1798-1800).

Мы видим, что в прошении подполковницы Форст и свидетельстве генерала Буксгевдена ***нет даты рождения и крещения*** юного Фридриха, не указана церковь, фамилия священника и назван только один восприемник.

Главноуправляющий Кадетским корпусом Великий князь Константин Павлович (*«легковерный идиот»* по определению Автора) признал свидетельство, представленное отцом Ю.П. (как и других вышеупомянутых недорослей), уважительным и 2 марта 1798 г. приказал принять Ю.П. кадетом в роту подполковника Павла Ивановича Арсеньева, помещика Алексинского уезда Тульской губернии. Отец Ю.П. скончался год спустя, не позднее мая 1799 г., оставив вдову Анну Васильевну с недорослем-сыном, семью дочерьми (а не пятью, как ранее считалось) и крошечным имением. (Д.А. Алексеев. Лермонтов. Находки и откры-

тия. В 2 т. – М.: Древлехранилище, 2016. С. 5-15, 27-34).

Когда Ю.П. поступил в Корпус, в одной из рот (всего было 4 и еще малолетнее отделение) воспитателем служил поручик Никита Васильевич Арсеньев (1775-1847), брат мужа Е.А. Арсеньевой и сосед Лермонтовых по Ефремовскому имению. 3 февраля 1798 г. Н.В. Арсеньева переименовали в капитаны, 20 октября 1798 г. — в майоры, и он принял под командование одну из рот в корпусе (РГВИА, ф. 314, оп. 1, № 39, л. 34 об., 37 об., 47 об, 48.). 7 ноября 1800 г. его произвели в подполковники, а 23 апреля 1806 г. — в полковники (См. Д.А. Алексеев. Лермонтов. Находки и открытий. В 2 т. – М.: Древлехранилище, 2016. Т. 1. С. 79-122).

Н.В. Арсеньев, несомненно, покровительствовал единственному сыну своего умершего соседа: принимал присягу у Ю.П. при выпуске его из корпуса в 1804 г. в Кексгольмский пехотный полк, а спустя девять месяцев поспособствовал его переводу воспитателем на службу в Корпус, «на вакансию». К тому времени он уже командовал батальоном (с 4 окт. 1802 г.), т.е. всем пятью ротами Корпуса, и был вторым лицом в Корпусе после директора генерал-майора Клингера. Спустя несколько лет Н.В. Арсеньев — уже свойственник Ю.П., дядя его жены Марии Михайловны. Впоследствии, как двоюродный дедушка, опекает его сына, Михаила Юрьевича, когда тот приехал в 1832 г. в Петербург и поступил в Школу юнкеров.

М.Н. Лонгинов вспоминал: *«…У Никиты Васильевича, большого хлебосола и весельчака, всеми любимого, собирались еженедельно по воскресеньям на обед и на вечер многочисленные родные, и там часто видал я Лермонтова, сперва в полуфраке, а потом юнкером. <…> Тут обедал и Лермонтов, уже гусарский офицер, с которым я часто видался и в Царском Селе, где стоял его полк. Когда Лермонтов приезжал в Петербург, то занимал в то время комнаты в нижнем этаже обширного дома, принадлежавшего Никите Васильевичу (в Коломне, за Никольским мостом)»*.

В 1815 г. — директор военно-сиротского дома, переименованного впоследствии в Павловский Кадетский Корпус, директор военно-сиротского училища и Мариинского института, ген.-майор (1816). Вышел в отставку 11 февраля 1838 г., тайный советник (1843). (Арсеньев В.С. Род дворян Арсеньевых. 1389-1901. Тула. 1903. С. 53-54; К. Бороздин. Опыт ист. родословия Арсеньевых. - СПб. 1841. С. 23, 27-28).

4) *Ю.П. выпустили из кадетского корпуса в 1804 г. прапорщиком, потом он служил шесть лет в корпусе (с 1805 г.) воспи-*

тателем, уволен от службы с чином корпуса капитана 27 ноября 1811г., но, как пишет Автор, …утратил дворянство, так как «служил …далеко от полей сражений»?!

Комментарий: «Открытие» Автора, как Ю.П. утратил дворянство, прослужив офицером *«вдалеке от полей сражения»*, без преувеличения, фундаментальное! Оказывается, действительная военная служба (в гвардии, армии и учебных заведениях) не приближала офицера к вожделенному потомственному дворянству, а вела к его потере!!! Это сколько же офицеров лишились дворянства, сидючи в разных департаментах, а не в траншеях под свист пуль! Мы ожидали, что вот-вот автор выложит гору примеров такого вопиющего произвола проклятого царизма. Но, увы, он, похоже, унесет с собой эту великую тайну…

Попутно заметим, что 16 сентября 1807 года император повелел штаб и обер-офицерам кадетского корпуса носить гвардейские эполеты, а 19 апреля 1810 пожаловал им *«старшинство противу армейских одним чином выше»*. Корпуса капитан Юрий Петрович уволился, фактически, с чином майора (См. Д.А. Алексеев. Лермонтов. Находки и открытий. В 2 томах. – М.: Древлехранилище, 2016. Т. 1. С. 79-122).

5) *Автор утверждает: «…По фиктивной справке [о дворянстве] Ю.П. записался в дворянское ополчение 1812 года. Полежал на госпитальной койке в грозное время и благополучно отбыл в уютное Кропотово, ни разу не выйдя на боевые события».*

Комментарий: «Фиктивная справка» — то самое «мошенническое» свидетельство 1798 г., по которому Ю.П. зачислили в Кадетский корпус повелением *«легковерного идиота»* Великого князя Константина Павловича. Напомним, что Ю.П. уволили из Корпуса с чином на ранг выше армейского капитана — корпуса капитаном, который приравнивался к майору. Поэтому его приняли в Егерский полк Тульского ополчения одним из четырех батальонных начальников.

29 мая 1813 года командующий Тульским военным ополчением генерал-майор Миллер рапортовал Главнокомандующему генерал-фельдмаршалу князю М.И. Голенищеву-Кутузову:

«Состоящий в Тульском ополчении Егерский полк, по скорости набора имеет в себе большое число таких воинов, кои за старостию и болезнями, едва могут сносить казачью пешую службу; …следственно полк сей совершенно не может выполнить той цели и быть полез-

ным. …От похода в зимнее время и от свирепствовавших в Витебске болезней, где он долгое время квартировал, знатно умалился, не столько смертными случаями, сколько оставлением людей по лазаретам. …По сим уважениям честь имею представить на благоусмотрение Вашей Светлости следующее: …неблагоугодно ли будет повелеть расформировать Егерский полк, прикомандировав по одному из оного баталиону к каждому пешему полку». (РГВИА, ф. 103, оп. 208 а, св. 138, № 21, лл. 36-37 об.).

Итак, Егерский полк вместе с Тульским ополчением был обращен из-под Бобруйска к Витебску, куда и прибыл не ранее середины января и простоял в городе до конца апреля. После выступления полка в Ковно 620 больных воинов вместе с батальонным начальником Ю.П. оставили 22 апреля 1813 года в тамошнем госпитале. Со времени сформирования Егерского полка осенью 1812 года и до 4 июля 1813 года из 2701 воинов-ополченцев выбыло из строя 1610 человек.

29 октября 1813 г. генерал от кавалерии герцог Александр Виртембергский представил главнокомандующему генералу от инфантерии Барклаю-де-Толли список чиновников Тульского военного ополчения *«…кои по неспособности к службе и по неприбытию к полкам исключаются из списков»*, где под № 160 значится Корпуса капитан Лермонтов с пометкой: *«С 22 апреля за болезнию в Витебске».* 29 января 1814 года командующий Тульским гарнизонным батальоном майор Крапивин доложил в Инспекторский департамент Военного министерства, что получил упомянутый выше именной список *«о исключенных за болезнями и по другим случаям… штаб и обер-офицерах».*

Можно полагать, что в это время Ю.П. уже находился в Кропотове.

В кругах повествователей и романистов бытует трогательная легенда, как больного Ю.П. навестили в Витебске ***невеста (а, может, уже и жена)*** Мария Михайловна с маменькой Елизаветой Алексеевной. Но вот был ли с ней приблудный Мишель, легенда почему-то умалчивает…

> **6)** *5 марта 1829 года Ю.П. попросил Тульское дворянское депутское собрание (далее — ДДС) внести его (без сына, утверждает Автор) в Дворянскую родословную книгу (далее — ДРК), представив, как пишет Автор, «Грамоту (!) о владении его предками вотчинными поместьями в Костромской губернии» и «подложное» свидетельство от 16 января 1798 года о своем якобы рождении 26 октября 1787 года. Дворянское собрание, «по недомыслию» (а, может, и за взятку!), определило: вписать*

Ю.П. в Родословные книги, аж сразу двух губерний — Тульской и Костромской, — в самую престижную 6-ю часть (древнее благородное дворянство). Но воспользоваться «этими записями Ю.П. поопасался…». В Герольдии, «…судя по конечному результату, в лукавстве разбирались неплохо — деликатно отмолчались». В деле о дворянстве Ю.П., утверждает Автор, нет его прошения выдать сыну свидетельство о дворянстве.

Комментарий: Наверное, это к счастью, что Автор не видел дела Тульского ДДС о дворянстве Ю.П, опубликованное в 1914 году, иначе бы, как в Писании, опечалился, прочитав все документы, представленные Ю.П. Не назвал бы Справку из Вотчинного департамена о недвижимом дворянском имении его предков «Грамотой» (!), не утверждал бы, что Ю.П. представил в ДСС *«подложную»* Справку о своем рождении и происхождении, и, конечно же, узнал бы, что Ю.П. просил выдать Грамоту на внесение его в ДРК Тульской губернии, а сыну — *«надлежащее о дворянстве свидетельство».*

Ю.П. приложил к прошению (от 5 марта 1829 года) занести его с сыном в ДРК следующие документы: Справку из Вотчинного департамена, где исчислены имения его предков, послужной список и указ об отставке, родословное древо Лермонтовых по мужской линии, начиная с шотландца Георга Лермонта, и список о своем имении и семействе, где он значится с сыном.

Автор утверждает, что ДДС Тульской губернии незаконно, *«…по, недомыслию»*, внесло Ю.П. в самую престижную 6-ю часть (древнее благородное дворянство) ДРК сразу двух губерний — Тульской и Костромской! Мы ожидали, что Автор исследует каждый из 17 эпизодов в Справке Вотчинного департамента о владении поместьями предками Ю.П., начиная с 1628 года, и неопровержимо покажет, что документами они не подтверждаются, а потому подложны.

А если так, то и определение ДДС Тульской губернии подложно и, как знать, не причастен ли Ю.П. и к этому дерзкому мошенничеству.

Однако Автор не видел Справки из Вотчинного департамента, которую торжественно именует «Грамотой» (!), но *«в простосердечии невежды»* категоричен: *«обладание недвижимостью не являлось правом на обладание дворянским статусом»*. Разочаруем автора: владение недвижимостью (поместьем или вотчиной) — ***непременное условие*** при подтверждении права на древнее дворянство.

Обратимся к *«Делу о дворянстве…»* Ю.П.

В журнале Вотчинного департамента записано 6 февраля 1829 года:

«По делу по просьбе (11 января 1829 года) отставного 1-го Кадетского корпуса Капитана Юрья Петрова сына Лермантова о даче ему для доказательства дворянства на недвижимое предков его Галическое имение с дач и прочего копии, по справке же: просимое обстоятельство оказалось. Приказали: с оказавшегося реченному просителю для показанной его надобности дать за скрепою копию. Дана сия копия ...февраля 11-го дня 1829 года».

Справка из Вотчинного департамента — основополагающий документ, на основании которого ДДС определило 10 марта 1829 года внести Ю.П. с сыном в ДРК. Дворянство предков Ю.П. подтверждалось выпиской из писцовых книг на пожалование поместьем, награждением на дворянской службе поместными окладами, купчими, рядными и духовными о дворянских имениях.

Наконец, древность дворянского рода Лермонтовых подтверждалась их Гербом, внесенным в 1799 год в Общий Гербовник дворянских родов Российской империи (том. IV, стр. 102).

Эти сведения читатель может найти в публикациях: В.Н. Сторожев. Георг Лермонт. Родоначальник русской ветви Лермонтовых. — М., 1894 г.; В.В. Никольский. Предки М.Ю. Лермонтова // Русская старина. 1873. № 4. С.547-566; Наталья Архангельская. Усадьбы и судьбы. Вып. 1. Никульское, Осташково (Окуловы и Шиповы). – М.. 2009. С. 347-348; Л.М. Савелов. Лекции по русской генеалогии. – М., 1908; Л.М. Савелов. Лекции по русской генеалогии. – М.: Археографический центр. 1994. Вып. 3. Репринтное издание; А.А. Григоров. Из истории Костромского дворянства. – Кострома, 1993. С. 141-149.

Автор сделал еще одно открытие: оказывается, Тульское ДДС самовольно внесло Ю.П. с сыном еще и в ДРК… Костромской губернии (!), минуя мнение тамошнего дворянства! Выходит, Ю.П. выдали Грамоту на внесение в ДРК Костромской губернии, с … печатью Тульского ДДС и за подписью его председателя!

Мы не будем комментировать этот пассаж Автора, который не «тянет» даже на скромное «предположение». Каждый дворянин, в особенности неслужащий, должен был записываться в родословную книгу той губернии, где он имел постоянное место жительства, если он владел в этой губрении какой-либо недвижимостью, хотя бы эта недвижимость была и менее значительна, чем его владения в других губерниях. Если бы Ю.П. был записан в родословную книгу Костромской губернии, и захотел записаться еще и в родословную книгу Тульской губернии, то в своем прошении, сослался бы на определение ДДС Костромской губернии. В этом случае Тульское ДДС запрашивало дело о дво-

рянстве в ДДС Костромской губернии и на его основании решало, занести ли просителя в свою ДРК.

В ДДС Костромской губернии существовало дело о дворянстве Лермонтовых: так Николая Петровича Л. (1770-1824) из «Острожниковской» линии рода Л. внесли в 6-ю часть ДРК (А.А. Григоров. Из истории Костромского дворянства. – Кострома, 1993. С. 142).

Секунд-майор Юрий Матвеевич Лермонтов (1730 - ?) из «Колотиловской» линии рода запросил справку 1688 года о роде Лермонтовых из Разрядного архива, которую вместе с родословной внес в Сенат 1 апреля 1799 года для составления Общего Гербовника дворянских родов Российской империи (часть IV, с. 102). Родословная 1688 года была представлена в Разрядный приказ внуками Георгия Лермонта, Евтифием (Евтихием) и Петром Лермантовыми.

Возможно, Ю.П. знал о дворянских делах в ДДС Костромской губернии, о чем мы еще будем говорить.

Напомним читателю, что описание герба рода Лермонтовых в Общем Гербовнике дворянских родов Российской империи сопровождается следующим объяснением: *«…Предок фамилии Лермантовых, Юрий Андреевич Лермонтов, выехал из Шкотския земли в Польшу, а оттуда в 1633 году, в Москву. Потомоки сего Юрия Андреевича Лермантова многие российскому престолу служили стольниками, воеводами и в иных чинах, и жалованы были от государей поместьями. Все сие доказывается справкою Разрядного приказа и родословною Лермантовых».* (В.В. Никольский. Предки М.Ю. Лермонтова // Русская старина. 1873. № 4. С. 547).

Уже одно это свидетельствует, что Лермонтовы — древние потомственные дворяне. Впрочем, Автор, конечно же, «докажет», что и этот документ подложен.

Автор искренне недоумевает, почему это Ю.П. не истребовал в ДДС Свидетельство о дворянстве для сына. Как мы убедились, Ю.П. действительно просил выдать сыну Свидетельство, но его не истребовал, потому что не представил Свидетельство о его рождении. В Благородный пансион Л. поступил 1 сентября 1828 года по Свидельству о рождении и крещении, которое Е.А. Арсеньевой выдали в Московской Духовной консистории 25 октября 1827 года, и надобность в Свидетельстве о дворянстве, которое Ю.П. смог бы получить только в 1829 году, отпала. Но для поступления в гвардейскую Школу юнкеров требовались веские доказательства о дворянстве — копия с определения Тульского ДДС.

Ю.П., как известно, умер 1 октября 1831 года, и копию с определе-

ния выдали в Тульском ДДС двоюродному деду Лермонтова Григорию Васильевичу Арсеньеву по его прошению, к которому он приложил свидетельство Московской Духовной Консистории от 25 октября 1827 года о рождении и крещении Михаила.

Теперь о том, как Герольдия, по словам Автора, «разобралась в лукавстве» Тульского ДДС и «деликатно отмолчалась». Определения ДДС отсылались в департамент Герольдии Правительствующего Сената, который их утверждал, либо требовал представить недостающие сведения. Возражения из Герольдии не последовало… В 1799 году герб рода Лермонтовых поместили в Общий Гербовник дворянских родов Российской империи и никаких сомнений в древности рода у Герольдии не возникло.

> **7)** *Ю.П. завещал «безродному» сыну половину Кропотовского имения. По мнению Автора, хитроумный замысел «юридического» папеньки крылся в том, что хотя «никакой особой отцовской любви Ю.П. не проявил», но «…на нем самом Измайловская ветвь прерывалась, а Л. мог …своей юридической принадлежностью к фамилии рода, продолжить его». К тому же «…Ю.П. понимал гений Л, не хотел исключить свою причастность к нему».*

Комментарий: Надо сказать, что *«юридический»* папенька проявил недюжинное провиденье, если решил притулиться к грядущей славе приблудного сына, углядев в его стихотворных опытах будущего национального поэта! Правда, у Ю.П. не было выбора, задабривать не задабривать эрзац-сынка своим имением Кропотово. Имение было родовым и наследовалось по закону, а не как заблагорассудится владельцу: большую часть полагалась сыну, а остальное трем сестрам.

Хочешь-не хочешь, а Л. продолжил бы *«своей юридической принадлежностью»* не только род Лермонтовых, но еще и как наследник богатейшего имения своей бабушки — Тархан с 600 крепостных.

> **8)** *«Древность рода, — пишет Автор, — подтверждалась документами до 1685 года. Поэтому безусловно считается (!) — к столбовым дворянам род Лермонтова не относился. К их здравому суждению можно отнести: претензий на столбовое дворянство — ими не предполагалось».*

Комментарий: Древность рода Лермонтовых подтверждается до-

кументами, начиная с 1613 года, когда шотландец Георг Лермонт был принят в русскую службу. Мы уже говорили, что одно уже внесение рода Лермантовых в Гербовник — признание его древности.

Напомним, что Государь Михаил Федорович пожаловал родоначальнику Лермонтовых шотландцу порутчику Георгу Лермонту населенное поместье в Заболоцкой волости в отказной грамоте от 1 августа 1620 года, посланной галицкому воеводе П.С. Лутохину. 9 марта 1621 года. Г. Лермонт получил на свое поместье *«ввозную грамоту»* за приписью дьяка Ивана Грязьева (В.Н. Сторожев. Георг Лермонт. Родоначальник русской ветви Лермонтовых. – М., 1894. С.12-13). Его сын Петр крестился в 1653 году, а значит стал полноправным подданным, наследовал половину отцовского сельца Кузнецово, был майором и воеводой в Саранске. В Справке, выданной Ю.П. из Вотчинного департамента, прописано, что Лермонтовы владели поместьями и до 1685 года, начиная с 1628 года, и затем в 1634, 1652. 1659, 1673, 1679 и 1684 годов. Достоверность этих сведений не оспаривается серьезными исследователями, и подтверждается, в частности, архивными изысканиями Н.В. Архангельской в Вотчинном департаменте РГАДА (Наталья Архангельская. Усадьбы и судьбы. Вып. 1. Никульское, Осташково (Окуловы и Шиповы). – М. 2009. С. 347-348).

А теперь о М.Ю. Лермонтове:

1) *Родился Л., пишет Автор, не 2 октября 1814 года, а в 1811-1812 годах в Тарханах после грехопадения маменьки Марии Михайловны на Кавказе. В 1813-1814 годах обрел «юридического» папеньку Ю.П., которому, вероятно, много чего хитрая и ловкая Е.А. Арсеньева наобещала. Незаконно крещен в Москве аж три года спустя (!), 11 октября 1814 года, корыстолюбивым священником церкви Трех Святителей у Красных ворот протоиереем Николаем Петровым, в присутствии лжесвидетелей — причта, маменьки Марии Михайловны, «юридического» папеньки Ю.П. и восприемников — коллежского асессора Фомы Васильевича Хотяинцева и бабушки Е.А. Арсеньевой.*

Автор непреклонен: Л. «Достоверного Свидетельства о дне рождения не имел». Поэт простодушно верил, что явился на свет Божий 2 октября 1814 года, и «…до конца жизни носил фамилию Лермонтов», «Юрия Петровича Лермонтова – (негласно), биологическим отцом не считал, как юридического отца не любил» и «любовь его к Ю.П, как к отцу, абсолютно не

имеет естественного начала». И еще: «Дворянского статуса по линии юридического отца не имел и иметь не мог».

Комментарий: *«В происхождении Лермонтова, — пишет Автор, — интерес интригует биологическая составляющая. Собственно, она является и указателем на социальное происхождение. Естественно неоспоримой очевидностью обладает только мать. Предстоит убедиться в биологическом отцовстве его юридического отца».*

Читатель, конечно, понимает, что в последней фразе речь идет о Ю.П., с которым, наконец-то, надо серьезно разобраться — совместил ли он, или не совместил в себе, как двуликий Янус, *«биологическое»* и *«юридическое»* отцовство!

Автор, напомним, позаимствовал на стороне плодотворное и перспективное, во всех смыслах, *«открытие»* о грехопадении Марии Михайловны именно на Кавказе, и дополнил его своими изобретательными пассажами. Однако на его месте гораздо разумней было бы утверждать, что совращение Марии Михайловны случилось не за тысячу с лишним верст от Тархан, а где-то поблизости…

Согласитесь, ну какая мать повезет единственную болезненную дочь зимой, в лютый мороз, на Кавказ? А в 1810-1811 годы Е.А. Арсеньева, напомним, занималась куда более важными насущными имущественными делами — переводила положенных ей (на *«указную часть»*) крестьян покойного мужа (скоропостижно скончался, напомним, 2 января 1810 года) из Орловской губернии в Тарханы, продавала наследство дочери Марии Михайловны, доставшееся ей от отца, братьям и сестрам мужа, и отпускала за деньги на волю крепостных девок *«в услужение и замужество»*. (Лермонтовский заповедник Тарханы. Документы и материалы. 1701-1924, – Пенза, 2001. С. 58-71).

Остается открытым вопрос, как все эти годы Е.А. Арсеньева исхитрялась скрывать свою дочь с сыном от назойливого любопытства соседей-помещиков и родственников? И еще «интригующий» вопрос: почему никто из окружающих не проговорился?

Как же ладил Л. с эрзац-папенькой, если *«любовь его к Ю.П, как к отцу, абсолютно не имеет естественного начала»*? Возникает встречный вопрос, какая-такая *«неестественная»* любовь, связывала *«юридического»* отца с эрзац-сыном?

«Папенька сюда приехал, — пишет юный Мишель в конце декабря 1828 года М.А. Шан-Гирей, — и вот уже 2 картины извлечены из моего portefeuille, слава Богу, что такими любезными мне руками!...».

А теперь зададимся сакраментальным вопросом: тринадцатилетний

Л. писал эти слова о нелюбимом *«юридическом»* папеньке, или о Ю.П., которого *«биологическим»* отцом не считал? У врат Вечности *«юридический»* Ю.П. пишет в завещании от 28 января 1831 года, прямо-таки, странное:

«…нашел я за нужное написать сие мое родительское наставление …дражайший сын мой Михаил, …благославляю тебя, любезнейший сын мой, …я вижу, что ты одарен способностями ума, …имеешь … доброе сердце, …благодарю тебя, безценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание…».

«Ну, и что с того, — возразит Автор, — потомственный мошенник и перед смертью безбожно врал, хотел примазаться к грядущей славе эрзац-сына». Все эти лицемерные словеса — от *«неестественной»* любви: *«дражайший сын», «любезный сын», «безценный друг»…*

При поступлении в Университет и Школу юнкеров Л. указывал в прошениях: *«Родом я из дворян, сын капитана Юрия Петровича Лермонтова…»*. Врал, конечно… Чтобы обмануть окружающих, заказал печатку с фамильным гербом — тем самым, что помещен в Общем Гербовнике дворянских родов российской империи.

«В 1834 или 1835 гг., — вспоминал его родственник Иван Николаевич Лермонтов, — по производству своем в офицеры корнет М.Ю. Лермонтов присылал к мне просить гербовой нашей фамильной печати, что мною, конечно, было исполнено» (М.Ю. Лермонтов. Полное собрание воспоминаний современников. В двух томах / Сост. Д.А. Алексеев. – М.: Древлехранилище, 2105. Т. 1. С. 206).

На самом деле, Л. всю жизнь боялся — а вдруг узнают, что он приблудный (даже не бастард!), носит чужую фамилию, не дворянин и живет по поддельным документам! Хрестоматийный мольеровский «Мещанин во дворянстве». Потому, наверное, и прослыл таким *«пренеприятным»* человеком…

2) *Лермонтоведы, пишет Автор, — «хранители в архивах музеев скрытой информации», которых надобно «отправить на лесоповал», не заметили «вопиюще-очевидное, полуторавековое попрание истины» — Духовная Консистория «уклонилась от внесения конкретной даты регистрации крещения, как это было указано в метрической книге церкви в октябре 1814 года». «А вопиющая крайность произвольности, — восклицает Автор, — заключена в регистрации времени факта крещения: крещение состоялось 11 октября, а регистрация его произведена той же записью под № 25, сделанной 2 октя-*

бря 1814 года, т.е. событие зарегистрировано на девять дней раньше его свершения!».

Автор «заостряет заинтересованное внимание» Читателей: «Соединение разновременно свершившихся событий в одной записи, однозначно утверждает произвольный способ регистрации, допускающий умышленную фальсификацию!».

Автор гневно вопрошает: «Является ли «выписка» из метрической книги Трех святителей Свидетельством о рождении?». И отвечает: «Нет, не является. Свидетельство должно быть удостоверено свершением факта события».

Автор уверен: пройдоха Е.А. Арсеньева привезла осенью 1814 г. из Тархан в сожженую французами Москву трехлетнего Мишеля с его распутной маменькой и глупым эрац-папенькой и подкупила корыстолюбивого настоятеля церкви Трех святителей сделать (при свидетелях) ложную запись в Метрической книге о рождении и крещении приблудного внука.

Автор утверждает: по неизвестной причине «…выписка из метрической книги церкви Трех Святителей оказалась в Московской Духовной Консистории, ведущей надзорно-административные и надзорно-юридические, но никак ни архивные функции, где ее и получила в качестве выписки из метрической книги церкви Трех святителей, но в форме Свидетельства о рождении и крещении Л. 25 октября 1827 г., Е.А. Арсеньева. Получила то, что хотела — без очевидных уличительных элементов подлинника». Говоря прямо, Е.А. Арсеньева вступила в преступный сговор с Духовной консисторией, которая выдала ей подложное свидетельство о рождении и крещении внука, в котором не была указана таинственная «конкретная дата регистрации крещения» …

Комментарий: Начнем с того, что мошенница Е.А. Арсеньева не только убедила священника московской Трехсвятительской церкви пойти на вопиющее преступление в октябре 1814 года. Спустя полгода, весной 1815 года, приказала священнику Тарханской церкви отметить в Исповедной ведомости фиктивный возраст внука — полгода. И в дальнейшем наказала ежегодно показывать в Исповедной ведомости его «липовые» лета, по нарастающей, что и происходило до 1827 года, когда бабушка с внуком уехала в Москву (Т.Н. Кольян. М.Ю. Лермонтов и Е.Е. Арсеньева в свете церковных ведомостей села Тарханы // Лермонтов. Тайны рождения, жизни и смерти / Сост. Д.А. Але-

ксеев. – М.: Древлехранилище, 2014. С. 75-90).

А теперь, Читатель, о грустном — грубых фактах, которые, как известно, губят красивые фантазии. Как ни крути, а подлинные записи о рождении и крещении Лермонтова в Метрических книгах Трехсвятительской церкви и Москов. Духовной консистории и в свидетельстве, выданном Духовной Консисторией Е.А. Арсеньевой 25 окт. 1827 г. за № 6503, идентичны. (ЦИАМ, ф. 203, оп. 745, № 195, л. 241; ЦИАМ, ф. 2126, оп. 1, № 799, л. 20-20 об.; Русская мысль, 1881, № 12, С. 167)

Во всех документах значится, что Лермонтов родился 2 октября 1814 года, а таинство крещения совершено 11-го.

Автор искренне удивлен: как же так, *«крещение состоялось 11 октября, а регистрация его произведена той же записью под № 25, сделанной 2 октября 1814 г., т.е. событие зарегистрировано на девять дней раньше его свершения!»*.

А теперь, Читатель, как же все происходило в реальной жизни. Повивальные бабки и акушеры не давали справки о рождении ребенка. Священник не стоял со свечой у постели роженицы. Отец или родственники сообщали о рождении ребенка настоятелю приходской церкви, который приходил в дом с дьячком для требы *«молитвования»* младенца и *«наречения имени»*. Эта фраза, заметим, присутствует в записи Метрической книги. Попутно отметим, что требы — это богослужения, совершаемые не ежедневно, а по необходимости. Требы делятся на содержащие совершения таинств — крещение, венчание, исповедь, и не содержащие — отпевание, панихида, различные молебны. После *«молитствования»* и *«наречения имени»* священник назначал день таинства крещения (от 3 до 10 дней после рождения), смотря на самочувствие матери и младенца. После требы таинства крещения с причтом (дьякон, пономарь и дьячок) священник записывал в черновой метрической книге или на лоскутке бумаги нужные сведения: место рождения (в доме такого-то), даты рождения и крещения ребенка, чин и звание отца (мать младенца в 1814 году в метрических книгах еще не указывалась) и восприемников.

В конце года священники переносили записи о рождении, смерти и бракосочетании с отдельных листочков или из черновой метрической книги в беловую Метрическую книгу и заверяли своей и причта подписями, что под страхом сурового наказания все внесено правильно. Такой порядок позволял свести к минимуму исправления и подчистки. Внесение в Метрическую книгу ложных записей каралось очень строго — вплоть до лишения священства и заключения в монастырь.

Копию с беловой Метрической книги священник каждой церкви в

начале следующего года отсылал в Духовную Консисторию своей епархии, где эти, так называемые «тетради», переплетали в книги по уездам, а в Москве — по сорока церквей. Консистория выдавала по запросу ведомств и частных лиц свидетельства о рождении и крещении. Только такие свидетельства принимались дворянскими депутатскими собраниями для утверждения в потомственном дворянстве. Метрические книги в церквях хранились небрежно и в большинстве своем (особенно, в провинции) утрачены после войн и исторических катаклизмов. Случалось, что священники (особенно сельские) по небрежности не вносили запись о рождении (бракосочетании или смерти) в метрическую книгу и тогда Консистория заводила дело о признании факта рождения того или иного лица. Для этого отбирали под присягой показания у священника и причта, восприемников новорожденного и его родственников. И только после этого Консистория выносила решение: признать или не признать факт рождения.

Скажем, такое случилось с сыном полковника Михаилом Бибиковым, который в 1834 году поступал в Московский университет на нравственно-политическое отделение. В Кишиневской Благовещенской церкви не нашлось записи о его рождении и крещении, и он представил заключение из Кишиневской Духовной Дикстерии (ЦИАМ, ф. 418. оп. 104. № 147, л. 2. О принятии в студенты Михаила Бибикова. 1834 г.). В Дикстерии опросили восприемника — греческого дворянина Михаила Кацыку, который показал, что *«…в июне месяце 1816 г. 23 дня родился у полковника Димитрия Иванова сына Бибикова и жены его Елены сын Михаил. Крещен умершим протоиереем Георгием Батком».* Под присягой подтвердили рождение Михаила Бибикова и другие свидетели. Священник церкви Гавриил Георгиу подтвердил рождение Михаила и что *«…он был при погребении жены полковника Бибикова, которая умерла спустя 40 дней после рождения сына».* Так и осталось тайной *«вопиюще-очевидное, полуторавековое попрание истины»* — какое-такое Свидетельство о рождении и крещении Л., выданное Московской Духовной Консисторией в 1827 году, по сговору с Е.А. Арсеньевой, *«без очевидных уличительных элементов подлинника»* — некой мифической *«конкретной даты регистрации крещения»* в Метрической книге Трехсвятительской церкви.

Л. поступил в Пансион, а потом в Университет по официальному свидетельству о рождении из Московской Духовной Консистории. Но бытовала и такая практика: дворянское достоинство пансионера или студента подтверждалось тремя или большим числом благородных свидетелей. Напомним, что такое свидетельство от 15 января 1798 года

о рождении и крещении Ю.П. представил в Кадетский корпус его папенька. Этот документ Главноуправляюший кадетским корпусом Великий князь Константин Павлович признал уважительным и приказом 2 марта 1798 года принял Ю.П. в корпус.

К примеру, Иван Павлович Арапетов, поступая в Университет вместе с Лермонтовым, в прошении от 28 августа 1830 года объявил, что он *«родом из дворян, сын отставного генерал-маиора и Кавалера Павла Иванова сына Арапетова и обучался в Благородном Пансионе».* И для подверждения своего благородного происхождения приложил нижеследующее свидетельство, с которым, заметим, поступал (как и Л.!) и в Пансион, подписанное в апреле 1828 года тремя благородными свидетелями (ЦИАМ, ф.418, оп. 100, № 72, л. 2. О приеме в студенты Ивана Арапетова. 1830г.): *«Недоросль из дворян Иван Павлов сын Арапетов действительно есть законный сын Артиллерии отставного г. Генерал Маиора Павла Ивановича Арапетова, за коим в Тульской губ. состоит недвижимого имения 45 душ, крещен, христанского исповедания Восточно-армянской церкви. Свидетельствует от Артиллерии Генерал-Лейтенант Евгений Марков, Артиллерии Генерал–Лейтенант Петр Пичугин, Артиллерии Генерал-Майор Дмитрий Дурасов».*

> **3)** *Хлопотами бабушки и по «подложному» Свидетельству о рождении из Московской Духовной консистории Л. поступил 1 сентября 1828 г. в дворянский (!) Благородный пансион при университете. «При поступлении Л. в Пансион, — пишет Автор, — тоже была использована подмена свидетельства о дворянстве — свидетельством о рождении Л., но в исполнении копии, взятой Е.А. Арсеньевой из Московской духовной консистории 25 окт. 1827 г., где удалены элементы произвольности при регистрации событий, компрометирующий церковь, а по существу дезавуирующие ее право на свидетельствование».*

Комментарий: Ю.П. вышел в отставку в чине корпуса капитана, который был на один ранг выше капитана и приравнивался к майору. Этот чин априори давал право на потомственное дворянство. Поэтому Ю.П. с сыном без хлопот внесли бы во 2-ю часть (роды дворянства военного) ДРК Тульской губернии (и утвердили бы в Герольдии). Или, по желанию, в ДРК любой другой губернии, независимо от наличия там у него недвижимости.

Для этого Ю.П. надобно было к прошению приложить указ об отставке, патент на чин прапорщика, список о семействе (он с сыном) и

имущественном состоянии, поколенное родословие (он с сыном) и свидетельство о рождении и крещении сына. Ю.П. выдали бы Грамоту, что он причислен к дворянству Тульской губернии, а при желании — копию с определения депутатского собрания. Сыну — для определения в службу или в учение — свидетельство о дворянстве, а при надобности еще и копию с определения депутатского собрания.

Е. Арсеньева заезжала с внуком к *«юридическому»* зятю в Кропотово осенью 1827 г. по дороге из Тархан в Москву и убедилась, что он к дворянству губернии не причислен и поэтому получить для сына свидетельство о дворянстве не может.

Только в январе 1829 года Ю.П. стал собирать документы для внесения с сыном в самую почетную 6 часть (древние благородные дворянские роды) ДРК. При прошении в ДДС от 5 марта 1829 года он представил обширную справку из Вотчинного департамента «о недвижимом дворянском имении с писцовых и отказных книг» его предков, начиная с 1628 г., указ *«о службе и об отставке из оной»*, из Гос. военной коллегии, список о *«семействе и о состоящем имении»*, поколенное нисходящее родословие, начиная с шотландца Георга Лермонта. И 10 марта того же года получил Грамоту, что *«…предъявленные от него г-на Лермантова, о дворянском его достоинстве доказательства признанные согласными с предписанными на то правилами, вследствие коих… он и род внесен в двор. родословную Тульской губ. книгу в 6 ее часть»* (В.С. Арсеньев. К столетию дня рождения М. Лермонтова. 1814-2 окт. 1914. Док. к родословной Лермонтовых и родственных им семейств Виолевых и Арсеньевых. — Тула, 1914. С. 2-13).

Л. приняли в дворянский Бл. пансион на правах полупансионера 1 сентября 1828 года по свидетельству о крещении и рождении, копию (у Автора сказано изящней — *«в исполнении копии»*) которого Е.А. Арсеньева получила 25 октября 1827 года в Московской Духовной консистории. В свидетельстве, напомним, указывался чин Ю.П., а значит априори его сын считался потомственным дворянином.

> **4)** *Автор утверждает: Л. оставил Пансион в 1830 году, поскольку это заведение преобразовали в Гимназию «только для детей дворян, прием вели не по справкам удостоверяющей подписью «Егора Крюкова и Ко» и не по свидетельствам, содержащим в текстах упоминание об отце в чине «Корпус-капитана» и т.п., а по простым, но настоящим Свидетельствам о дворянском происхождении. Поэтому в гимназию Л. просто не приняли по социальному положению».*

Комментарий: Автор, просто-напросто, подзабыл, что Благородный пансион при Московском университете — это учебное заведение исключительно для дворянских детей. Если Л. обучался в этом заведении, то его бы, понятное дело, перевели и в 1-ю Московскую Гимназию, с сохранением при выпуске особых прав бывших пансионеров на производство в гражданские чины 12 или 14 классов. Когда Пансион в 1830 году преобразовали в Гимназию, то многие родители забрали своих детей, опасаясь, что упадет не только престиж нового заведения, но и качество образования. В 1833 году Гимназию преобразовали в Дворянский институт.

Из «мемории» заседания Правления Благородного Пансиона от 31 мая 1830 года (ЦИАМ, ф. 459, оп. 1, № 3873, л. 52):

«…слушали предложение Попечителя от 22 мая, последовавшее на имя директора Пансиона, в следствие отношения Министерства Народного просвещения от 11 мая за № 3536 с приложением Указа Е.И.В. данный Сенату 29 марта о преобразовании Благородного Пансиона в Гимназию и предписывает представить список воспитанников, коим в силу Высочайшего Указа предоставлено право пользоваться преимуществ Пансиона, и что те воспитанники кои представятся после получения сего предписания не могут уже иметь сказанных преимуществ, а долженствуют пользоваться правами предоставленными новым уставом для учащихся в Гимназии».

5) *Осенью 1830 года Л. поступил в Московский Университет, но, утверждает Автор, «только на разночинное отделение (!)».*

Комментарий: *«Разночинное отделение»* (!) в Университете — это, несомненно, выдающаяся новация Автора. Заметим только, что на все отделения Университета *«…принимались в классы и допускались к слушанию лекций, только люди свободного состояния, не исключая и вольноотпущенных, кои представят удостоверительные в том виды, хотя бы они и не были еще причислены ни к купечеству, ни к мещанству, и не имели никакого иного звания»*. Поэтому дети дворян, купцов и мещан принимались беспрепятственно, по желанию, на любое из четырех отделений университета — нравственно-политических, медицинских, физико-математических и словесных наук.

Напомним Читателю, что магистр словесных наук А.З. Зиновьев, преподаватель и надзиратель в Благородном пансионе, репетитор Л., был из мещан, окончил вольным слушателем Словесное отделение Университета (на котором, напомним, учился поэт и множество дво-

рян) и для утверждения в звании Действительного студента, при поступлении в службу был исключен *«из Мещанского оклада»*, т.е. податного сословия (ЦИАМ, ф. 459, оп.1, № 1666. О исключении из податного состояния вольных слушателей Зиновьева и Кармалина. 15 сент 1820 г.-23 июня 1821г.).

6) *В Петербургский универ., уверен Автор, Л. «…не принят из-за отсутствия Свидетельства о дворянстве. В Справках там знали толк не хуже, чем в Москве…».*

Комментарий: Верно подметил Гоголь: *«Легкость в мыслях необыкновенная»*. Напомним, что по случаю эпидемии холеры в 1830-1831 годах занятий в Московском и Петербургском Университетах не было, и студентам продлили время обучения на год. Кроме того, по новой реформе университетов обучение продлили еще на год. *«…мне не зачли, — писал Л. в конце октября А.М. Верещагиной, — как многим другим, годы пребывания в Москве, ибо во всех университетах произведена реформа, и … к трем невыносимым годам прибавляют еще один год»* (М.Ю. Лермонтов. Собрание соч. в четырех томах. – М.-Л.: Из-во АН СССР, 1959. Т.4. С. 561).

Это обстоятельство, вероятно, явилось еще одним веским доводом поступить в Школу юнкеров.

7) *В Школу юнкеров, утверждает Автор, Л. проник «на своекоштное отделение», вопреки строжайшим установлениям, и, внимание, по фальшивой Справке 1798 года о рождении …«юридического» папеньки Ю.П. (!!!), на которую глупое военное начальство закрыло глаза, так как у поэта был-де влиятельный покровитель. Автор поясняет, со свойственным стилистическим изяществом, как такое могло случиться: имеющееся у Е.А. Арсеньевой поддельное «свидетельство о рождении и крещении Л. от 2(3) октября 1814 года, вследствие очевидности фальсификации происшедших событий по времени их свершения не могло быть представлено в Школу юнкеров, по возможным угрожающе-осудительным последствиям (В случае утери подлинника бабушкой, взять его копию в церкви Трех Святителей у Красных ворот, без изъятия из него компрометировавших церковь элементов — не представляло смысла…)».*

Автор где-то слышал краем уха, что вроде бы брат мужа Е.А. Арсеньевой, Григорий Васильевич Арсеньев, просил Тульское

ДДС выдать Л. свидетельство о дворянстве. Однако Автор убежден: «Относительно испрошения свидетельства о дворянстве Л., его деда Григория Васильевича Арсеньева — уместно сказать: испрашивал-то испрашивал, да в ответ в Герольдии, верно, только весело посмеялись и над «справкой», и над «свидетельством». Обращение Григория Васильевича, по другим сведениям, оказалось безрезультатным. Это следует признать фактом уже потому, что поступление Л. в Школу юнкеров состоялось на основании Справки о рождении Ю.П. («Точно из дворян…») от 1798 года генваря 16 дня и ходатайства за него его двоюродного деда Арсеньева». Причем Е.А. Арсеньева проявила «мудрую прозорливость»: в момент поступления в Школу юнкеров ее внуку «не должно быть более 11-14 лет. При его малом росте показанный возраст не вызывал проблем». —Иными словами, Арсеньева чудодейственно омолодила внука, которому в 1832 г., по расчетам Автора, «стукнуло» уже 20 лет!

Комментарий: Мы, признаемся, поначалу оторопели: как-так Л. поступает в Школу юнкеров по фальшивой Справке 1798 г. о рождении … *«юридического»* папеньки Ю.П. (!!!). А потом поняли — это не шутка Автора, а тут тонкий расчет Л. и пройдохи-бабушки.

А теперь, Читатель, попробуем разобраться в нагромождении хитроумных пассажей Автора. Представь, что ты поступаешь, скажем, в институт, по фальшивой Справке о рождении своего … отца (!), поскольку не мог представить свое подложное Свидетельство о рождении *«по возможным угрожающе-осудительным последствиям»*. И, тем не менее, тебя приняли (!), конечно же, по дурости ректора и по протекции влиятельного покровителя. Говорят, что такое нынче сплошь и рядом случается…

Восстановим честное имя Григория Васильевича Арсеньева: ведь он действительно обращался в мае 1832 года в Тульское ДДС и получил-таки копию с определения о внесении Ю.П. с сыном в ДРК, как то видно из его прошения и решения ДДС (См. Приложение 1). И в Герольдии над ним не смеялись, поскольку не она же эту копию выдавала. А не будь этой копии с определения ДДС, Л. не приняли бы в Школу юнкеров и тогда, возможно, его судьба сложилась бы иначе…

Дались Автору *«разночинное»* и *«своекоштное»* отделения! Заметим, что родственники и опекуны своих чад, «просящихся на службу в полки лейб-гвардии» (т.е. в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров), давали подписку, что будут содержать своих

чад. Порядок поступления включал три этапа. Сначала Л. (как и прочих недорослей) определили приказом от 10 ноября 1832 года в л.-гв. Гусарский полк кандидатом. 14 ноября зачислили в полк «на праве вольноопределяющегося унтер-офицером». И только месяц спустя, после того как *«документы о дворянском происхождении были препровождены на рассмотрение, по которым признан он из дворян»*, приказом от 19 декабря его переименовали в юнкера (РГВИА, ф. 321, оп. 1, № 7, л.193-193 об., 195, 207).

Увы, было решительно невозможно обойтись при поступлении в Школу юнкеров подложной Справкой о рождении своего *«юридического»* папеньки и эфемерной протекцией «могущественного» родственника, не имевшего никакого отношения к Инспекторскому департаменту Военного министерства, где рассматривались документы о дворянстве Л.! Требовались Свидетельство о своем рождении и копия с определения Тульского ДДС о внесении в ДРК. Напомним, что Ю.П. не получил Свидетельства о дворянстве для сына, поскольку не представил Свидетельства о его рождении и крещении.

Об этом позаботилась дальновидная Е.А. Арсеньева: по ее настоянию, родной брат покойного мужа Григорий Васильевич Арсеньев еще в мае (!) 1832 года просил Тульского губернского предводителя дворянства: *«…представляя у сего означенное метрическое свидетельство …покорнейше прошу упоминаемого родственника моего Капитана Лермантова, сына Михайлу внеся в дворянскую родословную книгу Тульской губернии потом о дворянском происхождении рода покойного Лермантова выдать мне с протокола копию».*

20 мая 1832 года за № 179 ДДС выдала *«отставного первого Кадетского корпуса Капитана Юрия Петрова сына Лермантова, сыну малолетнему Михайле Лермантову копию с определения о внесении их в дворянскую родословную Тульской губернии книгу»*.

Автор намекает: Л. приняли в Школу юнкеров, образно говоря, *«с черного входа»* не только по подложной Справке о рождении и дворянском происхождении Ю.П. и *«идиотизму»* начальства, но и *«под влиянием нескольких смягчающих жесткость требований факторов».* Поверим Автору, что он не намекает на взятку, которую Е.А. Арсеньева всучила военному начальству, а упирает на решающую роль мифического покровителя Л., попечителя Арсеньева, о котором узнал из работ Д.А. Алексеева, и всуе его упоминает.

И последнее: в Школу юнкеров принимали недорослей не 11-14 лет, как утверждает Автор, а не моложе 17 лет. Поэтому Е.А. Арсеньевой не надобно было проявлять *«мудрую прозорливость»* и выдавать

21-летнего детину (см. ниже), за 11-летнего младенца. Автор, должно быть, спутал Школу юнкеров с Кадетским корпусом, куда принимали и в 11-ть лет, как то было с Ю.П.

> **8)** *После смерти дочери в 1817 году, возмущается Автор, жестокосердная Е.А. Арсеньева «… отписывает (!) внуку только 8 дворовых семей — фактически лишает его наследства матери (!)». Спросите, зачем? «Тем самым она указывает Л. на его принадлежность к роду Арсеньевых, …лишает Л. малейшей возможности относить себя к роду Лермонтовых, а последнему претендовать на единокровность с Л.».*

Комментарий: Когда Мария Михайловна в 1810 году продала братьям и сестрам покойного отца свою часть наследства в Орловской губернии, то в ее собственности осталось всего 16 крепостных из 27 душ покойного отца в Тарханах. Остальные 11 душ были отписаны по закону вдове А.Е. Арсеньевой *«на указную часть»* (См. Т.Н. Кольян. Наследство М.Ю. Лермонтова в Тарханах и автобиогр. основа драмы «Люди и страсти» // Лермонтов. Тайны рождения, жизни и смерти / Сост. Д.А. Алексеев. – М.: Древлехранилище, 2014. С. 53-75).

Эти 16 крепостных душ своей матери по закону унаследовал Михаил. Поэтому Е.А. Арсеньева, по определению, не могла лишить внука этого наследства матери и, разумеется, ничего ему не «отписывала», дабы *«указать на принадлежность к роду Арсеньевых»*. Напомним, что Мария Михайловна — из рода Арсеньевых. И уж совсем было бы глупо лишать внука *«…малейшей возможности относить себя к роду Лермонтовых»*, если тот, хочешь-не хочешь, а носит эту фамилию, и в 1831 году унаследует половину имения *«юридического»* папеньки, которую спустя шесть лет продаст тетке Е.П. Виолевой за 25000 руб.

Не будем забывать, что Тарханы — это благоприобретенное имение Е.А. Арсеньевой, которое она могла завещать по своему усмотрению. В 1807 году, напомним, она завещала Тарханы в равных долях мужу и дочери. В 1817 году, после смерти дочери, завещала Тарханы внуку. Если бы ему довелось вступить в наследство, то имение становилось для него родовым.

> **9)** *Когда в 1817 г. умерла Мария Михайловна, сообщает Автор, Л. было не 2 года и 4 месяца, как утверждает продажное официозное лермонтоведение, а все пять (!), а, может быть,*

«настукало» и больше. Автор уверен: историю своего происхождения и маменьку с папенькой Л. описал без обиняков — «пишу, что мыслю» — в поэме «Сашка».

Итак, Иван Ильич, сиречь Ю.П., «женился, по словам его, ошибкой» и стережет жену «по правилам тогдашней ста-рой чести». Его супруга, Мария Николаевна, сиречь маменька Л. — «проказница жена (не утаю)» — читала «жалкие романы» в «беседке темной до утра», которые, как известно «до добра не доведут». Вообще она — «прелакомый кусок» и на «брачном ложе» была «как надо, ласкова исправна». На третий год у супругов наконец-то появляется «желанный сын / И в этот день печально у ворот всю ночь собаки выли напролет».

Прошло пять лет и Саша, сиречь Л., «добро и зло начал понимать». Иван Ильич, сиречь Ю.П., сынка «бранил и сек», и тот юридического «отца возненавидел». Когда маменька померла, Сашка, сиречь Л., запомнил, что Ю.П. на похоронах «громко плакал и кричал», а потом, «немного с ним поспоря», с горя еще и посек…

Комментарий: Такое трактование «Сашки» — еще одно *«открытие»* Автора, на зависть разным там *«классикам-академикам»*. Онито, неразумные, верят, что все попытки реконструировать биографию поэта по его сочинениям, гадательны, приблизительны, научно несостоятельны и, главное, приводят к неверным выводам. Ретрограды!

Итак, ***Автор увидел в Сашке прототип Л.!*** В самом деле, Бог с ним, *«юридическим»* папенькой, который спорит (!) с трехлетним сыном и его порет (!). Ну зачем же Л. понадобилось вот так цинично выставлять мать-покойницу распутной женщиной на общее посмешище – *«проказница жена», «прелакомый кусок» на «брачном ложе»* и все такое?.. Ведь тут же Автор с умилением пишет о Марии Михайловне — в ней-де *«…билось романтическое сердце, обреченное осудительной тайной»*. Правда, непонятно, как можно *«обрекать»* сердце *«осудительной тайной»* … Непонятно, зато красиво. Ежели Ю.П. знал всю подноготную грехопадения Марии Михайловны и женился *«ошибкой»*, то как они могли обмениваться в 1815-1816 годах чувствительными стишками, которые сохранились в альбоме Екатерины Петровны Лермонтовой? О матери Л. никогда не отзывался дурно и всегда вспоминал с большим чувством. Врал, должно быть…

10) *Автор предписал исследователям, которые еще не от-*

правлены на лесоповал за утаивание от обывателей важной информации, с какими именно пробелами в биографии Л. им надлежит безотлагательно разобраться.

Во-первых, «выявить лицо», личность Ю.П., которая «запечатлена в недоступных обывателю архивах главных музе-ев Лермонтова». А если выяснится, что к сокрытию информации причастны известные лермонтоведы, то их «имена …следует предать забвению, а верных делу отцов потомков и, иже с ними, потомственных хранителей в архивах музеев скрытой информации, отправить на лесоповал».

«Трудно усомниться, — пишет Автор, — в наличии интересующую просвещенную среду сведений в лермонтовских музеях, скрытых от доступа под благовидным предлогом защиты памяти поэта от дотошного любопытства». Если перевести это на нормальный язык, то лермонтоведов, которые дурят обывателей и Автора, надобно отправить пилить лес. А, во-вторых, коварные лермонтоведы «не понимали важность прозрачности биографии Марии Михайловны в течении всей ее жизни. …во всех местах ее нахождения». Поскольку «в музеях не должно таких сведений не быть», то лермонтоведов «нужно принудить открыть все, что в угоду официальной версии скрыто».

Автор определил ключевые направления «в разгадке тайны названных периодов» — поиски «фактов пребывания Марии Михайловны и Елизаветы Алексеевны в любых местностях России». Причем, важны «факты, подтверждающие пребывание или исключающие его». И только тогда «по сути полученного достоверного ответа — решается главная тайна интереса».

Для «решения главной тайны интереса» — была или не была Елизавета Алексеевна с Марией в 1810-1812 гг. в имении Хастатовых на Кавказе, где, вероятно, и оказалась в объятьях брутального абрека — надобно выяснить, где находится альбом, который «изначально принадлежал Марии Хастатовой». «Кто его искал? — вопрошает Автор. — Если никто не искал — почему не искали?». Ведь это — «достоверный документ, содержащий девять записей Марии Михайловны»! Альбом видел сын Хастатовой, Аким Павлович в 1880 г., который «он хотел, но не смог купить». Значит, «он для кого-то, почему-то бесценен и, следовательно, надежно храним». И тут, оказывается, не обошлось без конспирологического заговора «верных делу отцов потомков».

Комментарий: Сначала попробуем вникнуть в то, что предписал автор исследователям, которые что-то там утаивают, но еще не на лесоповале. Во-первых, надобно выяснить, где *«верные делу отцов»* потомки *«хранителей в архивах музеев скрытой информации»*, утаивают альбом Марии Акимовны Хастатовой, в котором девять автографов Марии Михайловны.

Во-вторых, установить, что знал отец Хастатовой, кавказский генерал Аким Васильевич (муж Екатерины Арсеньевой), *«об интересах Бейбулата Таймиева»* (благородный абрек, *«биологический»* папенька М. Лермонтова) *«относительно Марии Михайловны»*. Ведь *«эти интересы (при их действительном событии) должны были быть зафиксированы в военных документах и запечатлены в личных дневниках, которые они вели в интересах славной памяти своего рода»*.

И, наконец, о грехопадении Марии Михайловны на Кавказе могла знать Анна Хастатова, дочь Акима Васильевича и двоюродная сестра М.М., и все-все рассказать мужу — Павлу Ивановичу Петрову.

Начнем с *«тайны»* альбома, принадлежавшего, как уверяет Автор, сначала Марии Хастатовой, а потом почему-то … Марии Михайловне! Альбом, обычно имел одного владельца; близкие хранили альбом, но редко продолжали его.

Поверь, Читатель, альбом Марии Шан-Гирей, урожденной Хастатовой, злокозненные потомки лермонтоведов от тебя не утаивают и искать его не надо: ***он хранится в архиве*** Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Петербурге, и любой обыватель, к которым Автор себя, видимо, относит, может, при желании, подержать его в руках (В.Б. Сандомирская. Альбом с рисунками Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. – М., 1979. С. 122-137; Н. Рыбкин. Материалы к биографии Белинского и Лермонтова // Ист. вестник. 1881. № 10. С. 365-378).

Ранее альбом хранился у мужа Марии Акимовны полк. Павла Петровича Шан-Гирея. В нем ***8 автографов*** Марии Михайловны Лермонтовой, датированных 1814 годом. Акростих на французском, элегия, стихи и прозаические заметки представляют почти единственную возможность судить о внутреннем мире и литературных вкусах матери поэта. В этот альбом Михаил заносил на протяжении почти десяти лет ***свои рисунки.***

В рукописном отделе Института русской литературы (ИРЛИ) в Петербурге хранится ***еще один альбом*** (вернее, его остатки – девять разрозненных листков) в красном сафьяновом с золотым тиснением переплете, принадлежавший ***сестре Юрия Петровича, Екатерине. В аль-***

боме — восемь записей рукой М.М. и одна — Ю.П. Лермонтовых, сделанные в 1815-1816 гг. (ИРЛИ, ф. 524. оп. 4, № 21; В.Б. Сандомирская. Альбом с рис. Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. – М., 1979. С. 137-138; Описание рук. и изобразит. материалов Пушкин. Дома, Т.2. М.Ю. Лермонтов. – М.-Л., 1953. С. 169-170).

Любопытны три записи Марии Михайловны под символическим рисунком — ***два дерева, разделенные ручьем,*** — датированным ***22 августа 1815 годом***: *«**Склонности объединяют нас, судьба разъединяет**», «Душой прекрасные не вянут», «Любить — вся моя наука».*

Если Ю.П. знал всю подноготную своей порочной жены с приблудным сыном, то как они могли обмениваться такими чувствительными стишками?

Этот альбом, также доступный каждому любознательному обывателю, был подарен Лермонтовскому музею при Николаевском кавалерийском училище в 1883 году К.М. Цехановской.

Цехановская — родственница Авдотьи Лермонтовой (1779-после 1858), бывшей замужем за Антоном Ивановичем Пожогиным-Отрашкевичем. Авдотья Петровна — первый ребенок Петра Юрьевича и Анны Васильевны Лермонтовых, пережила брата Юрия и шестерых сестер. Почитала себя правопреемницей творческого наследия М.Ю. Лермонтова и поэтому ***продала*** 27 мая 1858 года его сочинения книгоиздателю А.И. Глазунову (Т. Шипова. Полемика вокруг прав на издание М.Ю. Лермонтова // ВБЛ. № 2. 2007. С. 238-239).

Ее дочь Анна Антоновна (? -10 окт. 1870) была замужем за Матвеем Афанасьевичем Цехановским (умер 4 ноября 1874 г.). Елена Петровна Лермонтова, в замужестве Виолева, приобрела в 1838 г. у М.Ю. Лермонтова его половину Кропотова, ***продала 1 июля 1855 года право на издание*** полного собрания сочинений племянника издателю И.И. Глазунову, а 18 февраля 1856 г. завещала это право своей родной племяннице Анне Антоновне Цехановской (Д.А. Алексеев. Находки и открытия. В 2 т. - М.: Древрехранилище, 2916. Т. 1. С.9, 147, 158-159).

Генерал-майор Аким Васильевич Хастатов умер в 1809 году и, как ни крути, не мог знать *«об интересах Бейбулата Таймиева относительно Марии Михайловны»* в 1810-1812 годах. Эту *«скрытую информацию»* автор мог бы почерпнуть в Лермонтовской энциклопедии, куда иногда, вроде бы, заглядывал…

Анне Хастатовой (1802-1836), дочери Акима Васильевича, нечего было рассказать своему будущему мужу, поскольку в 1810 году ей исполнилось всего восемь лет, а в те времена детей столь юного возраста не посвящали в матримониальные отношения родственников.

11) *Автор, витающий в поэтических эмпиреях, подобно гоголевскому Аммосу Федоровичу до всего «сам собою дошел, собственным умом». Что ему было надобно — придумал. Что вычитал из отрывного календаря — не понял и домыслил, как Бог на душу положил. Так пассия Л. Варвара Александровна Лопухина, выходит замуж за князя (Sic!) Николая Федоровича Бахметева. Жаль, что тот помер, а то бы как обрадовался!*

И с «биологическим» отцом Л. Автор разобрался — это смелый войн Бейбулат Таймиев, ну прямо кинематографический «Дата Туташхия», (Дато — Ред.) а не врач-еврей или того хуже — крепостной дворовой, которого Е. Арсеньева порола на конюшне. Понять предпочтение Автора можно, ведь Таймиев, наверняка, из местных князей — вот вам и «указатель на благородное социальное происхождение» Лермонтова.

Читатель догадывается, что Л. «дворянского статуса по юридическому отцу иметь не мог», потому что Автор решительно заявил: «безусловно считается — к столбовым дворянам род Лермонтов не относится».

В давние времена говорили: «есть мнение…».

Посудите сами, говорит Автор, кем был родоначальник Лермонтовых Георг Лермонт (?-1634)? Наемным убийцей: сначала «предал свое отечество (Шотландию) в пользу поляков неизвестно когда, а поляков предал в пользу русского царя в 1613 г.». Как звали его русскую жену — неизвестно!

Должно быть начал «свой род с какой-нибудь маркитанткой» и уж тут «трудно не обнажить саркастическую усмешку». Ну, дали ему чин ротмистра и пожаловали поместье за службу. А где «царская жалованная Грамота на поместье Кузнецово?». Ага, утеряна! А взять прапрадеда Ю.П. — стольника Ефтифея (Евтихия) Петровича (?-1707). Кем он был? Да, так, «типа распорядителя при царском столе». Кто ему «и за какие подвиги пожаловал поместья, где дарственные грамоты на их дарение?». Нет ничего! Просили в 1688 году внуки Георга Лермонта, Евтифей и Петр, признать их дворянами, а ссылались-то, смех один, — на «…книгу по истории Шотландии Бецуса и Леслея, под видом якобы утери Жалованной Грамоты царя Михаила Федоровича на поместье Кузнецово в Костромской губернии»!

Далась Автору это несчастная деревня Кузнецово…

Автор вычитал в «Жалованной грамоте» Екатерины II, что

«недействительно в воинской службе служащих, но равные чины имеющих, почитать надлежит за имеющих лишь личное дворянство, но не наследственное» и воскликнул: «так это как раз относится к Ю.П.»!

Комментарий: А теперь, Читатель, будем разбираться.

Не будем *«обнажать саркастическую усмешку»* перед Автором. Ведь, человек до всего *«сам собою дошел, собственным умом».* Верно сказано: *«Проще солнце поворотить с его пути, чем Фабрициуса с пути чести…».* Читатель, загляни в статьи, которые мы уже упоминали: В.Н. Сторожев. Георг Лермонт. Родоначальник рус. ветви Лермонтовых. – М., 1894 г.; В.В. Никольский. Предки М. Лермонтова // Рус. старина. 1873. № 4. С.547-566; Наталья Архангельская. Усадьбы и судьбы. Вып. 1. Никольское, Осташково (Окуловы и Шиповы). – М., 2009. С. 347-348 (Родословная Лермонтовых по материалам РГАДА); Л.С. Савелов. Лекции по рус. генеалогии. – М., 1994 (Репр. изд. кн. 1908 г.)

Там приведена потерянная Автором *«ввозная»* Грамота царя Михаила Федоровича от 9 марта 7129 (1621) года за приписью дьяка Ивана Грязьева, который *«…пожаловал есмя теми деревнями, и пустошами, жеребьи пустошей поручика Юрья Лерманта в его оклад в шестьсот четвертей вместе со всеми угодьми»*. Причем порутчик Георг Лермонт получил населенное поместье в Заболоцкой волости по отказной грамоте от 1 августа 1620 года, посланной галицкому воеводе Петру Семеновичу Лутохину (В.Н. Сторожев. Георг Лермонт. Родоначальник русской ветви Лермонтовых. – М., 1894. С.12-13, 24, 25).

Царь Михаил не «дарил» земель Георгу Лермонту: тот получил девять деревень (Привалкино, Копылово, Острожниково, Филино, Черемисиново, Кузнецово, Семенково, Ревякино и Окатово) на поместном праве, как служилый человек, верстанный поместным и денежным окладами. Получение поместья было не подарком, а правом.

А ратный путь Георга — *«наемного субъекта из числа продажных зарубежных наёмников-убийц»,* как смачно припечатал его Автор, прослеживается по его трем челобитным 1618-1619 гг. и официальным бумагам. Когда 5 сентября 1613 года стольники князь Дмитрий Черкасский и Михаил Бутурлин взяли крепость Белую, то Георг Лермонт, вместе с 60 «бельскими сидельцами» — англичанами, шотландцами и ирландцами (Ян Кук, Ян Вуд, Ян Ро, Вильям Кар, Вильям Янстун, Вильям Гарвин и др.), состоявшими на польской службе, вышел из крепости на *«государево имя»* и таким образом очутились в рядах московских войск, которых московское правительство с большой охотой по-

полняло вымуштрованными иноземцами. Выехал на *«государево имя» «в шляхтичах»* и получил кормовых денег по 3 руб. 20 алтын на месяц, а в 1617 году, минуя должности писаря и пятидесятника, назначен с одобрения *«шкотской»* роты прапорщиком на место умершего Давыда Адворца. Со своей ротой отбил 29 июня 1618 года от Можайска королевича Владислава и гетмана Ходкевича с польскими, литовскими и немецкими людьми. В октябре 1618 г. дрался в Москве во время приступа войск королевича Владислава, назначен во главе роты поручиком на место убитого Петра Юля и получает уже 15 руб. в месяц. А в 1619 г. просит царя поверстать его *«со товарищи»* поместными и денежными окладами: *«…вели, государь, нас своим царским великим жалованьем, поместными и денежными окладами поверстать … чтобы наши женишка с детишками после нас по дворам не пошли».*

В 1632 г. московское правительство обратило усиленное внимание на обучение русских дворян и детей боярских хитростям ратного строения. На помощь призваны были иноземцы старого и нового выезда. 23 июня 1632 г. полковник Самуил Шарль де Эберт рекомендует ротмистра Георга Лермонта в начальники и учителя во вновь формируемых полках с большим по тем временам жалованьем в 100 руб. в месяц. К этому времени он был женат вторым браком на Екатерине Федоровне. Погиб в конце 1633 или в начале 1634 г. во время 2-й польской войны под Смоленском, где был в рейтарском полку ротмистром.

Несколько слов об Евтифее Петровиче Лермонтове (?-1707) — внуке Георга Лермонта и прапрапрадеде поэта. По справке в архиве Разрядного приказа в 1667 г. он пожалован в *«жильцы»* в дворцовом охранном отряде. В 1679 г. *«великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич …пожаловал в стряпчие … Евтифея Петрова сына Лермонтова»*. В 1682, 1686 и 1692 гг. Евтифей значится уже стольником. Жилец, стряпчий и стольник в XVII в. — чины сначала при княжеском, а потом и царском дворе, которые были выше по рангу остального дворянства. Когда звание стольника становится придворным чином, мы их видим в приказах, на воеводствах, в полковой службе, в посольствах и т.п. В стольниках бывали члены самых именитых родов, переходя затем прямо в Думу. Во второй половине XVII в. стольник — это не *«типа распорядителя при царском столе»*: сегодня он мог быть воеводою в городе, а завтра — посланником, рейтарским или стрелецким полковником (В.В. Никольский. Предки М.Ю. Лермонтова // Русская старина. 1873. № 4. С.548-549).

Рядом с новыми чинами по табели о рангах 1722 г. Петра I продолжали еще некоторое время существовать и старые; стольник, в частно-

сти, производился в полковники.

Автор убежден: Ю.П. с эрзац-сынком еще и потому никакие не потомственные дворяне, а мошенники и самозванцы, что их потомки владели поместьями, а не вотчинами, которые-де одни и приносят вожделенное древнее благородство. А если вотчины изредка и упоминаются в роду Лермонтовых, то они какие-то *«неправильные»* … И, мол, потомки Георга Лермонта об этом доподлинно знали, а потому на потомственное дворянство и не претендовали… Эту идею-фикс Автор отстаивает с достойным восхищения фанатизмом неофита[6].

Читатель может заглянуть в Справку из Вотчинного департамента, которую получил Ю.П. в 1829 году и самолично убедиться, какими именно вотчинами и поместьями владел Евтифей Петрович Лермонтов в 1673, 1679, 1684, 1685, 1693 и 1700 годах.

Процитируем выдержки из Справки Вотчинного департамента:

«В отказных книгах 181 (1673) года октября 8-го дня написано. Отказано Евтифею Петрову сыну Леомантову вотчина и прожиточное имение девки Феклы Матвеевой дочери Перелошиной усадище Измайлово деревня Жеребцово, деревня Мерлино…».

«За ним же Евтифьем и Петром Лермантовыми по даче 192 (1684) года вотчины, что за ними записана вотчина по купчей Богдана Савелова, в Галичском уезде в Шебельской волости деревня Пронино, а Баранова тож, деревня Воронино, Доронино тож с деревнями…».

«А в 201 (1693) году февраля 10-го дня по смерти Авдотьи Мещериновой та вотчина справлена за ними же Евтифьем и Петром….». «За ним же Евтифьем Лермантовым вотчина по даче 1700 году Июля 23-го дня, что он купил у Степана Федорова сына Чередова купленную его вотчину, что он Степан во 194 (1686) году купил у Афанасья Лаврентьева сына Симанского в Галическома уезде в Чухломской окологородной волости и петь села Михайловского, Ливиновское тож…».

«В 1708 гожу Декабря 8-го дня Прасковья Михайлова дочь Евтифеева дена (?) Лермантова с детьми Петром, Матвеем и Яковом поместья и вотчины, она вдова после мужа…, а они Петр, Матвей и Яков после отца своего в Галичском уезде разделили между собою полюбовно, а… по тому разделу … досталось ее сыну Петру Лермантову вотчина деревня Бараново, пол деревни Воронино, усадьба Измайлово, деревня Мерлино, деревня Жеребцово и в других местах…».

От первой жены Феклы Матвеевны Перелешиной у Евтифея Лермантова был сын Петр, ставший родоначальником так называемой *«измайловской»* линии Лермонтовых, которая ведет к нашему поэту.

[6] Неофит — новый приверженец, новичок. — Ред.

Прасковья Михайлова Белкина — вторая жена Евтифея Лермонтова, от которой у него были сыновья Матвей и Яков. Как недавно выяснила А.В. Архангельская, сын Евтифея, Петр (прапрадед поэта), был женат дважды. Первая его жена — Марья Ивановна. А вот сын Юрий (прадед поэта) родился от второй жены Маремьяны Гавриловны, урожденной Баграковой, в первом браке за Михаилом Саввичем Ларионовым (Наталья Архангельская. Усадьбы и судьбы. Вып. 1. Никульское, Осташково (Окуловы и Шиповы). – М. 2009. С. 347).

Небольшая историческая справка.

Вотчина явилась результатом отчуждения государевой земли путем купли ее служилыми людьми и путем дара поместья в вотчину за службы. Последний источник вотчины особенно часто практиковался во второй половине XVII в., когда, ради особых важных случаев, как, например, вечного мира с Польшей 1686 года, Троицкого похода и за участие в трудных малороссийских военных кампаниях, множество помещиков получили 20% или 10% с поместных своих окладов из поместья в вотчину. В первой половине XVII в. в общем количестве земель Московского государства было до 75% поместий и не больше 25% вотчин, но к концу столетия оба эти количества уравнялись. Весьма распространен был обычай увеличивать поместное владение путем брака на счет «прожитков» вдов и «девок». Женитьба на вдовах была гораздо выгоднее, потому что прожитки вдов были вдвое крупнее (15 четвертей со ста) девичьих и при этом вдова нередко приносила с собой отцовскую приданную вотчину. Из таких «солдат удачи», как Георг Лермонт, выехавших из Орды, «Немец и Прус», Венеции, Рима, Англии, Шотландии, Дании, Ирландии. Кафы и т.п., составилось российское древнее дворянство. Так в издании Новикова («Родословная Книга Князей и Дворян российских и выезжих...», 1797 г.) родоначальники лишь 33 родов выехали из русских местностей, еще у 96 родов, выезд не указан. Остальные же 804 рода (86%!) принадлежат к родам выезжим (Л.М. Савелов. Лекции по русской генеалогии, - М., 1908. С. 206-211). Из Орды выехали родоначальники Арсеньевых и Ураковых, к роду последних принадлежала бабушка Ю.П., Авдотья Васильевна Рыкачева, урожденная Уракова. Евтифей и его брат Петр подали в 1688 году в Разрядный приказ поколенную роспись рода Лермонтовых, где прописана их служба, начиная с перехода Георга Лермонта на русскую службу в 1613 году, благо в XVII в. с документацией обстояло несравненно лучше, чем, скажем, в XV-XVI вв. А вот сведения о древних родственниках Георга в «Шкотской земле», начиная с 1057 года и легендарного Малькольмуса, которого «изгнал тиран Макбетус», и владении ими «господинством Рарси», Евтифей и Петр позаимствовали у «Гектора Боецыева, Яганса Леслеуста» и иных летописцев» — это дань повальной тогда на Руси моде, непременно выводить свое родство от иностранцев — графов, дюков, королевских детей. Подобные романтические биографии можно найти во многих родословных, упомянутых выше 804 российских родов, предки которых выехали на Русь из иноземных государств.

И, наконец, замолвим слово о бедном Ю.П., которого автор с маниакальным упорством не признает потомственным дворянином.

В 1722 году Петр I издал табель о рангах, по которому вся служба в государстве была разделена на 14 классов. По этой табели уже первый офицерский чин давал право на потомственное дворянство. В военной службе были отец Ю.П. — Петр Юрьевич (1752-1799), поступил в 1760 г., уволен в 1774 г. поручиком. И его дед Юрий Петрович (1722-1779) — с 1740 г. в Кадетском корпусе, в 1768 г. в отставке, секунд-майор. И прадед Петр Ефтифеевич (1698-1729), капитан л.-гв. Преображенского полка.

С какого боку не подойти — они потомственные дворяне.

Автор процитировал статью из «Жалованной грамоты» 1785 года Екатерины II, но так и не понял, чем же действительная военная служба отличается от недействительной, которая давала только личное дворянство. Автор задался вопросом: ну, какая же может быть действительная служба в каком-то там военном учебном заведении? И решил для себя: конечно же недействительная, и в корпусе Ю.П. просто-напросто отсиживался до отставки. А когда представил в Тульское ДДС свой послужной список, то там, по скудоумию (или, страшно подумать, за взятку!), его военную службу приняли за действительную и записали с сыном в потомственное столбовое дворянство. Военная служба офицера считалась недействительной и не входила в выслугу лет, если он находился в длительных отпусках (больше 4-х месяцев) по домашним обстоятельствам. Служба считалась действительной даже тогда, когда офицер находился длительное время в госпитале на излечении болезни или боевых ран.

А теперь, Читатель, — продолжение лермонтоведческого триллера Автора под названием «За мишурой фантазий».

(Принятые ранее сокращения остаются в силе.
Курсивом, по-прежнему, выделяется текст Автора)

Главные персонажи — родоначальник Лермонтовых, «наемный субъект из числа продажных зарубежных наёмников» шотландец Георг Лермонт (?-1634), предавший сначала «свое отечество в пользу поляков», а потом «поляков ...в пользу русского царя в 1613 г.»;
и его внук стольник Евтифей Петрович (?-1707).

Сюжет второй серии триллера — Георг Лермонт чудесным образом пролез из рядовых наёмников в ротмистры, в военных походах не участвовал, но был пожалован царем Михаилом Федоровичем невесть за что по-

местьем из девяти деревень. А еще — колоссальным по тем временам, прямо-таки нынешним генеральским жалованьем, в 100 рублей.

Алчный ландскнехт Георг «на армейских харчах имел реальную возможность накопления средств на приобретение недвижимости». Однако дворянином так и не стал. Одно дело иметь поместье: сегодня служишь государю — дают землю с крестьянами, а завтра не служишь — отбирают и тогда звать тебя никем. И совсем другое дело — родовая вотчина, которая и отличает подлинного дворянина от холопа. Однако царь-государь жалует вотчины по большому разбору.

Первую вотчину Измайлово раздобыл внук Георга — Евтифей, в 1673 году, мошенническим браком с Феклой Перелешиной. А потом, намекает Автор, от нее избавился — «ее уход, причина и время ухода из жизни покрыты, или необходимо, чтобы были покрыты, мраком неизвестности»... Был Евтифей с 1667 года «жильцом» в охранном отряде царя, с 1678 года стряпчим, в 1681 году уже стольником, т.е. в придворных чинах, а значит, стоял выше простого дворянина. Однако Автор дворянином Евтифея не признает, потому что вотчины его какие-то «неправильные». Сын, внук и правнук Евтифея несли военную службу в офицерских чинах и, разумеется, имели право на потомственное дворянство по Табели о рангах 1722 года Петра I. Но на древнее благородное дворянство не претендовали, потому что понимали — их предки до 1685 года дворянами не были.

Тульское ДДС причислило в 1829 году Ю.П. к древнему дворянству незаконно, по глупости, а, если хорошенько покопаться, то, возможно, и за взятку... Хотя Л. и носит фамилию этих подозрительных субъектов, но никакого отношения к ним не имеет, потому что Ю.П. — не его «биологический» папенька. А потому Л. — не из рода древних дворян, и вовсе не дворянин. Л. прожил короткую жизнь мещанином во дворянстве, под чужим именем и с подложными документами.

Итак, Читатель, что же кроется «за мишурой фантазий»?
Нам показалось, что Автор чересчур строг к своему сочинению…

1) *«Не будем отвлекаться, — пишет Автор, — на канонически повторяемые подвиги боковых ветвей Лермонтовых, неприятие поэта Императорским Домом (по возможному не-благородному происхождению), на апологическую закомплексованность очередных филологов-социологов. ...интерес представляет только Измайловская ветвь — родословная поэта и породивший ее корень — Георг Лермонт».*

Комментарий: Оставим в стороне стилистические изыски Автора, что «боковые ветви», оказывается, могут совершать подвиги (!), а родословную поэта порождает …корень. И не будем придираться к его «версии», что император якобы наказывал Л. не за какие-то там стихи на смерть Пушкина и дуэль с Барантом, а *«по возможному неблагородному происхождению».* Иными словами, невзлюбил за то, что тот

не дворянин и мошеннически пролез в Гвардию. Однако, согласись Читатель, вот что странно: почему же тогда суровый Николай I терпел это вопиющее беззаконие? Неужто у Л. были могущественные покровители? Впрочем, уверены, Автор со временем придумает какое-нибудь другое «альтернативное» объяснение своему пассажу…

2) *Автор констатирует:* «*Непреложным (неоспоримым, как доказанным) фактом воспринимается пожалование Георгу в 1621 году за хорошую службу (акцентируем — именно за «хорошую службу»), царем Михаилом Федоровичем Романовым поместья (акцентируем — поместья) Кузнецово с девятью деревнями (с крепостными крестьянами), землями и пустошами в Галичском уезде Костромской губернии*».

Однако чуть дальше Автор восклицает: да кто он такой, этот подозрительный дьяк Иван Грязьев, справивший якобы Георгу царскую «ввозную» Грамоту на поместье, чтобы «верить его полномочию»! Получается, что Грамота выписана «правомочием именно его — Ивана Грязьева. Тогда почему не указан документ, уполномочивший его на право выдачи такого значения документов?». Почему, наконец, «в выписке не указано событие на пожалование Георга поместьем»?

Комментарий: Напрасно Автор так опрометчиво «акцентировал» внимание Читателя на своем простосердечном невежестве. За «многие службишки и крови» царь-государь верстал поместными окладами и жалованьем множество своих подданных по их челобитным, как это сделали в 1619 году «холопи государевы, иноземцы бельских немец, шкотской роты порутчик Юшко Лермонт с товарыщи своими».

Напомним еще раз, что желание Г. Лермонта с бывшими «бельскими сидельцами», пред именами которых в списке появились отметки «***быть на Москве***», исполнилось: их поверстали по службе и по отечеству поместными и денежными окладами и в том же 1619 или в начале 1620 года наделили населенными поместьями. В отказной грамоте от 1 августа 1620 года, посланной галицкому воеводе П.С. Лутохину, указано, что капитан Яков Шав, поручик Георг Лермонт, прапорщик Ян Фарфар, Ян Вуд были испомещены в Галиче в Заболоцкой волости. 9 марта 1621 года Лермонт получил на свое поместье «ввозную грамоту». Если бы Автор самолично прочитал «ввозную» Грамоту, а не довольствовался невесть откуда взятыми сведениями, то не утверждал бы, что «Кузнецово с девятью деревнями» — это, оказыва-

ется поместья! Поместьем (в единственном числе!) назывались в «ввозной» грамоте 1621 г. все девять деревень, включая Кузнецово — Привалкино, Копылово, Острожниково, Филино, Черемисиново, Кузнецово, Семенково, Ревякино и Окатово. В Галицкой писцовой книге 1628 г. прописано: *«всего за порутчиком за Юрьем Лермантом в поместье: усадище, да 9 деревень жилых, да пустошь, да 3 жеребьи пустоши».* «Усадище» — это деревня Кузнецово с усадьбой — домом помещика. А в усадище и деревнях 47 дворов, а в них «людей 53 человека, да шесть дворов бобыльских», 576 четей пашни, 628 копен сена и 71 десятина пашенного и непашенного леса. (См. В.Н. Сторожев. Георг Лермонт. Родоначальник русской ветви Лермонтовых. – М., 1894. С. 20-22, 24-28).

«Усадище» — это помещичья усадьба в деревне Кузнецовой. «Ввозная» Грамота давало право владения крестьянами на поместной земле. А теперь — о несчастном дьяке Поместного приказа Иване Грязьеве, которого автор заподозрил, страшно подумать, в выдаче Георгу Лермонту подложной «ввозной» Грамоты на поместье от имени Государя! «Государева грамота, — отмечает генеалог Л.М. Савелов, — посылалась в тот город, в уезде которого находилась просимая земля, для исполнения решения. При деле же оставлялась лишь черновая грамота, торопливо и неряшливо написанная, с массой помарок; это называлось отпуск. Грамоты посылались всегда «за дьячьею приписью» одного какого-нибудь приказного дьяка; но в черновых «отпусках» этой приписи не делалось и из них поэтому редко можно узнать, какой дьяк подписал грамоту». (Л.М. Савелов. Лекции по русской генеалогии. – М.: 1908. С. 221)

Итак, перед нами черновой «отпуск» «Государевой грамоты». Историкам повезло: они бы никогда не узнали, что дьяк Иван Грязьев «приписал» Грамоту Георгу Лермонту, если бы тот не приписал на грамоте своей рукой: *«царь и великий князь Михайло Федорович».* Иван Грязьев сидел в Поместном приказе в 1621-1624 годах. А Грамоту (а не выписку у Автора) «справил» подьячий «Савка Самсонов».

Если бы Автор знал, как составлялась «ввозная» грамота, то не задавался бы нелепыми вопросами: отчего-де «не указано событие на пожалование Георга поместьем», да, почему-де не указан мифический документ, «уполномочивший» дьяка «на право выдачи та-кого значения документов?».

«Ввозная» Грамота обыкновенно давалась в случае утраты прежних документов на владение землей или в случае утверждения за кем-то мужнина или отцовского недвижимого имения (Л.М. Савелов. Лек-

ции по русской генеалогии. – М.: 1908. С. 220-221. 241-242).

3) *«Общепринято считать, — пишет Автор, — что в 1621 году Георгу было присвоено звание ротмистра (т.е. обер-офицера) и он пожалован поместьем. Нет оснований категорически сомневаться в первом и допустить второе». Далее Автор понес, как гоголевский Ноздрев, «такую околесину, которая не только не имела никакого подобия правды, но даже просто ни на что не имела подобия». Процитируем этот пассаж:* «*Есть неофициальное сведение о том, что Георг в 1618 году подал прошение о переводе его из иностранных наёмников в постоянную военную службу. И оно было удовлетворено. Это меняло ситуацию в смысле служения Георга Лермонта России на новых условиях и могло быть поводом для повышения воинского звания, но не по закону или воинскому уложению, а только по милости царя. Что маловероятно по малой значительности перехода наёмника в другое гражданство*».

Комментарий: Любопытно было бы узнать, где автор вычитал фразу *«общепринято считать, что в 1621 году Георгу было присвоено звание ротмистра»*. В челобитных, ввозной грамоте 1621 года и в Галицкой писцовой книге 1628 года, т.е. в 1819-1828 годах Георг Лермонт значится порутчиком. Упоминается ротмистром 23 июня 1832 года, когда полковник Самуил Шарль де Эберт рекомендовал его в число лиц, способных занять в Москве места начальников и учителей вновь формируемых рейтарских полков драгунского строя с очень большим по тем временам жалованием — 100 рублей в месяц (т.е. 16800 рублей в год по ценам 1894 года). *«А по государеву указу, — сказано в Поколенной росписи рода Лермонтовых 1688 года, — велено быть у него Юрья в ученьи дворяном и детям боярским, и новокрещенным немцам старого и нового выезду, и татарам в конном рейтарском строю»*. Выходит, пожалован в ротмистры между 1628 и 1632 годами. В чине ротмистра в рейтарском полку он и был убит в 1634 году под Смоленском во вторую польскую войну (См. В.Н. Сторожев. Георг Лермонт. Родоначальник русской ветви Лермонтовых. – М., 1894. С. 14-15, 33). А «Неофициальное сведение» — это эвфемизм, когда речь идет о домысле. Чин давался только царскими указами, а впоследствии — императорскими Высочайшими приказами.

4) *По табели 1722 года Петра I о рангах уже первый офицер-*

ский чин давал право потомственного дворянства. «Зная это, — пишет Автор, — и именно поэтому, Евтихий Петрович с бра-том Петром Петровичем пытались вписаться в родословную дворянскую книгу Костромской губернии как иностранцы, со ссылкой на книгу Беециуса и Леслея, в которой якобы присутствуют их родственники — Лермонты. Описанный вариант подтасовки фактов для получения дворянского статуса Георгом Лермонтом, через получения обер-офицерского звания, используют лермонтоведы всех времен». Здесь мысли Автора перескакивают на другое: Петр I, конечно же, «своей табелью о рангах открыл широкий доступ в ряды дворян всем людям, дослужившим до обер-офицерского чина. Но только люди, дослужившиеся до первых восьми рангов или чинов, причислились к ... потомственному дворянству; прочие состояли в дворянстве личном».

Комментарий: Как Евтифей (?-1708) и его брат Петр, которые умерли до 1722 года проведали о Табели о рангах Петра I (?!), одному Богу известно. Автор подзабыл, что ДРК губерний появляются только в «Жалованной грамоте» Екатерины II 1785 года. Поэтому Евтифей с Петром никак не могли вписаться в несуществующую ДРК, а в 1688 году подали поколенную роспись своего рода в Разрядный приказ, для доказательства службы предков и их дворянского достоинства. Как ранее говорилось, иноземцы жаловались поместьями и поместными окладами, прежде всего, не по заслугам своих мифических предков в каких-то дальних странах, а за государеву службу, которую потом доказывали челобитными, «ввозными» и «отказными» грамотами, купчими, писцовыми книгами и выписками из Разрядного приказа.

Конечно, по тогдашней повальной моде, иностранцы старались всеми способами доказать благородное происхождение своих предков на бывшей родине: реже — подлинными иностранными документами, каковых у большинства из них не было, но чаще — полулегендарными сведениями из разных апокрифических источников, в частности, из книг иностранных авторов. Потомки Георга Лермонта не составили тут исключения. *«Палата Родословных дел, — пишет Л.М. Савелов, — требовала доку-ментальных доказательств — их не было, следовательно их надобно было сфабриковать и их фабриковали и в результате получалось, что русские дворянские роды ведут свое происхождение откуда угодно, в числе их родоначальников мы встречаем различных дуксов, королевских сыновей и братьев, макркграфов верховных языческих жрецов... но почти не встречается родов происходя-*

щих от русских родоначальников. Время Петра I, благодаря его предпочтению всему иноземному, могло только училить это пристрастие русского дворянина к происхождению из различных «Немец» и «Прус» ...». (Л.М. Савелов. Лекции по русской генеалогии. – М., 1908. С. 158-161). Сказанное, разумеется, не относится к службе Георга Лермонта (с 1613 г.) и его потомков российскому государству.

Сыну Георга Лермонта, Петру, 16 июня 1653 года *«по государеву указу велено ...быти в капитанах в Даниловом полку Краферта».* В августе того же года *«по государеву же указу для крещения православные христианские веры, как он был у государя у руки и видел ево государевы очи, велено ему Петру быть в маеорах»* и 12 августа *«по государеву указу для крещения ж в православные христианские веры велено ему учинить поместный оклад и с прежним 600 чети, денег из четверти 40 рублев»*. Петр в поместном окладе был сравнен с окладом отца и отстал от него только в денежном жалованье. Петр крестился, стал русским подданным и дворянином. Сыновья его, Евтифей и Петр, начали свою службу не простыми дворянами, а на придворных должностях, с «жильцов» и закончили его в стольниках, в ранге воевод и полковников.

По Табели о рангах Петра I первый офицерский чин и гражданский чин 8-го класса давали право потомственного дворянства. О гражданском чине Автор пишет нечто несуразное: если дослужатся *«до первых восьми рангов или чинов»* (!) Екатерина II в «Жалованной грамоте» разъяснила (вернее, ограничила) это положение Табели о рангах: *«недействительно в воинской службе служащих, но равные чины имеющих почитать надлежит»* не потомственными дворянами, а за *«имеющих лишь личное дворянство»*.

5) Заранее просим прощения у Читателя за то, что приведем обширную цитату из статьи Автора. Однако она характерна для его сочинений, как пример концентрированного собрания оригинальных безсмыслиц. Итак, *«...неизбежно приходится напомнить о нескольких моментах, убедительно доказывающих общепризнанный факт: в дворянских родословных списках Костромской и Тульской губерний до 1829 г. дворянского рода Лермонтовых не было. Не было его и в общероссийском списке дворян. Соответственно, свидетельство о дворянстве Михаилу Юрьевичу выдать не было оснований. Рассматривать представленную вместо свидетельства «справку о дворянстве «отца» М. Лермонтова Юрия Петровича от 1798 г.*

генваря 16 дня за подписью Егора Крюкова и К..., фальшивую от первой до последней буквы, сейчас бессмысленно. Она дана через 11 лет после дня рождения в соседней губернии и через 13 лет после выдачи Жалованной Грамоты Екатерины II, обязывающей доказать дворянство. ...К этому времени должен был, в основном, закончиться процесс подтверждения дворянского статуса и не было ничего проще, как законно взять свидетельство о дворянстве по месту проживания, а не сочинять её через 13 лет в другой губернии с людьми не имеющими на то полномочий. К существу темы основного вопроса настоящей статьи она имеет только то отношение, что фактически существовала, как объективное свидетельство отсутствия документальных данных для выдачи законного свидетельства о дворянском происхождении М.Ю. Лермонтова, то есть отсутствия Лермонтовых в родословных книгах губерний. И ещё. Дата сочинения справки подтверждает сочинение её не для Михаила Юрьевича, а для его «отца», т.к. Михаила Юрьевича в это время не существовало даже в виде эмбриона и, значит, ещё при жизни его деда Петра Юрьевича (1767 – 1811г.) в дворянских родословных книгах не было рода Лермонтовых».

Комментарий: А теперь попробуем распутать этот клубок пассажей. Для удобства мы подчеркнули те эпизоды, по которым хоть както можно проследить за «альтернативной логикой» рассуждений Автора.

а) Итак, до 1829 г. Лермонтовы не были внесены ни в одну из ДРК губерний Российской империи. При жизни деда Л. в ДРК не было рода Лермонтовых. Поэтому выдать Л. свидетельство о дворянстве оснований не было. Позавидуем Автору, ведь он может говорить свободно, что вздумается, без опасания лишиться своего реноме, которого у него нет. Напомним еще раз, что секунд-майору Юрию Матвеевичу Лермонтову (1730-1817?) выдали родословную Лермонтовых из архива Разрядного приказа, которую он внес 1 апреля 1799 г. в Сенат по случаю составления Общего Гербовника дворянских родов Рос. империи. Герб Лермонтовых внесли в 4-й том (Стр. 102) Гербовника 7 декабря 1799 г. с его описанием и объяснениями, где, в частности, сказано: *«...Предок фамилии Лермантовых, Юрий Андреевич Лермонтов, выехал и Шкотския земли в Польшу, а оттуда в 1633 году, в Москву. По-*

томоки сего Юрия Андреевича Лермантова многие российскому престолу служили стольниками, воеводами и в иных чинах, и жалованы были от государей поместьями. Все сие доказывается справкою Разрядного приказа и родословною Лермантовых». (В.В. Никольский. Предки М.Ю. Лермонтова // Рус. старина. 1873. № 4. С. 547).

Николай Петрович Лермонтов (1770-1824) из так называемой «острожниковской» линии рода был занесен в ДРК Костромской губ. в 6-ю ее часть (древнее благородное дворянство). К сожалению, это дело было утрачено в результате пожара в Костромском архиве. Таким образом, род Лермонтовых был внесен в ДРК Костромской губернии до того, как Ю.П. внесли в ДРК Тульской губернии.

Напомним, что Евтифей Петрович (?-1707) с братом Петром представили в 1688 году родословную Лермонтовых в Разрядный приказ. Матвей Юрьевич Лермонтов (до 1708-1790), сын Евтифея Петровича и его второй жены Прасковьи Михайловны Белкиной, родоначальник так называемой «колотиловской» (по поместью) линии рода Лермонтовых. Его сын, Юрий Матвеевич, который внес в 1799 году род Лермонтов в Общий Гербовник дворянских родов Российской империи — двоюродный брат Юрия Петровича Лермонтова (1722-1779), прадеда поэта. От капитана л.-гв. Преображенского полка Петра Юрьевича (1698-1729), сына Евтифея Петровича Лермонтова и его первой жены Феклы Матвеевны Перелешиной идет так называемая «измайловская» линия к поэту.

Петр Юрьевич Лермонтов, бывший Галичский уездный предводитель дворянства, умер в начале 1799 года. Возможно, он знал, что в Костромском ДДС рассматривались дела о дворянстве Лермонтовых, где вряд ли была представлена родословная роспись его «измайловской» линии. Как известно, все четыре линии рода Лермонтовых были между собой, мягко сказать, в недружественных отношениях. Так, «острожниковские» и «кололотиловские» Лермонтовы не признавали родства с «измайловской» линией. Поэтому Петр Юрьевич не мог даже надеяться, что его запишут в ДРК в Костромской губернии, да еще в 6-ю ее часть. Все сказанное относится и к его сыну Ю.П. Папенька Петра Юрьевича, Юрий Петрович (1722-1779) был депутатом в Комиссии «о сочинении проекта нового уложения». В печатном именном списке депутатов от 24 февраля 1769 (Кн. 2) секунд-майор Лермонтов показан в «Комиссии о имениях кандидатом. А в именном списке от 1 января (Кн. 7) он уже вычеркнут. После смерти Юрия Петровича родственники вернули в 1785 году его золотой депутатский знак «с повре-

жденною цепочкою (16 золотников)». (РГАДА, ф. 342, оп. 1, № 110, ч. 3, л. 68, 116 об., 124). Впрочем, Автор, несомненно, с легкостью докажет, что недворянин Юрий Петрович обманом проник и в «Комиссию о сочинении проекта нового уложения».

> б) *Справка о рождении и крещении Ю.П., заверенная тремя благородными дворянами, которую его отец Петр Юрьееич (1752-1799) представил в 1798 году в Кадетский корпус, подложна. Конечно, нельзя отрицать, что эта Справка «фактически существовала, как объективное свидетельство отсутствия документальных данных для выдачи законного свидетельства о дворянском происхождении М.Ю. Лермонтова». Далее у Автора вовсе непонятное: «…Дата сочинения справки подтверждает сочинение её не для Михаила Юрьевича, а для его «отца», т.к. Михаила Юрьевича в это время не существовало даже в виде эмбриона (?!)»*.

Итак, Справку 1798 года сочинили, как очень тонко подметил Автор, не для Михаила Юрьевича, которого *«в это время не существовало даже в виде эмбриона»*, а для его папеньки. Эта Справка, которую Автор назвал «фальшивой от первой до последней буквы», подтверждала, где родился Ю.П, когда и где был крещен и что его отец — дворянин, и, не будем забывать, бывший уездный Галичский предводитель дворянства. Справка признана *«идиотом»* Великим князем Константином Павловичем правомочной для принятия Ю.П., как сына дворянина в Кадетской корпус. Правда, мы крайне удивимся, если Автор промолчит, что папенька Ю.П. — конечно же не дворянин, а самозванцем пробрался на должность уездного предводителя дворянства! Понятно, что Справка 1789 года — это «объективное свидетельство отсутствия документальных данных для выдачи законного свидетельства о дворянском происхождении М.Ю. Лермонтова». Автор, к сожалению, не назвал учреждения, где бы эту Справку рассматривали на предмет *«выдачи законного свидетельства»* о дворянстве Лермонтова. Увы, поэту пришлось поступать в Пансион и Университет по официальному Свидетельству о рождении и крещении, в котором его отец — корпуса капитан смотрится как бы потомственным дворянином. Согласитесь, было бы странно, если бы и это Свидетельство Автор не признал подложным… Справка о рождении и благородном происхождении Ю.П. — насквозь фальшивая-фальшивая и состряпана его папенькой-лжепредводителем, но ее, за неимением дру-

гой, Л. несет в Школу юнкеров и его, о чудо, принимают в Гвардию!

Читатель не забыл, что это Справка 1798 года о … рождении его папеньки! Возможно, нервный Читатель, у которого кружится голова от этих куншюков Автора, воскликнет, как же это поэта приняли в Гвардию с фальшивой-то Справкой о рождении его папеньки?! Проще-простого, ответим мы с Автором: коррупционеры-начальники и протекция могущественного покровителя…

> в) *Петру Юрьевичу, пишет Автор, «не было ничего проще, как законно взять свидетельство о дворянстве»* для сына Ю.П. *«по месту проживания, а не сочинять»* подложную Справку *«через 13 лет в другой губернии с людьми, не имеющими на то полномочий».*

Петр Юрьевич, по неясным для нас причинам, не приписался к древнему дворянству Костромской губернии вместе с сыном Ю.П., как это сделал энергичный Николай Петрович Лермонтов. Неясно также, почему он с семейством решил перебраться из Костромской губернии в Тульскую и распродал свои усадьбы — Туровское, Лежнино, Воронино, Никольское. В 1791 году продал родовое имение Измайлово И.И. Чалееву, а в 1796 году имение Воронино, Доронино тож бригадиру Н.Н. Раду. А без недвижимости в Костромской губернии его бы не внесли в 6-ю часть ДРК.

Читатель вправе спросить: если Лермонтовых внесли в ДРК Костромской губернии, а их герб — в 1799 году в Общий Гербовник империи, то почему же Ю.П. по своей отставке в 1811 году этим не воспользовался? Напомним, что у него в Костромской губернии не было недвижимости и там его бы в ДРК не внесли. Правда, он мог поступить иначе: скажем, обратиться с прошением в ДДС Тульской губернии и объявить, что желает быть внесенным в ДРК вместе с сыном, что его родственники внесены в ДРК Костромской губернии и поэтому он просит запросить «дело о дворянстве Лермонтовых».

Но он, как известно, этого не сделал и пошел другим путем. На то, возможно было несколько причин. Во-первых, мы не знаем, какие у него были отношения с костромскими родственниками из других линий рода Лермонтовых. Вероятно, плохие, а, возможно, и вовсе никаких. Ведь, он принадлежал к «измайловской» линии, а с ней враждовали «колотиловские» и «острожниковские» Лермонтовы. Во-вторых, в родословных, которые подавали Николай Петрович Лермонтов и Матвей Юрьевич в ДДС Костромской губернии наверняка не было

представителей «измайловской» линии Лермонтовых.

В этом случае переписка между ДДС заняла бы много времени. Несомненно, потребовалось бы дополнять «Дело о дворянстве…» из ДДС Костромской губернии новой Справкой о поместьях и вотчинах из Вотчинного департамента. А так Ю.П. подал 11 января 1829 года прошение в Вотчинный департамент выдать ему копию *«о недвижимом дворянском имении с писцовых и отказных книг»*, которую получил 11 февраля 1829 года 5 марта того же года подал прошение в Тульское ДДС *«внесть в дворянскую родословную книгу, как меня так и сына моего Михайлу, и на оное внесение выдать грамоту, а сыну надлежащее о дворянстве свидетельство»*. Грамоту ему выдали уже 10 марта 1829 года и, выходит, на все ушло всего два месяца.

Подводя итог, можно сказать, что древнее дворянство Лермонтовых было установлено еще в 1799 году и поэтому Ю.П. с сыном ДДС Тульской губернии беспрепятственно внесло в 1829 году в 6-ю часть ДРК древнего благородного дворянства.

6) *Уследить за «броуновским» движением мыслей Автора невозможно. Мысли прихотливо скачут от Уложения о службе 1556 г. к Соборному уложению 1649 года, от Указа Петра I о единонаследии 1714 года к его Табелю о рангах 1722 года, от Манифеста о даровании вольности российскому дворянству 1762 года к Жалованной грамотой на права и вольности благородного российского дворянства 1785 года Екатерины II, между вотчинами и поместьями. Автор приводит обширные выписки из этих документов, желая, видимо, явить публике свою осведомленность, но не замечает, что цитаты противоречат тому, что он так рьяно провозглашает.*

Ох!, как прав классик: «Все смешалось в доме Облонских»…

Попытаемся все же выделить главное в пассажах Автора:

а) Л., по *«линии юридического отца, дворянского статуса России не имел»*. Это обстоятельство, *«при его врожденном тщеславии, имело если не решающее, то очень сильное влияние на его неестественные решения, поступки и вообще на трагически сложную судьбу»*.

Комментарий: Так вот в чем, оказывается, крылась истинная причина всех несчастий поэта! Само собой разумеется, легко ли всю жизнь прожить под маской дворянина, да еще с поддельными доку-

ментами! Денно и нощно ожидать, что вот-вот обман откроется и тогда не оберешься позора, тебя жестоко накажут, да еще и лишат навек наследственных Тархан. Ведь, если ты не потомственный дворянин, то и имением владеть не можешь. Схватят тебя, приблудного, осудят, высекут плетьми, да на поселение в Сибирь! Тут от страха не то что на людей кидаться будешь, но и разные «неестественные поступки» делать…

б) *Включение Ю.П. в родословную дворянскую книгу Тульской губернии в 1829 году нельзя считать правомерным уже только потому, что он побоялся взять нужную справку для «сына», из опасения «обнародовать ложность собственного благородства».*

Комментарий: У Автора совсем плохо с логикой. 10 марта 1829 года Тульская ДДС торжественно вручило Ю.П. Грамоту о внесении его с сыном в ДРК, подписанную губернским предводителем и девятью уездными предводителями. Ведь не тайно же, устно, шёпотом, ночью, под строжайшим секретом ему об этом сообщили, с условием никому никогда об этом не объявлять. Если Грамота — ложная, то зачем выдавали? А! понятно, подкупил их Ю.П. за те самые 25000 рублей, что ему выплатила Е.А. Арсеньева! Заговор молчания взяткодателя, взяточников и мздоимцев… Как бы там ни было, но дело-то о дворянстве сохранилось! Вся губерния узнала, что Ю.П. — из древнего благородного рода. И в Сенате и Герольдии знали. Ведь, хочешь-не хочешь, а отослали определение ДДС Тульской губернии в Петербург. А еще у Ю.П., на зависть окружающим, и герб есть, внесенный в Общий Гербовник империи. Какое уж тут опасение *«обнародовать ложность собственного благородства».*

Между прочим, как это можно «обнародовать ложность»? Но, как там ни крути, справку-то о дворянстве Л. двоюродный дед его, Григорий Алексеевич Арсеньев, все-таки взял в 1832 году в Тульском ДДС, а без нее Л. никогда бы не попал в Школу юнкеров, и тогда, возможно, его судьба сложилась бы совсем иначе…

в) *У Лермонтовых, начиная с Георга и до его внука Евтифея не было вотчины, а только поместье. А раз так, то они наследовали только «обязанность служить царю и престолу». Значит, Георг и его сын Петр — не дворяне. А дворянами потомки Георга «могут стать при условии — если доживут до 1762 г.,*

когда по Манифесту им дадут право на дворянское достоинство, ...дадут полное и неограниченное право собственности на потомственное наследование любого вида имущества». А кто пожалован «поместьем «на прокорм», при ненадлежащем исполнении службы, мог быть лишен условного землевладения, следовательно и условного дворянского статуса, без суда».

Комментарий: Идея-фикс Автора — у кого в роду до 1685 г. была вотчина, тот из древних потомственных дворян. А если у Лермонтовых и были до этого заветного года вотчины, то они «неправильные». Эту идею Автор отстаивает с упорством, достойным восхищения, вопреки грубым историческим реалиям. Выше мы упоминали, сколькими «правильными» вотчинами уже владели предки Л. до 1685 года.

Небольшая историческая справка:

Уже в «Соборном уложении» 1649 года царя Михаила Федоровича закреплено сближение правового статуса вотчины и поместья. Вотчины менялись на поместья с соответствующей передачей прав и обязаннстей. Поместья продавали за долги, меняли на денежные оклады, что фактически означало их куплю-продажу. Порядок передачи поместий по наследству, по сути, не отличался от вотчинного наследования. Был расширен круг наследников поместий и вотчин. Хотя формально поместье по-прежнему принадлежало государству, но когда оно попадало в наследственное владение и пользование, то землевладение по своему статусу приближалось уже к вотчинному, принимая форму полной собственности. Этими правами вовсю пользовались уже дети и внуки Георга Лермонта, подтверждая принадлежность к дворянскому сословию.

Скажем, Кропотово, купленное в 1791 г. Анной Васильевной Лермонтовой, и Тарханы, купленное в 1794 г. Е.А. Арсеньевой были благоприобретенными имениями и владелицы могли завещать их кому заблагорассудится. Для Ю.П. и его сестер Кропотово становилось уже родовым и наследовать его можно было только по закону. Поэтому большую его часть получал его сын, а сестры — самую малость, «на прожиток». Поэтому в своем завещании Ю.П. пошел навстречу трем сестрам — поделил имение поровну между ними и сыном. Доживи Л. до наследства, то и его Тарханы стали бы родовым имением.

г) *Родовая вотчина, утверждает Автор, появляется только в 1673 г у Евтифея, внука Георга Лермонта. «Настороженный исследовательскими фантазиями читатель, — пишет Автор, — усомнится в целесообразности версии приобретения Евти-*

хием Петровичем вотчинного поселения Измайлово, в качестве приданного за Феклой Матвеевной Перелешиной. Через жену и в таком варианте, ни он сам, ни их потомство не могли унаследовать ее потомственный дворянский статус и ее приданное. Она в течении ВСЕЙ своей жизни сохраняла за собой урожденный статус, но передать его ни мужу, ни детям не могла. После смерти все, кроме совместно нажитого, возвращалось в ее род». Автор пытается сказать тебе, дорогой Читатель, что *«условный» дворянин Евтифей не мог приобрести вотчину Измайлово в приданное за девицей Феклой и таким образом «унаследовать ее потомственный дворянский статус»*.

Итак, несчастный Евтифей, который рвется из «условных дворян» и «условных помещиков» в настоящие дворяне, должен «для создания из Измайлова родовой вотчины Лермонтовых» его купить. Но папенька Перелешин не желает продавать Измайлово, а у бедного Евфтифея нет денег на покупку. И тогда он придумывает хитроумную брачную комбинацию: жениться на Фекле …без приданного! Ведь он знает, что «по сценарию» Соборного уложения 1649 года «*жених не берет за невестой ни копейки, а родители не дают с невестой ни копейки*».

Папенька Перелешин с дочерью Феклой и будущим зятем договариваются так: «*Предварительно бракосочетанию (абсолютно негласно) отец невесты дает жениху жесткое обязательство: продать за условную сумму, по доброму согласию усадьбу Измайлово. Документально «куплю-продажу оформить в прилично, но не долгий срок после бракосочетания. Обязательно только «после» и, ни в коем случае, не «до». Тогда покупка будет семейным приобретением, «нажитым совместно» и «от пота». Таким образом вотчинное поселение Измайлово переходит к Лермонтовым и по действующему Соборному уложению становится «Лермонтовской родовой наследственной вотчиной» После смерти любого из супругов остается в роду Лермонтовых. Наследовавший ее получает статус потомственного (значит и благородного), дворянина России*».

Комментарий: Все-таки прав Гексли: *«Ничто так не возбуждает фантазию, как отсутствие фактов»*. Автор «*сам собою дошел, собственным умом*», что, оказывается, в те мерзопакостные времена за невестой никакого приданного не давали! Но как тогда прикажете выдавать ее в замужество без «интереса» для жениха? Выходит, дочери

помещиков так в девках и оставались… Какой тайной Автор окружил банальную женитьбу Евтифея на Фекле Перелешиной, которая принесла ему в приданое по сговорной (рядной) записи Измайлово! Вот как эта брачная «афера» выглядит наяву в Справке из Вотчинного департамента, которую выдали Ю.П. 11 февраля 1829 года:

«*В отказных книгах 181 (1673) года октября 8-го дня написано. Отказано Евтифею Петрову сыну Лермантову вотчина и прожиточное имение девки Феклы Матвеевой дочери Перелошиной усадище Измайлово, деревня Жеребцово, деревня Мерлино всего поместья и вотчины сто семьдесят четвертей в поле, а в дву (Так в тексте – Ред.) потому ж поместье в поместье, а вотчина в вотчину со всеми угодьи*». Выходит, Евтифей Петрович взял в приданое за своей первой женой не только вотчину Измайлово, но еще и ее «прожиточное имение» — две деревни.

«*Брак помещиков XVII и XVIII вв., — пишет известный генеалог Л.М. Савелов, — преимущественно брак по расчету, коим имелось в виду расширить только материальное благосостояние. При этом нередко замечаем оригинальное стремление жениться преимущественно на вдовах:* ***женитьба на вдове была гораздо выгоднее, потому что прожитки вдов были вдвое крупнее девичьих*** *и при этом вдова нередко приносила с собой отцовскую приданную вотчину. Весьма часто жених и невеста заключали письменный брачный договор (рядную запись), в котором женитьба для жениха становилась обязательной лишь в случае благоприятного для него исхода в Поместном приказе дела о справке за ним прожитка невесты*» (Л.М. Савелов. Лекции по русской генеалогии. – М., 1908. С. 210-211).

Как видим, Измайлово не куплено Евтифеем, а получено в приданое за девицей Феклой и отказано за ним, т.е. передано в полную его собственность. Без всяких там фантазий — «***семейное приобретение», «нажитое совместно» и «от пота».***

д) *Конспирологическая история женитьбы Евтифея Петровича на девке Фекле Перелешиной имеет зловещее продолжение. Автор намекает: а не отправил ли Ефтифей, заполучив Измайлово, жену на тот свет! В самом деле, «при создавшихся или созданных обстоятельствах, ее уход, причина и время ухода из жизни покрыты, или необходимо, чтобы были покрыты мраком неизвестности»… Об этом преступлении мог знать его правнук Петр Юрьевич Лермонтов. И тогда ему «было о чем подумать». Поэтому он и не «****спешил до конца своей жизни****»*

записаться в ДРК в Костромской и Тульской губерниях!

«Именно это свойство, — продолжает Автор, — и передалось Юрию Петровичу — его сыну, «выслужившему» свое «право» на включение в дворянскую родословную книгу. Но в силу смехотворной иллюзорности, «право» не могло стать реализованным. Включение Юрия Петровича в родословную дворянскую книгу Тульской губернии в 1829 года нельзя считать правомерным, уже только потому, что он побоялся взять нужную справку для «сына», из опасения обнародовать ложность собственного «благородства»».

Комментарий: Час от часу не легче! Оказывается, Евтифей Лермонтов, возможно, еще и душегуб! Отправил жену на тот свет, чтобы, как говорится, спрятать концы своей брачной аферы в воду… И после этого женился вторично, чтобы еще больше обогатиться. Однако все тайное становится со временем явным. О преступлении Евтихия както узнает его правнук, Петр Юрьевич. Теперь понятно, в какой ужас он пришел. Почтенный, вроде бы, родственничек, стольник и, на тебе, — убийца! Подашь прошение в ДДС на внесение себя с сыном в ДРК, а там начнут проверять и все вскроется… Потому Петр Юрьевич и не спешил… И это «свойство» (т.е. неспешность) передалось Юрию Петровичу. Знал ли он о своем душегубе-родственнике, или не знал — вопрос спорный.

Но, как бы там ни было, в ДРК Тульской губернии в древнее благородное дворянство его включили. Но это — неправомерно. Ведь он побоялся взять нужное Свидетельство о дворянстве для зрзац-сына Л. из опасения «обнародовать ложность собственного «благородства». Наверное, что-то знал о «Синей бороде» — Евтифее…

е) *Автор возмущен: почему это один литератор назвал царскую Грамоту от 9 марта 1621 года на Галицкое поместье Георгу Лермонту «ввозной», а не «жалованной»? А в другом месте пишет: «Следовало оформлять ввозную грамоту и в ней, кроме всего прочего написать — за что дано? За что будет отобрано». И далее Автор, с присущим ему стилистическим изяществом, обрушивает на бедного литератора град вопросов: «Речь идет об оригинале?», «Выписке из оригинала?», «Выписке из выписки?», «Почему это «перечень, подаренный в 1621 году, оказался в писцовой книге 1628 года?», «По смыслу внесения в писцовую книгу он как-то связан со смыслом значения*

Грамоты или он имеет прямой переписной смысл?».

Тут бы литератору все и объяснить Автору и Читателю! Ан нет, хитрый литератор «делает фигу и прячет ее в карман, на случай — для следующей статьи» ...

Комментарий: Эх! Промолчать бы Автору… Как говорится, глядишь, и сошел бы за… почетного лермонтиста и все такое.

В жалованных грамотах на вотчины из поместий (почти исключительный вид жалованных грамот в XVII в.) обыкновенно означались: а) причина пожалования, б) объем прав, предоставлявшихся вотчиннику, и в) количество земли и угодий, жаловавшихся в вотчину. Если бы Автор видел текст Грамоты Георга Лермонта 1621 года, то убедился, что она — не жалованная на вотчину, поскольку в ней всего перечисленного в пунктах «а», «б» и «в» нет и не должно быть! А это так называемая «ввозная» Грамота, на отказ в поместье населенной земли, т.е. предписание людям, жившим на отказываемой земле повиноваться новому владельцу. Читаем в Грамоте 1621 года после перечисления пожалованных Георгу девяти деревень без всяких там придумок Автора (за что дано и за что отобрано): *«И вы б все крестьяне, которые в тех деревнях, и в пустошах живут, а на пустошах и на жеребьях пустошей учнут жить, порутчика Юрья Лерманта слушали, пашню на него пахали и доход ему помещиков платили».*

Царские Грамоты посылались обыкновенно на имя воеводы, а при деле в Поместном приказе оставлялась черновая грамота, торопливо и неразборчиво написанная, с массой помарок — так называемый «отпуск». Грамоты посылались всегда «за дьячечью приписью» одного какого-нибудь приказного дьяка. Однако в черновых «отпусках» этой приписи не делалось и из них поэтому редко можно узнать, какой дьяк подписал грамоту (См. Л.М. Савелов. Лекции по русской генеалогии. – М., 1908. С. 218-221, 224. 230-236, 240-242).

Имя дъяка Ивана Грязьева, который «приписал» Грамоту Георгу Лермонту, к счастью, сохранилось: на «отпуске» он собственноручно приписал: *«царь и великий государь Михайло Федорович».* Если бы Автор хоть немного знал о делопроизводстве в Поместном приказе, где остался черновой «отпуск» Грамоты Георга Лермонта, то не обижался бы на виртуальную «фигу» вышеупомянутого литератора, и не терзал бы себя и Читателя странными вопросами — подлинная ли Грамота или не подлинная, выписка ли это из оригинала или выписка из выписки?.. А теперь о двух восхитительных по своей наивности вопросах Автора: «Почему это «перечень, подаренный в 1621 году, оказался

в писцовой книге 1628 года?» и «По смыслу внесения в писцовую книгу он как-то связан со смыслом значения Грамоты или он имеет прямой переписной смысл?». Мы не совсем поняли, как можно подарить «перечень». И как это самый «перечень» «по смыслу внесения» связан «со смыслом значения», да еще может иметь «прямой переписной смысл».

В царской Грамоте Георгу Лермонту 1621 года перечислены пожалованные ему в Галицком уезде «в Чухломскую осаду, Заболоцкие волости» девять деревень «с пустоши и жеребьи» и 53 крестьянами на «ево оклад в 600 четвертей»: Привалкино, Копылово, Острожниково, Филино, Черемисиново, Кузнецово, Семенково, Ревякино и Окатово. Разумеется, это пожалование значится и в Галицкой писцовой книге 1628 года. Писцовая книга, напомним, — это подробнейшая опись города с уездом, с точным перечислением имен помещиков и вотчинников, сел, деревень и починков уезда с изъяснением, кому какое село, деревня или починок принадлежат, описание земель поместных и вотчинных с обозначением, сколько за кем какой пашни, угодий, населенной и пустой земли. Все это показано в описании поместья порутчика Георга Лермонта. В нем девять деревень: Усольцево (в грамоте 1621 года значится пустошью), Черемисиново, Филино, Ревякино, Семенково, Окатово, Правилкино, Копылово, Острожниково.

И еще «усадище» (усадьба помещика) в деревне Кузнецово.

ж) *Автор специально изобрел для проходимцев и мошенников лжедворян Лермонтовых новые термины — у них-де был «условный дворянский статус», и было «условное землевладение» и «условная вотчина». Все временное. Скажем, наемный убийца ротмистр Георг Лермонт хотя и пожалован царем-батюшкой поместьем, а был по гроб жизни всего-навсего «условным помещиком» и «условным дворянином». Сын его крестился, стал вроде бы российским подданным, был майором и воеводой в Саранске. Но царя-батюшку не проведешь! Как был холопом, так холопом и помер, Внук его, Евтифей, наконец-то, мошеннически раздобыл для своего рода вожделенную вотчину. Ан нет! Вотчина какая-то подозрительная. Евтифей с братом представили в 1688 году в Разряд свою родословную и все равно не стали потомственными дворянами. Неважно, что они были в придворных дворянских чинах стольниками и даже могли ходить в полковниках. Что с того, обманом проникли… Сын Евтифея Петр Евтифеевич (1698-1729), капитан л-гв. Преобра-*

женского полка, по Табели о ранга Петра I — в сухопутных войсках мог быть подполковником, генерал-аудитором или генерал-адъютантом при генерал-фельдмаршале. Внук и правнук Евтифея, Юрий (1722-1778) и Петр (1752-1799), отец Ю.П. — офицеры. И по той же Табели о рангах — вроде бы потомственные дворяне. Ан, нет! На действительной военной службе не состояли, а потому они — не потомственные дворяне, а, всего-навсего, личные. А Ю.П. на этой «недействительной» военной службе так и вовсе дворянства лишился, сидючи-то в Кадетском корпусе. Автор прилюдно с него и эрзац-сынка маски сорвал: оказалось, по подложным и фальшивым документам жили и служили…

Комментарий: Ну, что тут сказать об этой кунсткамере? Можно так: хорошо человек служит государю — получай «условное землевладение» и «условный дворянский статус». А плохо служишь, мы тебя, мил человек, без всякого суда из «условного» поместья и «условных» дворян метлой, и иди ты, с Богом, на все четыре стороны подобру-поздорову. А ежели спорить начнешь, так мы тебя, мошенника, на правеж, батогами и в Сибирь на вечное поселение…

Закончим наше скорбное расследование на оптимистической ноте. Лермонтовы — древние потомственные дворяне, что подтверждено их Гербом, внесенным в 1799 году в Общий Гербовник Российской империи и Грамотой ДДС Тульской губернии от 10 марта 1829 года, выданной Юрию Петровичу Лермонтову. Владели с 1620 года поместьями, ставшими в середине XVII в. родовыми вотчинами, что подтверждается Справкой Вотчинного департамента, выданной Юрию Петровичу 11 февраля 1829 года. К счастью, Автор не видел этой Справки, иначе бы ринулся ее опровергать со свойственной ему легкостью в мыслях и, несомненно, в этом бы преуспел.

Юрий Петрович — во всех смыслах («юридическом» и «биологическом») папенька поэта. Отец с сыном — не самозванцы, жившие по фальшивым и подложным документам, и могут не таиться «среди ледяного, среди беспощадного света». Поэт не станет страдать, что он мещанин во дворянстве, и погибнет по причинам куда более серьезным. А пассажи Автора останутся в паноптикуме «альтернативного лермонтоведения» курьезными анекдотами, которые пользительно почитать на сон грядущий…

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЛИЧНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ

М. Вахидова. **26 января 2017, 14:55.**

Максим Иванович, здравствуйте!

Вы не представляете себе, как много Вы сделали этим ответом!..

Я не хочу, чтобы на Ваш труд бросали тень (иронией, сарказмом) ... Помимо того материала, который Вы вбросили в среду ученых, Вы произвели такой эмоциональный взрыв в умах людей, которые поняли, что можно и нужно творить в любом возрасте!

И не смейте внушать себе, что Вы непрофессионал в лермонтоведении! А кто тогда профессионал?

Никто не смеет требовать от Вас латать дыры в биографии поэта — это не Ваша забота, это хлеб Алексеевых, тархановцев и прочих!.. Когда получу очередные «неясности» от Прищепа, обязательно пришлю Вам ссылку на них.

Храни Вас Господь!

М.И. Зуев.

Уважаемая Марьям Адыевна,

... Смущает и беспокоит Ваша уверенность, что я, хоть в ближайшей перспективе смогу активно участвовать в противостоянии мнений разных версий в лермонтоведении. У меня только два ответа на мои статьи, полученные через Вас. В обеих не конструктивная критика, а утверждение своих толкований, сквозящих через поставленные ими вопросы на мои высказывания, в большинстве обоснованные логичными аргументами и фактами. Вырезки из цитат автора основного смысла сообщения, извращение выражений, подлог смысловой сути сказанного автором, паясничанье, ядовитое слюноизвержение — основные доказательные средства «Критиков». ...

Ответить на большинство вопросов «солянки» Прищепа не могу. Просто по существу заключённого в них смысла. Я же не филолог. Эта «солянка напомнила мне сцену, описанную Л. Толстым в конце «Войны и мира», где Наташа (уже жена со стажем) и Пьер ведут семейный диалог. Молчат. Потом один из них роняет фразу, казалось бы бессмысленную. Но другой понимает сказанное и отвечает такой же бессмысленной фразой, понятной собеседнику (собеседнице). Потом первый изрекает

вторую бессмыслицу и другой его опять понимает.

Ну, в общем, не мне Вам рассказывать… Объяснять смысл приведённого диалога, уверен, не требуется.

Относительно реплик по теме моих статей:

— «Не мелкая ошибка Зуева, связавшего дворянство с якобы обязательным наличием поместья».

Ответ: Зуев знал об образовании и быстром росте прослойки безземельных дворян. Всякое действие происходит во времени. Связывая получение потомственного дворянства с правом распоряжения, (но не владения), Зуев говорил о времени становления дворянства и праве получения потомственного дворянского статуса только при условии получения права распоряжения землёй. Кстати, в процесс пожалования вотчин было заложено условие: в вотчинное распоряжение в жалованной грамоте указывалась только пятая часть земельного надела — «со ста чети по двадцати чети». Остальная часть земли оставалась в поместном владении.

Получалось: 80% пожалованной земли оставалась в распоряжении государства, 20% — в распоряжении дворянина. Как в акционерном обществе: кто имеет больше 50% акций — хозяин. Так что до уравнения поместного и вотчинного права на землю — потомственный дворянин был сильно ограничен в праве распоряжения. И это тоже «движение изменений».

(Кстати для мастера покритиковать стиль изложения, как в статье «Мещанин во дворянстве», последним выражением дан большой повод для язвительной иронии).

— Главный изъян его статей безнадёжность.

Ответ: Заявление бессмысленно, потому что не обосновано. (М. Зуев. «Избранное» С. 109 «Девиз». Это мой жизненный девиз. А без элегических мотивов, творчество мертво).

— «Натравил на музеи, констатировал неясность местонахождения Арсеньевых в 1810–1812 годах».

Ответ. Только добавлю: зачем-то написал неугодную для оппонентов статью, потом — другую…

— «Посоветоваться с архивистами, чтобы понять и т.п.

Ответ: Зуев пенсионер, живёт в бывшем ссыльном краю. От

него доехать до «музеев и «архивов» — сложнее и дороже, чем от Москвы до Парижа.

Ответ на критическую рецензию В.И. Прищепа будет несколько позднее. В моём положении поиск необходимых сведений очень непрост. Ответ на критику Д.А. Алексеева требует много времени на разгребание мусорных наслоений. А во времени я безысходно ограничен. И нервы, известно, не железные… Он насобачил страниц 70 А-4 всякой, не относящейся к теме, всячины, обрыгал её ядовитостью. Разгребать это неприятно и бессмысленно. Пусть пребывает в убеждении самодостаточности.

Рад нашему общению. Пишите — всегда с интересом жду.

Всегда Ваш.

Дмитрий Алексеев. **7 февраля 2017 г.**

Уважаемая Марьям Вахидова!

Обнаружил рецензию на две статьи Максима Зуева о Лермонтове, который упоминает Ваши изыскания.

Гр. Ламберт

1 файл. Безродный поэт, или Мещанин во дворянстве.doc

М. Вахидова – Д. Алексееву. **8 февраля.**

Печально, скажу Вам, гр. Ламберт, — Дмитрий Анатольевич совсем не умеет вести диалог с оппонентами. Злость — не лучший спутник ученого. Вахидова — нацменка. Как посмела сметь свое суждение иметь??? Зуев — в «старческом маразме» посмел зайти на алексеевское поле, где, кроме него, запрещено пастись всем и каждому. В результате — все те же бумажки перекладываются из сундука в комод, из комода в портфель, кейс и т.д.

А запах нафталина не выветривается.

Меня, например, Лермонтовы, до седьмого колена и далее, не интересуют категорически! Они сами по себе. — Михаил — сам по себе! Когда устанете трясти «документами» из сундука Арсеньевой, прежде чем нафталин свалит Вас с астмой, возьмите томик поэта и просто послушайте его:

«*От ранних ДНЕЙ кипит в моей КРОВИ…*» и т.д., затем загляните в ЕГО автобиографические заметки и поставьте рядом с этими строками другое признание: «***Про меня на Кавказе повивальная старуха моей бабушке…***».

Вы же понимаете, что повитуха приглашается не к чесоточному!.. И т.д. — собирайте построчечно, ищите у ПОЭТА, не надо от

него нос воротить. Висковатый, Лонгинов, Вырыпаев и пр., и пр., сочиняли своего Лермонтова, вместо того чтобы по горячим следам сделать все церковные выписки, чтобы Захарову не пришлось разводить руками: «*после венчания, место проведения которого* ***до сих пор неизвестно…***».

А что вам известно тогда, господа, если даже это обязательное и наиважнейшее событие в жизни молодых затерялось в трех соснах??? Тарханы-Чембар-Кропотово. Там что — сотни церквей? В православной империи потерялся след истинных христиан! — От атеистической советской власти таились? На каких наивных читателей был расчет? А ведь проглотили и сейчас делают вид, что удовлетворены сполна.

Вот на это и злитесь, тогда, может, это подстегнет Вас на поиск ИСТИНЫ!!!

Встретимся «за стеной Кавказа»!

Не сомневайтесь.

М. Вахидова. **9 февраля 2017, 15:26**

Дорогой Максим Иванович! Здравствуйте!

Читаю Вашу статью — она ДЫМИТСЯ!!! Ну и задали Вы ЖАРУ!!! Еще не до конца осилила — ВЫ просто ГИГАНТ!!!

Огромное Вам СПАСИБО за рецензию!!! Аплодирую Вашему подходу к столь святому делу: «*Заявил не о диаметральной противоположности им своих исследований, а их* ***параллельной оригинальности.***»!!! Я не устаю повторять: Вахидову не нужно поддерживать, работайте, читайте и ищите — и ОБРЯЩИТЕ!!!

РАЗНЫМИ совершенно путями мы придем к ИСТИНЕ, которая одна — и она за хребтом КАВКАЗА! Но то, что сделали и делаете Вы, — это НЕОЦЕНИМАЯ услуга науке, которая сидит в трясине и не желает из нее выбираться.

Буду читать дальше.

Не прощаюсь, но обнимаю Вас от всей души!

М. Вахидова. **09.02.2017.**

На сайте «Изба-читальня»:

В ночь со 2 на 3 октября 1814. — В Москве (в доме генерал-майора Ф.Н. Толя напротив Красных ворот) в семье капитана Юрия Петровича Лермантова и Марии Михайловны, урожденной Арсеньевой, родился Михаил Юрьевич Лермонтов.

Запись в метрической книге церкви Трех Святителей у Красных Ворот (Москва) в 1-й части под № 25 от 2 октября 1814 г.:

«*В доме Господина покойного Генерала Майора Федора Николаевича Толя у живущего капитана Юрия Петровича Лермантова родился сын Михаил, молитствовал протоиерей Николай Петров, с дьячком Яковым Федоровым, крещен того же октября 11 дня, восприемником был господин коллежский асессор Фома Васильев Хотяинцев, восприемницею была вдовствующая госпожа гвардии порутчица Елисавета Алексеевна Арсеньева, оное крещение исправляли протоиерей Николай Петров, дьякон Петр Федоров, дьячок Яков Федоров, пономарь Алексей Никифоров*».

Запись составлена не в момент рождения Михаила, а значительно позже, когда Арсеньева собирала документы для поступления Михаила в пансион. Пройдемся по тексту «документа»: запись в книге церкви не могла быть сделана 2 октября ночью — только утром, после родов, а значит, 3 октября! Почему записали «2 октября»?

Вчерашним днем?

Мальчик «родился» не в больнице при опытных столичных врачах, зачем, собственно, и совершен был этот вояж, а в частном до-ме, нанятом молодыми почти накануне! Непонятны роли протоиерея с дьячком. Они «молитвовали» во время «рождения» (см. пунктуацию), или, спустя несколько дней, при крещении? Какие врачи засвидетельствовали рождение Михаила в Москве? Кто из них осматривал слабую здоровьем Марию, которая перенесла на лошадях долгий путь в столицу, затем родила в домашних условиях и должна вернуться в Тарханы?

«*Малютка и мать его были окружены всевозможными заботами. Из Тархан, уже вперед, **до срока,** прислали двух крестьянок **с грудными младенцами. Врачи выбрали** из них Лукерью Алексеевну в кормилицы к новорожденному. Она долго потом жила на хлебах в Тарханах, и Михаил Юрьевич, уже взрослым, не раз навещал ее там, справлялся о житье-бытье и привозил подарки.*

Из Москвы Лермонтовы с бабушкой и грудным ребенком своим вернулись в Тарханы, и Юрий Петрович выезжал из них лишь иногда, по хозяйственным делам, то в Москву, то в Тульское имение». [П.Н. Журавлев в передаче Висковатого, стр. 13-14] (П.Е. Щеголев. Лермонтов; http://royallib.com/read/shchegolevpavel/lermontovvospominaniyapismadnevniki.html#0) (Захаров. Летопись...)

Какие «врачи выбрали», да еще и загодя? Почему нет ни имен их, ни место работы? И где они были во время родов Марии? Они менее значимые фигуры были, чем пономарь Алексей Никифоров? Не при

Лукерье ли был все это время Михаил? Тогда можно отправляться на бал с мужем — не пропадать же билетам!..

> 5 мая 1814. — Отправлено письмо в Московское дворянское депутатское Российское Благородное собрание от Пензенского предводителя дворянства Д.А. Колокольцева с приложением реестра, «кто именно получил билеты Пензенской губернии по Чембарскому уезду».
>
> В списке значатся:
>
> «Капитан Юрий Петрович Лермантов 1 билет 20 рублей.
>
> Капитанша Марья Михайловна Лермантова 1 билет 10 рублей. [ЦИАМ, ф. 381, он. 1, д. 12, лл. 53, 54]. (В. Захаров. Там же)

А вот Арсеньевой в списке нет. А в Москву, говорят, поехала. Пожадничала и выехала инкогнито? Или с Лукерьей и Михаилом выехала раньше молодых, которые должны были дождаться билетов в Благородное собрание?

> 14 июля 1814. — Письмо Пензенского предводителя дворянства Д.А. Колокольцева с приложением реестра, «кто именно получил билеты Пензенской губернии по Городищскому и Мокшанскому уездам», в Московское благородное собрание.
>
> В списке Городищского уезда значатся: «Адмирал Николай Семенович Мардвинов Супруга Его, Оберпрокурор Аркадий Алексеевич Сталыпин Супруга Его. Кригцалмейстер Григорий Данилович Сталыпин Супруга Его. [ЦИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 12, лл. 62, 64].

Оказывается, куча родственников выехала в Москву в то же время, и поразвлечься в Собрании были не против, а вот в Москве рядом с Арсеньевой в такой момент ***никто из них не оказался рядом***, кроме случайных людей, попов-дьячков и постылого ненадежного зятя! Даже Мещериновы, похоже, не в курсе были...

«Восприемник» Лермонтова — «господин коллежский асессор Фома Васильевич Хотяинцев» по жизни не известен как крестный отец поэта. Зачем Арсеньевой понадобился случайный человек на столь важную для верующего человека роль?

Ху из Хотяинцев???

> **ВОСПРИЕМНИКИ** (крестные отец и мать), лица, которые при крещении взрослых являются свидетелями и поручителями за серьезность намерения и за правую веру крещаемого, а при крещении младенцев и больных, лишенных дара речи, дают за них крещальные обеты и произносят Символ веры. На В. возлагается обязанность следить за ростом религиозного и нравственного

сознания новокрещеного.

В случае необходимости В. должны оказывать покровительство своим крестникам или даже брать их на свое попечение. (http://www.pravenc.ru/text/155356.html)

И т.д., и т.д, и т.д.

Но послушаем Лермонтова. Зря Арсеньева городила огород в Москве с его рождением, он с гордостью признался в 1830 году: «*Еще сходство в жизни моей с лордом Байроном... **Про меня на Кавказе предсказала то же самое повивальная старуха моей Бабушке»***. [Лермонтов. Акад. изд., т. IV, стр. 351.]

То, что повитуху приглашают не к чесоточным, понимал даже мальчик Миша. Поэтому он и любил Кавказ — свою Родину!

От ранних ДНЕЙ КИПИТ в моей КРОВИ
Твой ЖАР и бурь твоих порыв МЯТЕЖНЫЙ
На Севере, в стране тебе чужой,
Я сердцем ТВОЙ. ВСЕГДА и ВСЮДУ ТВОЙ!!!

Это Вам, господин Алексеев, малая толика на Ваш кирпич-триллер, от которого за версту несет нафталином из сундуков Арсеньевой.

Обратите свой взор на Кавказ.

Другого пути нет.

М. Вахидова. **11.02.2017**
На сайте «Изба-читальня»:

«13 июня 1825. Подпись рукой Лермонтова ***в альбоме М.А. Шан-Гирей*** под нарисованным им кавказским пейзажем: «13 июня. ***Горячие воды***». (Л-VII, VI, 392, 689); ср.: [Михайлова, 35-36]. 51»

И тут же сноска:

«***В течение многих лет*** этот альбом считался принадлежавшим ***Марии Михаиловне Лермонтовой***. Подобное предположение опровергается тем, что в альбоме имеются записи, сделанные рукой Марии Михайловны и адресованные Марии Александровне Столыпиной. Как ***убедительно доказала*** В.Б. Сандомирская, альбом ***при-***

надлежал М.А. Шан-Гирей, «любимой тетеньке» Лермонтова [Сандомирская 1979, 122-138]. (В. Захаров. Летопись)»

Спасибо Сандомирской за «***убедительное доказательство***»!

Остается вернуться к двум Мариям. Мария Хастатова не выезжала из Чечни (Парабоч, Шелкозаводская) до 1825 года, за исключением «*короткого времени*» пребывания ее в Петербурге в Патриотическом институте, из которого ее очень быстро забрали: ***«в 1814 досрочно взята родными из института».*** (ЛЭ, с. 618) В 1816 г. Мария Акимовна уже замужем и до 1825 года жила «*в семье своей матери,* ***в Шелкозаводске и Горячеводске***». (ЛЭ, с. 618)

Занятия в институте, как мы знаем, могли начаться только с 1 сентября. А 2-3 октября Мария Арсеньева «*становится мамой*» в Москве! Лето у обеих Марий уходит на подготовку в дальние дороги, которые у каждой своя.

Спрашивается: КОГДА две Марии могли пересечься и в какой точке??? — ТОЛЬКО в 1810-1811 годах на территории Марии Хастатовой, которая в 1825 году уже Мария Шан-Гирей, а Арсеньевой нет в живых более восьми лет! (На ее же территории — в Чечне — начат был М. Арсеньевой и Дневник — первые записи сделаны в 1811 году! Рыбкиным и Щеголевым клянусь!..)

Господин Алексеев, у Вас плохо было в школе с арифметикой?

Почему солидным людям все время нужно доказывать элементарные вещи? Это напоминает историю того советского космонавта, который никак не мог запомнить код домофона. Сын-подросток удивлялся: «Как ты в космос летал»?

Как вы диссертации свои писали-защищали, господа ученые?

Читайте Лермонтова! И уже от него — взгляните по-новому на все эпистолярное наследие, всякого рода мУмУары, в которых каждый перетягивает одеяло на себя — и я знавал, и меня любили, и меня ненавидели... —

НЕ БЫЛО Лермонтову НИКАКОГО дела до тех, кто по жизни оказывался с ним рядом в силу обстоятельств.

У него был тяжелый, пронзительный, цепкий, умный и «*лукавый взор*» чеченца — сына пассионарнейшей личности своего времени — Бейбулата Таймиева. — Воина и Мехк Да! (Отца страны! Или Президента, говоря современным языком)

И только. Поэтому читаем поэта, оставив светские сплетни для Сушковых и Ко.

Максим Зуев. **12 февраля 2017.**

Марьям Адыевна, здравствуйте,

Восхищён Вашим отлупом фанаберии Алексеева. Предельно убедительно. И потому — достойно!!! Убрал пробелы в «рецензии с претензией». Погрузился в заслуженный отдых.

С теплом. Всегда Ваш — Максим Зуев.

Д.А. Алексеев. **15 февраля 2017.**

Уважаемая Марьям Вахидова!

Узнал от Вас столько нового! Несколько робких реплик из сундука с нафталином. Не перестаю умиляться артефактам, которые Вы умножаете с необычайной легкостью и завидной изобретательностью по нехитрому принципу: чего не знаю, того не существует, а что нужно, то придумаю.

Полемики у нас не получится: Вы, увы, — в непостижимой для меня «альтернативной реальности».

На прощание, несколько реплик:

1) **Вы пишете:** «Но послушаем Лермонтова. Зря Арсеньева городила огород в Москве с его рождением, он с гордостью признался в 1830 году: «[1830]. Еще сходство в жизни моей с лордом Байроном… Про меня на Кавказе предсказала то же самое повивальная старуха моей Бабушке». И ссылаетесь на Академическое издание.

Разумеется, нынешний простодушный читатель воскликнет: само собой, Лермонтов пишет о повивальной бабке, принимавшей его роды на Кавказе! В самом деле, ведь не к чесоточному же она приходила!

Но Вы утаили от невинного слушателя, что слово «повивальная» Лермонтов вычеркнул (!) и не заменил другим. И «позабыли» привести другое, самое важное слово — «мне». В научной текстологии это называется подлогом, когда автор, в угоду своим фикс-идеям, цитирует текст выборочно, тем самым намеренно (!) искажая его смысл. А из полного текста заметки Лермонтова явствует, что ему или бабушке некая старуха напророчила судьбу Байрона, и случилось это в 1820 году, или, вернее, в 1825 году, когда ему исполнилось 11 лет. Где Вы видели гадалок, предсказывающих судьбу новорожденного! Лермонтов вычеркнул слово «повивальная», потому что дело гадалок предсказывать судьбу. И вычеркнул слово «мне», потому что таинственная старуха, скорей всего, общалась не с несмышленым отроком, а с его бабушкой. Оставим в стороне интересный вопрос: как это кавказская

старуха, пусть и повивальная, досконально знала жизнь Байрона (к тому времени уже умершего). Впрочем, уверен, Вы скажете, что Лермонтов вычеркнул это слово, чтобы скрыть от посторонних, что родился Кавказе и в 1811 году.

2) Вы пишите: «*Восприемник» Лермонтова — «господин коллежский асессор Фома Васильевич Хотяинцев» по жизни не известен как крестный отец поэта. Зачем Арсеньевой понадобился случайный человек на столь важную для верующего человека роль?*

Ху из Хотяинцев???».

Действительно, чего не знаю, того и не существует…

Полистайте мою книгу «Лермонтов. Потаенные материалы. – М.: Древлехранилище, 2015. с. 170-175», и Вы узнаете о завещании Фомы Хотяинцева (1744-29.12.1829), и что он из Пензенских дворян, и что Елизавета Алексеевна — его племянница. Вот Вам и «Ху» …

3) Вы пишите: «*Запись о рождении составлена не в момент рождения Михаила, а значительно позже, когда Арсеньева собирала документы для поступления Михаила в пансион. Пройдемся по тексту «документа»: запись в книге церкви не могла быть сделана 2 октября ночью — только утром, после родов, а значит, 3 октября! Почему записали «2 октября»? Вчерашним днем? Мальчик «родился» не в больнице при опытных столичных врачах, зачем, собственно, и совершен был этот вояж, а в частном доме, нанятом молодыми почти накануне! Непонятны роли протоиерея с дьячком. Они «молитствовали» во время «рождения» (см. пунктуацию), или, спустя несколько дней, при крещении? Какие врачи засвидетельствовали рождение Михаила в Москве? Кто из них осматривал слабую здоровьем Марию, которая перенесла на лошадях долгий путь в столицу, затем родила в домашних условиях и должна вернуться в Тарханы?*»

Что поделаешь, если Вы не понимаете историзма той эпохи, в которую нельзя интерполировать современную действительность! И поэтому удивляетесь. Многие вещи нам непонятны, потому что находятся вне круга наших представлений.

Во-первых, повивальные бабки и частные акушеры не давали справок о рождении.

Во-вторых, рожали по домам, а не в больницах. Родильных домов не было. Частные врачи не вели официальных историй болезни. Приглашали домашних лекарей, по рекомендации знакомых и родственников. Я еще застал таких врачей.

Врачи лечили мать и младенца, а «легализовали» его в мире — родители и церковь. Священник не стоял со свечой у постели роженицы. Отец или родственники сообщали о рождении ребенка настоятелю

приходской церкви, который приходил в дом с дьячком для требы «молитвования» младенца и «наречения имени». Эта фраза, заметим, присутствует в записи Метрической книги. Не заявить о ребенке — такой глупости ни у кого и в мыслях не возникало! Без «молитвования имени» священником нельзя крестить, а без крещения и внесения в метрическую книгу — человек не существует! Ребенок крепостного — это живой капитал для помещика. Для сына дворянина — это права наследства, состояния и достоинства, сотни крепостных и поместья! Какая польза врать о дне рождения ребенка? Лермонтов родился в ночь (!) со 2-го на 3-е октября, но праздновал день рождения 3-го. В чем причина? Поздравлять 2-го и праздновать рождение заранее (ведь, родился-то в ночь), — плохая примета. Бывали случаи, когда ребенок рождался, скажем, в подмосковном имении, а крестили его в Москве. Такое, к примеру, случилось с Софьей Андреевной Берс, женой Л.Н. Толстого. В этом случае священник сельского прихода дал свидетельство для священника московского прихода, что она родилась такого-то числа и он «молитвовал имя».

После «молитвования» и «наречения имени» священник назначал день таинства крещения (от 3 до 10 дней после рождения), смотря на самочувствие матери и младенца. После требы таинства крещения с причтом (дьякон, пономарь и дьячок) священник за-писывал в черновой метрической книге или на лоскутке бумаги: место рождения (в доме такого-то), даты рождения и крещения ребенка, чин и звание отца (мать младенца в 1814 году в метрических книгах еще не указывалась) и восприемников. Детей крепостных иногда молитвовали имя и крестили одновременно.

В конце года священники переносили записи о рождении, смерти и бракосочетании с отдельных листочков или из черновой метрической книги в беловую Метрическую книгу и заверяли своей и причта подписями, что под страхом сурового наказания все внесено правильно. Такой порядок позволял свести к минимуму исправления и подчистки. Внесение в Метрическую книгу ложных записей каралось очень строго — вплоть до лишения священства и заключения в монастырь.

Копию с беловой Метрической книги священник каждой церкви в начале следующего года отсылал в Духовную Консисторию своей епархии, где эти, так называемые «тетради», переплетали в книги по уездам, а в Москве — по сорокам церквей. Консистория выдавала по запросу ведомств и частных лиц свидетельства о рождении и крещении. Только такие свидетельства принимались дворянскими депутатскими собраниями для утверждения в потомственном дворянстве. Метрические книги в церквях хранились небрежно и в большинстве своем (особенно, в провинции) утрачены после войн и исторических катаклизмов. Случалось, что священники (особенно сельские) по небрежности не вносили запись о рождении (бракосочетании или смерти) в метрическую книгу и тогда Консистория заводила дело о признании факта

рождения того или иного лица. Для этого отбирали под присягой показания у священника и причта, восприемников новорожденного и его родственников. И только после этого Консистория выносила решение: признать или не признать факт рождения.

И наконец, «*Запись о рождении составлена не в момент рождения Михаила, а значительно позже, когда Арсеньева собирала документы для поступления Михаила в пансион*» ... Совсем грустно... Ладно бы такое говорил пиит Зуев: девятый десяток и все такое...

Есть подлинные метрические книги Трехсвятительской церкви и Духовной Консистории, без подчисток и исправлений. Записи поддельные? Но это уже клиника...

4) Вы пишите: «*Оказывается, куча родственников выехала в Москву в то же время, и поразвлечься в Собрании были не против, а вот в Москве рядом с Арсеньевой в такой момент никто из них не оказался рядом, кроме случайных людей, попов-дьячков и постылого ненадежного зятя! Даже Мещериновы, похоже, не в курсе были...*».

Кто из родных и знакомых навещал Е.А. Арсеньеву и Марию Михайловну с младенцем, неизвестно. Воспоминаний, увы, не сохранилось. Но, несомненно, правила приличия, и родственные отношения предписывали такие визиты вежливости. Можно утверждать, что родственники и знакомые не толпились в комнате Марии Михайловны в ожидании появления ребенка, как это делалось, скажем, при дворе французских королей при рождении наследника престола.

5) Вы пишите: «*5 мая 1814. — Отправлено письмо в Московское дворянское депутатское Российское Благородное собрание от Пензенского предводителя дворянства Д.А. Колокольцева с приложением реестра, «кто именно получил билеты Пензенской губернии по Чембарскому уезду». В списке значатся: «Капитан Юрий Петрович Лермантов 1 билет 20 рублей. Капитанша Марья Михайловна Лермантова 1 билет 10 рублей. ...А вот Арсеньевой в списке нет. А в Москву, говорят, поехала. Пожадничала и выехала инкогнито? Или с Лукерьей и Михаилом выехала раньше молодых, которые должны были дождаться билетов в Благородное собрание?*».

«Пожадничала», выехала «инкогнито» ... Сначала она с внуком, а вслед — молодые. Будем считать, что Вы неудачно пошутили... Можно не сомневаться, Арсеньева ехала вместе с единственной беременной болезненной дочерью, справедливо опасаясь потерять ее и внука. Как Вы, наверное, знаете, по воспоминаниям В.И. Анненковой, у Арсеньевой было несколько детей, которых она потеряла в младенчестве.

Когда Арсеньева с внуком жили в Москве в 1827-1832 годы, то и тогда она не покупала годовых членских билетов для посещения

Благородного собрания. Скупилась, наверное, все собирала деньги для внука... Возможно, она, как и ее внук, приобретала разовые билеты на отдельные балы, маскарады или концерты. Среди визитеров значится много Арсеньевых обоего пола. К сожалению, имена и отчества в регистрационных книгах визитеров, зачастую, не указывались.

Грубые факты губят красивые теории... И не плодите сущностей, советовал Оккама со своей «бритвой».

P.S. Воля Ваша позиционировать себя на фоне бреда пиита Максима Зуева. Но люди могут не заметить между вами разницы...

А нафталин — очень даже пользительный препарат: моль в голове не заводится...

М. Вахидова. **16 февраля 2017 г.**

Повторюсь, Дмитрий Анатольевич, Вы человек злой!!! И амбициозный. Вы привыкли вещать, и вдруг впервые оказались перед фактом необходимости вести научные споры, дискуссии.

С кем? — нацменкой (ха-ха!..) и «старым маразматиком» (фи!..) Жизнь в столице не поднимает Вас, как не опускает тех, кто живет в «палисаде». Тринадцать лет жизни в Москве мне хватило сполна, чтобы понять, что науку спасет «окраина» России, но никак не ее столица. Филфак МГУ давно стал притчей во языцех с ее деканом Ремневой. — Вот где «маразм крепчал», как говорится! Никогда не забуду ее хамства на конференции в отношении почти каждого участника, кто просто, с места, посмел задать ей вопрос. Профессор В.А. Недзвецкий, ныне покойный, сгорая со стыда, не успевал извиняться перед гостями. Туда бы направить Ваш праведный гнев, а не в адрес М.И. Зуева — с ясной головой и блестящей памятью, предельно тактично излагающего свой материал. Хотя, читая всю эту советскую дребедень, именуемую «биографией» Лермонтова, хочется писать чисто по-русски, называя вещи своими именами. — Но воспитание не позволяет.

И с Вами постараюсь не выпасть из рамок приличия, хотя Вы очень напрашиваетесь своим деланным «неведением» того, что «творите». Но ради «невинного слушателя» и «нынешнего простодушного читателя» на что не пойдешь?

Конечно же, Вы поняли, что я намеренно сократила текст, а не совершила «подлог», т.к. на сотни тысяч раз всеми ...ведами комментировалась именно ее «поддающаяся» их пониманию часть. Привожу, на радость Вам, без всяких сокращений:

«В книге Томаса Мура «Письма и дневники лорда Байрона с замечаниями о его жизни» (1830) говорится о двух предсказаниях, сделанных в разное время. В раннем детстве Байрона деревенс-

кая гадалка в Шотландии предсказала его матери, что он будет «великим человеком»; в 1801 г. (когда Байрону было 13 лет) прославленная английская гадалка в городе Челтнем предсказала, что в юности жизнь Байрона будет подвергнута опасности отравления и что он будет дважды женат, причем во второй раз на иностранке. Лермонтов соединил эти два предсказания в одно». (http://lermontov.niv.ru/lermontov/documents/avtobiograficheskiezametki)

И это приведу без «подлога», как есть:

«1830 («Еще сходство в жизни моей») — дневниковая запись Л., продолжающая размышления поэта о сходстве отд. эпизодов его жизни с биографией Байрона. Сопоставление данной А. з. вызвано рассказом Мура о предсказании, к-рое сделала гадалка матери Байрона (р. 37-38; см. также комментарий ЛАБ, т. IV, с. 673-74). Знаменательно, что Л. как будто предвидел и во всяком случае страстно желал судьбы великого поэта — даже ценой личного несчастья: «Дай Бог, чтоб и надо мной сбылось; хотя б я был так же несчастлив, как Байрон». (Автограф — ИРЛИ, тетр. VII. Впервые — «ОЗ», 1859, т. 127, № 11, отд. 1, с. 246. (Аринштейн Л. М. Автобиографические заметки //Лермонтовская энциклопедия /АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.» — М.: Сов. Энцикл., 1981. — С. 24-25)

Ау, господа, академические ученые! — Вам с русского языка перевести на русский язык, о чем хотел сказать и сказал нам Лермонтов??? — Исключительно поэтому Вахидова опустила словесный «мусор», застящий вам всем глаза, и ткнула вас носом в другие строчки!

Ну не заставляйте меня еще и разжевывать Вам, Дмитрий Анатольевич, почему Лермонтов написал, а потом «зачеркнул» слово «повивальная»! И, конечно, «бабушке»! Ну не до такой же степени мы наивны!.. Ну, право же, не к лицу и не по летам!..

Вот Вам тексты:

«<9.> 1830. Еще сходство в жизни моей с лордом Байроном. Его матери в Шотландии предсказала старуха, что он будет великий человек и будет два раза женат; ***про меня на Кавказе предсказала то же самое старуха моей бабушке****. Дай Бог, чтоб и надо мной сбылось; хотя б я был так же несчастлив, как Байрон».* (http://lermontov. niv.ru/lermontov/documents/avtobiograficheskie-zametki.Htm)

«[1830]. Еще сходство в жизни моей с лордом Байроном. Его

матери в Шотландии предсказала старуха, что он будет великий человек и будет два раза женат. ***Про меня (Мне) на Кавказе предсказала то же самое (повивальная*) старуха моей Бабушке.*** *Дай Бог, чтоб и надо мной сбылось, хотя б я был так же несчастлив, как Байрон*». [Лермонтов. ***Акад. изд.,*** т. IV, стр. 351. Из VII тетр. автогр. Лерм. муз., л. 2]

«***Про меня (Мне) … моей бабушке***» — цензорам так хотелось изменить смысл написанного поэтом, что они вписали в скобках местоимение, не подчистив текст в конце предложения: либо — «***про меня … моей бабушке***», либо — «***мне … при моей бабушке***». Либо признать, что Михаилу, как чеченцу, не давался русский язык, и он писал неграмотно.

Кто такая повитуха?

* **Повитуха — повивальная бабка, баба** (ср. бабить — принимать ребенка), пупорезка и др. Своими действиями Повитуха не только помогает роженице и способствует появлению младенца на свет, но и магическим образом влияет на его судьбу. ***Именно ей*** Господь Бог или святые ***показывают, как сложится жизнь*** у только что родившихся младенцев. (Славянская мифология-2. И.А. Седакова; https: //web.archive.org/web/20100810234821/http://pagan.-ru/slo- war/p/powituha8.php)

«Оставим в стороне интересный вопрос: как это кавказская старуха, пусть и повивальная, досконально знала жизнь Байрона (к тому времени уже умершего)».

Вы это серьезно? Вам нужен перевод с русского на русский??? Идите в сантехники, Дмитрий Анатольевич! Или в юмористы – замЕните «патриота» Задорнова на сцене! Как можно в уста бабушки вкладывать эту информацию о Байроне? Лермонтов в свои 18-19 лет вспомнил слова повитухи и узрел в них судьбу Байрона. Но повитухе на что сдался «англицкий» поэт?

И после такого, мягко говоря, ляпа Вы смеетесь над «пиитом» Зуевым? «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» — золотые слова классика.

Еще из этой же серии для вящей убедительности.

«Кавказ»

Хотя я ***судьбой на заре моих дней,***
О южные горы, ***отторгнут*** от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:

Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, воспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!...

«Написано весной 1830 г. Лермонтов был на Кавказе в 1825 г.- за 5 лет до создания данного стихотворения. К этому периоду относится первое увлечение поэта — девятилетней девочкой. Он рассказывает о нем в заметке от 8 июля 1830 г.: «...белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны...» (см.: наст. изд., т. IV, «Планы, заметки, сюжеты»).» (http://lermontov.niv.ru/ lermontov/stihi/primechaniya/primechaniya-2.htm)

Комментарий только к третьей строфе! — запомним это. Посмотрим другой академический комментарий:

«КАВКАЗ», стих. раннего Л. (1830?). Одно из первых обращений к теме и образам Кавказа (наряду с «Грузинской песней» и «Черкешенкой»). Стих. отличается особо нежным лиризмом: воспоминание о величии и красоте кавк. пейзажа переплетается здесь с сокровенными переживаниями поэта — воспоминанием о матери («В младенческих летах я мать потерял. /Но мнилось, что в розовый вечера час /Та степь повторяла мне памятный глас...») и воспоминанием о первой отроческой любви («Там видел я пару божественных глаз...»).

Искусное развертывание этих трех поэтич. тем позволило Л. «отразить» свое, близкое к жизни объективного мира природы, восприятие, напряженное переживание которого, в свою очередь, становится глубоко личным фактом духовной биографии поэта. Комментарием к автобиографич. мотивам стих. могут служить две записи, сделанные летом того же 1830: «Когда я был трех лет, ее певала мне покойная мать»

(VI, 386). (В черновом варианте стих. тема матери начиналась в 1-й строфе и далее ей посвящалась полностью 2-я строфа.) Др. запись перекликается со строками о первой любви Л.: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? Мы были ... на водах Кавказских...» (VI, 385). Проникновенный лиризм стих. поддерживается семантикой его жанровой формы, к-рой Л. придал черты нар. песни: замедленный ритм, напевную интонацию, рефрен («Люблю я Кавказ»), к-рый контрастирует своей краткостью с основными строками. Стих. иллюстрировали: А.Ф. Билль, В. Ковалев. Автограф — ИРЛИ, тетр. V. Копия — ИРЛИ, тетр. XX. Впервые — «БдЧ», 1845, т. 68, № 1, отд. 1, с. 11. Датируется весной 1830 по положению в тетр. V. Лит.: Гуревич, с. 158-59; Удодов (2), с. 53; Глассе, с. 92-93. Л.М. Аринштейн».

Я ничего не пропустила из академического источника?

Но среди всего этого словесного «мусора», приведенного здесь к вящей радости Вашей, приученной к «академизму» мысли, нам важно и интересно должно было быть то, о чем ученые умолчали и старательно продолжают умалчивать: ***«Хотя я судьбой на заре моих дней, /О южные горы, отторгнут от вас...».*** —

Первые две строки! (Или Вы можете только через пень-колоду?) А как их комментировать, когда они вводят в ступор??? — И, главное, совершенно однозначно, а не двусмысленно звучат: ***«Судьбой» «на заре дней»***, то бишь — с первых дней рождения, ***«отторгнут»***, да-да! — вывезен с Кавказа! — Без всякого на то согласия младенца! Но рефрен: ***«Люблю я Кавказ»***! — Это сыновнее признание-извинение: **ЛЮБЛЮ**, как бы не старались тебя, **КАВКАЗ,** вытравить из моего сердца и из моей памяти!

Вот это признание! И что с ним делать? — Закрыть глаза и быстренько перейти к песне, к любви... — к романтике, одним словом. — Это по-академически!..

Но Вахидову соплями-слюнями романтизма не возьмешь. —

Ей голую правду подавай.

«Действительно, чего не знаю, того и не существует...

Полистайте мою книгу «Лермонтов. Потаенные материалы. – М.: Древлехранилище, 2015. с. 170-175», и Вы узнаете о завещании Фомы Хотяинцева (1744- 29.12.1829), и что он из Пензенских дворян, и что Елизавета Алексеевна — его племянница.

Вот Вам и «Ху» ...».

Выходит, Вашим предшественникам было что таить и до Ваших изысканий в тайниках «Древлехранилища» много воды натекло под

лермонтоведение...

А Вы что узнали? — Что Хотяинцев — дядя Арсеньевой?

А я опять повторюсь: ***Ху из?..***

«Дядюшку» родного, который стал «крестным отцом» Михаила в 1814 году, Арсеньева напрочь сама забыла и выкинула его из своей памяти **НАВСЕГДА**! А ведь крестный (духовный) отец считался главнее биологического! Запомним накрепко, что Хотяинцев «из Пензенских дворян» и позволим себе забыть, что ему, по Вашим раскопкам, в 1814 году было уже 70 лет! Зато Арсеньевой всего лишь 41 год, и она не собиралась помирать. —

На себя рассчитывала? Не только.

Еще раз вернемся к ее Завещанию. Конечно, «духовному».

> «*10 июня 1817. Написано* ***духовное завещание*** *Е.А. Арсеньевой: «...Ныне сим вновь завещаю и предоставляю по смерти моей ему родному внуку моему Михаиле Юрьевичу Лермантову принадлежащее мне вышеописанное движимое и недвижимое имение, состоящее Пензенской губернии, Чембарской округи в селе Никольском, Яковлевское тож, но нынешней 7-й ревизии мужеска пола четыреста девяносто шесть душ с их женами, детьми обоего пола и с вновь рожденными, с пашенною и непашенною землею, с лесы, сенными покосы и со всеми угодий, словом все то, что мне принадлежит и впредь принадлежать будет, с тем, однако, ежели оной внук мой будет по жизнь мою* ***до времени совершеннолетнего его возраста*** *находиться при мне на моем воспитании и попечении без всякого на то препятствия отца его, а моего зятя, равно и ближайших Г. Лермантова родственников и коим от меня его, внука моего, впредь не требовать до совершеннолетия его, со стороны же своей* ***я обеспечиваю отца и родственников*** *в определении его, внука моего,* ***на службу Его Императорского Величества и содержании его в оной*** *соответственно моему состоянию, ожидая, что попечения мои сохранят не только должное почтение, но и полное уважение к родителю его и к чести его фамилии; в случае же смерти моей я обнадеживаюсь дружбой моей в продолжение жизни моей опытом мне доказанной родным братом моим артиллерии шт.-капитаном и кавалером Афанасием Алексеевичем Столыпиным,* ***кого и прошу до совершеннолетия означенного внука моего принять в свою опеку имение, мною сим завещаемое, а в случае его, брата моего, смерти, прошу принять оную опеку другим братьям моим родным Столыпиным или родному зятю моему кригсцалмейстеру Григорию Даниловичу Столыпину****, в*

дружбе коих я не менее уверена; естли же отец внука моего или ближайшие родственники вознамерятся от имени его внука моего истребовать, чем, не скрываю чувств моих, ***нанесут мне Величайшее оскорбление:*** *то я, Арсеньева, все ныне завещаемое мной движимое и недвижимое имение предоставляю по смерти моей уже не ему, внуку моему Михаиле Юрьевичу Лермантову, но* ***в род мой Столыпиных****, и тем самым отдаляю означенного внука моего от всякого участия в остающемся после смерти моей имении…».* (с. 44-45); [ГАПО, ф. 24, оп. 1, д. 731, лл. 11 об. -13 об.]; [ЛН. Т. 45-46, 634-636]; [Заповедник, 96-98].

Переведем на русский язык: Арсеньева, в случае своей смерти, передает опеку над Михаилом своему брату Афанасию; другим братьям (в случае смерти Афанасия), «или родному зятю» (!!!) и однофамильцу Григорию Столыпину, живущему в Пензе! И это при живом пензюке Хотяинцеве — ***перед Богом, людьми и церковью поклявшемуся*** стать Михаилу духовным отцом!

> «В случае необходимости Восприемники **должны** оказывать покровительство своим крестникам или **даже брать** их на свое попечение». (http://ww w.pravenc.ru/text/155356.html)

Но когда Арсеньевой церковь была указом или авторитетом?

К вопросу об историзме:

> 1. *«Во-вторых, рожали по домам, а не в больницах. Родильных домов не было. Частные врачи не вели официальных историй болезни. Приглашали домашних лекарей, по рекомендации знакомых и родственников. Я еще застал таких врачей».*

Рожать, конечно, можно было и дома. В Тарханах и Пензе, например, Марии помогли бы домашние врачи Арсеньевых, Столыпиных, Сперанского, наконец, которые ее наблюдали не один год, но Арсеньева кинулась в Москву — к неизвестным даже ей врачам, но зато подальше от любопытных глаз. Назвать, если не фамилию или имя, то хотя бы, что таковые присутствовали при родах и тут же откланялись, — вполне можно было бы, если бы таковые действительно присутствовали при родах. ***Но не было ни врачей, ни самих родов!***

> 2. *«Не заявить о ребенке — такой глупости ни у кого и в мыслях не возникало!»*

А вот Пушкин посмел. Отправил дворовую девку брюхатую к Вяземскому. — Тоже подальше от пересудов...

А уж какие тайны открылись Бенкендорфу в его путешествии по России! *«... Затем мы остановились в Тихвине, маленьком городке, очень богатом, очень оборотистом и особенно известном как место паломничества к иконе Пресвятой Девы, составляющей богатство монастыря, который ее обладает.* ***Наши самые хорошенькие женщины Петербурга едут сюда искать отпущения грехов за свои любовные заблуждения****, оплакивать потерю своих любовников,* ***скрываться здесь с ними от назойливости супругов и света.*** Здесь священная завеса этого святого места ***скрывает в тени благочестия ребенка, которого не осмелились бы родить в столице,*** и, таким образом, оно действительно ***часто служит*** для того, чтобы ***освободиться от тяжкого бремени.*** Икона Пресвятой Девы покрыта драгоценными камнями, а церковь, так же, как и монастырь, образуют великолепное сооружение». (Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802-1837 /Публ. М.В. Сидоровой и А.А. Литвина; Пер. с фр. О.В. Маринина. — М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 2012.)

3. *«Какая польза врать о дне рождения ребенка?»*

А какая гордость в «приличьем скрашенном пороке»?

Конечно, всякое бывало, Дмитрий Анатольевич! Особенно умиляет, что священники *«под страхом сурового наказания» «заверяли своей и причта подписями»,* что *«все внесено правильно».* —

Т.е. всё время со слов Арсеньевой, которая затем в Киеве замаливала свои грехи перед Господом.

> 4. *«Случалось, что священники (особенно сельские) по небрежности не вносили запись о рождении (бракосочетании или смерти) в метрическую книгу и тогда Консистория заводила дело о признании факта рождения того или иного лица. Для этого* ***отбирали под присягой*** *показания у священника и причта, восприемников новорожденного и его родственников. И только после этого Консистория выносила решение: признать или не признать факт рождения».*

Похоже не «случалось», а стало нормой в отношении Арсеньевых-Лермонтовых, когда ***ни один священник ни одно событие ни за какой год*** не внес в церковную книгу вовремя или достоверно:

а) «После венчания, ***место проведения*** которого ***до сих пор неизвестно***, родители М.Ю. Лермонтова поселились в Тарханах...» (В. Захаров. Летопись)

б) «***Мая до 20-го.*** «Тульскому губернскому предводителю Елецкого помещика подполковника и кавалера Григория Васильева сына Арсеньева прошение» о том, что «***после смерти... капитана*** Юрия Петровича Лермантова остался сын Михайла...». «Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии», Тула, 1915, стр. 91. — Это ***первое официальное*** упоминание о смерти отца поэта, который, ***по-видимому, умер в конце 1831 или начале 1832 г.*** (В.А. Мануйлов. Хронологич. канва жизни М.Ю. Лермонтова)

в) «***1 октября 1831.*** В Кропотове Ефремовского уезда Тульской губернии ***умер*** Юрий Петрович Лермонтов, ***сорока четырех лет*** отроду. Погребен в церкви села Шилова. ***Выписка из книги,*** данной из Ефремовского духовного правления Ефремовского округа села Ново-Михайловского в церковь Успения Божия Матери причту для записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1831 г. (О умерших за 1831 г. № 14. В октябре первого числа Корпус капитан Евтихий Петров Лермантов, неслужащий, вдовый, ***лета 42***, смерть приключилась от чахотки, исповедан и приобщен приходским священником Никитою Корнильевым Соболевым, погребен на отведенном кладбище) (В. Захаров. Летопись жизни и творчества М. Лермонтова)

И т.д., и т.д.....
На дыбу бы поднять таких служителей церкви!

> 5. *«Можно не сомневаться, Арсеньева ехала вместе с единственной беременной болезненной дочерью, справедливо опасаясь потерять ее и внука».*

Это из серии: «Над вымыслом слезами обольюсь!..» или: «Ах, обмануть меня не трудно, Я сам обманываться рад!».

Но, право же, Вам не к лицу и не по летам...

Воистину — «Грубые факты губят красивые теории...» — советские теории...

P.S. Поместив на сайте свой «триллер» под «бредом» Зуева, Вы не оставили мне выбора. Если люди не заметили между вами разницы, то это большой минус Максиму Ивановичу и, поверьте, весьма лестный комплимент в Ваш адрес. И для такого случая стоит присмотреться к нафталину: похоже — помогает...

Буду рада за Вас.

«Полемики у нас не получится»?

А кто в ней заинтересован?

Будьте.

Д.А. Алексеев. **17 февраля 2017, 17:28**

Дорогая Марьям Вахидова!

Видит Бог, очень старался безвозмездно, в смысле даром, увлечь Вас в кущи истинного лермонтоведения.

Но, увы, с Вельзевулом не потягаешься...

Прощаюсь с Вами, обливаясь слезами.

Ежели что... пишите. Всегда отвечу «Ху» есть «Ху».

М. Вахидова — Д. Алексееву. **17 февраля 2017.**

... М. Гадаев, первый профессиональный переводчик «Мцыри», писал: *«Вы думаете, новые идеи побеждают старые в научных спорах, открытых и честных диспутах? Ничуть. Просто носители старых идей вымирают и новые утверждаются ... естественным путем»*.

Я и не спешу.

Ежели что... Вы знаете, как меня найти.

Ваши слезы извиняют Вас.

Максим Зуев

ЛЕРМОНТОВ. РЕЦЕНЗИЯ С ПРЕТЕНЗИЕЙ

«Светоч критики должен озарять, а не жечь».

Шарль Симон Фавар.

Принятое эпиграфом изречение, по несомненному убеждению его автора, должно было быть девизом носителя высоких идей свободы и истины. Едва ли оно всегда и всеми исполнялось в своём значении.

В современном мире, случается, превалируют рассуждения, девиз которых — антимония (болтовня). Искушённые услужно доходным опытом слуги литературного искусства предпочитают иметь дело в сфере плагиата, эпигонства и т.п., где оригинальность и истина отсутствуют напрочь. И не сложно, и не в убыток. Как правило, такие мастера обживают кормовые места, вьют капитальные гнёзда и из них обливают испражнениями всякого, кто вознамерится приблизиться к присвоенному промыслу. Если ортодоксально пресыщенную среду, вдруг, смутит незадачливый оригинал, чуждый ортодоксу и эпигонству, то… Нет, не озарять. Только жечь!

В высказанном аспекте, аргументационная каноническая база лермонтоведения утверждается всё ожесточённее, с использованием непривлекательных, с точки зрения общепринятой этики, методов. Примером этому являются, критические рецензии на работы авторов, не вписывающиеся в канонически исповедуемые, но сомнительные мнения.

Внимание читателя обращается на рецензионную статью Валерия Ивановича Прищепа «Дворянин М.Ю. Лермонтов», написанной на мою статью «Лермонтов. За мишурой фантазий» и в защиту установившейся официальной версии биографии поэта. Утвердительный заголовок свидетельствует непоколебимость рецензента в своём мнении по единственному вопросу моей статьи. Начнём с логики.

В.И. Прищеп — (впредь будем именовать его **Критик**), сообщает читателю:

> **Критик:** *Судя по одной из них (статьи № 2) — «Лермонтов. За мишурой фантазий»), М.И. Зуев лишь утвердился в прежнем мнении о незаконном получении Ю.П. Лермонтовым в 1829 году*

статуса дворянина Тульской губернии и отсутствия статуса дворянина России у поэта и офицера М.Ю. Лермонтова.

М.И. Зуев, (впредь будем именовать его **Автор**).

Автор: Статья № 2 заканчивается выводом её автора (дословно): *«Великий русский писатель Лермонтов Михаил Юрьевич, по линии юридического отца, дворянского статуса России не имел»*. ***Это непреложный факт — Свидетельства дворянина он не имел.*** В статье № 1 речь шла о фальшивости представленных свидетельств. О незаконном получении статуса дворянина и, значит, вообще о полученном статусе Юрия Петровича, как о свершившемся факте, речи не было.

Часть 2-я статьи № 1, содержащая разбор имевшихся материалов о праве Лермонтовых на дворянский статус, заканчивается предложением — *«Михаил Юрьевич Лермонтов дворянского статуса по юридическому отцу* ***иметь не мог»***.

Это заявление предварял анализ событий и документов, связанных с жизнью Юрия Петровича, разбор предшествовавших событий и причин их возникновения.

После разбора было заявлено: *«Но дворянства, по названным причинам у него* ***не было****, потому утратить его, при всём его «усердии», он* ***не мог»***. Действительно, по факту — зарегистрированного статуса дворянина Юрий Петрович Лермонтов не имел. Его доказующие аргументы, по несерьёзности, вызывали снисходительную усмешку. Потому и было сказано: в Гильдии весело посмеялись и деликатно отмолчались.

Автор не исключает, что где-то, какой-нибудь «плюшкин», имеет в своём «пассиве» более доказующие аргументы. Хорошо, если они есть. Плохо, что они — в «пассиве» …

У М.Ю. Лермонтова Свидетельства о дворянстве не было при всей его жизни. Отчего возникла ситуация, в которой потомок двух известных дворянских родов оказался без Свидетельства о своём дворянском статусе? Версия (разновидность, вариант в изложении, толковании чего-н.) об этом изложена в статье № 2. (Предупреждая предвзятое толкование, на слове версия, ставлю акцент).

Всякое целое — образовано дискретными составляющими. Конечное понимание исследователя исследуемых явлений формируется не одномоментными проявлениями в чём-н., текущего или свершившегося процесса, а суммой полученных в результате исследования теку-

щих или свершившихся дискретных результатов. В данном случае конечное — (итоговое) непонимание ситуации сложилось от неясности имевших место фактов.

Вот, к примеру, неясности:

— Ю.П. Лермонтов умер в 1831 году. Если он в 1829 году был внесён в ДРК (дворянская родословная книга) и получил удостоверяющий этот факт документ, ***зачем он написал завещание — кому, что и сколько, он завещает*** из своего дворянского имения?

— По какому соображению он решил, что «сын» должен получить половину крестьян (73 из 147) и ничего больше? Он должен был учитывать и вложенные в имение в Кропотово 25000 рублей приданного за Марией Михайловной. А три его сестры — должны получить вторую половину крестьян на всех и само недвижимое имение?!

И это проводниками официальной биографии поэта толкуется, как доказательство благосклонности и любви Юрия Петровича к «сыну» больше, чем ко всем трём его сёстрам и проявленной им справедливостью.

В этой связи освежим в памяти ст. 2. П. 18 Уложения 1649 года Итоговое толкование: *«Воля завещателя ограничивалась сословными принципами: завещательные распоряжения касались лишь купленных вотчин, родовые и выслуженные вотчины переходили к наследникам по закону.* ***Родовые вотчины наследовали сыновья, при отсутствии сыновей — дочери.*** *Вдова могла наследовать только часть выслуженной вотчины «на прожиток».* (Акцентированно заметим: даже вдова наследодателя — мать наследника — получала в наследие только «*на прожиток*». Сёстры наследодателя не могли получить больше матери наследника).

— В связи с написанием Ю.П. Лермонтовым завещания возникает и ещё вопрос по причинам продажи Лермонтовыми недвижимости в Костромской губернии и покупки таковой в Тульской. В Тульской губернии вся недвижимость оказалась купленной. Оказалось её можно завещать. И можно наследовать по закону. На будущую перспективу это могло быть не последней причиной переезда. Юрий Петрович в***оспользовался правом завещать своё имение***. Его завещание можно истолковать желанием и обязанностью ***обеспечить будущее своих сестёр.*** Но с такой же убедительностью можно принять версию о его ***нежелании передать по наследству имение Кропотово юридическому сыну***. В конечном счёте (по женской линии), Кропотово оста-

лось в «Лермонтовском» роду. В конечном итоге — «Завещание» Ю.П. Лермонтова свидетельствует его безответственность за сохранение целостности родовой недвижимости (распыление), что может быть расценено как безучастность к материальной обеспеченности будущих потомков.

Если в таком отношении к безразличному ему потомству не умысел, то уж, наверно, не отеческая мудрость. В сущности: не напиши он завещание — «сын» по наследству получал всё имение, кроме того, что его тёткам по закону полагалось «на прожиток», а в губернской ДРК имя М.Ю. Лермонтова по праву должно было быть записано вместо его *«отца»*. И после (смерти Ю.П.), не было бы у М. Лермонтова оснований сетовать на свою безродность (Молитва странника 1837 года и в других произведениях периода времени после 1831 года).

И Мир получил бы совсем другого Гражданина земли — жизнерадостного и уверенного.

Завещание возникло не на пустом месте. В его несправедливом смысле скрыто не подлежащее, по замыслу завещателя, содержание?!

— Пункт 19 Жалованной грамоты (1785), применительно к Ю.П. Лермонтову — создателями официальной биографии понимается и толкуется однозначно:

— воспитатель в Кадетском корпусе, имевший воинское звание капитана — нёс действительную воинскую службу, зачисляемую ему в учитываемый военный стаж. Логично объяснённого выражения: *«недействительно в воинской службе служащих»* в толковании к пункту 19 — нет. Не дают чёткого толкования к терминам: *«военный», «служба», «нести»* — словари. Но термин ***«воспитатель»*** — (чем и занимался Юрий Петрович в Кадетском корпусе), означает во 2-м значении: «сформировать» (характер, навыки), в 3-м значении: «привить», «внушить» — что относится к нравственно-этической стороне обучения, имеют к поведению бойца в окопе с винтовкой, с пулемётом, а в наше время с атомной бомбочкой — слабое отношение.

На огневом рубеже с солдатом находится (действительно в воинской службе служащий): поручик, ротмистр и др. вплоть до генерала, непосредственно ведущие боевые действия или несущие ответственность за их исход. Священник, воспитатель, прачка — эти служат ближе к кухне. Так же, как конструкторы в кабинете изобретают новую пушку, швея на швейной фабрике шьёт военное обмундирование.

Так же, как военнообязанный гражданин, в разгар кровавого сражения работающий на производстве или на хлебном поле, но в критический момент обязанный стать в окоп.

Воспитатель не может быть сравним даже с военным политруком времён «Советов», первыми кричавшими «Ура!», нередко из-за спины солдата. Тем более — солдаты во все времена воинскую службу несли не столько за идеи, сколько за хлеб насущный. Опытные воспитатели (на практике) имеют своё понимание процесса воспитания и служат в соответствии со своим пониманием…

В этом смысле — по какой причине Юрий Петрович очень стремился попасть в воспитатели? — в чём ему поспособствовал сосед по имению, а в будущем родственник — Н.В. Арсеньев. (Последнее, высказанное Автором мнение, следующему критику будет кстати в обвинении Автора не просто в нелюбви к Юрию Петровичу, но в злостном наговаривании на него. В этом случае Автор предлагает вдуматься в толкование к пункту 19 Жалованной Грамоты (ЖГ) 1785 года и уразуметь: смысл, заключённый в этом пункте не подразумевал лично субъект, о котором идёт речь, — но множество недействительно служащих в воинской службе, а только причастных к ней). (Опыт исторического родословия Арсеньевых. — СПб. 1841. С. 23, 27-28).

Для доказательства обратного нужно логично, фактологично, документально, без сомнительных доказательных ссылок типа *«другие тоже так жили, доказывали благородство своих чад справками, ссылками на многочисленные отряды родовитой поросли, принимавшейся в элитные учебные заведения чуть ли не по устной протекции»*.

Нужно доказать внесение рода в губернские дворянские списки, обязательные для исполнения по положениям «Жалованной грамоты 1785 г.». Внесение рода Лермонтовых в дворянскую книгу Тульской губернии в 1829 г. и «Справка о дворянстве Ю.П. (рождения 1787 г.), сочинённая в 1800 г. в соседней от места рождения губернии через 13 лет после факта события, и подписанная не правомочными для дачи такого свидетельствующего документа людьми во главе с (фактически) исполняющим, (а не правящим, как заинтересованно упорно пишется и считается), обязанности губернатора Крюковым — являются ***неопровержимыми документами отсутствия*** в 1800 г Лермонтовых в названных списках.

Правовые полномочия обозначенные терминами исполняющего и правящего лиц, по функциональным признакам сравнимы с полномочиями Премьера и Президента. Президент получает властные и правовые гос полномочия от Народа прямо или через избранных Народом депутатов. Потому его подпись имеет властную и правовую силу. Премьер получает полномочия от Президента (после выполнения установленных для этого акта процедур). Его правительственные полно-

мочия определяются Документом: (Законом. Указом, Положением…), о высшем исполнительном органе. Вся исполнит. структура управляется, соответствующими своим уровням, Распоряжениями, исходящими от соответствующих уровней исполнит. власти, ограниченной положениями о порученных обязанностях, ответственности и т.д.

Ещё о сочинении «Справки». Исполняющий обязанности Губернатора не мог называться правящим должность губернатора. Это название — от лукавого. Придумано и введено в практику прислужным, льстивым чиновничеством. Назначение губернатора — прерогатива Императора. И. о. на непродолжительный срок могло быть назначено, компентентное в сфере управления, лицо действующим губернатором (например: при его убытии за пределы губ.). Доверие исполнения — сравнимо с дачей поручения. Но при даче поручения исполнителю не передаются правовые полномочия дающего поручение. Распорядительные — да, но в объеме обеспечения выполнения поручения.

Человек «с фантазиями» может заявить свой вариант: исполняющим обязанности Тульского губернатора назначал Император. Уездного предводителя…? … Исполняющим…? …На длительный срок…? Невероятно! Тогда почему не губернатором? Если на короткий срок, — почему было не подождать возвращения губернатора?!

Уверенному не нужно утверждаться. Ему важно утвердить в сознании читателя бесспорность его (авторского) убеждения, основанного на неопровержимых фактах. Именно для уточнения верности мнения Автора 2-я статья детально, шаг за шагом отслеживает факты, составлявшие процесс становления потомственного благородного дворянства, сопровождаемый соответствующей документальной базой. Ничто не совершенно абсолютно. И абсолютно защищено. Статус дворянина законодательными нормами противостоял прилипчивости инородного, сомнительного, не имеющего доказательного права на него.

За отсутствием Измайловской ветви рода Лермонтовых в губернском дворянском родословном списке до 1828 г., по сомнительной доказательности на право дворянства, М. Лермонтов ***не имел свидетельства о дворянском происхождении.*** Это положение сложилось по действию или бездействию его ближайших предков.

Что в преамбуле к критической рецензии не устроило критика? Чтобы автор Зуев «разутвердился» в своём мнении? Так ведь, от его разутверждения не разутвердится истина.

Критик: «*М.И. Зуев подобрал статьям интригующие названия. Читаешь с первой строки, до последней, в надежде узнать,*

какой-то особенный статус Лермонтова и зачем его надо преодолевать. Прямых ответов не находишь».

Автор: Уважаемый Валерий Иванович, позвольте сообщить, как неудобно мне, читателю-любителю творчества М.Ю. Лермонтова, уточнять персонально для Вас — что под термином «статус» понимается? Но Вы к этому принуждаете. И потому — пожалуйста:

в первом значении — сложившееся состояние (положение),
во втором — положение.

Заступая на «путь истинный», вспомним, что немного выветрилось:

— под термином «состояние» (состоять), понимается выражение «иметь содержанием, сутью что-нибудь»,

— под термином «положение» понимается: место, роль кого-н. в обществе, в жизни, в коллективе, в семье. И есть ещё уточнения, вмещённые в термины: «Статус-кво» и «Статус-кво анте беллум». Значение последнего — за предметом разговора, а первого — Положение, существующее в данный момент. В недавние ещё времена, в простонародье, для характеристики человека применялся термин — «Авторитет» и его производные, близкие к не формальному понятию статуса.

Так вот, ***статус Лермонтова размыт*** (в смысле не имеет чёткого выражения), представляется иллюзорным, неправдоподобным, увешенным мистическими ярлыками. Уважение к памяти поэта требует снятия всех и всяких ярлыков. ***Народ хочет и вправе видеть Великого певца души человеческой не в обрыганном или позлащённом статусе, а в человеческом, вместе с его грехами и добродетелью, в естественном и правдивом.*** Думаю, что такое мнение достоверно выразила профессор ДГУ М.Ш. Муслимова в отзыве на исследования М.А. Вахидовой. Приведу только цитату из её отзыва:

«*Много лет преподавала литературу в школе и всегда ощущала* ***неполноту, туманность, не исследованность*** *биографии Лермонтова и связанных с ней вопросов, т****олько после блистательного и добросовестного труда*** *Вахидовой всё получило свою* ***кристаллическую завершённость и ясность***».

Показать открытого от мишуры фантазий поэта возможно только

устремлённому к истине коллективу его почитателей. А Зуев сказал о своём убеждении: ***образ Лермонтова — за мишурой фантазий.***

> **Критик:** *«Следует упомянуть об установленных рамках своего труда. Говоря о себе в третьем лице, он сообщил: «В круг его интересов не будет входить вопрос вероисповедания и анализ кавказских стихов, как тем — предопределяющих содержательно желаемую цель поиска, что склоняло бы его к версии М. Вахидовой»*. И следом назидание: как следовало поступить: *«проще было написать, что автор дистанцируется от мнения М.А. Вахидовой» о чеченских корнях М.Ю. Лермонтова. Но как выразилась в подобном случае моя остроумная приятельница, толковый литературовед: «/имярек/ сам знает, что сказал».*

Автор: Уважаемый Критик, Вы вроде забыли — заголовок вашей критической рецензии обязывает Вас убедительно показать читателю, что статус дворянина, утверждаемый заголовком — именно тот статус, несомненным правом на который обладал и имел его М. Лермонтов. Присутствию этого термина в заголовке ***дан акцентированный смысл.*** А потому рамки творческого труда Петрова и Сидорова, или кого другого и их авторской солидарности, даже в пределах одной темы, к предмету объявленного Вами вашего намерения (и обязанности выполнить его), имеют десятое отношение. То же касается того, как Вы пытаетесь утвердить в сознание читателя *«их диаметрально противоположных позиций в отношении к поэту и его матушке»*. Автор отвечает на этот «клин» в единомыслие только потому, что это неблаговидное занятие имеет тенденцию к распространению и, безусловно, является покушением на честь и стремление к истине.

Усиливается провокационный скулёж по поводу высказанного в преамбуле 1-й статьи заявления ((*«Автор настоящей статьи не ставит задачу провозглашении истины)). В круг его интересов не будет входить вопрос вероисповедания и анализ кавказских стихов, как тем — предопределяющих содержательно желаемую цель поиска, что склоняло бы его к версии М. Вахидовой».*

Вырезанный Критиком из вводного заявления уточняющий смысл намерений автора, требует пристального внимания. Потому что его заявление о рамке намеченного намерения (обрезано в размере текста, показанного в сдвоенных скобках), означает не утверждение верной истины, (которую Зуев якобы вознамерился открыть) взамен неверной, но только как сообщение о приобщении к процессу поиска — сде-

лано осознанно. Между прочим, это должно квалифицироваться, как подлог намеренных действий.

Использование Зуевым термина «провозглашение», содержащего смысл победного торжества нового: высокого, истинного — над старым: низким, сомнительным, с предварительны уверением, что он не ставит задачу провозглашения истины — публично и ясно говорит о непретенциозном его намерении. И это (предварительное уверение), обрезано Критиком с очевидной целью: вбить клин в согласное понимание.

Кроме этого — на раскольное действие и на измышления, относительно отношения автора к поэту и его матери следует сказать: акцентированно представленная Критиком вниманию читателя оставленная часть рассматриваемого заявления Автора, толкуется свидетельством существования *«диаметрально противоположных взглядов»* на сомнительные официальные утверждения по теме социального положения лермонтовского рода. Извращенный смысл заявления — истолковывается намерением отчуждения от поиска истины в произведениях поэта, — что исповедует литературовед М. Вахидова.

Зуев не аналитик искусства поэзии. Если он займётся фактами, документальными свидетельствами, средой их возникновения, трансформацией их преобразования и т.п. от него может быть больше толку, чем публичное кукареканье (по принципу «Петухи и кукушки»), в доказательство солидарности с позицией и версией Марьям Адыевны. И он заявил ***не о диаметральной противоположности им своих исследований, а их параллельной оригинальности.*** Как может убедиться читатель, Зуев не анализировал Кавказских произведений поэта, не обращался к его вероисповеданию, а написал ***свои статьи на основе доступной ему фактологической базы***.

И получилось: Рецензия на сайте «Изба-Читальня» на статью «Лермонтов. В непреодолимом статусе» (М. Зуева):

> *Максим, спасибо Вам за интересный экскурс в историю. Материалы, которые Вы собрали, для многих станут сенсацией. Я с большим интересом прочла Ваш труд. Думаю, что внимательный читатель уже понял, кто является кровным отцом М.Ю. Лермонтова.*
>
> *Предположительно понятно, что брак между влиятельным горцем и русской девушкой был невозможен. Несомненно, поэт знал кто его отец. И очевидно, что корни, горячая кровь тянула Лермонтова на Кавказ. Непонятно, зачем искажать историю, подтасовывать любые её факты, ведь «шило в мешке не утаишь», всё равно тайное выйдет наружу, а имена фа-*

льсификаторов-историографов будут в веках склонять.
Ещё раз, благодарю за интересные материалы.
С уважением,
Светлана Кручинина. 16.03.2016 15:29

Вместе с благодарностью Светлане Кручининой — любительнице поэзии Лермонтова, Автор обращает внимание лермонтоведов, исповедующих ортодоксальные каноны: последние три строки обращены к Вам. Ещё не поздно внять их смыслу во имя торжества истинного.

Валерий Иванович живописует события во время пребывания Лермонтова в учебных заведениях столиц России. «Рисует штрихами».

Критик: *«Об уходе Лермонтова из Московского университета Зуев пишет: «6-го июня 1832г. отчислили за лентяйство, а не за срыв урока (лекции) словесника профессора Малова, как утверждается официально».*

Автор читателю: Пропустим не существенное для сути вопроса. Закончим живописным мазком):

Критик: «Вот первые два штриха к создаваемому Зуевым образу М. Лермонтова. Лентяй в учёбе и не борец. Верно ли это?

Автор: Судить о верности «этого» привлекаются военный историк В.А. Потто и ряд других знатоков, которых Валерий Иванович сам и приглашает к осуждению незадачливого Максима Ивановича. Разумеется: слуги Фемиды говорят: «Нет, не верно!». Читатель удивится, а Валерий Иванович восторжествует и воскликнет: «Ну, — я говорил!». Произойдёт это торжество, когда Зуев скажет: с слугами Фемиды согласен…. Он и в самом деле согласен.

Тут к месту вспомнить одну байку про Пушкина А.С.: Его, в малолетстве, няня вела (водила) на прогулку. Малышу не нравилось напрягаться, преодолевать дорожные кочки, рытвины — всё, что дошло и до наших времён. А на обочинах была тьма придорожных пеньков. Он потихоньку отставал, садился на пенёк, отдыхал. А няня гуляла, пока не обнаруживала недостачу Александра Сергеевича рядом. Потом шла обратно до пенька, на котором отдыхал будущий Гений. Няня корила его: — «Лентяй! Вот ужо расскажу папе с мамой…».

Простоватая няня считала Пушкина лентяем. И была не права. Он не был лентяем! Он проявлял лентяйство! Так и Лермонтов на лекциях профессора Малова, которого не любил и не ценил. Взаимно. (Ожегов

С.И. Издание 2001г. С. 323. Лентяй — ленивый человек. Лентяйничать — бездельничать).

Автор (Читателю): Другой штрих (мазок) к портрету Лермонтова, создаваемого Зуевым, нанёс, призванный для этого, военный историк — В.А. Потто. Военный потому, что нужно показать борцовские качества Михаила Юрьевича. Тут, представляется, следует уточнить значение слова борец: 1 — человек, который борется во имя защиты, осуществления чего-н. (обычно передового, прогрессивного), 2 — спортсмен. И привести мнение генерал-лейтенанта Потто Василия Александровича о Лермонтове, как о борце.

Его приводит сам Валерий Иванович.

> **Критик:** *«По окончанию экзаменов (в школе гвардейских прапорщиков), Лермонтов пишет знакомой: «Надеюсь, Вам будет приятно узнать, что я выдержал экзамен в первый класс всего за два после поступления в Школу, — и что я один из первых…». Конечно, Лермонтову, обладавшему блестящими способностями, получившему первый приз в университетском пансионе и находившемуся некоторое время в университете, — не пришло бы в голову тревожиться экзаменами и распространяться об успехах, если бы они доставались легко…».*
>
> *И… — о борце всё!? Есть ещё приписка Валерия Ивановича (с нескрываемой саркастической интонацией): «Если М.И. Зуев знает более весомые источники, не грех бы поделиться».*

Автор: — Нет, Валерий Иванович. О непоколебимом борце Лермонтове Зуев не наслышан. Он знает о нём, как о бесстрашном воине, проявлявшем большую храбрость в боях. Как о борце — более весомых источников, чем В.А. Потто, в природе, видимо, не существовало. Большая удача, что Вам удалось его отыскать? Поздравляю! А непоколебимым борцом (за прощение и помилование внука), постоянно проявляла себя бабушка Михаила …. Это засвидетельствовала современница поэта, поэтесса, талант которой В.Г. Белинский ставил на один уровень с Пушкиным — Е.П. Ростопчина, в стих. посвящённом М.Ю. Лермонтову: *«Но есть заступница родная /С заслугою преклонных лет, — /Она ему конец всех бед /У неба вымолит, рыдая!»*.

> **Критик:** «*По Зуеву, следующий этап жизни Лермонтова обострил осознание им своей сословной неполноценности. При-*

вожу цитату, слегка сократив её. «Ещё была Школа юнкеров. Но она — тоже для детей дворян. Использовал своё влияние один из братьев деда Лермонтова — Арсеньев, бывший попечителем московских училищ. Короче, Лермонтов не в соответствии с требованиями на право поступления, но вопреки им, был принят в Школу, но только на своекоштное отделение. И это не было следствием платонической любви бабушки к внуку, но была неизбежность, едва уложенная в обстоятельства».

Автор: (Читателю): Прервём изложение Критиком, *«слегка сократившим»* текст Автора, для восстановления *«слегка сокращённой»* части текста. Вот эта часть (после выражения: *но она тоже для детей дворян…*): *«Здесь тоже была использована копия Свидетельства о рождении Лермонтова, полученная Елизаветой Алексеевной из Московской духовной консистории от 25 октября 1827 года, где указан отец — Юрий Петрович в чине отставного капитана. Чин капитана, как бы удостоверял выслуженное потомственное дворянство»*.

Тут важно почувствовать, воспринять акцент заявления — «По Зуеву». Этим акцентом, как фактом, утверждается уверенность многих лермонтоведов всех времён, мыслящих «не по Зуеву», в его бесспорной принадлежности к дворянскому сословию. Автор не будет приводить доказательства спорности такой уверенности, поскольку об этом обстоятельно велась речь в обеих его статьях. Но по существу заявления испытывает не менее, как удивление….

Автор: (Критику): Если означенный «этап» (период времени), «По Зуеву», обострил осознание Лермонтова и т.д., значит — «Не по Зуеву» — этот «этап» ничего не обострил. Тогда напрашивается щекотливый вопрос: по какому соображению Критик «слегка сократил» цитату Автора? Он ***«сократил» (выхолостил) её — смысловую часть***, содержанием своим свидетельствующую отсутствие Свидетельства о дворянстве и, потому предъявлении, при поступлении в Школу, только косвенного доказательства своего статуса. Представлением обессмысленной цитаты Зуева читателю, критик самим фактом своего действия, бездоказательно изобразил перед читателем несостоятельность мнения Автора, в интерпретации событий того времени, — уклонился от сообщения личного мнения о сословной «полноценности» Лермонтова, — уклонился от сообщения читателю названных Автором доказательств, представленных взамен требуемых при поступлении в Школу юнкеров. Следом за таким же бессмысленным сообще-

нием, как рассусоливание В.А. Потто о борцовских качествах Лермонтова — без толкования причин обострения «осознания», скоропалительным переходом от обсуждаемого вопроса к другому — убедительно доказал, что по обсуждаемой теме ему сказать нечего.

Следующей темой критической рецензии представлено сообщение С.А. Бойко о взлёте творческой активности взрослеющего Михаила Юрьевича на Молчановке. По этому поводу Автор знает только, что есть мнение, выраженное Екатериной Александровной Сушковой в её «Записках», что творения этого времени, предвещают ему подняться на вершину поэзии. Одно стихотворение назвала она достойным его, начавшего проявляться Гения: *«По небу полуночи ангел летел /И тихую песню он пел, /И месяц, и звёзды, и тучи толпой /Внимали той песне святой…»*.

Автора обескураживает присовокупление Критиком сообщения С.А. Бойко к своей критике, не прилежащей по теме к ней ни к какому боку. Но вразумительного ответа на недоумение не ждёт, потому что его не может быть по определению.

> **Критик:** «*В обеих статьях М.И. Зуев настойчиво внушает, что Лермонтов родился до 1812 года, а официальная дата — лишь придание видимости его рождения в законном браке. Отсюда следует, что в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров поэт поступил 20-летним человеком.*
>
> *А оказавшиеся вместе с ним Михаил Столыпин, Тизенгаузен, Синицин Юрьев, Михаил Мартынов, двое Вонлярлярских и многие другие будто ещё не достигли 15 лет. Если бы сложилось именно так, то, каково было бы Лермонтову прикидываться ровесником недорослей? И в каком возрасте Елизавета Алексеевна упаковала внука в корсет, коли, названная Школа учреждена в 1823 году? Под эту выдумку можно предположить, что мудрая прозорливость могла настигнуть бабушку задолго до Указа Александра I. Всерьёз же остаётся признать: М.И. Зуев* ***первый и пока единственный, кто приоритет в выборе военной профессии отдаёт его бабушке.***[1]

[1] Духовное завещание Е. Арсеньевой 1817 года: «... желая его в сих юных годах воспитать при себе и ***приготовить на службу его императорского величества*** и сохранить должную честь свойственную ***званию дворянина...*** Со стороны же своей я обеспечиваю отца и родственников в определении его, внука моего, ***на службу его императорского величества и содержание его в оной*** соответственно моему состоянию...» — М.В.

Автор: Зуев не внушает. Только высказывает своё мнение, осованное на анализе проанализированных им, опубликованных в интернете материалов. Других возможностей по многим обстоятельствам у него нет. И опубликованы они, кроме всего прочего, кроме сохранения, — для пользования человеком. А человека обманывать — нехорошо. Поэтому следует исходить из уверенности, что опубликованные материалы правдивы, несут этому человеку истину. И одну из их множества несёт лермонтоведение. Не верить абсолютно всему этому непростительный грех. Поэтому согласимся с этой аксиомой. А в случае выявления ошибок — *«Не жечь, а озарять»*.

На основе составившегося представления о сути вопроса, Зуев выражает своё мнение и аргументирует его состоятельность. Читатель волен, поверить ему или не поверить. Из множества личных мнений слагается Общественное мнение. Его невозможно внушить. Его можно создать доказующей аргументацией. Оно, в будущем, внесёт в установленные каноны лермонтоведения свои коррективы. Далее:

Во 2-й статье речи о времени рождения поэта вообще не ведётся.

В 1-й статье речь идёт о документах, свидетельствующих время рождения и контекстных частях поэмы Лермонтова «Сашка», содержащих сведения о времени его рождения. На основании анализа материалов (приведённых непосредственно в статье выемками из текста поэмы), Автором сделано заключение о рождении Лермонтова до 1812 года. Если у Критика есть недоверие к подлинности времени рождения, названного Автором, то он может адресовать своё недоверие к церковным службам того времени и к автору поэмы «Сашка». Однако Автор согласится, что предложение обратиться к автору поэмы невозможно, а к церковным архивам бессмысленно. Он может помочь толь-ко советом — действовать от противного:

1-е — доказать, что содержание поэмы не имеет биографических компонентов и объяснить себе — почему её автор, до конца жизни, умалчивал о её создании? Обязательно — то и другое.

2-е — объяснить, хоть бы себе: мародёрство, грабёж, вымогательство, обесценивание всего и вся, неизбежны в каждом разорённом войной городе. После нашествия французов в 1812 году на Москву — могли ли они в ней не быть в 1814 году?

Даже, Великий историк государства российского Карамзин Н.М. не мог позволить себе проживания в разорённом городе — жил за его чертой, в имении родственников.

Автор не допускает возникновения у критика мысли, что своим предложением он коварно намекает, на возможные в такой ситуации,

противозаконные действия, кого бы то ни было. Он просто не может объяснить себе и не поинтересоваться: ну зачем в это время, при неуправляемой ситуации, при чудовищной дороговизне всех услуг, хоть не жадной, но расчётливой Елизавете Алексеевне, приспичило отправиться семьёй, вместе с зятем — со сквозным ветром в карманах, в место, богом обречённое на тяжёлые испытания? Поездка в Москву, творцами официальной биографии, объясняется высоким профессиональным уровнем столичных врачей. Логично возникает интерес: почему они там, в жесточайших условиях для жизни, пребывали, если все другие убежали?

3-е — относительно святости, безукоризненной исполнительности, строгости применяемых к священнослужителям мер наказания в случаях плохого исполнения ими церковных функций:

в рецензии на статьи, по рассматриваемому здесь вопросу, на-пичканный *«универсальными знаниями и понятиями»* — (пока назовём — некто — начётчик-Плюшкин), рецензёр, в качестве удостоверения объективности приводимых им доказательств, при-водит применявшиеся в то время методы учета, регистрации, внесения в соответствующие книги церковных обрядов и т.п:

— сначала на подвернувшихся листочках или обрывках от них. Сохранялись эти «документы», бывало, в карманах.

— начертанное на обрывках записывалось в журналы и книги помесячно и отправлялось куда следовало. А то и вовсе исчезали бесследно.

Такое, казалось бы, не правдоподобно. Но вот ссылки на серьёзные документы:

§1. Церковный учет населения дореволюционной России.

В тексте указывается на ***систематическое непредставление*** Синоду отчётных данных по учёту и регистрации выполненных положенных церковных функций.

И далее вновь указывается:

Однако и в первой половине XIX в. записи в метрических книгах велись небрежно. Это отмечают многие указы первой половины XIX века. Так, например, синодский указ от 13 мая 1824 года (ПСЗ, т. XXIX, № 29915 от 13 мая 1824 г., ПСЗ, т. XXIX, № 29915 от 13 мая 1824 г.) констатирует, что в Саратовской и других губерниях священники умерших и родившихся записывают “*не в день рождения или смерти, но на память или с показания семейств...*” и т.д.

Сенатский указ от 7 февраля 1838 года еще раз потребовал исправно вести записи в метрических книгах и несколько видоизменил их форму (2 ПСЗ, т. XIII, № 10956 от 7 февраля 1838 года).

Все не исповедавшиеся в срок облагались высокими штрафами, и духовенство должно было следить за всеми прихожанами и *"понуждать подданных греко-российского исповедания, чтобы оные повсягодно исповедались и причащались святых тайн*" (ПСЗ, т. XX, № 150 96 от 9 декабря 1780 г., стр. 1022-1023.). А для этого тоже должен был вестись учёт и отчётность, которые велись абы как.

Ведомости о неисповедовавшихся велись более исправно, представлялись в соответствующие инстанции, с провинившихся брали штрафы. Форма исповедных ведомостей, установленная в 1737-1742 годах, так же как степень охвата ими различных социальных групп населения, оставалась без существенных изменений вплоть до 1917 года.

Это будет интересно по вопросу учёта исповедальных покаяний Арсеньевых и Лермонтовых 1810-1815 годах. Из приведённых примеров очевидно — ***церковный архив не то место, в котором прописана истина.*** За истиной по обсуждаемой теме следует обращаться к произведениям поэта.

По некомфортности обучения в Школе юнкеров в возрасте 20 лет совместно с 15-летними соучениками:

— М.В. Ломоносов начал учиться в 18 лет и, без сомнения, с не одновозрастными соучениками, стал Академиком;

— разновозрастные товарищи автора этих строк садились за парты в возрасте 35-40 лет рядом с молодыми подростками. И никому — ни тем, ни этим, не приходило в голову кем-то прикидываться. Нужно было не загнуться от голода и, по патриотическому настрою того времени, возвысить честь государства, восстановить его разрушенное хозяйство, укрепить обороноспособность. Рассусоливания на этот счёт — не состоятельны.

По приоритету выбора профессии Лермонтовым:

Зуев знает, что Елизавета Алексеевна более всего не хотела, чтобы внук стал военным. С поступлением в Школу юнкеров — была обстоятельствами вынуждена согласиться. Приоритета в выборе профессии М. Лермонтовым: военного или чиновного, Зуев бабушке не отдавал, поэтому на честь от этого не претендует.

Перейдём к виртуозности ещё одного «лёгкого сокращения» Критиком цитаты Автора, для кастрации её под критическую операцию.

Критик: *«Выдумка о влиянии попечителя московских учеб-*

ных заведений на приём в юнкерскую Школу тоже от лукавого». В доказательство «выдумки», (т.е. наговора), и неучастия бывшего попечителя московских училищ Никиты Васильевича Арсеньева (двоюродного деда М. Лермонтова — приведена большая часть истории Школы с биографиями её «летописцев» (в том числе, уже известного читателю «авторитета» — В.А. Потто), и кто был куратором, и кто кого замещал, и сколько стоил «свой кошт», и что самое доказательное в повествовании — фраза о «выдумке и влиянии Никиты Васильевича Арсеньева на приём в Школу. А в заключение этой тирады: «Таким образом, реальные факты опровергают идею М.И. Зуева об обострении у Лермонтова комплекса неполноценности!!!».

Автор: Проникшему в смысл этой тирады осталось воскликнуть: «Ну, приехали! Здравствуйте!». А где факты и какие — о комплексе неполноценности? И — о выдумке?!

Автор (продолжает): Уже не поражают: ни принципы, ни методы «критического» неприятия штатными столпами антимонии мнений, «диаметрально противоположных» официальной биографии Лермонтова. Однако для Читателя они могут представлять интерес. Он может составить своё мнение, ознакомившись с предлагаемой ему контекстной выемкой другого «критика», предпочитающего, чтобы его имя не упоминалось всуе и, имея ввиду, что им она заимствована у других исследователей:

Н.В. Арсеньев, несомненно, покровительствовал единственному сыну своего умершего соседа: принимал присягу у Ю.П. при выпуске его из корпуса в 1804 году в Кексгольмский пехотный полк, а спустя девять месяцев «ПОСПОСОБСТВОВАЛ» его переводу воспитателем на службу в Корпус, «на вакансию». К тому времени он уже командовал батальоном (с 4 окт. 1802 г.), т.е. всеми пятью ротами Корпуса, и был вторым лицом в Корпусе после директора генерал-майора Клингера. Спустя несколько лет Н.В. Арсеньев — уже свойственник Ю.П., дядя его жены Марии Михайловны. Впоследствии, как двоюродный дедушка, ОПЕКАЕТ его сына, Михаила Юрьевича, когда тот приехал в 1832 году в Петербург и поступил в Школу юнкеров. М.Н. Лонгинов вспоминал: «*…У Никиты Васильевича, большого хлебосола и весельчака, всеми любимого, собирались еженедельно по воскресеньям на обед и на вечер многочисленные родные, и там часто видал я Лермонтова, сперва в полуфраке, а потом юнкером. <…> Тут обедал и Лер-*

монтов, уже гусарский офицер, с которым я часто видался и в Царском Селе, где стоял его полк. Когда Лермонтов приезжал в Петербург, то занимал в то время комнаты в нижнем этаже обширного дома, принадлежавшего Никите Васильевичу (в Коломне, за Никольским мостом)». В 1815 г. — директор военно-сиротского дома, переим. впоследствии в Павловский Кадет. Корпус, директор военно-сиротского училища и Мариинского института, ген.-майор (1816). Вышел в отставку 11 февраля 1838 г., тайный советник (1843). (Арсеньев В.С. Род дворян Арсеньевых. 1389-1901. Тула. 1903. С. 53-54; К. Бороздин. Опыт ист. родословия Арсеньевых. - СПб. 1841. С. 23, 27-28).

Читателя не может не заинтересовать воинская служба Ю.П. в ополчении в период нашествия Наполеона на Россию в 1812 году:

«29 мая 1813 г. командующий Тульским военным ополчением ген.-майор Миллер рапортовал Главнокомандующему генерал-фельдмаршалу кн. М.И. Голенищеву-Кутузову: *«Состоящий в Тульском ополчении Егерский полк, по скорости набора имеет в себе большое число таких воинов, кои за старостию и болезнями, едва могут сносить казачью пешую службу; ...следственно полк сей совершенно не может выполнить той цели и быть полезным. ...От похода в зимнее время и от свирепствовавших в Витебске болезней, где он долгое время квартировал, знатно умалился, не столько смертными случаями, сколько оставлением людей по лазаретам. ...По сим уважениям честь имею представить на благоусмотрение Вашей Светлости следующее: ...не благо-угодно ли будет повелеть расформировать Егерский полк, прикомандировав по одному из оного баталиону к каждому пешему полку* <…>». (РГВИА, ф. 103, оп. 208 а, св. 138, № 21, лл. 36-37 об.).

Итак, Егерский полк вместе с Тульским ополчением был обращен из-под Бобруйска к Витебску, куда и прибыл не ранее середины января и простоял в городе до конца апреля. После выступления полка в Ковно 620 больных воинов вместе с батальонным начальником Ю.П. оставили 22 апреля 1813 года в тамошнем госпитале. Со времени сформирования Егерского полка осенью 1812 года и до 4 июля 1813 года из 2701 воинов-ополченцев выбыло из строя 1610 человек.

29 октября 1813 года генерал от кавалерии герцог Александр Виртембергский представил главнокомандующему генералу от инфантерии Барклаю-де-Толли список чиновников Тульского военного ополчения *«…кои по неспособности к службе и по неприбытию к полкам исключаются из списков»,* где под № 160 значится Корпуса капитан Лермонтов с пометкой: *«С 22 апреля за болезнию в Витебске».* 29 ян-

варя 1814 г. командующий Тульским гарнизонным батальоном майор Крапивин доложил в Инспекторский департамент Воен. министерства, что получил упомянутый выше именной список *«о исключенных за болезнями и по другим случаям… штаб и обер-офицерах»*. Можно полагать, что в это время Ю.П. уже находился в Кропотове. (Из лермонтоведческого триллера Д.А. Алексеева «Безродный поэт, или Мещанин во дворянстве» — на рецензируемые здесь мои статьи о биографии М.Ю. Лермонтова.)

Автор считает недостойным Читателя, комментировать для него фактологический смысл представленных материалов. Обращает внимание только на факт служения в действительной воинской службе в течении девяти месяцев, сразу после выпуска из Кадетского корпуса.

И больше — ничего.

Вместе с тем и в связи с тем, что в аргументации критиком воинской службы Ю.П., есть ссылочное утверждение значения «формулярного списка», как правового документа, не соответствующее его истинному назначению. По содержанию вносимых в него сведений он близок к досье. Если кто-нибудь, когда-нибудь принимал формулярный список за удостоверяющий факт правовой документ — значит, по мнению Автора, он следовал логике, признающей «Справку», заверенную «Крюковым и К…», равной по силе официальному Свидетельству. О правовом значении этого документа, можно с уверенностью судить по его назначению: Формулярные (послужные) списки.

> Формулярные (послужные) списки — это форма систематического и регулярного учета всего чиновничества, существовавшая с середины XVIII в. до 1917 года. До этого существовали аттестаты и описания службы, которые требовались только при представлении чиновника к награждению чином или при отставке.
>
> В январе 1764 года Сенат приказал всем присутственным местам немедленно прислать сведения о состоящих в их ведомстве чинах и впредь присылать в Правительствующий Сенат через каждые полгода списки служащих.
>
> Форма учета имела следующие графы:
>
> 1) чины и имена;
>
> 2) сколько от роду лет;
>
> 3) из каких чинов и сколько имеет за собою мужеска пола душ людей и крестьян и в которых уездах;
>
> 4) вступление в службу;
>
> 5) какими чинами и когда происходили;
>
> 6) кто в походах и у дела против неприятеля был или не был;
>
> 7) кто был в фергерах, кригсрехтах и штрафах и подозрениях;
>
> 8) к продолжению статской службы за чем кто не способен;
>
> 9) к повышению чинами достоин или недостоин и за чем.
>
> Сведения о социальном происхождении («из каких чинов», пункт

3) заносились в формулярный список со слов самого чиновника. О правовом статУте (не путать со статусом), следует исходить из толкования к пункту 3 — о внесении сведений (со слов самого чиновника).

Проще: формулярный список — это *развёрнутая* ***анкета для представления*** *куда-нибудь,* ***с претензией*** *на что-нибудь.*

И не более того.

Критик приводит, в своём понимании и толковании, искажённые или извращённые выдержки из цитат Автора, с «убедительной» аргументацией, приведённой выше. Это касается вопросов: ***«предвзятого» толкования*** Автора к Ю.П., матери поэта М.М., к его бабушке и, прежде всего к самому Михаилу.

Автор понимает, что без очернивающих приёмов — недоверия читателя к содержанию его статей ни сформировать, ни утвердить нельзя. Критик в отдельных моментах отмечает обстоятельность обоснования автором имевших место событий. За это ему авторское признание и благодарность. Но по большому счёту: цель критической рецензии — предупредить всякую попытку покушения на официальную биографию Лермонтова, на каноническое поклонение её оракулам, на истину. Это обеспечивает положение и признание общества немалой апологетической плеяде, подвизающейся в культуре.

По всему, поэтому Автор ***считает бессмысленным*** испытание Читателя рассусоливанием по вопросам не первой важности. Но необходимым и извинительным: сообщить ему и заявить вбивающим клинья между Читателем и Автором немного, но неоспоримо:

Автор знаком с творчеством Лермонтова с 1941 года. Знает немало оснований относиться к нему по-разному. И как к человеку, и как к Гению литературного искусства. У него есть основания осуждать многие его действия и преклоняться перед его Гением. Он хочет представить образ в памяти о нем без искажающих истину наслоений. Он чтит память о нём знанием его лучших творений.

Отношение Автора к Марии Михайловне убедительно показано в 1-й статье комментариями к нескольким стихам поэта, представляющих образ любимой им матери, любящей и страдающей за него.

Отношение к бабушке — достойное её образа своенравной, но рассудительной помещицы, характеризующее, но не оскорбительное.

К юридическому отцу — адекватно его поведению.

Об отношении к М.Ю. Лермонтову — следует судить по стремлению очистить образ от мишуры мистических фантазий.

К Автору отношение имеет продукт Гения поэта и его личность,

как непосредственная реальность, вмещавшая и источавшая его волшебство. Все наговоры — от ядовитости слюноизвержения.

Критиком, умышленно искажённым толкованием выражения Автора, подменяется смысл сказанного им — утверждением своего, подложного смысла:

> **Критик:** *«Ещё цитата М.И. Зуева: «Сводный брат — вольноотпущенный Ю.П. — Александр Петрович. Отчество «Петрович» — не случайно. В измайловской ветви Лермонтовых новорождённые мальчики назывались по имени деда по отцовской линии. Здесь, надлежащее по традиции, имя Петр (имя деда по отцу) — для камуфляжа перенесено в качество отчества. Стихотворение «Гляжу на будущность с боязнью» (датировано 1837 г.), — 15 строка: «Я в мире не оставлю брата». Александру Петровичу не менее 6 лет. По линии Ю.П. он приходится Л. родным братом. Но смыслом приведённой строки Л. сетует, что уйдя в Мир иной, в этом Мире у него не останется брата. Тем самым Л. не признаёт своим биологическим отцом Юрия Петровича Лермонтова – его юридического отца»!*

Автор»: Правильно. И что из того?

> **Критик:** «*Приведенный выше текст — предположение о мотивах выбора взрослыми имен для новорожденных. Бог с ними, взрослыми.*

Автор: Тогда — зачем это здесь?

> **Критик»** — *«Здесь одновременно кроется повод для сомнений в порядочности корнета М.Ю. Лермонтова по отношению к наследодателю («официальному» отцу) и его внебрачному сыну. По завещанию Ю.П., поэт должен был наделить младенца-вольноотпущенника Александра 500 руб. или оказать ему иное покровительство. Неужели Лермонтов в течение 6 лет уклонялся от исполнения воли покойного?..».*

Автор: В этой цитате, любезный Критик, ничего Авторского не кроется. Имя, отчество побочного ребёнка к вопросу о дворянстве отношения к Ю.П. не имеет. Это — внутриродовая традиция. Речь в статье Автора шла о непризнании его Лермонтовым за своего брата, что

недвусмысленно истекает из стихотворной строки ***«Я в мире не оставлю брата»***. Для понимания содержащегося в выражении смысла и уверенного утверждения его в сознании Читателя — толмач не требуется. Смысл, заложенный в стихотворную строку ***однозначный:*** поэт не признаёт Александра Петровича братом. (Значит, он имел основание своё непризнание утверждать и обнародовал акт непризнания). А непризнание побочного сына Юрия Петровича биологическим братом, означает — ***непризнание самого Юрия Петровича биологическим отцом.*** И, следовательно, всякие рассусоливания об их кровном взаимопритяжении — акты лукавости. Фактическим доказательством лукавости является, например, рассмотренное здесь «Завещание» юридического отца.

Порассуждав об имени побочного ребёнка, Критик, на основании этих своих рассуждений, вдруг круто переходит к категорическим заявлениям:

> **Критик:** «*Здесь одновременно кроется повод для сомнений в порядочности корнета М. Лермонтова по отношению к наследодателю («официальному» отцу) и его внебрачному сыну»,*
>
> *— «Неужели Лермонтов в течение 6 лет уклонялся от исполнения воли покойного? Ни «за», ни «против» доводов нет.*
>
> *— «М.И. Зуев в этом случае вычислил возраст брата-небрата по датировке одного из стихотворений. Почему не из «Сашки»? Позволил бы младенцу пожить дольше. В общем, под чужую «мишуру» автор подложил скрытую мину».*

Автор: В качестве ответов на неаргументированные заявления, позволительно ограничиться бумерангом:

— где это «здесь» Критику удалось открыть «повод для сомнений в порядочности корнета М. Лермонтова?

— по какой обязанности М.И. Зуев должен представить В.И. Прищепу и всему Свету доводы об исполнении или неисполнении «воли покойного» Лермонтовым? Зуев поручителем не был и ни «здесь», ни «там» заявлений на этот счёт не делал.

— заявление о возрасте «брата-небрата» выражено невнятно. По поводу о скрытой мине, подложенной Зуевым под чужую «мишуру», следует заявить: «Мина не скрытая, а открытая (статьи опубликованы). Не по-партизански подложена, а во имя чести поставлена.

Цель — взорвать «мишуру» (ярлыки, скрывающие истинный образ поэта Лермонтова!»).

Критик: «*Текст, следующий за абзацем о младенце-вольноотпущеннике, раскрывает подлинное отношение Автора к Лермонтову».*

Автор: Какой Зуев злодей! А нужно было «подлинное» отношение скрывать?

Критик: *«М.И. Зуев пишет: «Однако есть смысл привести краткую характеристику Лермонтову, данную его родственником: «В характере Л., — отмечает И.А. Арсеньев, — была ещё черта далеко не привлекательная — он был завистлив. Будучи очень некрасив собой, крайне неловок и злоязычен, он, войдя в возраст юношеский, когда страсти начинают разыгрываться, не мог нравиться женщинам, а между тем был страшно влюбчив. Невнимание к нему прелестного пола раздражало и оскорбляло его беспредельное самолюбие, что служило поводом с его стороны к беспощадному бичеванию женщин. (ЛВС, 1989.с. 56-57)». М.И. Зуев, приводя цитату из пасквильной части заметки И. Арсеньева «Слово живое о неживых», предусмотрительно обрезал её начало и продолжение. Ведь дальше назывался источник нелестной характеристики Лермонтова.*

Это его убийца Мартынов, которого Илья Арсеньев «хорошо знал», как «человека доброго, сердечного». Любителям Лермонтова известна та заметка и нулевая цена её содержанию. (Далее подробно смакуется: какой негодяй этот И.А. Арсеньев, чтобы Читатель твёрдо убедился, что всякий, кто ссылается на его мнение — такой же негодяй).

Критик *(продолжает «сочинять»)*: *«М.И. Зуевым она использована продуманно. Мартынов, как бы не назван, зато его клевета на поэта выпячена. А разве не так же поступили создатели фильма «Неизвестный Лермонтов» М Никитенко и А. Данилин? Собрали о поэте всё гадкое, что смогли, и уже два года собирают этим отвратительным фильмом аплодисменты культурной публики, в т.ч. по Лермонтовским местам.*

Автор: Вот и откровение! Зуевым хоть и не назван убийца, зато клевета его на поэта Зуевым выпячена бугром. Здесь внимание Читателя должен впечатлить утвердительный смысл заявления Критика — «Клевета на поэта». Это заявление объяснимо только особым, предна-

меренным критерием в оценке смысловых значений приводимых Автором цитат. Приводя краткую характеристику Лермонтову, данную его родственником, Автор дал ссылку на её источник. И не счёл обязательным сообщить, что он знаком с другими источниками, утверждающими то же. Провидение Критика: *«Продуманно, предусмотрительно обрезал её начало и продолжение»* — это называется *«втиранием очков»*. Читатель не может удовлетвориться приведённым диалогом. Его интересу представляются неопосредованные мнения:

— Сушкова Е.А. (Первая, а по мнению Автора 3-я любовь Лермонтова), написала «Записки», в которых возможно несколько преувеличила внимание поэта к ней, но в общем, даже в ущерб своему женскому честолюбию, характеризовала их взаимоотношения, по мнению Автора, откровенно добросовестно. Приводимая цитата — только об одной из светлых минут их общения: *«Мишель за сочинения и успехи в истории получил первый приз: весело было смотреть, как он был счастлив, как он торжествовал. Зная его чрезмерное самолюбие, я ликовала за него. Смолоду его грызла мысль, что он дурен, нескладен, не знатного происхождения и в минуты увлечения он признавался мне не раз, как бы хотелось ему попасть в люди, а главное, никому в этом не быть обязану, кроме самого себя»*.

Сопоставление для сравнения:

— негодяй И.А. Арсеньев: — беспредельное самолюбие,

— любящая Е.А. Сушкова: — чрезмерное самолюбие.

— Ростопчина Е.П (Знаменитая поэтесса, с юного возраста уважаемая и любимая «Додо» А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, В.Г. Белинским, многими другими и самим М.Ю. Лермонтовым): — *«Он забавлялся тем, что сводил с ума женщин с целью потом их покидать и оставлять их в тщетном ожидании <...> он старался доказать самому себе, что женщины могут его любить, несмотря на его малый рост и некрасивую наружность»*.

Автор не считает приличным обращать внимание Читателя к другим нелестным характеристикам Лермонтова: тщеславию, зависти и т.п., потому что эти понятия представляются ему производными от смысла *«самолюбие»*. Но главное — потому что эти стороны его характера мало умаляют масштабность Гения.

> **Критик:** *«Убедив себя в отсутствии у Лермонтова дворянского достоинства, М.И. Зуев заключил: «Это обстоятельство при его врожденном тщеславии имело если не решающее, то очень сильное влияние на его неестественные решения, посту-*

пки и вообще на трагически сложившуюся судьбу».

Неестественные, то есть, противоречащие человеческой природе поступки и решения! ***Генетически заложенное тщеславие!*** *Что стоит за этими смысловыми новациями? Только пробившаяся сквозь словесную завесу неприязнь к М.Ю. Лермонтову. Но М.И. Зуев и не обязан любить его. Да и как полюбить такого, каким предстает из эссе. Трусливый лентяй без университетского диплома, пробившийся в гвардию по фальшивым справкам. Появление искаженного образа закономерно. Без кавказских произведений юного и зрелого Лермонтова не создать его творческий образ. И не устыдиться поставить рядом с автором «Я к вам пишу случайно право...» того «доброго человека», что сотворил поэму «Герзель-аул».*

Автор: Про лентяя повторяться не будем. О тщеславии только что было сказано. О неприязни — сколько можно! Теперь — про неестественные решения. Критик объяснил значение термина в его узком понимании — в совокуплении со смыслом термина «неприязнь» и, конкретно, Зуева к Лермонтову. По сути, слово неестественный, как множество других слов, имеет несколько значений. По Ожегову, во 2-м значении: необычный, ненормальный. Автор знаком со многими примерами ненормальных решений поэта, как и со многими его творческими трудами. Но чтобы не усилить во мнении Критика воображённую им неприязнь не будет приводить их здесь, а сошлётся на труд писателя аналитика Бурьяка А.В. «Михаил Лермонтов tnffnt terrible русской словесности», содержащий такие примеры, приводимые его уважаемыми современниками. Труду своему автор предпослал эпиграф на слова М. Лермонтова:

Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток.

Не акцентируя внимание Читателя только на неестественных решениях Лермонтова, Автор приводит для него контекст из статьи писателя Вольпе М.Л. «Тяжёлые люди или провидение и поэт»: И то сказать: кроме Сушковой да бабушки Елизаветы Алексеевны, никто его не любил. И он никого не любил; приятельствовал с двоюродными братьями, товарищами по полку, своим издателем Краевским, но дру-

зей у него не было никогда. Это, во-первых, потому, что никто ему был не нужен, а во-вторых, по той причине, что он сам тяжелый был человек. Среди наших художников это явление обыкновенное, и особенно русский писатель по преимуществу человек тяжелый: Херасков был злюка и подхалим, Сумароков злюка и драчун, Ломоносов злюка и интриган, Левитов с Николаем Успенским были форменные негодяи, Пушкин, и тот про себя писал «И с отвращением читая жизнь мою...», Лев Толстой был просто невыносим. Но вот какое дело — Михаил Юрьевич зло проказничал по той же причине, по какой Чехов хандрил, Гоголь морил себя голодом, Толстой занимался богостроительством, Куприн пил, то есть по той причине, что Проведение занесло их в чуждую, враждебно организованную среду.

Отсюда понятно, почему писатель, так или иначе, перпендикулярен своей современности, — потому что он собственно человек, в идеальном понимании этой категории, который ненароком попал в сумасшедший дом. Или наоборот: если собственно человек есть все-таки восхитительная аномалия, в своем роде помешательство природы, от которого рождаются «Старосветские помещики» и 1-й концерт для фортепьяно с оркестром, то писатель — это юродивый, полоумный, томящийся в царстве здравого смысла, от которого рождаются биржевые котировки, песенки, потворствующие половому созреванию, и футбол.

Из этой логики вытекает, что писатель — немножко Христос, принесенный Проведением в жертву ради поддержания человечного в человечестве, а крестными муками ему служат не отпускающая мысль, озлобленность против современности, алкоголь.

То-то Михаил Юрьевич ничем так последовательно не занимался, как злословием, и больше всего любил издеваться, в глаза, над кем попало; если издеваться было не над кем, он часами донимал своего денщика Василия Сердюка. На что малосимпатична эта повадка, а и понять Лермонтова можно, и простить легко, поскольку случай занес его в Россию первой половины XIX столетия, к маниловым и собакевичам, которые ели, пили, мудровали над дворовыми, флиртовали, презирали звание литератора, стрелялись, картежничали и в лучшем случае изредка заглядывали в Часослов. Правда, тогдашний читатель отличался поразительной чуткостью и сразу поставил Лермонтова наравне с Пушкиным, но в ту эпоху интересы просвещенного общества еще сосредоточивались на литературе, ибо дело было до телевидения, наркотиков, всеобщей грамотности и гегемонии дурака. В остальном внешняя жизнь была неприемлема, как сейчас, и опять же немудрено,

что Михаилу Юрьевичу довлело озлобленное неприятие действительности, и он откровенно чаял небытия. Белинский о нем писал: *«Эта разудалая русская голова так и рвется на нож»* — и точно: Лермонтов был безрассудно храбр в бою, едва не заставил де Баранта драться вдругорядь, однажды его вызвали на поединок сразу трое попутчиков на Георгиевск, и он буквально вынудил картель у Николая Мартынова, который ни сном, ни духом не собирался приглашать его к барьеру, так как был добродушен и трусоват.

Представляя вниманию Читателя эти тяжёлые размышления о гениях литературы, Автор надеется, что его отношение к поэту Лермонтову не совпадёт с мнением Критика.

Автор с извинением, за допущенное несовершенство изложения, сообщает Читателю, что в статье «Лермонтов. За мишурой фантазий», под заголовком «Дворяне» помещён текст, смысл которого, к сожалению, выражен не вполне однозначно. Критиком, возможность истолкования сказанного Автором с двусмысленным значением не замечена, но Автор считает себя обязанным — уточнить выраженный им смысл сказанного.

Вернёмся к нашему «корню». Лермонтоведами многократно заявлено, что в 1621 г. Георгу было присвоено звание ротмистра (т. е. обер-офицера) и он пожалован поместьем. Нет оснований категорически сомневаться в первом и допустить второе. Но значит ли «это», что пожалованием поместья Георг был удостоен чести потомственного дворянского статуса? До издания Указа Петра I от 16 генв. 1721 г., когда обер-офицерский чин стал давать дворянский статус, ещё предстояло прожить 100 лет. Было пожаловано поместье «на прокорм». На будущие 100 лет он — просто нанятый военнослужащий. Бытуют сведения о том, что Георг в 1618 г. подал прошение о переводе его из иностранных наёмников в постоянную военную службу Российского государства. И оно было удовлетворено.

Это меняло ситуацию в смысле служения Георга Лермонта России на новых условиях и могло быть поводом для повышения воинского звания, но не по закону или по военному уложению, а только по милости царя. Что маловероятно, по малой значительности перехода наёмника в другое гражданство и по несерьёзности источника информации, в коем присутствовали и другие фантазии…

В статье «Лермонтов. За мишурой фантазий», Автор, (по фактически сложившемуся положению), допустил возможным считать род Лермонтовых потомственными дворянами: *«Несмотря на ущербную, в документальном смысле, выписку ввозной грамоты, возможное*

замалчивание её обязывающих положений, но, как уже было сказано, по фактически глубокому врастанию рода Лермонтовых в дворянскую среду Костромской губернии, а главное по не критичному значению для установления конкретного ответа на поставленный перед статьей вопрос — примем существование выписки в 1621 г. за свершившийся факт».

Однако, допустить возможность считать — не значит безоговорочно признать за свершившийся факт. То есть: в сознании Автора осталось не без основанное сомнение. Автор живёт в XXI веке. А Евтихий и Пётр Петровичи жили в XVIII веке, были внуками Георга Лермонта и без сомнения знали: был ли в 1621 году их дед удостоен потомственным дворянским статусом. Поэтому в статье «Лермонтов. За мишурой фантазий» было заявлено: «***Зная это, и именно поэтому…»***, но никак не потому, что они могли провидеть и потому знали о документах, которые будут приняты через 100 лет.

Как смог убедиться Читатель — Автор вполне сходит за нормально соображающего человека. Воспользовавшись допущенной, в приведённом моменте, непоследовательностью изложения материалов в череде строф, один «самый объективный» критик, употребил всё накопленное им начётничество на изрыгание язвительности. Что позволил и себе, но в меньшей мере, уважаемый Критик настоящей статьи. Уточнение приведено, как предупреждающее средство — для грядущих слабонервных. В связи с возвращением к вопросу попытки Евтихия и Петра Петровичей, вписаться в потомственные дворяне России, как выходцев из дворян Шотландии, Автор предлагает Читателю вникнуть в причинную суть этой попытки: Пётр Юрьевич (умер в 1679 г). Евтихий (Юрий) Петрович (1633-1708 г.). Оба служили стряпчими, затем — стольниками. Претензию на иностранное дворянство лермонтоведение объясняет их стремлением — соответствовать благородному достоинству сослуживцев. Значит, их возраст, в то время, был весьма солидным (Евтихию могло быть 35-40 лет).

Значит, «попытка» или намерение попытки должны были состояться около 1670 года, то есть через 50 лет после пожалования Георгу Лермонту поместья Кузнецово.

А поскольку они затеяли свою попытку «зная это, и именно поэтому», выходит «около 1670 года» им было хорошо известно, что в 1621 году Георг не получил статус потомственного дворянина.

Отсюда Читатель волен выводить соответствующие следствия.

1830

О если б вы умели угадать
В его очах, что хочет он скрывать! —
О если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить души его недуг!..

С лета по России прокатилась первая эпидемия холеры.

«Инфекция пришла из Персии и поразила крупные российские города. События развивались стремительно.

В Москве заболели и вскоре умерли около сотни горожан (всё население столицы составляло тогда порядка 300 000 человек), а к концу октября стали заражаться уже по сто человек в день! К се-редине ноября холерой заболели 4500 москвичей, из них 2340 умерли. А к концу января 1831 года общее число пострадавших от болезни горожан составляло 8576 человек. Москву оцепили войска, въезд и выезд перекрыли (в тех, кто пытался прорваться за кордон, велели стрелять) … все учреждения, фабрики, театры, учебные заведения, многие магазины закрылись. По опустевшим улицам передвигались в основном повозки с телами умерших и полиция. Лечить от холеры тогда еще не умели. К примеру, основным действенным способом дезинфекции считалось «окуривание дымом». По официальной статистике: «собачьей смертью» была поражена 31 губерния, заболело 466 457 и умерло 197 069 человек». (https//gkb4.ru/straniczy-istorii-epidemiya-holery-v-1830-godu/)

Ф.Л. КРИСТИН — Графине С.А. БОБРИНСКОЙ

(Из писем, напечатанных в жур. «Русский архив» 1884, № 5 под заголовком «Московская холера 1830 г.)

11 сентября 1830 г.

У нас большой переполох: разошелся слух, что в разных частях города мрут от холеры…

Все принимают предосторожности. Чесноку нельзя больше найти в Москве; последние гарнцы (старинная мера объема. — Ред.) продавались по 40 р. Деготь, хлористая известь, камфора и мускус от палат до хижин распространяют свой запах по всей Москве…

Многие уезжают в Смоленск и Петербург, и Москва пустеет, как в 1812 году. Не одни только богатые люди покидают ее; вот уже четвертый день как рабочие бросают дело и тысячами уходят назад в деревни. Прорытые на кладбищах предохранительные канавы подали повод к слуху, будто зарывают людей живьем, и населением города овладел безотчетный ужас, перед которым бессильны всякие доводы рассудка. Видно, курс опытности, мною пройденный, еще не кончился: пришлось быть свидетелем, как огромная столица считает себя добычею моровой язвы. Тут только приобретаешь настоящее понятие о слабости человеческого ума и о том, как страшна людям смерть во всех слоях общества, от миллионера до нищего.

Министр внутренних дел (граф А.А. Закревский. — Ред.) не успел прибыть в Москву со своими предостерегательными объявлениями, как наиболее робкие люди начали готовиться к выезду. Князь Николай Меншиков в какие-нибудь четыре часа уже добыл себе 8 тысяч рублей, взял подорожную, объездил всех приятелей, уговаривая последовать его примеру, и ускакал из Москвы. С прошлой недели подражателей ему нашлось немало, и теперь изо всех застав тянутся экипажи и толпы рабочего люда. Другие, как, например, Волковы и Леонтьевы, заперлись у себя в домах, обеспечив себя закупкою съестных припасов, и живут как в осажденной крепости. У иных предосторожность до излишества: две старые барыни заперлись и в течение суток выпили три бутылки дегтярной воды, от чего с ними сделалась страшная рвота, которую они приняли за холеру и начали кричать в окно, чтобы их спасли, и, разумеется, никого не докричались.

20 сентября 1830 г.

Прилагаемые у сего ведомости послужили несколько к успокоению умов; но зато другая мера усилила страхи: совершают крестные ходы по всем улицам...

Ищу для вас печатного объявления, в котором подробно означены все меры предосторожности, принятые правительством. Говорят, оно особенно нужно приезжающим в Москву из деревень, чтобы знать, какие заставы еще открыты, какие дороги заперты, какие карантины надо выдержать и т. п.

Неожиданным приездом государя обрадовано и обнадежено все население Москвы. Государь прекрасно выразил свою любовь к подданным, приехав разделить с ними опасность, тогда как имел полную возможность избавить себя от такой поездки. Но, увы, его присутствие, столь нам дорогое, усилит наши страхи, потому что в те три дня, что он в стенах Москвы, болезнь, если верить обнародованным отчетам, растет, и предосторожности принимаются с такою строгостью, которая только еще больше пугает. Со вчерашнего дня Москва заперта; в течение 12 дней ее покинуло 60 тысяч человек. Теперь никто не выедет и не въедет без нового распоряжения...

Читатели помнят, как отозвался на это величавое действие государя Пушкин в стихах, которые напечатаны были позднее без его имени и, след[овательно], искренность которых не подвержена сомнению. Государь мог узнать про эти стихи только по кончине поэта.

И хладно руку жмет чуме.
И в погибающем уме
Рождает бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнию своей
Играл пред сумрачным недугом,

Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет Небу другом.

(Без числа)

... Нет, графиня, пяти студентов университета не умирало. Умер всего один жертвою своей невоздержности, пьянства и разврата. Из-за этого поднялась тревога, и лекции прекращены. Другие заведения, подчиненные князю С.М. Голицыну, подверглись той же участи. Это продолжается вот уже три недели.

Государь уехал во вторник 7-го и выдержит в Твери недельный карантин. В его пребывание меры строгости чрезвычайно усилились. Город оцеплен, но не так, чтобы нельзя было пробраться через заставу, потому что за деньги можно войти и выйти. Плохо приходится только людям, едущим в экипажах, потому что они должны иметь дело с начальником заставы, которого нельзя подкупить, как полицейских и драгун, набивающих себе карманы от бедных крестьян. Стало быть, эта мера цели своей не достигает, а производит только раздражение всеобщее, и если еще несколько дней ее не отменять, то можно опасаться тяжких последствий. Местные жители до того встревожены, что в первый день хотели пройти заставу насильно. Благоразумный комендант велел пропустить их и даже не донес о том.

Я продолжаю высылать вам Ведомости; если вы их понимаете, то вы искуснее нас. Многие не могут надивиться, с какого права какой-то Погодин и г-н Маркус, лица вполне неизвестные публике, позволяют себе бранить ее.

Опытный врач, наблюдатель, проведший два месяца на Кавказе в самый разгар эпидемии, пишет мне из Курска, что, вопреки мнению многих его товарищей, болезнь эта вовсе не прилипчива, что она, несомненно, существует в воздухе, но не распространяется прикосновением. Он заметил, что везде, где лежит вместе много больных холерою, образуется скопление миазмов и что очень опасно приближаться к такому месту, но что, напротив, если больной отделен и помещен просторно, прикосновение к нему нисколько не заразительно. Заболевают от воздуха, которым дышат, а не от чего другого, и на этом основании мой курский врач заключает, что кордоны и карантины не только не достигают своей цели, а, напротив, могут очень содействовать к распространению болезни. Я дал прочесть это письмо нашему генералу-губернатору. Авось избавимся мы от бесполезных и опасных стеснений, которым нас подвергнули.

Из людей известных жертвами болезни были до сих пор только служивший в Воспитательном доме Тютчев, большой пьяница, да священник католической церкви Св. Людовика Николя, заразившийся в больнице. Остальные по большей части из простого народа. Их берут

на улицах, против воли тащат в больницы, там подвергают кровопусканию, пичкают опиумом, от чего они через сутки же умирают, и затем имена их, как моего кучера, поступают в медицинские холерные отчеты. Злоупотребления вопиющие, и правду сказал кто-то, что доставляй холера места, у нее были бы свои льстецы.

Если у вас целы все Ведомости, попробуйте подвести итог, что не совсем легко, благодаря их путанице. Во всяком случае, насчитается от четырех до пятисот умерших; из них, может быть, только десятая часть померли от холеры, остальные внесены для умножения числа. К концу наберутся тысячи, потому что непременно нужно показать усердие.

17 октября 1830 г.

Я нахожусь в тягостном настроении между холерою, которая усиливается и начинает меня пугать, и вашим молчанием, которое длится и весьма тревожит меня. Пропускают ли письма? <...>

После письма вашего от 26 сентября не видал я от вас ни строчки, и от этого печальная обстановка, в которой мы здесь живем, становится для меня еще мрачнее. Знать, что вы и все ваши дома и здоровы, было бы мне великим утешением. А ну как ввиду приближения эпидемии и вы спасаетесь где-нибудь в карантине, в мерзком помещении, нуждаясь во всем необходимом? Вот что не выходит у меня из головы.

Говорят, что три тысячи человек мучаются в Вышнем Волочке, где уже две недели как учрежден карантин, и десять тысяч человек, хорошо помещенных в Москве, завидуют участи тех, которые живут хоть, может быть, и на улицах, но все-таки не в зараженном месте. Обольщаться больше нечего: холера водворилась в Москве.

Но, слава Богу, свирепствует она не так сильно, как в городах, где была прежде. Врачи думают, что теперь достигла она своего апогея, и так как она здесь уже 31-й день, то надо рассчитывать на ее ослабление. Дай-то Бог! Но погода так дурна, что я не разделяю этих надежд.

... Московский гарнизон усилен целою дивизиею, которая на днях вступит. Я думаю, что эта предосторожность весьма уместна и что она вызвана строгостью кордонной службы. Уверяют, что холера уже в Ладоге и Шлиссельбурге. Гвардия выступила для кордона. Государь все еще в Твери, в карантине, и только сегодня уезжает.

Странно, что княгиня Татьяна Васильевна вчера перебралась на Садовую к Небольсиной, а сегодня утром за ней последовали ее супруг и дети... Говорят, будто это для того, чтобы дом на Тверской окурить сверху донизу; но в нем не было больных, и он так просторен, что я не вижу, почему небольсинский безопаснее. Не имеется ли в виду более удаленное положение этого дома? В случае какой-нибудь тревоги или народного скопления местом действия будет площадь перед генерал-губернаторским домом. Впрочем, это мое только предположение, которое пришло мне в голову по поводу вступающей в город с пушками

и картечными зарядами дивизии. Пушки будут расставлены перед казармами… (http://mosjour.ru/20200710631/)

Правнучка историка В.Н. Татищева Е.П. Янькова: «Почти во всех домах затворились ворота; боялись ходить по улицам, выезжали в крайних случаях, и каждый опасался принять кого-нибудь к себе в дом. Я велела затворить ворота и никого не стала принимать; ставни на улицу у меня закрыли, чтобы стук от фур, которые ужасно стучали, был не так слышен, и я перебралась с Грушею в те комнаты, которые выходили на двор: там мы все и сидели. Дворецкий мой только один раз в неделю ходил на рынок закупить что нужно для стола, и, кроме кашицы или супа и куска жареной курицы, мы более месяца ничего не ели… Весь город точно разъехался или вымер, редко-редко кто проедет или пройдет, везде затворены ворота, закрыты ставни и завешены окна». (https://www.kommersant.ru/doc/4357846)

Известный русский статистик конца XIX века В.М. Острогглазов: «Фамилии Шепелевых, Кавелиных, Ростопчиных, Нарышкиных, князей Урусовых, Лазаревых, Шиповых, князей Голицыных, Дурасовых и пр. встречаются в списке жертвователей, и некоторые из них по нескольку раз. И жертвы их равняются десяткам тысяч рублей». Списки жертвователей публиковались в «Ведомостях о состоянии города Москвы» — специальной «холерной газете», которую во время эпидемии издавал знаменитый историк М. П. Погодин.

Министр А. А. Закревский, находясь в Казани, получил один из выпусков «Ведомостей» и с возмущением писал камергеру Императорского Двора Н.А. Муханову, который тогда в Москве контролировал работу Медицинской конторы: «Право, списки в целый лист о пожертвовании нескольких аршин холста или фунта хлоры не стоят печати и нисколько не занимательны для России… Во всех других городах, где свирепствовала холера, купечество и прочие сословия делали сравнительно гораздо значительнейшие пожертвования, не имея надежды видеть имена свои провозглашенными в журналах…». (Там же)

* * *

Прервемся на этих примерах, дающих достаточное представление о том, что происходило в 1830 году в Москве и какими были настроения не только у москвичей. Посмотрим, что в это время происходило в судьбе Е.А. Арсеньевой (Столыпиной), которая с внуком Михаилом находилась в Москве, а ее братья и сёстры вдали от нее.

В апреле 1828 года началась очередная русско-турецкая война, откуда и начала свое шествие по России холера. Нас должна интересо-

вать ситуация в Севастополе, где находится Николай Столыпин, и в Чечне, где живет Екатерина Хастатова.

С весны 1828 года в Севастополе был введён карантин. «В городе чумы не было, поэтому карантин был скорее профилактической мерой. Ситуация вскоре «обострилась настолько, что из Петербурга была прислана комиссия во главе с флигель-адъютантом Н.П. Римским-Корсаковым. Расследование обнаружило массовые злоупотребления, однако из Петербурга поступило распоряжение прекратить всякие расследования деятельности интендантов.

В ноябре 1829 года комиссия завершила работу.

В марте 1830 года карантин был ужесточён, и жителям запретили покидать дома. Запрет был снят в мае, но в наиболее бедной Корабельной слободе карантин был продлён на 7 дней. Однако по прошествии 7 дней жителей слободы было приказано вывести за город и продлить карантин на 2 недели.

Это вызвало возмущения среди жителей слободы, а также матросов, имевших там родных и знакомых.

Население отказалось выполнять распоряжение…

Карантинное оцепление слободы было усилено 2 батальонами пехоты. Доведённые до отчаяния жители готовились к вооружённому отпору, были сформированы группы под руководством отставных военных. …»

3 июня военный губернатор Н.А. Столыпин «усилил караулы на улицах и охрану губернаторского дома. Эти меры возмутили севастопольцев, которые толпами двинулись к дому губернатора и адмиралтейству. Губернатор был убит толпой.

К восставшим присоединились матросы. Часть восставших пошла на снятие карантинного оцепления на Корабельной слободе, солдаты, атакованные с двух сторон, присоединились к восставшим.

К 22 часам город был в руках восставших, полиция бежала из города, а гарнизон отказался подавлять бунт. Толпа избивала «чумных» чиновников и офицеров, требуя от них расписки, что чумы в городе нет, громила их дома и квартиры.

4 июня комендант города Турчанинов, исполняющий после гибели Столыпина обязанности военного губернатора, под давлением восставших издал приказ о прекращении карантина…». (https://ru.wikipedia.org/wiki/Чумной_бунт_в_Севастополе_(1830)#)

Как мы понимаем, 49-летний генерал-лейтенант Николай Столыпин, растерзанный толпой, был братом Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, которая не могла поехать в Севастополь за телом брата хотя бы потому,

что беспорядки в городе продолжались. Убийство военного губернатора обязательно освещалось в столичных газетах, и Арсеньева, надо полагать с этого дня (3 июня) находится в трауре.

Не успели закончиться ее хлопоты (как самой старшей в семье Столыпиных), связанные с похоронами брата, как с Кавказа пришла очередная скорбная весть: умерла сестра Екатерина.

> «В деле 99, фонд 63 ... сохранился рапорт исполняющего должность Георгиевского коменданта штабс-капитана Шишкина на имя Начальника Кавказской области ***генерала Эмануеля*** от ***25 августа 1830 года*** за № 1598 следующего содержания: “После умершей от холерической болезни в городе Георгиевске ***24 числа сего м-ца*** генерал-майорши Хастатовой оставшееся при воспитаннице покойной девице Надежде Дмитриевне Фендриковой имущество с ее, г-жи Хастатовой, собственными дворовыми людьми, а именно…».
>
> Из последующей переписки видно, что все имущество было благополучно доставлено в Шелкозаводское. Наследник Хастатовой, ее сын – прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка Аким Акимович Хастатов – находился в то время в польском походе, и потому Кизлярская дворянская опека назначила попечителем имения некоего губернского секретаря Новикова.
>
> А после опротестования этого назначения зятем покойной Хастатовой П.П. Шан-Гиреем, последний с разрешения начальства, принял заведывание имением на себя и продолжал исполнение этих обязанностей до возвращения из похода А.А. Хастатова». (Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2011)

Из документов, приведенных С.И. Недумовым, узнаём, что Екатерина Хастатова, сестра бабушки Михаила, умерла в 55 лет от холеры в 1830 году 24 августа и генерал Эммануль, подробности о котором узнаем ниже, как «начальник Кавказской области», хлопочет по этому поводу.

Если зять Екатерины Хастатовой Шан-Гирей, живущий в Опалихе, близ Тархан, Пензенской губернии, оспаривает назначение Кизлярской опеки, значит, Е.А. Арсеньева не только посвящена в печальные известия из Шелкозаводска, но и сподвигла зятя своей сестры немедленно отправиться в Чечню и взять под свой контроль немалое хозяйство внезапно скончавшейся Екатерины, пока ее сын Аким, опять же не без помощи Столыпиных и Арсеньевых, участвует в подавлении восстания в Польше, «зарабатывая» себе пенсион к старости.

Слезы Арсеньевой не просыхают, траур затягивается, и все это на глазах у внука Михаила, которому в октябре должно исполниться 19 лет.

Посмотрим, что происходит в 1830 году в его жизни?

Открываем «Хронологическую канву жизни и творчества М.Ю. Лермонтова», составленную Мануйловым В.А. и Латышевым С.Б.:

1830. Начало года. — Вторая редакция «Демона».

2-я пол. января. … — Приступил к занятиям в пансионе.

Кон. Февр.-нач. апр. — В авт. «Джюлио»: «Повесть. 1830 год».

Март 11. — … благородный пансион посетил Николай I. …

Март 29. — Благородные пансионы преобразованы в гимназии.

Март 29. — Среди выпускников 6 кл., первым отмечен М. Л.

Апрель 16. — Выдано свидетельство из пансиона

«Михаилу Лермонтову в том, что он в 1818 г., быв принят в пансион, обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам… с весьма хорошими успехами; ныне же по прошению его от пансиона с сим уволен».

2-я пол. апр. — нач. мая. — Переехал на лето в Середниково.

Май 16. — Датировано стих. «Боюсь не смерти я. О нет!».

Июль 10. — Стих. «Опять вы гордые восстали».

Июль 11. — Стих. «Между лиловых облаков».

Июль 15. — Стих. «Зачем семьи родной безвестный круг».

Июль 18/30. — Стих. «30 июля. (Париж) 1830 года».

Август 12. — Стих. «Благодарю» и «К Сушковой».

Август 13. —… Отправился из Середникова в Москву.

Август 15. — Стих. «Чума в Саратове».

Август 17. — На богомолье в Троице-Сергиевой лавре, где написал стихотворение «Нищий».

Август 26. — Стих. «Стансы» («Взгляни, как мой …»),

Август 28. — Стих. «Ночь» («Один я в тишине ночной»).

Август. — Стих. «Чума» («Два человека в этот …»).

Сентябрь 1. — … Принят на Нравственно-политич. отделение.

Сентябрь. — Остается в Москве, оцепленной военными кордонами в связи с распространившейся в городе эпидемией холеры.

Сентябрь. — В ж. «Атеней» (1830, ч. IV) напечатано стих. «Весна». Цензурное разрешение получено 10 мая. Первое стих. Л. в печати.

Октябрь 1. — Стих. «Свершилось! полно ожидать». В этот же день написано ст. «Итак, прощай! Впервые этот звук».

Октябрь 3. — Перед зачеркнутым текстом стих. «Сыны снегов, сыны славян», рядом с заглавием «Новгород», дата …

Октябрь 4. — Стих. «Глупой красавице» …

Октябрь 5. — Стих «Могила бойца».

Октябрь 9. — Стих. «Смерть» («Закат горит…»).

1830. — Озаглавлена тетрадь «Разные стихот-я. (1830 год)».

1830. —Драма «Menschen und Leidenschaften».».

Из всех этих дат нас интересуют сейчас два месяца — июнь и август. Если с ***«начала мая»*** Михаил с бабушкой живет в Середниково, значит, весть о гибели брата Арсеньеву застает там. Как видим, ***июнь*** в этой Хронологии вообще опущен. Не станем пока развивать мысль в этом направлении и мы. Хотя очевидно, что бабушке было бы с кем оставить 18-летнего внука на тот случай, если она хотела поехать на похороны брата. Посмотрим, кому из Столыпиных принадлежало Середниково.

> «*В 1811 году Сергей Всеволожский продал усадьбу полковнику Афанасию Нестерову, который вскоре (1813) перепродал её графу Григорию Салтыкову. У последнего в 1825 году Середниково приобрел генерал-майор Дмитрий Алексеевич Столыпин, брат бабушки М.Ю. Лермонтова Е.А. Арсеньевой.*
>
> *Спустя год после покупки усадьбы Дмитрий Алексеевич умер, и владелицей стала его вдова Екатерина Аркадьевна*». (https://ru.wikipedia.org/wiki/Середниково)

Получается, кругом одни вдовы, в гостях у которых Елизавета находит утешение. 13 августа Арсеньева с Михаилом возвращаются в Москву. И, несмотря на то что холера все ближе подбирается к белокаменной, Михаил 15 августа, по возвращении, пишет стихотворение «Чума в Саратове». И ни единой строчки о гибели брата бабушки или о ее страданиях. — ни в стихах, ни в «Автобиографических заметках».

Бросим в них беглый взгляд, поскольку касаются они 1830 года:

> «<1.> 1830. Замечание
> Когда я начал марать стихи в 1828 году…
> Ныне я прочел в жизни Байрона…
>
> <2>
> Музыка моего сердца… Ни одного звука не мог я извлечь из скрыпки, из фортепьяно, чтоб они не возмутили моего слуха.
>
> <3.> Записка 1830 года, 8 июля. Ночь
> Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? … Мы были большим семейством на водах Кавказских …
>
> Горы кавказские для меня священны…
> <4.> (1830)
> Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал …

<5.> 1830

Я помню один сон; когда я был еще 8-ми лет… Когда я еще мал был, я любил смотреть на луну …

<6.> 1830 (мне 15 лет)

Я однажды (3 года назад) украл у одной девушки, которой было 17 лет, … бисерный синий снурок … — Как я был глуп!..

<7.> (1830)

Наша литература так бедна, что я из нее ничего не могу заимствовать; … Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская — я не слыхал сказок народных …

<8.> Мое завещание

(про дерево, где я сидел с А. С.)

Схороните меня под этим сухим деревом … — и — пускай на нем ничего не будет написано, если одного имени моего не довольно будет доставить ему бессмертие!»

<9.> 1830

Еще сходство в жизни моей с лордом Байроном. … про меня на Кавказе предсказала то же самое старуха моей бабушке. Дай бог, чтоб и надо мной сбылось …

<10>

Я читаю Новую Элоизу. Признаюсь, я ожидал больше гения … — Ума слишком много; идеалы — что в них? — они прекрасны, чудесны; но … У Жан-Жака даже пороки не таковы, какие они есть. — … И после всего я скажу, что хорошо, что у Руссо, а не у другого, родилась мысль написать Новую Элоизу.

<11.> 2-го декабря: св. Варвары.

… Кто бы подумал, взглянув на нее, что она может быть причиною страданья?

<12>

Маико Мая.

<13>

Ахвердов<а>… Г<рафиня> Завадовск<ая>. Лео<нид> Голицы<н> … Понед<ельник> Смир<нова>. Втор<ник> Ростоп<чина>. Веч<ером>: Лаваль именины.

<14>

Суб<б>оту обе<д> у Дегая.

<15>
Семен Осипович Жигимонд … <Кн.> <?> Голи<цын> <?> Погодину; Кашинцеву.

<16>
19-го мая — буря.

24 августа умирает Екатерина Хастатова, до возвращения Акима из Польши в 1832 году, поместьем и всей собственностью Хастатовых управляет их зять Шан-Гирей, но 18-летний Михаил остается и к этим событиям абсолютно безучастным. 26 августа он пишет «Стансы» («Взгляни, как мой спокоен взор»). О чем оно?

О неразделенной любви:

……
Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал —
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой. .....

С сентября они находятся в холерной Москве. И именно с сентября разворачиваются перед москвичами все ужасы, о которых писал Кристин фрейлине императрицы Софье Бобринской, с коих был начат этот раздел.

О чём ещё узнаём мы из «Хронологии…» Мануйлова? О том, что в самом начале 1830 года Лермонтов написал вторую редакцию поэмы «Демон», к маю у него готова поэма «Джюлио», а к концу года – драма «Menschen und Leidenschaften». (В переводе с немецкого – «Люди и страсти»).

Все эти произведения носят автобиографический характер, разница лишь в степени откровенности автора. В поэме «Джюлио» выведены Он, Она и плод их любви, о котором Он не догадывается, а Она так и не смогла ему в этом признаться. Он вынужден покинуть Родину… Она умирает вдали от него. (Подробнее в моей статье «Место поэмы Джюлио в ряду автобиографических произведений. См. т. 3, с.)

В «Демоне» так же — Он и Она; запретная или невозможная меж ними любовь; Она умирает.

И, наконец, драма, которую лермонтоведы буквально растащили на

цитаты и стали подавать их как «факты» из биографии поэта. Здесь тоже есть запретная любовь, но между кузинами (инцест), а не между теми, кто принадлежит к разным обществам, находящимся на предельном расстоянии друг от друга.

Однако Мануйлов с Латышевым опустили в своей работе именно те произведения, которые написаны в 1830 году и проливают свет на биографию поэта, уточняя отдельные факты из его жизни, лежащие в основе поэмы «Джюлио» и драмы «Menschen und Leidenschaften».

Восстановим их со своими комментариями. Обратим внимание и на официальные комментарии к каждому стихотворению, в которых ученые разводят руками, не понимая, (ни тогда, ни сейчас) о чем они, кому или чему посвящены и т.д.

Итак.

10 ИЮЛЯ. (1830)

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг.
.....

«Стихотворение не закончено. Отсутствие полного текста не дает возможности окончательно установить, о каком народном восстании говорит поэт. Высказывались предположения, что стихотворение является откликом ***либо*** на события Июльской революции 1830 г. во Франции, ***либо*** на восстание горцев на Кавказе, ***либо*** на восстание 1830 г. в Польше, ***либо*** на национально-освободительное движение 1830 г. в Албании. Однако все высказанные гипотезы ***не вполне согласуются либо с датой, либо с реалиями*** стихотворения (упоминание Суворова, фраза о поражении царских войск). (http://lermontovlit.ru/lermontov/text/stihi/stih_1830/stih-1830-1.htm)

Комментарий: Лермонтов откликнулся на события в Чечне. Именно в это время (в конце июня-начале июля) чеченцы разгромили многотысячный отряд генерала Эммануэля:

«1830 г. июня 27 — Гази-Магомед, сняв осаду крепости

Внезапная, отступил в Эндре-аул, затем в восточную Чечню.

1830 г. июль — Поражение отрядов генерала Эммануэля в Восточной Чечне». (А. Айдамиров. «Хронология истории Чечено-Ингушетии», Грозный. «Книга». 1991)

Варианты автографа: «Опять вы с кликами восстали» и «Тиранства низкие сыны» слишком красноречивы, чтобы их комментировать.

«Опять… восстали» и «и снова … пали…» — говорит о том, что эта борьба «*гордых*» «за независимость страны» ведется ими непрерывно. Поэт не сомневается, что по-другому и быть не могло, потому что гордые собрались под знаменем Свободы, которую в России именуют вольностью, и которая не дарится, как крепостным, а отстаивается большой кровью. Но это знамя победы — «*мрачный знак*», потому что еще со времен самого Суворова — «*сильнейшего врага*» свободы горцев и поляков, «*тиранства низкие сыны*» могут задушить, если не сейчас, то несколько позже. — Настолько несопоставимы они по численности.

Посмотрим, что «*не согласуется с датами…*»?

Заглянем еще раз в «Хронологию» А. Айдамирова. Посмотрим даты до и после 1830 года, чтобы понять, почему поэт пишет — «Опять вы… восстали…»; «И снова перед вами пали…»:

1825.

Янв. — Набеги генерала Грекова в Чечню. Разорение аулов Гойты, Урус-Мартан, Гехи.

1825 г. март — Рубка отрядами Грекова просеки Брагуны-Амир-Аджи-юрт, Брагуны-Аксай, Аксай-Герзель.

1825 г. янв. — Карательная экспед. Грекова в Карабулакию.

1825 г. мая 24 — Общечеченский съезд в с. Майртуп. Избрание на съезде имамом Чечни Магомы (Магомета) Кудуклинского (из Дагестана).

1825 г. кон. мая — нач. июня — Арест в Назрани сподвижника Бейбулата —Джамбулата Цечоева. Зверское убийство его по приказу генерала Ермолова.

1825 г. июнь — Всеобщее восстание в Чечне под руководством Бейбулата Таймиева.

1825 г. июнь — Усмирение ген. Вельяминовым Кабарды.

1825 г. июнь 15 — Прибытие на помощь осажденному Герзелю генерала Грекова из Грозной и генерал-лейтенанта Лисаневича из Георгиевска.

1825 г. июня 22 — По призыву Бейбулата и муллы Магомеда на помощь восставшим в Ичкерию прибыли отряды да-

гестанских вольных обществ.

1825 г. июля 25 — Второй общечеченский съезд в селе Майртуп.

1825—1826 гг. — Восстание в Чечне под руков. Бейбулата.

1825 г. июля 7 — Прибытие ген. Грекова в Герзель-аул.

1825 г. июль, ночь с 7 на 8 — Взятие Бейбулатом укрепления Амир-Аджи-юрт.

1825 г. июля 8 — Отход отряда ген. Грекова в Грозную.

1825 г. июля 12 — Осада Бейбулатом кр. Герзель-аул.

1825 г. июля 15 — Прибытие ген. Лисаневича и ген. Грекова с отрядом в 3360 чел. с орудиями на помощь осажденной крепости Герзель-аул.

1825 г. июля 16 — Вызов генералами Грековым и Лисаневичем в кр. Герзель-аул 318 чеченцев и кумыков, участников восстания. В результате стычки житель с. Майртуп мулла Оччар-Хаджи убил ген. Грекова и смертельно ранил ген. Лисаневича, который через неделю скончался. 200 безоружных чеченских и кумыкских старшин убито.

1825 г. авг. 29 — Попытка Бейбулата взять кр. Грозную.

1825 г. окт. 7 — Заложение укрепления Таш-Кечу.

1825 г. окт. 10 — Заложение укрепления Герзель-аул.

1825 г. нояб. 25 — Попытка Бейбулата взять в плен ген. Ермолова у ст. Калиновской.

1826.

1826 г. — Карательная экспедиция Ермолова в Б. Чечню. Истребление аулов Атаги, Чахкери, Урус-Мартан.

1826 г. янв. 26—фев. — Карательная экспедиция Ермолова на чеченские земли и уничтожение им аулов по рекам Аргун, Мартан, Гехи.

1826 г. янв. 30 — Разгром ген. Ермоловым отряда чеченцев и лезгин на р. Аргун.

1826 г. февр. 28 — Возвращение Ермолова из похода в Чечню на Терек, размещение войск по казачьим станицам.

1826 г. июль — Назначение ген.-м. Эммануэля командиром войск на Кавказской линии.

1826—1828 гг. — Русско-иранская война.

1827

1827—1831 гг. — Управление Грузией ген.-фельдм. графом И.Ф. Паскевичем-Эриванским.

1827 г. марта 16 — Ген. Паскевич назначен главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом.

1827 г. окт. 27 — Возвращение Бейбулата в Чечню из поез-

дки в Иран, где он вел переговоры с шахом о помощи восставшим чеченцам.

1828

1828—1829 гг. — Русско-турецкая война.

1828 г. — Провозглашение Гази-Магомеда Гимринского имамом Дагестана. Его нападение на Хунзах.

1828 г. апр. 8 — Поездка Бейбулата Таймиева в Аварию с целью поднять ее на борьбу с колонизаторами.

1828 г. сент. 9 — Присяга правителя Аварии Абу-Султан-нуцал-хана на верность России.

1828 г. сент. 13 — Покорение генералом Эммануэлем карачаевцев.

1829.

1829 г. — Рескрипт Николая I главнокомандующему Кавказа И.Ф. Паскевичу "Об усмирении навсегда горских народов или истреблении непокорных".

1829 г. — Путешествие А. Пушкина через Кавказ (Дарьяльское ущелье) в Арзрум.

1829 г. май — Приезд в Тифлис А. Пушкина.

1829 г. — Гази-Магомеду повиновались Койсуба, Гумбет, Анди и половина Тарковского шамхальства.

1829 г. — Второй вызов Бейбулата в Тифлис. Его встреча с А.С. Пушкиным.

1830.

1830 г. — Начало рубки просеки генералом Вельяминовым от крепости Грозной по направлению к Шали.

Весна — Признание Гази-Магомеда имамом Чечни чеченскими вождями Бейбулатом, ... и другими.

Мая 4 — Выступление предводителя чеченцев Авки с отрядом в 400 чел. в Гимры для соединения с Г.-Магомедом

Мая 6 — Рапорт ген. Паскевича Николаю I о необходимости предпринять экспедицию против чеченцев с войском в 10 тыс. чел., одновременно и с другим отрядом со стороны Кахетии через Хевсуретию.

Мая 7 — Рядовой А. Полежаев в составе московского пехотного полка прибыл в крепость Грозную.

Мая 29 — Поражение Гази-Магомеда у крепости Бурная.

Май-декабрь — Участие А. Полежаева в военных походах в Чечню.

Июня 14 — Чеченский предводитель Ших-Абдулла начал осаду крепости Внезапной.

Июня 14 — Прибытие Г.-Магомеда к крепости Внезапная с дагестанскими повстанцами и принятие им на себя главного командования над объедин. силами дагестанцев и чеченцев.

Июня 27 — Гази-Магомед, сняв осаду крепости Внезапная, отступил в Эндре-аул, затем в восточную Чечню.

Июль — Поражение отрядов Эммануэля в Восточной Чечне.

Октябрь — Гази-Магомед призывает чеченцев под знамя священной войны.

Ноябрь — В Лондоне состоялось заседание 5 держав — Англии, России, Австрии, Франции и Пруссии с целью подавления революции в Бельгии. Николай I мобилизовал русские войска в Польше и Прибалтике для интервенции в Бельгию.

1831.

1831 — Поражение польских повстанцев под Гроховом.

Января 13 — Польский сейм принял акт о низложении русского царя Николая I.

Январь — 100-тыс. русская армия во главе с ген. Дибичем вступила в Польшу для подавления восстания, которое распространилось в Литве, Волыни, Подолии и Белоруссии.

Январь-декабрь — А. Полежаев участвует в военных походах в Чечню и Дагестан.

Февраля 2 — Победа польских повстанцев над царскими войсками под Сточком.

Апреля 28 — Отбытие ген. графа Паскевича в Польшу для подавления восстания.

Май — Набег имама Гази-Магомеда в Кумыкию и осада им крепости Бурной.

Мая 27 — Взятие Тарки имамом Гази-Магомедом.

Июнь — Присоединение мичиковских аулов к Г.-Магомеду.

Июнь — Блокада чеченскими отрядами кр. Внезапная.

Июнь — "Холерный бунт" в Петербурге.

Июля 14 — По заговору царских властей аксайским князем Салат-Гиреем Эльдаровым убит Бейбулат Таймиев.

Август — Назначение ген. барона Г.В. Розена командиром отдельного Кавказского корпуса.

Август — Экспедиция ген. Вельяминова в Чечню. Ранение ген. Эммануэля в сражении при Акташ-ауле. Передача Эммануэлем командования Кавказской линией ген. Вельяминову. Осада Гази-Магомедом крепости Внезапная.

Октября 19 — Участие А. Полежаева в штурме аула Чир-юрт (на левом берегу р. Аргун).

Октября 25 — Участие А.А. Бестужева-Марлинского во взятии Чиркея.

Октябрь-ноябрь — Прибытие отряда чеченцев на помощь

Чиркею.

Ноября 1 — Нападение Гази-Магомеда на Кизляр. Его поражение при крепости Бурной.

1832.

Март — Экспедиция барона Розена в Чечню и Дагестан.

Января 8 — Участие А. Полежаева в штурме и разорении аула Акташ-аул.

Январь—октябрь — Участие А. Полежаева в военных походах в Чечню.

Август — Ген. Розен уничтожил 80 аулов Большой Чечни, принудил их выдать аманатов. 10-тыс. отряд Розена уничтожил аулы по берегам рек Мартан, Гойты, Аргун, Басс.

Августа 23 — Отряд ген. Вельяминова с 20 орудиями после героического сопротивления защитников взял и уничтожил аул Герменчук. В этом сражении принял участие А. Полежаев, о чем он написал стихотворение "Герменчугское кладбище".

Августа 27-28 — Карательная экспедиция генерала Вельяминова в Чечню и истребление аулов Катар-юрт, Алхан-юрт, Коса-ирза и других.

Октябрь — По завершении погрома в Чечне барон Розен совершил экспедицию в Дагестан.

Октября 17 — Взятие войсками Розена Гимринской крепости и смерть Гази-Магомеда.

1833 г. январь — Провозглашение в Гоцатле Гамзат-бека имамом Дагестана.

1834

Август — Экспедиция Дагестанского военно-окружного начальника М.П. Ланского в Северный Дагестан против Гамзат-бека.

Август — Нападение Гамзат-бека на Гергебиль.

Августа 16 — Первое упоминание о Ташав-хаджи в донесении Розена военному министру А.И. Чернышеву.

Сентября 19 — Убийство Гамзат-бека в главной хунзахской мечети. Провозглашение Шамиля имамом Дагестана.

— Начало национально-освободительной борьбы горцев северо-восточного Кавказа под руководством Шамиля.

— Поражение Шамиля в Гимрах в Дагестане. Изгнание гимринцами Шамиля. Его переезд в Ашильту. Решение жителей удалить Шамиля из села.

Октября 11 — Сдача Гергебиля ген. Клюки фон Клюгенау.

До 1859 гг. — Борьба горцев за свою независимость.

И так весь XIX век! Опять… опять… и опять… — как пишет Михаил Лермонтов, — И снова… и снова… и снова… Льется кровь за Свободу, за «независимость» страны…

С сильнейшим врагом Свободы — с крепостной Россией… И никакой разницы — Суворов это, Потемкин, Ермолов, Паскевич, Эммануэль, Вельяминов, Фези, Головин, Граббе, Воронцов…

Возьмем другое стихотворение:

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, воспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!..

8 июля 1830 г.

«КАВКАЗ», стих. раннего Л. (1830?). Одно из первых обращений к теме и образам Кавказа (наряду с «Грузинской песней» и «Черкешенкой»). Стих. отличается особо нежным лиризмом: воспоминание о величии и красоте кавк. пейзажа переплетается здесь с сокровенными переживаниями поэта — воспоминанием о матери («В младенческих летах я мать потерял. /Но мнилось, что в розовый вечера час /Та степь повторяла мне памятный глас...») и воспоминанием о первой отроческой любви («Там видел я пару божественных глаз...»). ...

Комментарием к автобиографич. мотивам стих. могут служить две записи, сделанные летом того же 1830: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал... Ее певала мне покойная мать» (VI, 386).

(В черн. вар. стих. тема матери начиналась в 1-й строфе и далее ей посвящалась полностью 2-я строфа.)

Др. запись перекликается со строками о первой любви Л.: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? Мы были ... на водах Кавказских...» (VI, 385). (http://feb-web.ru/feb/lermenc/lrea bc/)

Комментарий: Ни в одном из академических источников учеными не комментируются первые две строки стихотворения, в которых поэт откровенно признается, что с первых дней своей жизни, т.е. с рождения, был «*отторгнут*» от гор, т.е. вывезен с Кавказа, но, несмотря на все, он любит Кавказ.

КАВКАЗУ

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество своё:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для неё.

«**«КАВКАЗУ»,** раннее стих. Л. **(1830),** явившееся поэтич. откликом на события, происходившие на Кавказе. В нач. 1830 усилились воен. действия, начались карательные экспедиции против шапсугов, затем против аджарцев. После этого было объявлено, что «прочие племена Кавказа, в хищничествах виновные, не останутся также без должного наказания» («Сев. пчела», 1830, 22 марта). В данном стих. Л. как будто рассматривает покорение Кавказа в соответствии с литературно-романтич. традицией; свободная жизнь кавк. горцев («жилище вольности простой») воспринимается поэтом в духе идеалов Ж.Ж. Руссо. И в то же время он с горечью и сочувствием отмечает, что эта страна «несчастьями полна и окровавлена войной». «Звон славы, злата и цепей» несет гибель свободе, «крик страстей» нарушает патриарх. Идилличность вольного края. Стих. показывает, что тема покорения Кавказа всегда волновала Л. и рано вошла в круг его поэтич. размышлений. Намеченные здесь мотивы позднее нашли развитие и переосмысление во мн. стихах, в т. ч. в стих. «Валерик» (1840) и «Спор» (1841), где «медь и злато» также названы среди примет трагич. ***вторжения цивили-***

зации в жизнь свободных горских народов. В раннем стих. выражен пессимистич. взгляд на участь недавно вольного «черкеса».».

Комментарий: В «Северной пчеле» информация о карательных действиях русских на Кавказе была напечатана 22 марта. Как мы уже знаем, «*в марте был ужесточен карантин*» в Севастополе, где 3 июня убивают губернатора Столыпина, а 24 августа в Георгиевске умирает от холеры Екатерина Хастатова. Значит, стихотворение Лермонтова написано после 22 марта и до начала сентября.

«*Кавказ! далекая страна!*» — обращает поэт свой взор на Юг. «*И ты несчастьями полна*» — «и ты», значит, как и вся Россия в целом! Но его боль не здесь — рядом с бабушкой, друзьями, многочисленными родственниками, а там, — где, казалось бы, у него не должно быть никого из родных и близких ему людей!

Написав: «*И окровавлена войной!..*», — Лермонтов подчеркивает, что «несчастья» Кавказа не связаны только с войной.

Но назвать истребление свободных горских народов – «вторжением цивилизации»!? Это до какого уровня академизма нужно было подняться, чтобы не заметить потерю лица?..

НОЧЬ. I

Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б яснее
Весь мир — но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее; я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилося, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство)
Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не могло,
Которые по нем мелькали;
И два противных диких звуков,
Два отголоска целыя природы,
Боролися — и ни один из них
Не мог назваться побежденным. Страх
Припомнить жизни гнусные деянья,
Иль о добре свершенном возгордиться,
Мешал мне мыслить; и летел, летел я

Далёко без желания и цели —
И встретился мне светозарный ангел;
И так, сверкнувши взором, мне сказал:
"Сын праха — ты грешил — и наказанье
Должно тебя постигнуть как других;
Спустись на землю — где твой труп
Зарыт; ступай и там живи, и жди,
Пока придет спаситель — и молись.....
Молись — страдай… и выстрадай прощенье...
И снова я увидел край земной;
Досадой вид его меня наполнил,
***И боль душевных ран**, на краткий миг*
Лишь заглушенная боязнью, с новой силой,
***Огнем отчаянья** возобновилась;*
*И (странно мне), когда **увидел ту,***
Которую любил так сильно прежде,
Я чувствовал один холодный трепет
***Досады горькой —** и толпа друзей*
Ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
*Где грех с вином кипел **— воспоминанье***
***В меня впилось когтями, —** я вздохнул,*
Так глубоко, как только может мертвый —
И полетел к своей могиле. Ах!
Как беден тот, кто видит наконец
Свое ничтожество, и в чьих глазах
Все, для чего трудился долго он —
На воздух разлетелось.....
И я сошел в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп — и там остался я;
Здесь кость была уже видна — здесь мясо
Кусками синее висело — жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью....
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп,
И каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.

Я должен был смотреть на ***гибель друга,***
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, ***единственного друга,***
Делившего ее земные муки —
И я помочь ему желал — но тщетно —
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем — и черви умножались;
Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли,
Остались кости — и они исчезли;
В гробу был прах... и больше ничего.....
Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бренные останки,
Стараясь их дыханием согреть...
О сколько б я тогда отдал земных
Блаженств, чтоб хоть одну — одну минуту
Почувствовать в них теплоту. — Напрасно,
Они остались хладны — хладны — как презренье!..
Тогда я бросил ***дикие проклятья***
На моего отца и мать*, на всех людей, —*
И мне блеснула мысль: — (творенье ада)
Что если время совершит свой круг
И погрузится в вечность невозвратно,
И ***ничего меня не успокоит,***
И не придут сюда простить меня? — .....
— И я хотел ***изречь хулы*** *на небо —*
Хотел сказать: .....
Но голос замер мой — и я проснулся.

«**НОЧЬ. I**», «**НОЧЬ. II**», «**НОЧЬ. III**», цикл филос. стихов раннего Л. (1830). Поэт мучительно и напряженно ищет разгадку великой тайны жизни и смерти, стремится к самопознанию, определению своего отношения к миру, к Вселенной. В год создания этих стихов Л. был, по словам Е.А. Сушковой, «неразлучен с огромным Байроном». «Ночи» часто считают «прямыми сколками» с произв. Дж. Байрона «Тьма» и «Сон». Действительно, у лермонт. стих. (особенно двух первых) и стихов Байрона общая идейно-филос. основа — мысль о неотвратимости судьбы, об ожидающем человека бессмысленном и жестоком конце ... Однако содержание сна у Л. и Байрона различно. Картины гибели жизни на земле Байрон воспринимает как наблюдатель. У Л. авторское «Я» — гл. действующее лицо. В отличие от Байрона, поэт близок к бунту против мирового порядка и земного существования, исполненного ско-

рби, зла и тления, превращающего человека в прах: «И я хотел изречь хулы на небо» («Ночь. I») (см. Богоборческие мотивы).

Комментарий: «*… Пришли, понюхали — и пошли прочь*». **—**

Бессмертен ты, Николай Васильевич! Ученым «знатокам» Лермонтова ничего не сказало душераздирающее слово поэта, и они призвали на помощь ту, которая прилепилась к посмертной славе человека, сыгравшего с ней однажды злую шутку, но только в отместку за ее насмешки над ним, кого она принимала за отрока, а не юношу. Реванш Хвостовой стал спасительной соломинкой для лермонтоведов, которые, написав: «*по словам Е.А. Сушковой*», внушают и себе и другим, что досужие вымыслы обиженной женщины вполне могут лечь в основу научных трудов, разъясняющих суть творчества гения. И что в результате получилось: вот Сушкова сама (!) видела, что Михаил в это время не разлучался с Байроном, значит, нужно копнуть там. Прочли. А там Лермонтовым и не пахнет. Признаются: «*однако содержание ... различно*». Ну и слава Богу! Бросили Сушкову и вернулись к поэту? Нет, конечно. Пошли прочь: «*В отличие от Байрона, поэт близок к бунту против мирового порядка и земного существования…*».

И это наука, идти против которой считается крамолой!

В следующем, 1831 году, поэт напишет пьесу «Азраил», в которой мы и услышим эти «*хулы на Небо*», которые поэт «*хотел сказать…*», но слова не смогли вырваться из горла, и … он «*проснулся*»:

И начал громко я роптать,
Мое рожденье проклинать

*(Ср.: «Тогда я бросил **дикие проклятья На моего отца и мать**...», **—** не они ли виновны в его рождении?)*

И говорил: «Всесильный Бог,
Ты знать про будущее мог,
Зачем же сотворил меня?
Желанье глупое храня,
Везде искать мне суждено
Призра́к, видение одно.
*Ужели мил Тебе **мой стон?** ...*

Вся его жизнь — это стон!.. Выше мы цитировали из поэмы «Сашка»: «*Он не имел ни брата, ни сестры, /И **тайных мук** его никто не ведал*». Или: «*Я сын страданья…*». «*И горе для тебя! **—** твой плач, **твой***

стон */Ему тогда покажется смешон*», **—** прочтем мы ниже, в стихотворении «Предсказание», в котором в этом же, 1830 году поэт предупреждает Россию о мщении. Жестоком! Беспощадном! Неумолимом!

За что?

Ответим на этот вопрос и услышим продолжение ропота Азраила прочитав стихотворение «Ночь. II», а сейчас вспомним признание Михаила Марии Лопухиной, когда, переехав из Москвы в Петербург, он стал наносить обязательные визиты многочисленным родственникам: «*… назвать вам всех, у кого я бываю? Я сам — вот та особа, у которой я бываю с наибольшим удовольствием; правда, по приезде я выезжал довольно часто к родным, с которыми должен был познакомиться, но в конце концов нашел, что лучший мой родственник — это я сам…*». (28 августа 1832 г. В Москву)

Или письмо С.А. Бахметевой, еще годом позже: «*Не имею слишком большого влечения к обществу: надоело! — Всё люди, такая тоска, хоть бы черти для смеха попадались*». (Август 1832 г. В Москву).

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы соединить написанное в эти три года подряд, и понять, откуда эта «*боль душевных ран*» и «*огонь отчаяния*» в юном человеке, который кричит о своем пронзительном одиночестве:

Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного *друга,*
Делившего ее земные муки …

Подражание Байрону? Абстрактные философские размышления? Или?.. Пойдем за поэтом дальше.

НОЧЬ. II

*Погаснул день! **—** и тьма ночная своды*
Небесные ***как саваном*** *покрыла.*
Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась наша;
На ней, ***спокойствием объятой*** *тихим,*
Уснуло все ***— и я один лишь не спал.***
Один я не спал..... *страшным полусветом,*
Меж радостью и горестью срединой,
*Мое теснилось сердце **—** и желал я*

Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о ***убитой жизни:***
Последнее однако было легче!...
Вот с запада Скелет неизмеримый
По мрачным сводам начал подниматься,
И звезды заслонил собою....
И целые миры пред ним уничтожались,
И все трещало под его шагами, —
Ничтожество за ними оставалось —
И вот приблизился к земному шару
Гигант всесильный — все на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило ***— единый,***
Единый смертный видел*, что* ***не дай Бог***
Созданию живому видеть..

И вот он поднял костяные руки —
И в каждой он держал ***по человеку,***
Дрожащему — *и* ***мне они знакомы были —***
— И кинул взор на них я ***— и заплакал! —*** *...*
И странный голос вдруг раздался: — Малодушный!
Сын праха и забвения, ***не ты ли,***
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал — я здесь: ***я смерть!...***
Мое владычество безбрежно!...
Вот двое. ***— Ты их знаешь — ты любил их —*** *...*
Один из них *погибнет. — Позволяю*
Определить неизбежимый *жребий....*
И ты умрешь, и в вечности погибнешь —
— И их ***нигде, нигде*** *вторично* ***не увидишь —***
Знай, как исчезнет время, так и люди,
Его рожденье — только Бог лишь вечен...
— Решись, *несчастный!...*

Тут невольный трепет
По мне мгновенно начал разливаться,
И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться *из груди; —*
И наконец, преодолев свой ужас,
К скелету я воскликнул: ***— оба! оба!...***
Я верю: нет свиданья — нет разлуки!...

Они довольно жили, чтобы ***вечно***
Продлилося их наказанье. —
Ах! — и меня возьми, земного червя —
— И землю раздроби, ***гнездо разврата,***
Безумства и печали!...
Все, все берет она у нас ***обманом,***
И не дарит ***нам ничего — кроме*** *рожденья!...*
Проклятье этому подарку!...
Мы без него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бедной жизни,
Где нет надежд — и всюду опасенья. —
Да гибнут же друзья мои, да гибнут!...
— Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!....

И видел я, как руки костяные
Моих друзей *сдавили — их не стало —*
Не стало даже призраков и теней....
Туманом облачился образ смерти,
И — так пошел на север. ***Долго, долго,***
Ломая руки *и глотая слёзы,*
Я ***на Творца роптал, страшась молиться!....***

Комментарий: Как вы поняли, никто не собирался говорить об этом стихотворении отдельно, его просто внесли в «цикл…». Достаточно пройтись по словам, выделенным мной жирным шрифтом, чтобы понять, что это не абстрактное мудрствование на тему жизни и смерти… Перед нами потерявший покой, жестоко страдающий юноша, чья жизнь «*убита*» его отцом и матерью, в равной степени виновными перед ним только тем, что подарили ему жизнь, которую он проклинает! «*Ты любил их*», — говорит ему Смерть, и мы видим, что любил: «*И кинул взор на них я — и заплакал*!», — и эти слезы, и «невольный трепет» по всему телу, и крепко стучащие зубы, которые он не может унять, и ужас от того, что «слова жестокие» готовы «вырваться», помимо его воли, из груди его, — все это говорит о его сыновней любви, о его неутолимой тоски по ним, его «друзьям»! Желание, чтобы «*вечно /Продлилося их наказанье*», говорит только о том, что горе его безмерно, что он не живет, а мучается, что его жизнь — один протяжный стон!.. И опять «*ропот*» на Творца, который «*знать про будущее мог*», но допустил его рождение. «*Долго, долго, ломая руки и глотая слезы*»,

«*страшась молиться*», а значит, любя и Творца, на которого «ропщет», он страдает, навсегда распростившись с отцом и матерью, которые остались во власти Смерти.

И нам страшно за юношу, который вынужден продолжать жить. Сейчас ночь, все спят на этой Земле, кроме него: *«… И я один лишь не спал. /Один я не спал...»* — этот повтор говорит о том, что это был не сон, не видение, не фантазии его… Когда ночное небо ты воспринимаешь как саван, когда настолько ты приближаешь к себе это Небо, то и Творец становится ближе, потому страшно молиться… Страх, что Творец слышит все его невысказанные мысли, что Он не примет его молитву, отвернется от него, как он от своих родителей. А он не готов потерять и Творца, с которым не расстается с детства.

Сравним:

Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был — Ты это знал —
И бедняка не кинул Ты. —

Написав «ты» с маленькой буквы, ученые подняли пыль столбом, разыскивая этого «друга» поэта. (Мы еще вернемся к этому стихотворению) В пьесе «Азраил» поэт доскажет, что произошло после его очередного «ропота» на Творца. Вспомним еще раз эти строки:

И начал громко я роптать,
Мое рожденье проклинать
И говорил: «Всесильный Бог,
Ты знать про будущее мог,
Зачем же сотворил меня?
……..
И если я уж сотворен,
Чтобы игрушкою служить,
Душой, бессмертной может быть,
Зачем меня Ты одарил?
Зачем я верил и любил?»

И наказание в ответ
Упало на главу мою.
О, не скажу какое, нет! —

не кара, а наказание! — не Бог, а люди осуждают!.. Но за что ему это

«наказание» от людей, поэт не готов говорить: никто его не поймет!

И, наконец, «Ночь. III»:

Темно. Все спит. Лишь только жук ночной
Жужжа в долине пролетит порой;
Из-под травы блистает червячёк,
От наших дум, от наших бурь далек.
Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес...
Нет, в первый раз прелестна так она! —
Он здесь. Стоит. Как мрамор, у окна.
Тень от него чернеет по стене. —
Недвижный взор поднят, но не к луне;
Он полон всем, чем только яд страстей
Ужасен был и мил сердцам людей. —
Свеча горит, забыта на столе,
И блеск ее с лучом луны в стекле
Мешается, играет, как любви
Огонь живой с презрением, в крови! —
Кто ж он? кто ж он, сей нарушитель сна?
Чем эта ***грудь мятежная*** *полна?*
О если б вы умели угадать
В его очах, что хочет он скрывать! —
О если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить *души его недуг!*

«**Ночь. III**» в меньшей степени связана с Байроном. В стих. дан романтич. образ страдальца; одиночество в мире — гл. источник страдания и пессимизма героя; Л. отходит от принятой им формы снов, оставляет белый стих и обращается к обычному рифмованному. В лит-ре есть попытки указать др. источники лермонт. «Ночей». Так, Н. Любович называет источником стих. Л. религиозно-дидактич. поэму Э. Юнга «Жалоба, или Ночные думы о жизни, смерти и бессмертии», разделенную на девять глав: «Ночь. I», «Ночь. II», «Ночь. III» и т. д.

Комментарий: Третья ночь проходит у него без сна… Кто он? Стоит у окна. На стене **—** тень его. «*В первый раз прелестна так*» луна, но он не на нее смотрит, не она мешает ему спать («*… взор поднят, но не к луне*»). Но «*грудь мятежная полна*» тем, о чем никогда никому не расскажет, но напишет: «*на столе свеча*». Если бы хоть кто-то хотя бы «*угадал*», что так мучает его, «*недуг*» души не прошел бы, но стал

бы терпимее. Перед нами сам поэт, в крови которого «*жар*» Кавказа и бурь его «*порыв мятежный*», перед нами Измаил-Бей, в котором смешались любовь «*с презрением в крови*», перед нами Мцыри, рвущийся из последних сил на Родину, перед нами сын Бей-Булата, который жаждет мщения России за истребление его народа…

Но кто готов был и тогда, и кто готов сейчас «*угадать*»: «*Чем эта грудь мятежная полна?*» «*Угадать*», что он «*ХОЧЕТ скрывать*», но очень ХОЧЕТ, чтобы мы сами, взглянув в его глаза, прочли в них причину его мук, отравляющих его душу? «*Романтический образ страдальца…*»; «*одиночество в мире — гл. источник страдания и пессимизма героя*» — отвернулись от него те, кто, хотя бы в силу своей профессии, обязан был всмотреться в этот «*недвижный взор*» …

(ОТРЫВОК)

На жизнь надеяться страшась
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их? —

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я. —
Для тайных дум я пренебрёг
И путь любви и славы путь,
Всё, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться иль блеснуть;
Беднейший средь существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей! —

Две жизни в нас до гроба есть,
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Все, все подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать. -

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;...
Он точит жизнь как скорпион.
Ему поверил я — и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет; —
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

И скоро старость приведет
Меня к могиле — я взгляну
На жизнь — на весь ничтожный плод -
И о прошедшем вспомяну:
Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой:
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может, смех
Полмёртвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поныне в словаре моем:
И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгибнем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;

Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам,
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.

Не будут проклинать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. — Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!...

К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. — А мы
Увидим этот рай земли
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целию одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.

«В типичной для него форме монолога-исповеди гражд. мотивы сливаются с философскими, объединяемые скорбной мыслью о собствен. судьбе («На жизнь надеяться страшась, /Живу, как камень меж камней»). Переживание глухого одиночества рождает внутр. замкнутость и приводит к отказу от непосредств. общения вследствие нравствен. несовершенства людей. Это романтич. отчуждение связано со стремлением Л. к углубленному самопознанию: уже в этом стих. анализ жизни от юности до старости (своего рода логич. проекция собств. будущего, сочетающаяся с попыткой представить будущее всего человечества), хотя и выражен в декларативной форме, предвосхищает в самых общих чертах индивидуальные черты лермонт. поэтики. ... Личная судьба вписывается, ...в жизнь всего поколения и в историческую (хотя еще и схематически представляемую) жизнь человечества. Острое переживание личного одиночества, выражение к-рого получает в стих. отвлеченно-условную и одновременно обнаженно-автобиографич. форму (см. Автобиографизм), сливается с гражд. пафосом, направленным на отрицание господств. моральных норм, и с филос. раздумьями о нравств. и историч. роли поколения. (http: /feb web.ru/feb/lermenc/lre-abc/)

Комментарий: Дала всем насладиться этими отвлеченными словесны-

ми кружевами, отдаляющими нас от поэта. В рукописи «Отрывок» этот называется: *«Рассказ сердечных мук»*. И кто из них прочел эти муки сердца юноши? Кто их услышал? Но после того, как мы ста-ли свидетелями этих трех бессонных ночей поэта, мы и без дополнительных комментариев услышали и поняли его, который все сказал открытым текстом. «*Рассказ моих сердечных мук /Не возмутит ушей людских*» знал поэт.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Прими, прими мой грустный труд
И, если можешь, плачь над ним; —
Я много плакал — не придут
Вновь эти слёзы — вечно им
Не освежать моих очей.
Когда катилися они,
Я думал, думал все об ней.
Жалел и ждал другие дни! —
Уж нет ее, и слез уж нет —
И нет надежд — передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой! —
Ужель я для него писал? —
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту? —
Ценить он только злато мог,
И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал. —
Одним высоким увлечен
Он только жертвует любви:
Принесть тебе лишь может он
Любимые труды свои.

«ПОСВЯЩЕНИЕ» («Прими, прими мой грустный труд»), юношеское стих. Л. (1830). Принято считать, что это ранний вариант посвящения к трагедии «Испанцы» ... Более существенно, что по содержанию, по логике развития мысли и поэтич. фразеологии стих. Близко к окончат. ред. посвящения к «Испанцам», хотя и не достигает ритмико-интонац. четкости и композиц. завершенности последнего.

В стих. отчетливо звучит мотив глубокого разлада между поэтом и совр. обществом: «...передо мной / Блестит надменный, глупый свет /Своей красивой пустотой! /Ужель я для него писал?» В окончат. ред. посвящения тот же вопрос дан уже в виде ответа: «Нет! не для света я писал — /Он чужд восторгам вдохновенья; /Нет! не ему я обещал /Свои любимые творенья». (http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/)

Комментарий: Конечно, сложнее комментировать ученым то, что поэт пишет открытым текстом, без всяких таинственных намеков: мой гений родился и расцвел на Кавказе! — пишет поэт. И потому он — гений его — увлечен только высоким и все любимые труды свои поэт жертвует ей — матери своей! По которой много плакал с детства… А этот «*надменный глупый свет*», что «*блестит*» разве что «*своей красивой пустотой*», есть всего лишь «*шут*», пусть даже и «*важный*», все равно ему не постичь гордых дум поэта! И причем тут трагедия «Испанцы», в которой совсем другие Он и Она?!

Стих. можно было бы озаглавить «Посвящение матери», — ему не нужно искать контекста.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был — Ты это знал —
И бедняка не кинул Ты.

Ты примирил меня с судьбой,
С мятежной властию страстей;
Тобой, единственно Тобой,
Я стал, чем был с давнишних дней.

И муза по моей мольбе
Сошла опять с святой горы. —
Но верь, принадлежит Тебе
Ее венок, ее дары!...

«ПОСВЯЩЕНИЕ» («Тебе я некогда вверял»), юношеское стих. Л. (1830). Существует предположение, что это один из вариантов посвящения к трагедии «Испанцы»; в черновой тетради Л. стих. следует за другим «Посвящением» («Прими, прими мой грустный труд»).

В отличие от др. вариантов, включая окончат. ред. посвящения к «Испанцам», это стих. не содержит элегич. раздумий и обращено не к женщине, а к мужчине; к кому именно, пока не установлено». (http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/)

Комментарий: Нас снова отсылают к трагедии «Испанцы». «*К кому именно*» обращено установили бы без проблем, если бы в атеистическом обществе обращение к Богу не писали бы с маленькой буквы. Стоило написать «Ты» с заглавной буквы, и все стало бы прозрачным. В вариантах автографа поэт еще более откровенен. Могло быть так: *«(Ты примирил меня с судьбой), /С* ***мятежной волею*** *моей…*». Ср. с «Посвящением» к поэме «Аул Бастунджи». Обращаясь к Кавказу, поэт признается в той же своей «***мятежной***» воле, но уточняет, что это не в его власти, — это у него в крови: «*От ранних лет кипит в моей крови /Твой жар и бурь твоих порыв мятежной*».

Поэт не скрывает, почему он так одинок, находясь вдали от него, Кавказа, — на Севере: «*Моей души не понял мир — ему /Души не надо*». Здесь же, в черновом варианте стих., Лермонтов подчеркивает, почему он одинок и не понимаем никем: «(*Тебе я некогда вверял) /Но только одному Тебе…*». А значит, не было рядом с ним ни одного родного человека, которого он хотел бы впустить в свою душу, но у него был Он — Всевышний, который понимал его и примирял его с его судьбой, с его участью на этой Земле. (Вспомним позднее: «Судьбе, как турок иль татарин, За все я ровно благодарен…».

(ПРЕДСКАЗАНИЕ)

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:

И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

«**ПРЕДСКАЗАНИЕ»,** первое из серии политич. стих. Л. (1830). Лето 1830, насыщенное политич. событиями — восстание в Польше, революция во Франции, обострило внимание Л. к политич. проблемам. ... Он с сочувствием отнесся к польскому восстанию [«10 июля (1830)»], но с негодованием отверг попытку иностр. вмешательства в польские дела («Опять народные витии»). Л. приветствовал революцию и свержение тиранич. режима во Франции [«30 июля — (Париж) 1830»], не оставив сомнения в том, что таково же его отношение к тирании вообще («Новгород», «Пир Асмодея»); вместе с тем его тревожила мысль о том, что падение традиц. форм власти может привести к анархии. ***Именно этот мотив лежит в основе*** «Предсказания», где *развернута апокалиптич. картина социального хаоса, беззакония и убийства.* ... На настроении, в к-ром создавалось стих., лежит отпечаток т. н. «холерных бунтов», прокатившихся в то лето по южным — юго-вост. р-нам России, и прежде всего весть о том, что 3 июня 1830 во время одного из таких бунтов был убит родной брат бабушки Л. — губернатор Севастополя Н. А. Столыпин.

Однако политич. мотивировка стих. имеет и более глубокие корни: Л. явно проецирует на Россию опыт Франц. революции (1789—94), к-рая в соответствии с господств. представлениями той поры (воспринятыми, очевидно, через политич. стихи А. С. Пушкина — «Вольность», «Андрей Шенье») рисовалась Л. по схеме: низвержение законной власти — анархия и кровавый террор — узурпация власти воен. диктатором (Наполеоном). Именно так и развиваются события в «Предсказании»: вслед за падением «короны» наступит период анархии («Когда детей, когда невинных жен / Низвергнутый не защитит закон»), эпидемий («Когда чума... / Начнет бродить среди печальных сел...»), голода («И станет глад сей бедный край терзать...») и гражд. войны («И зарево окрасит волны рек...»). Полагая, что народ обладает достаточной силой, чтобы свергнуть самодержавие, Л. сомневался в устойчивости народовластия; по мысли поэта, в конечном счете восторжествует диктатура «сильной личности», к-рой в стих. придано портретное сходство с Наполеоном: «И будет все ужасно, мрачно в нем, /Как плащ его с возвышенным челом» (ср. в стих. «Наполеон», 1830: «Сей острый взгляд с возвышенным челом»). Ту же схему Л. развернет позже в поэме «Сашка» («И кровь с тех пор рекою потекла, /И загремела жадная секира...»; «Меж тем как в тайне взор Наполеона /Уж зрел ступени будущего трона...», строфы 77—80) и в несколько завуалированной форме в «Последнем новоселье».

В автографе позднейшая приписка Л.: «(это мечта)», что в слово употреблении того времени могло означать «видение», «фантазия». (http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/)

И еще:

В автографе рядом с заглавием — помета Лермонтова: «(Это мечта)». И вариант: «Как длинный плащ с клонящимся пером». (http://lermontovlit.ru/lermontov/text/stihi/stih-1830/stih-1830-62)

Комментарий: Чтобы избежать обвинений в выдергивании цитат из контекстов, приходится приводить эти длинные, далекие от сути прочитанного, но, признаваемые академическими, комментарии к произведениям поэта. Теперь попробуем задаться вопросами: Это чья мечта? (Пусть «видение», «фантазия» …) Поэта? Тогда понятно, почему «Предсказание» поэт хотел закончить словами: «с клонящимся пером». Перо — рабочий инструмент поэта. «Клонящееся» перо — работающее, пишущее перо. А значит, Россия еще узнает его, как поэта, который творчеством своим отомстит ей за все! За что? Почему? Стихотворение настолько интересное, что требует не комментария, а исследования. Здесь и сейчас проведем его.

Когда «*царей корона упадет*», для черни (народа) должен был бы наступить самый светлый год! Почему этот год должен быть «черным» для всей страны и для каждого ее жителя, не исключая детей? Выходит, это предсказание не имеет отношение к падению империи в 1917 году и тем более — «народовластию», поскольку «чернь» и «народ» во времена Лермонтова не были тождественными понятиями. Чернь, выходит, любила царей, если в тот год она «*забудет… прежнюю любовь*» свою к ним. «*Смерть и кровь*» станет «*пищей многих*» в этой стране, т.е. эти «*многие*» станут наживаться на чужой крови, на чужих жизнях в пределах, заметим, своей страны.

Как, карая каждого, беззаконие войдет в каждый дом: «Когда детей, когда невинных жён /Низвергнутый не защитит закон», мы узнаем из поэмы «Измаил-Бей», которую поэт пока еще не написал: «*Он убивает старцев и детей, /Невинных дев и юных матерей /Ласкает он кровавою рукою…*». — Поставленные вне закона целые народы на Кавказе вырезал, убивал, имел право карать каждый русский рекрут, выполняющий волю своего командира (обязательно из дворян — людей «чести»!): «*отпрянул русский…*». Здесь, в чужом доме, он «*победитель*», но что станет с такими, как он, когда их семьи в России не защитит «*низвергнутый*» чернью (рабами, семьями этих рекрутов) закон? Когда бумерангом вернется все в Россию?

«*Мертвые тела*», трупы людей и домашних животных, не преданные вовремя земле, порождают эпидемии. При всей беспощадности русской армии, уничтожавших в чеченских селах всех и каждого, среди чеченцев не было прецедента, когда погибших не хоронили. Об этом красноречиво говорят слова кровавого генерала Ермолова, кото-

рый возмущался: «*У них даже и чумы не бывает…*». При том, что холера близко подошла к чеченским селам на Тереке, где в казармах уже косила русских солдат и офицеров, не пощадив и сестру бабушки Лермонтова, жившую на чеченской земле.

Холера боялась чистоты, она распространялась только в антисанитарных условиях. Конечно, в таких условиях неизбежны голод, всеобщее обнищание, разгул преступности… И, когда настолько ослабнет эта огромная империя, в тот час икс «*явится мощный человек*».

Есть такие, которые даже фамилию его называют, — Ленин, мол. Но Лермонтов пишет: «*И ты его узнаешь*». Россия узнает! И, главное, поэт знает его! Потому он не сомневается: «*… узнаешь – и поймешь, /Зачем в руке его булатный нож: /И горе для тебя! — твой плач, твой стон /Ему тогда покажется смешон…*».

Никому не кажется странным, что в руки этого «*мощного человека*», который не пощадит в России никого, начиная с царя, поэт вложил нож. — Не вилы, не топор, не горящий факел (как во времена пугачевщины), не удавку (Павел I, декабристы…), не яд (Романовы) — орудия мести или убийства в России — от мужика до императора. Но кто сомневается, что в России слова «чеченец» и «нож» давно стали синонимами? Почему перед нами в лице этого Мстителя — Чеченец?

Заглянем в книгу И. Асхабова «История чеченского оружия (XVII-XVIII вв.)»:

> «В народной памяти сохранились многочисленные названия булатов, часть которых позднее стали мужскими именами:
> – ЦIоькъа болат – «барсу подобный булат» (узорчатый...).
> – Хаза болат – «красивый булат», имя Хазбулат.
> – Сема болат – «недремлющий булат», имя Самбулат.
> – Джам болат – джамаг – боевой топор, «булат для боевого топора», имя Джамбулат.
> – Iаьржа болат – «черный булат», имя Арбулат, Арболат.
> – Товш болат – «видный булат», «солидный булат», имя Товбулат, Товболат.
> – Бе болат – «особый булат», имя Беболат (слышится «и», пишется «е») русскими произносится как Бей-Булат.
>
> В старинной казачьей песне есть слова: "Клинок Базалая, булат Атаги...". ... Словом "булат" чеченцы также называли качественную сталь, не уступавшую булату. (https://shguno.livejournal.com 143168.html)

О человеке несгибаемой воли чеченцы говорят: Болат стаг — сделанный из стали (булата) человек. Это часто употребляемое слово.

Но булатный нож (болат урс) чеченцы не говорят. Это редкий случай, когда Лермонтов использует слово «нож», в значении «кинжал» как боевое оружие. Можно было бы без ущерба для ритмики стиха, но правды ради, написать: «*И ты его узнаешь — и поймешь, /Зачем в руке его кинжал булатный*». Но как двусложное слово сразу размазало, растянуло мысль о мгновенности действия, которое привносит короткое слово «нож», с жужжащим согласным на конце, не вибрирующим звуком здесь, а усиливающим беспощадность в этом ударе, физически максимально приближенном к жертве. Кинжал длиннее ножа, а значит, у жертвы есть, хоть и ничтожный, но шанс на маневр…

Может, здесь главное слово не нож, а то, что он булатный? Или в руках известного в России Бей-Булата? А как его узнают?

По приметам, конечно: «*И будет все ужасно, мрачно в нем, /Как плащ его с возвышенным челом*». — «*Ужасно*», значит — страшно, а не уродливо. «*Мрачно*» — потому что перед нами не знающий пощады Мститель. Но плащ не бывает с «челом». А «возвышенное чело» говорит о том, что перед нами не рядовой человек, а сильная историческая личность. И слово «булатный» должно назвать эту личность: Бей-Булат. (В русском языке первая часть этого имени есть глагол: бей … булат…ным ножом!)

1830-м годом датируется стихотворение Лермонтова «Наполеон» (Дума):

В неверный час, меж днем и темнотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,
На берегу, склонивши взор к волнам,
Стоит вблизи нагбенного креста;
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышенным челом
И две руки, сложенные крестом. … —

Как видим, здесь все на месте: тень человека, острый взгляд и возвышенное чело которого выдают нам опять же историческую личность. И мы можем его назвать. Это Наполеон. Значит, Лермонтов мог привязать и в нашем случае «чело» к «взгляду», т.е. дать нам лицо. Но не сделал этого. Поэтому последуем за ним и попытаемся понять, кто он — этот «Мощный человек»? Правильно: Перед нами — Народ-Воин. Перед нами — Горец. В бурке и папахе (вот оно — это «*возвышен-*

ное чело»). И кто усомнится, что «*плач*» и «*стон*» России ему не «*покажется смешон*»?

Годом раньше Лермонтов написал «Отрывок» (На жизнь надеяться страшась). Заканчивается он словами: «*Вот казнь за целые века /Злодейств, кипевших под луной*». В «Предсказании» — та же казнь — России. За что? — Этот вопрос не стоит перед поэтом. Впереди поэма «Измаил-Бей», в которой он назовет эти «злодейства»:

Черкес не хочет отдохнуть —
Ужели отдыхает мщенье?
Аул, где детство он провел,
Мечети, кровы мирных сел —
Всё уничтожил русский воин.
Нет, нет, не будет он спокоен,
Пока из белых их костей,
Векам грядущим в поученье,
Он не воздвигнет мавзолей
И ***так отмстит*** *за униженье*
Любезной родины своей.

Вот она, эта казнь России, эта месть Горца за бесконечное уничтожение всего, что ему было дорого… И она беспощадна.

Затем будет «Валерик»:

……..
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали. ...
…..
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!..

Не человек вообще, как любят ученые переводить все в плоскость абстрактной философии, а русский человек!.. Лермонтову летом 1830 года, повторим, 19-й год. И все эти почти 19 лет только при его жизни русские продолжают истреблять горцев. Чего они хотят?

Вполне закономерный вопрос, который до него в русской литературе не ставил никто. «*На настроении, в к-ром создавалось стих., лежит отпечаток т. н. «холерных бунтов*» …», — И вот так всегда:

в огороде — бузина, в Киеве — дядька.

Исследование будет неполным, если и мы, вслед за Лермонтовым, не посмотрим на все глазами чеченцев и из Чечни.

Еще в классе шестом (а это 1972 год) я слышала от своей неграмотной бабушки, 1910 года рождения, дословно следующее: «Совет Іедал духарду. Дёх ду — дац ца хууш ворх шо дера ду. Нохчичьох, т'уг текхаш, ц'и энарду» и много еще в таком духе, и, главное, все это сбылось. («Советская власть распадется за столом. Пройдет еще семь лет, прежде чем все поймут, что этой власти больше нет. Потом в Чечне прольется так много крови, что поток ее понесет камни»)

И была Перестройка, и был, семь лет спустя, Беловежский договор, скрепленный за столом, и была жесточайшая война и реки крови...

О том, что чеченцы будут сосланы в чужие края, и только через 13 лет смогут вернуться на родину, — говорили наши святые еще во второй половине XIX века. Бабушка моя находилась в этой самой депортации, когда знала, что будет, на десятки лет вперед. Именно от нее я слышала, что чеченцы обязательно все должны вернуться на Родину. Потому что после падения советской власти, «т'айш хедарду» — «мосты», связывавшие ее, обрушатся и те семьи, которые останутся вдали от Родины, «дакъаза йера йу», т.е. пропадут, обнищают и не будут иметь средств вернуться. И это тоже сбылось в 90-е годы. Не говоря уже об инфляции, которая проглотила все средства, вырученные ими за проданные дома и имущество. Сама же бабушка, чувствуя, что срок ее земной подходит к концу, летом 1980 года выехала из Семипалатинской области, где мы жили, в Чечню и скоропостижно скончалась.

Похоронена, как и хотела, в селе Гойты.

Остается понять, какие еще разговоры старцев слышал Михаил, когда в 1825 году в свои неполные 14 лет находился на чеченской земле? А эти разговоры между старцами обязательно были! И, как правило, при детях, потому что так передавалась историческая память на земле, каждую пядь которой выжигали к тому времени уже второе столетие. И Михаил передал то, о чём чеченцы хотели предупредить потомков тех, кто огнем и мечом расширял на Кавказе границы своей империи.

Не только «нож» говорит об этом. В холерной России и в Москве Лермонтов мог представить себе, хотя бы примерно, как это все выглядело бы, если бы…

Но какое отношение это имело к гибели в Севастополе Столыпина? Тем более к переживаниям Михаила по этому поводу?

Традицию чеченцев слушать мудрых старцев Л. Толстой не нарушит и в России. В Оптиной Пустыни он сблизится с отцом Амвросием.

УТРО НА КАВКАЗЕ

Светает — вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна.
Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск, и светит там и там:
Так девушки купаяся в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют взор:
Но как бежать, коль близок милый вор! ...

«**УТРО НА КАВКАЗЕ**», стихотв. пейзажный набросок (1830), навеянный впечатлениями детских поездок Л. на Кавказ. Позднее Л. использовал тему стих. и составляющее его основу развернутое сравнение солнечного луча с краской стыдливости у молодой девушки в опыте ритмич. прозы «Синие горы Кавказа» (1832). (http://feb-web.ru /feb/lermenc/lre-abc/)

Интерес Лермонтова к Кавказу обострился в 1830 г., в связи с известиями о национально-освободительном движении горцев (ср. стихотворения «Кавказ» и «Кавказу»). (http://lermontov-lit.ru/lermontov/te xt/stihi/stih-1830/stih-1830-70.htm)

Комментарий: Последняя «детская поездка Лермонтова на Кавказ» состоялась пять лет назад — в 1825 году. Если, как считают ученые, он родился в 1814 г., то мальчику в это время — полных 10 лет. Здесь им подыгрывает и сам поэт. См: «*Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея **10 лет** от роду? Мы были большим семейством на водах Кавказских…*». Но мы помним, что конкретно сейчас почти пустая Москва выглядит ужасно, а в доме — бабушка в трауре — вокруг Михаила — черные краски смерти и всеобщей безысходности.

А о чем пишет юноша? И какими жизнеутверждающими красками расцвечивается все вокруг него: лесистые горы (горы Чечни зеленые, сплошь из вековых деревьев редкой породы); туман, табун (лошадей), река журчит (а не течет тихо, потому что берет начало в горах); скала, первый луч солнца, — все это дорогие сердцу места для человека, который находится в дали от них, но тоскует по ним. Но дальше мы видим совершенно другую картину: девушки, которые купаются в укромном месте, завидев юношу, «краснеют ВСЕ», «к земле склоняют

взор». — Так ведут себя чеченки, которые не обнажаются при юношах на пляжах даже в наши дни! Надо бы убежать, но поэт понимает, что чеченка не побежит от реки на виду у мужчины, даже в сухом платье, — она переждет, пока он уйдет. Но он — «*милый вор*», потому что он может украсть сердце девушки в такой момент, поступив правильно по чеченскому обычаю, по народному этикету. – Это он уйдет, сделав вид, что не видел их, чтобы не смущать девушек. Вопрос: 10 лет было в это время на Кавказе Михаилу, или все-таки неполных 14 лет? Вопрос, конечно, риторический.

Стихотворение относится к циклу «Поэт и Черкешенка».

Черны очи

Много звезд у летней ночи:
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.

Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастьи говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.

Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!

«**ЧЁРНЫ ОЧИ**», одно из ранних стих. Л. (1830?), по-видимому, обращенное к Е. А. Сушковой, к-рую называли «Miss black eyes»; под заглавием «Черноокой» в 1844 было опубл. стих. Л. «К Су<шковой>». Сложное и мучительное чувство поэта к героине передано через характерную для Л. филос.-романтич. антитезу «рай» — «ад» ... Но в стих. заметен и конкретно-психол. момент развития отношений автора и адресата. Стих. написано не слишком умело: в иных случаях нет необходимой смысловой четкости (стих «В вас любви прочел я приговор» м. б. понят двояко); в основе лежит распространенная и даже тривиальная поэтич. метафора «очи — звезды ночи», к-рая разрушается лишь в последней строфе (очи любимой «теперь» для героя — «звезды дня и звезды ночи»). Примечательно, что эта метафора настойчиво повторяется, организуя рифму в каждой из трех строф (все стих., т. о., построено на одной и той же рифме — «очи — ночи»); впоследствии она используется Л. в «кавказских поэмах», становясь одним из элементов вост. Сти-

лизации: «*Много дев у нас в горах, /Ночь и звезды в их очах*» («Измаил-Бей»)...

Стих. Л. интересно в контексте многочисл. воплощений в поэзии кон. 20-нач. 30-х гг. своего рода «кочующего» мотива: тайна очарования очей женщины, вдохновившей поэта. В 1828 П.А. Вяземский посвятил А.О. Смирновой (урожд. Россет) стих. «Черные очи»: «*Южные звезды! Черные очи! Неба чужого огни!..*» На это стих. А.С. Пушкин откликнулся полемич. стих. «Ее глаза» (1828), адресованным А. А. Олениной, в к-ром огненным, сравнимым с «южными звездами» очам противопоставил глаза Олениной: «Какой задумчивый в них гений, /И сколько детской простоты». В 30-е гг. была распространена «Песня» В.И. Туманского, обращенная к той же Смирновой: «Любил я очи голубые, / Теперь влюбился в черные». Л. хорошо знал эти стихи и, как вспоминает Н.И. Лорер, восхищаясь стихами *тифлисского поэта* М.В. Дмитревского, почти дословно цитировал первые строки «Песни» Туманского.. «Красавица с очами лазурными» противопоставлена «красе черноокой» в стих. Е.А. Баратынского «Лазурные очи» (1830-е гг.) ... Т. о., стих. Л. занимает свое место в ряду лит. интерпретаций распространенного в рус. лирике мотива. (http://feb-web.ru/feb/lermenc/l re-abc/)

Комментарий: Любое стихотворение поэта о любви ученые, как ведется, примерят сначала к Сушковой, или сами, или по ее наводке. Правда потом отрекутся от этого, но кто это уже услышит. Однако, в данном случае, им делает честь то, что они все-таки почувствовали, что стихотворение не совсем лермонтовское — «*написано не слишком умело*». Что имеется ввиду? Конечно, не то, что нужно было бы заметить: «*нет необходимой смысловой четкости (стих «В вас любви прочел я приговор»* ***м. б. понят двояко*****)».**

Но мы будем исходить из того, что стихотворение это больше напоминает песню, причем переведенную на русский язык ближе к подстрочнику, отсюда эти легкие угадываемые рифмы, нарушение ритмического рисунка с тяжеловесными повторяющимися рядом «т» (*Много звезд у ле****т****ней ночи: /О****т****чего же* ***т****олько две у вас*…), но в нем довольно поэзии, которой «упивался» Л. Толстой, читая «Сборник сведений о кавказских горцах, изданный в Тифлисе». «*Там предания и поэзия горцев, и сокровища поэтические необычайные*», — писал он А. Фету (1875 г.) О том, что эти образы «*звезды, ночи, очи*» отсылают нас под небо Юга, на Кавказ, говорят и посвящения красавицам Севера Вяземского, Пушкина и др. Попробуем внести это стихотворение в цикл «Поэт и Черкешенка», и «двоякость» смысла сразу же исчезнет: в глазах девушки юноша «*прочел приговор*», потому что это запретная любовь и для нее, и для него. Отсюда и эта антитеза: *«рай» — «ад»* ...», которая к Сушковой не имеет никакого отношения.

И еще. Мне было не больше пяти лет, когда моя бабушка взяла ме-

ня с собой, отправляясь в гости к своей знакомой. На следующий день женщина эта, жившая от нас на приличном расстоянии, пришла к нам, чтобы рассказать о том, что ее сын, мой ровесник, со вчерашнего вечера поет песню, не смущаясь взрослых. И она пропела ее нам: «Стиглах седарчи ма дукха ду /Царна йукъахь седа ма хаза бу /Цюна ц'е … йу». Песня отложилась в памяти, потому что слышала я ее и много позже из разных уст, когда для нашей молодежи устраивались специальные вечеринки (ловзарш), и эту песню любой мог посвящать своей девушке, подставляя ее имя. Песня старинная, народная, а переводится так: «*Как много звезд на небе, но есть среди них одна, самая красивая, и имя ей* (и здесь возможны варианты), как это легко сделал пятилетний мальчик, ни разу не показавшийся в комнате, где мы находились. Чем не лермонтовская история?

* * *

Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей станет кровь,
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей:
Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощаньи я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если только наконец
Моя лишь грудь поражена,
То верно прежде знал Творец,
Что ты страдать не рождена.

«**КОГДА К ТЕБЕ МОЛВЫ РАССКАЗ**», стих. (1830), по теме и настроению примыкающее к ряду ранних лирич. произв. Л., осн. мотивы к-рых — одиночество, обреченность поэта, противостоящего обву. Стих. обращено к женщине, к-рая не хотела разделить пророчески предсказанную судьбу отверженного поэта (ср. «Когда твой друг с пророческой тоскою», «Не смейся над моей пророческой тоскою», «Настанет день — и миром осужденный»). По словам Е. А. Сушковой, стих. «***грозно предвещало ее будущее***».

Комментарий: Ну, куда без Сушковой?.. Которая убедила себя и внушает другим, что гений Лермонтова был дан ему Свыше, чтобы обслуживать ее настоящее и будущее. Лермонтоведы видят, что «стих. обращено к женщине, которая…». Очень хорошо. «*Основной мотив…*» — «*одиночество, обреченность*» и, главное, — поэт «*противостоит обществу*». Все правильно. Но, увидев столь трагическое существование одаренного юноши не в чужом, а в его же обществе, нужно было, наверное, задаться другими вопросами. —

Не кто она, эта женщина, а кто он? Почему «молва» «принесет» к ней его «*названье*»? Т. е. имя его! Разве она не знает, с кем находится в отношениях? Почему эта «*молва*», т.е. разносчики сплетен, любители посплетничать, должны проклясть его «*рожденья час*»? Почему он не должен был родиться? Почему он должен жить среди них, «*НИЧЬЮ не радуя любовь*»? — т.е. ни одна из них не ответит ему взаимностью, потому что, узнав, кто он на самом деле, они не обрадуются своим чувствам к нему! Кто он тогда по рождению своему?

Ему не ответят любовью, но вполне могут отвечать злобой. Почему его имя должно вызывать в его обществе злобу в его адрес? Но он не боится их враждебности по отношению к себе. При том, что он остается среди них, но не с ней — «*не рожденной страдать*», т.е. достаточно легковерной женщиной.

Через десять лет в стихотворении «Журналист, читатель и писатель» он повторит буквально: «*К чему толпы неблагодарной /Мне злость и ненависть навлечь?»* «*Злость и ненависть*» — синонимы слова «*злоба*». Почему самоощущение поэта в обществе не изменилось? Не это ли предрекал поэт? Уже этого стихотворения было бы достаточно, чтобы биографы поэта стали интересоваться тайной его рождения. Но Сушкова увела их всех за собой, отомстив ему за то, что он просто отмахнулся от нее, как от женщины, на которую не стоит тратить время: «*… знал Творец, /Что ты страдать не рождена*».

* * *

Нередко люди и бранили,
И мучили меня за то,
Что часто им прощал я то,
Чего б они мне не простили. —

И начал рок меня томить.
Карал безвинно и за дело —

От сердца чувство отлетело:
И я не мог ему простить. —

Я снова меж людей явился
С холодным, сумрачным челом;
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом!

«**НЕРЕДКО ЛЮДИ И БРАНИЛИ**», стих. раннего Л. (1830). В нем звучит один из центр. мотивов лермонт. поэзии: конфликт внутр. мира поэта-избранника с окружающей действительностью, страдающего поэта — с равнодушной пошлостью толпы. Эта тема нашла впоследствии новое осмысление и совершенную форму выражения в стих. «Не верь себе», а затем в «Пророке».». (http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/)

И еще:

«Написано в августе 1830 г. Вариант автографа: Встречался с сумрачным лицом (http://lermontov-lit.ru/lermontov/text/stihi/stih-1830/stih-1830-12.htm

Комментарий: Стихотворение может считаться продолжением предыдущего стих. «Когда к тебе молвы рассказ», потому что в нем есть ответы на поставленные нами вопросы: кто он? Почему никого не обрадует в своем обществе, назвав свое настоящее имя? Но стих. никак не может датироваться 1830 годом! Иначе мы опять уйдем в философское абстрагирование… 14 июля 1831 г. убит Бейбулат — отец поэта. В августе этого года поэт пишет пьесу «Азраил», в которой объясняет, почему его отец и мать не могли остаться вместе и почему она вышла замуж за Юрия Петровича. И это стих. написано после гибели «грозы Кавказа» — «*Славного Бей-Булата*», о котором обязательно заговорила та самая «*молва*». Отдалившись от людей, которым нужно было бы объяснять, почему он так поздно поступил в Благородный пансион, почему он учится на полупансионе, почему не взят в гимназию, почему, будучи первым учеником в пансионе, не переведен, а заново поступает в Московский университет и т.д., он снова явился «*меж людей*», с «*холодным, сумрачным челом*», т.е. он в это время переживает личную драму, трагедию, которая наложила свой отпечаток на его лице. Но, «*куда б ни обратился*», вокруг него только радостные лица! — Все счастливы, что главный виновник бед России убит и есть надежда, что на Кавказе наступит мир. Вспомним пленение Шамиля и разговоры о конце войны в салонах Петербурга и Москвы.

Написав в черновом варианте: «*встречался с сумрачным лицом*», Лермонтов не перенес это в окончательный текст. Это было бы непра-

вдой. «Прощая» друзьям и знакомым, т.е. не обращая внимание на их незаконное происхождение, Лермонтов понимал, что даже среди них он не может позволить себе назвать свое настоящее имя: они бы ему этого «*не простили*».

* * *

Один среди людского шума
Возрос под сенью чуждой я,
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлися пылкие друзья,
И я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь,
Измены душу заразили
И не давали отдохнуть.
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участья,
Ни слез, ни пламенных страстей.

«1830 года в начале».

«**ОДИН СРЕДИ ЛЮДСКОГО ШУМА**», юношеское стих. Л. (1830). Характером медитации и образом разочарованного героя стих. в известной мере предвосхищает нек-рые мотивы «Думы» («...Не найду в душе моей / Ни честолюбья, ни участья, / Ни слез, ни пламенных страстей»). (http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/)

Комментарий: В таких случаях говорят: без комментариев…
Или: у кого-то еще остались вопросы?

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 5
М. Вахидова. М. Лермонтов-Таймиев или тайна рождения поэта ... 6
М. Вахидова. «К престолу вечному Аллы» 79
М. Вахидова. «Отчего не понял свет?» 94
М. Лермонтов. «Я предузнал мой жребий, мой конец» 95
Д.А. Алексеев. Почему я не согласен? 96
М.А. Вахидова. Ответ Д.А. Алексееву 104
М.И. Зуев. Из биографии 106
М.И. Зуев. Лермонтов. В непреодолимом статусе 107
Из переписки личной и публичной 159
М.И. Зуев. Лермонтов. За мишурой фантазий 168
Из переписки личной и публичной 212
В.И. Прищеп. Из биографии 213
В.И. Прищеп. Дворянин М.Ю. Лермонтов 214
Из переписки личной и публичной 223
Д.А. Алексеев. Вместо биографии 228
Д.А. Алексеев. Безродный поэт, или Мещанин 229
Из переписки личной и публичной 283
М.И. Зуев. Лермонтов. Рецензия с претензией 305
1830 год. (Комментарии М.А. Вахидовой к стих. М. Лермонтова) .. 333

автор-составитель М.А. Вахидова

«Кто толпе мои расскажет думы?..»
ТОМ 1.
Лермонтов. В непреодолимом статусе

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано к использованию 03.08.2021.
Объем Мбайт. Электрон. текстовые данные. Заказ 679.

[1830]. «Еще сходство в жизни моей с лордом Байроном. Его матери в Шотландии предсказала старуха, что он будет великий человек и будет два раза женат. Про меня на Кавказе предсказала то же самое повивальная старуха моей бабушке. Дай Бог, чтоб и надо мной сбылось, хотя б я был так же несчастлив, как Байрон».

[Лермонтов. Из VII тетр. автогр. Лерм. муз., л. 2.]

Дом А.В. и Е.А. Хастатовых в селе Парабоч,
в котором в 1811 году родился Михаил Лермонтов

Марьям Вахидова – 1959 г.р.
Литературовед, публицист, журналист.
Doctor of Philosophy (in Arts & Culture). 2014
Grand Doctor of Philosophy (in Arts & World Culture). 2017